

**Военные
загадки
России**

ТАЙНЫ ВЕЛИКОЙ СМУТЫ

А.Б. Широкоград

Annotation

Военный историк А. Б. Широкоград попытался выделить истинные события Смутного времени из трехсотлетних накоплений мифов, созданных царскими и советскими историками. Автор отвергает несостоятельную версию об одиночке-самозванце, затеявшем грандиозную интригу, и показывает механизм большого заговора 1600–1603 гг., называя по именам главных организаторов Великой смуты.

Рухнула благостная сказка о добрых боярах Романовых — «сродниках» царя и храбром, но недалеким и неродовитом стольнике Дмитрие Пожарском, который совершил подвиг, откланялся и ушел в тень. На самом деле природный князь Рюрикович Пожарково-Стародубский был не только первоклассным полководцем, не проигравшим ни одной битвы, но и дальновидным политиком. Пожарским и Мининым был задуман грандиозный план спасения России. Но неблагоприятное стечение обстоятельств и излишняя щепетильность князя после взятия Москвы позволили кучке «тушинских воров» от бояр до казаков устроить государственный переворот, который позже был назван Земским собором.

-
- [А. Б. Широкоград](#)
 - [Вступление](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)

- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Вместо заключения](#)
- [Список использованном литературы](#)
- [Иллюстрации](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)

- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)

А. Б. Широкоград
ТАЙНЫ ВЕЛИКОЙ СМУТЫ

Вступление

26 октября 1612 г. со скрипом распахнулись тяжелые Троицкие ворота Кремля, и на Каменный мост вышли бояре и другие москвичи, сидевшие в осаде вместе с поляками. Впереди процессии шел Федор Иванович Мстиславский, за ним — Иван Михайлович Воротынский, Иван Никитич Романов с племянником Михаилом и его матерью Марфой.

Казаки попытались напасть и, как минимум, ограбить бояр, но Пожарский с дворянами силой оружия удержали казаков и заставили убраться в их табор.

Кого же пожалел Пожарский? Из Кремля вышли бояре, корысти ради два года назад пригласившие ляхов в Москву. Именно они звали на русский престол польского королевича Владислава. Они целовали крест католику и провозгласили его русским царем. И сделано сие было вопреки воле патриарха Гермогена. И в мученической смерти Гермогена куда более повинны русские бояре, нежели польские паны.

Самым младшим из мужчин, вышедших из Троицких ворот, был шестнадцатилетний стольник^[1] Михаил Романов. В те времена юноши раньше вступали во взрослую жизнь. Почти все знаменитые западные полководцы века первый раз шли в бой в 12–14 лет. Да и русские князья им не уступали. Тот же Андрей Ярославич, брат Александра Невского, в 14 лет повел в атаку кованую суздальскую рать по льду Чудского озера.

В допетровской Руси не было деления чинов на гражданские, военные и придворные. Так что стольник был и придворным чином, и одновременно чем-то между полковником и генерал-майором в войсках.

Так что же делал наш генерал в осажденном Кремле? Осада Кремля и Белого города велась из рук вон плохо, равно как и охрана укреплений поляками. С обеих сторон были сотни перебежчиков, причем ловилось их менее 10 процентов. Кто мешал молодому генералу бежать к Ляпунову, а позже — к Пожарскому?

Увы, до нас не дошло никаких сведений о поведении Михаила во время многомесячной осады. А ведь свидетелей были сотни. Надо ли говорить, что даже одна фраза в поддержку ополченцев и против поляков была бы раздута позднейшими историками до размеров великого подвига. Но, увы, увы...

Методом исключения остаются лишь две версии. Либо brave генерал вылезал на стены Кремля с мушкетом и палил по ополченцам во славу

своего сюзерена царя Владислава, либо сидел тихо дома...

Как бы то ни было, князь Пожарский совершил роковую ошибку, остановив казаков. Один взмах казацкой сабли мог кардинально изменить историю России.

Глава 1

Пролог Великой смуты

Историю Смутного времени обычно начинают с 15 мая 1591 г. В жаркий субботний полдень было особенно тихо в древнем городе Угличе. Обедня началась в 10 часов утра^[2] и в двенадцатом часу закончилась, и горожане разошлись по домам.

Так же тихо было и в углическом деревянном кремле. Бывшая царица Мария Нагая вместе с сыном Димитрием отстояла обедню в Спасо-Преображенском соборе,^[3] а затем Мария с сыном и придворными пошла в каменный дворец. Там царевичу Димитрию «платъецо переменили», и он отправился играть во двор в глухой угол кремля, примерно в 30 метрах от дворцового крыльца.

Почти в полдень в кремле ударили в набат. Сбежавшиеся горожане увидели бездыханное тело царевича с раной на горле. Мария и ее братья натравили народ на городскую администрацию, благо Дьячья изба находилась в нескольких десятках метров от дворца царевича. Началась расправа...

С углической драмой неразрывно связаны последующие события Смутного времени. И, как ни странно, интерес к происшедшему не только не угасает со временем, а наоборот растет. Наибольший всплеск внимания к углическому делу проявился в начале XIX века после выхода в свет «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина и пушкинской драмы «Борис Годунов».

За два века ожесточенных споров историки и литераторы так и не пришли к единому мнению о том, что произошло 15 мая 1591 г. Подавляющее большинство их разделяет три версии.

Согласно первой версии царевич Димитрий был зарезан убийцами, нанятыми Борисом Годуновым. По второй версии он зарезался сам в припадке эпилепсии. По третьей версии семейство Нагих заранее узнало об опасности, грозящей Димитрию, и заменило царевича другим мальчиком.

Начнем с последней версии. В Угличе чуть ли не все горожане знали в лицо царевича. Читателю нет нужды напоминать, что представители знати всегда занимали привилегированное положение в церквях на службах, во

всевозможных церковных и светских шествиях, праздниках и т. п. Наконец, как могли обознаться многочисленные мамки, няньки, мальчики — товарищи по играм, дворяне, представители городской администрации, видевшие труп младенца?! А следственная комиссия из Москвы? Они что, тоже не осматривали труп убитого?

Бредовость третьей версии очевидна. Мало того, что реализация ее была технически невозможна, даже идея подмены не могла прийти в головы Нагих. И дело не в том, что это семейство отличала скудость умственных способностей. Предположим, у Нагих нашлись умнейшие советники, так разве они не продумали бы последствий подмены. Не нужно было иметь семи пядей во лбу, чтобы сообразить, что после убийства подставного ребенка последует ссылка или заточение Нагих. А как потом доказать, что царевич истинный? Ведь тогда московские правители могли без проблем объявить его самозванцем и посадить на кол без лишних разговоров.

Оппоненты могут возразить, мол, в 1605 г. вся Россия поверила в чудесное спасение царевича Дмитрия. По сему поводу хорошо сказал современник польский канцлер Ян Замойский: «Зарезали и не посмотрели кого, это что, Плавтова комедия?» А через два века Пушкин напишет:

...ни король, ни папа, ни вельможи
Не думают о правде слов моих.
Дмитрии я иль нет — что им за дело?
Но я предлог раздоров и войны.

К словам поэта можно добавить, что до «правды слов» самозванца не было дела ни московским боярам, ни обнищавшим дворянам южных городов, ни купцам и, само собой, ни холопам, мечтавшим избавиться от кабалы и вдоволь пограбить. Были, естественно, и люди, искренне верившие в чудесное избавление царевича, но и сейчас, в начале XXI века, имеется значительный контингент людей, готовых верить в плачущие иконы, в инопланетян, в оживление мамонтов, найденных в Сибири, и т. д.

Несколько более правдоподобна первая версия об убийстве царевича. Согласно ей злодей Годунов замыслил убить Дмитрия. Тут мы предоставим слово историку С. М. Соловьеву: «Сначала хотели отравить Дмитрия: давали ему яд в пище и питье, но понапрасну. Тогда Борис призвал родственников своих, Годуновых, людей близких, окольного Клешина и других, и объявил им, что отравой действовать нельзя,

надобно употребить другие средства. Один из Годуновых, Григорий Васильевич, не хотел дать своего согласия на злое дело, и его больше не призывали на совет и чуждались. Другие советники Борисовы выбрали двух людей, по их мнению, способных надело, — Владимира Загряжского и Никифора Чепчугова; но они отреклись. Борис был в большом горе, что дело не дается; его утешил Клешнин: «Не печалься, — говорил он ему, — у меня много родных и друзей, желание твое будет исполнено». И точно, Клешнин отыскал человека, который взялся исполнить дело: то был дьяк Михайла Битяговский. С Битяговским отправили в Углич сына его Данилу, племянника Никиту Качалова, сына мамки Димитриевой, Осипа Волохова; этим людям поручено было заведовать всем в городе. Царица Марья заметила враждебные замыслы Битяговского с товарищами и стала беречь царевича, никуда от себя из хором не отпускала. Но 15 мая, в полдень, она почему-то осталась в хоромах, и мамка Волохова, бывшая в заговоре, повела ребенка на двор, куда сошла за ними и кормилица, напрасно уговаривавшая мамку не водить ребенка. На крыльце уже дожидались убийцы; Осип Волохов, взявши Димитрия за руку, сказал: «Это у тебя, государь, новое ожерельице?» Ребенок поднял голову и отвечал: «Нет, старое». В эту минуту сверкнул нож; но убийца кольнул только в шею, не успев захватить гортани, и убежал; Димитрий упал, кормилица пала на него, чтобы защитити, и начала кричать: тогда Данила Битяговский с Качаловым, избивши ее до полусмерти, отняли у нее ребенка и дорезали. Тут выбежала мать и начала кричать. На дворе не было никого, все родственники ее разошлись по домам; но соборный пономарь, видевший с колокольни убийство, заперся и начал бить в колокол; народ сбежался на двор и, узнавши о преступлении, умертвил старого Битяговского и троих убийц; всего погибло 12 человек. Тело Димитрия положили в гроб и вынесли в соборную церковь Преображения, а к царю послали гонца с вестию об убийстве брата. Гонца привели к Борису; тот велел взять у него грамоту, написал другую, что Димитрий сам зарезался, по небрежению Нагих, и велел эту грамоту подать царю: Федор долго плакал. Для сыску про дело и для погребения Димитрия посланы были в Углич князь Василий Иванович Шуйский, окольный Андрей Клешнин, дьяк Елизар Вылузгин и Крутицкий митрополит Геласий. Посланные осмотрели тело, погребли его и стали расспрашивать угличан, как, по небрежению Нагих, закололся царевич? Им отвечали, что царевич был убит своими рабами — Битяговским с товарищами — по приказанию Бориса Годунова и его советников. Но, приехавши в Москву, Шуйский с товарищами сказали царю, что Димитрий закололся сам. Нагих привезли в Москву и пытали

крепко; у пытки был сам Годунов с боярами и Клешниным; но с пытки Нагие говорили, что царевич убит. Царицу Марью постригли в монахини и заточили в Выксинскую пустынь за Белоозеро; Нагих всех разослали по городам, по тюрьмам; угличан — одних казнили смертью, иным резали языки, рассылали по тюрьмам, много людей свели в Сибирь и населили ими город Пелым, и с того времени Углич запустел».^[4]

Итак, если верить этой версии, Борис Годунов вовлек в заговор не менее двадцати человек, причем заранее было ясно, что кто бы ни убил Дмитрия, подозрение падет именно на них. Их допросят с пристрастием, и они расскажут все, что знают. То есть, заранее было ясно, что скрыть преступление не удастся. Причем заметим, что Борис в 1591 г. не был неограниченным диктатором. Он был правителем в государстве, главой которого все-таки оставался царь Федор. Сторонники Годуновых имели сильное влияние в Боярской думе, но не составляли и трети ее состава. Вся знать, от опальных князей Шуйских до временных союзников Годунова Романовых, были рады любому поводу, чтобы свалить Бориса. А тут организация убийства царевича!

Но тут Годунова спасают... Нагие! Во все времена лиц, покушавшихся на владетельных особ, любой ценой старались взять живыми для допроса. А тут убивают безоружных не сопротивляющихся людей. А братья Нагие, которые вроде бы больше всех должны быть заинтересованы найти подлинных убийц, приказывают убить простых исполнителей, то есть спрятать концы в воду. XVI век — жестокий век, а Нагие не такие люди, чтобы дать легко умереть своим врагам. Если у Нагих было хоть малейшее основание считать Битяговского с компанией убийцами, почему бы их не пытать — и компромат можно получить, и мучениями врагов насладиться. Итак, предположив, что Дмитрий действительно убит Битяговским и компанией, мы неизбежно приходим к выводу, что братья Нагие искусно заматали следы, то есть к абсурду.

Примитивная версия убийства Дмитрия по приказу Годунова уже 150 лет эксплуатируется драматургами и художниками. Тут и пушкинский «Борис Годунов»; «Царь Федор Иоаннович» и «Царь Борис» А. К. Толстого, вплоть до современных картин Ильи Глазунова. Зарезанный царевич и терзаемый муками раскаяния убийца — тема, щекочущая нервы обывателя.

Если верить рассказам противников Годунова, в России с 1584 по 1603 год никто из знатных людей не умер своей смертью. Все они, от Ивана Грозного до Ирины, вдовы царя Федора, были убиты Борисом Годуновым.

Маститым ученым не приходит в голову, что в 1591 г. Годунову не

было необходимости идти на чрезвычайные меры. Ведь царю Федору было всего 34 года. Вспомним, что у деда Федора Василия III наследник родился в 55 лет, а второй сын — в 57. В том же году царица Ирина забеременела. Но, увы, в 1592 г. родилась девочка Федосья, да и та прожила всего два года. Любопытно, что в смерти племянницы враги также обвинили Годунова.

Но предположим, Борису приспичило покончить с Дмитрием. Так надо ли было выдумывать опереточное убийство? Не проще было бы обратиться к традиционным методам Московского государства, которыми пользовались Василий II, Иван III, Василий III и Иван IV? Нагих обвинили бы в государственной измене, в колдовстве и т. п., отдалили бы от них Дмитрия и поместили бы его в надежное место под опеку верных людей. А там он через несколько месяцев тихо отдал бы богу душу, как это делали многие десятки удельных князей, включая маленьких детей. Причем, в каждом таком случае никаких народных возмущений не наблюдалось.

Отсюда наиболее правдоподобной представляется вторая версия о самоубийстве царевича. Дело в том, что Дмитрий страдал эпилепсией. Как позже утверждали многочисленные свидетели, «и прежде тово... на нем [царевиче] была ж та болезнь по месяцем беспрестанно». Сильный припадок был у Дмитрия за месяц до его смерти. Как показала мамка Волохова, перед «великим днем» Дмитрий в припадке «объел руки Ондрееве дочке Нагова, одва у него... отнели». Андрей Нагой также подтвердил это, сказав, что царевич «ныне в великое говенье у дочери его руки переел», и раньше «руки едал» и у него, и у жильцов, и у постельниц: царевича «как станут держать, и он в те поры ест в нецывенье, за что попадетца». То же показала и вдова Битяговского: «...многожды бывало, как ево [Дмитрия] станут бити тот недуг и станут ево держати Ондрей Нагой и кормилицы и боярони и он... им руки кусал или за что ухватит зубом, то отъест».

Последний приступ эпилепсии у Дмитрия продолжатся уже несколько дней. Начался он во вторник, к четвергу царевичу «маленко стало полехче» и мать взяла его к обедне, а потом отпустила на двор погулять. По показаниям мамки в субботу Дмитрий во второй раз вышел на прогулку, и тут у него начался новый приступ.

Отметим и еще одну важную деталь. Дмитрий обожал играть ножами и саблями. Ну и что? — спросит читатель, — все мальчишки любят оружие. Да, но наши дети играют пластмассовыми или деревянными сабельками.

В Средние же века дети феодалов с малых лет играли настоящим оружием. В европейских музеях имеются десятки или даже сотни образцов

детских доспехов и детского по размеру и весу, но отлично заточенного оружия — ножей, стилетов, сабель, боевых топоров и т. п. Кстати, в X–XVII веках довольно часто проводились турниры и даже поединки детей в возрасте 8–12 лет, причем смертельные исходы таких поединков считались ординарным событием.

У Дмитрия с малых лет было предрасположение к жестокости. Он очень любил смотреть, как резали быков или баранов. Однажды зимой, играя со своими сверстниками, царевич велел слепить двадцать «снежных баб» и, дав им имена московских бояр, с криком «Вот что вам будет, когда я буду царствовать!» разбил им головы саблей. Любимой забавой малыша было, ловко орудуя сабелькой или маленькой железной палицей, убивать кур и гусей.

15 мая царевич вместе с другими детьми играл в «тычку». Правила игры несложные — надо взять за острое лезвием вверх нож и метнуть в очерченный на земле круг. Внезапно с Дмитрием, державшим нож, случился приступ эпилепсии — «падучей болезни». Мальчик упал на нож и уколол горло. На шее непосредственно под кожным покровом находятся сонная артерия и ярёмная вена. При повреждении любого из этих сосудов смертельный исход неизбежен. Не исключен был и другой вариант — известно много случаев, когда больной во время приступов эпилепсии («эпилептических сумерек») кидался с ножом на близких или предпринимал попытку суицида.

Естественно, что очевидцы не смогли определить, в какой момент царевич ранил себя — при падении или когда бился в конвульсиях на земле. Достоверно знали лишь одно — Дмитрий ранил себя в горло. Отсюда и разнобой в показаниях. Мальчики говорили, что Дмитрий «набросился на нож», а мамка Василиса Волохова утверждала, что «бросило его о землю, и тут царевич сам себя поколол в горло». Кроме них смерть царевича издали видел стряпчий Семейка Юдин. Он не разглядел деталей, но подтвердил, что царевич закололся сам.

На крик прибежала мать — царица Мария. Она не стала слушать объяснения Волоховой, а схватила полено и стала бить ее, приговаривая, что Дмитрия зарезали Василисин сын Осип вместе с Данилой Битяговским и Никитой Качаловым. Потом царица велела своему брату Григорию Нагому бить Василису, и тот забил ее до полусмерти.

Странно, царица Мария трапезничала, ничего не видела, а увидев тело сына, сразу назвала имена трех убийц. Откуда такая информация? Тогда зачем она оставила сына под присмотром матери предполагаемого убийцы?

Увы, все дело обстоит гораздо проще. По прибытии в Углич семейство

Нагих стало обирать город. Для пресечения злоупотреблений Боярская дума направила в Углич свою администрацию, во главе которой стоял дьяк Михайла Битяговский. Семейство Нагих утратило право бесконтрольно распоряжаться доходами со своего удела и стало получать деньги «на обиход» из царской казны. Это, естественно, навлекло на дьяка ненависть семейства Нагих. Позже уцелевшие чины администрации заявили следственной комиссии, что Михаил Нагой постоянно «прашивал сверх государева указу денег ис казны», а Битяговский «ему отказывал», в результате чего между ними вспыхивали частые ссоры. Последняя стычка между Битяговским и Нагим произошла утром 15 мая. Понятно, что при виде окровавленного сына Мария инстинктивно произнесла имена ненавистного дьяка и его родни, добавив к ним мамку Волохову, не углядевшую за ребенком.

Мария Нагая приказала церковному сторожу Максиму Кузнецову ударить в колокола в церкви Спаса. Набат поднял на ноги весь город. Вокруг мертвого царевича собралась толпа. Через некоторое время появились и дядья царевича Михаил и Григорий Нагие. Оба братца были навеселе, причем Михаил плохо закусил, ибо потом свидетели показывали, что он «мертв пьян был».

В момент гибели Димитрия его «убийцы» Битяговские всей семьей обедали у себя дома. Мало того, за столом с ними сидел поп Богдан, который был духовником Григория Нагого. На следствии Богдан изо всех сил выгораживал царицу и ее братьев. Но он простосердечно подтвердил перед комиссией Шуйского, что, когда ударили в набат, был в доме Битяговских и сидел за одним столом с дьяком и его сыном. Так что у Битяговских было стопроцентное алиби.

Услышав набат, Михайла Битяговский выскочил из-за стола, сел на коня и поскакал в кремль. Там он увидел толпу, избивавшую Василису Волохову и ее сына Осипа. Битяговский прикрикнул на толпу, а затем принялся уговаривать Нагого, чтобы «он, Михайла, унял шум и дурна которого не зделал».

Предположим на секунду, что Битяговский, пусть не участник убийства, но осведомлен о заговоре. Зачем тогда ему останавливать самосуд? Забьют до смерти Волоховых, и концы в воду. Я уж не говорю, что Михайла Битяговский мог бы в день убийства оказаться в отъезде — на охоте или на ревизии окрестных сел.

Битяговский с Качаловым не дали разъяренной толпе забить Волоховых до смерти, чем окончательно взбесили Марию Нагую и ее братьев. Нагие натравили толпу на Битяговских. Те вынуждены были

бежать и укрылись в главном административном здании Углича — Дьячьей избе. Однако чернь взяла штурмом Дьячью избу, убила дьяка, его сына и несколько холопов Битяговских.

Но Нагим этого показалось мало, и они направили толпу на разгром подворья Битяговских. Подворье было разграблено, убийцы «пьюте из погреба в бочках выпив, и бочки кололи». Жену Михайлы Битяговского, «ободрав, нагу и простоволосу поволокли» с детьми к кремлю. Туда же привели и Осипа Волохова, которого отыскивали в доме Битяговских.

В самый разгар событий в кремль прибыли архимандрит Феодорит и игумен Савватий. В тот день они оба служили обедню в одном монастыре. Феодорит и Савватий попытались остановить самосуд. Они «ухватили» жену Битяговского с дочерьми «и отняли их и убити не дали».

Феодорит и Савватий видели в церкви рядом с телом царевича «за столпом» Осипа Волохова, сильно израненного. Но они не смогли, а скорее всего, не захотели спасти Осипа. Зато Василиса Волохова отчаянно боролась за жизнь сына. Она просила Марию Нагую «дати ей сыск праведной». Но царица была неумолима. Едва только Савватий и Феодорит вышли из церкви, она выдала Осипа на расправу толпе, сказав: «То деи убоица царевича». Обратим внимание, что убийство Осипа Волохова произошло через несколько часов после того, как Мария Нагая увидела труп сына. И за это время ни она, ни ее братья не задумались о том, чтобы учинить «сыск праведной». А ведь Осип по версии Нагих и был убийцей царевича. Если бы Осип убил Димитрия, то его ожидали бы жесточайшие пытки, а затем мучительная казнь. Это было прекрасно известно как Марии Нагой, так и Василисе Волоховой. Если бы Осип был убийцей, то мать обрекала на дикие муки не только его, но и саму себя. В Средние века известны десятки случаев, когда матери подкупали палачей и других людей, чтобы те быстро убили их сына и тем самым избавили его от квалифицированной казни. А тут все наоборот — концы в воду прячет Мария Нагая с братцами.

Позже противники Годунова будут утверждать, что Василису Волохову направил в Углич Борис Годунов. Это подхватят падкие до сенсаций писатели. Вспомним драму А. К. Толстого «Царь Федор Иоаннович». На самом же деле Волохова много лет служила «постельницей» при Иване Грозном — ведала бельем в царской опочивальне. Она пользовалась полным доверием подозрительного царя. После смерти Грозного Василиса осталась при его вдове. Уже в Угличе Василиса выдала свою дочь замуж за Никиту Качалова, племянника ненавистного царице дьяка Михайлы Битяговского. Мария Нагая сочла это предательством, и Василиса из

любимиц превратилась в предмет ненависти царицы.

Всего 15 мая по приказу Нагих толпа линчевала пятнадцать человек. Трупы их были брошены в ров у стен углического кремля. На третий день в Углич должна была прибыть следственная комиссия из Москвы. Лишь теперь до Нагих дошло, что за убийства придется отвечать. Ночью накануне приезда комиссии Михаил Нагой и его сторонник в администрации приказчик Русин Раков решили сфабриковать улики, свидетельствовавшие о виновности убитых. В этом им помогали слуга Григория Нагого Борис Афанасьев и холоп Михаила Нагого Тимофей. В частности, Тимофей принес живую курицу и зарезал ее. Кровью курицы были измазаны несколько длинных ногайских ножей и железных палиц, которые Русин Раков отнес в ров и положил на трупы Битяговских и их сторонников.

Руководить следствием в Угличе Боярская дума, а не один Борис Годунов назначила Василия Ивановича Шуйского. К этому времени он был возвращен из ссылки и занял свое место в Боярской думе. Позже ряд историков и особенно писателей будут утверждать, что-де Шуйский стал зависимым клиентом, чуть ли не агентом Годунова. На самом деле Василий Иванович Шуйский был самым хитрым и изворотливым из бояр Шуйских. Ни о какой рабской зависимости Василия Шуйского от Годунова не могло быть и речи. Хотя с братьев Василия Шуйского и не была снята опала, они сохранили большинство своих вотчин. Богатейшими вотчинниками и членами думы оставались Скопины-Шуйские, которых опала вообще не коснулась. В такой ситуации расправа Годунова над руководителем следственной комиссии Василием Шуйским могла стоить Борису головы.

Замечу, что выбор Боярской думы был обусловлен не только знатностью Василия Шуйского, но и тем, что он до своей опалы в 1587 г. был начальником Судного приказа, то есть, говоря современным языком, что-то вроде генерального прокурора страны. Кому как не ему было поручить вести столь важное дело.

От церковных властей в состав комиссии вошел митрополит Крутицкий Геласий. Заметим, что Годунова безоговорочно поддерживал патриарх Иов, но в церковных верхах была сильна оппозиция Годуновым. Мы увидим, что она сохранится, даже когда Борис станет царем. Никому из противников Годуновых не пришло в голову обвинять Геласия в прислужничестве Борису Годунову.

Важную роль в комиссии играли окольничий Андрей Петрович Клешнин и думный дьяк Елизар Вылузгин. Клешнин действительно поддерживал хорошие отношения с Годуновым, но, что гораздо более

важно, он был зятем Михаила Нагого. Елизар Вылузгин заведовал Поместным приказом и среди приказных чиновников занимал одно из первых мест. В Угличе он имел в своем распоряжении штат подьячих, на которых и лежала вся практическая организация следствия. Члены комиссии принадлежали к различным придворным группировкам. Все они шпионили друг за другом, пристально следили за всеми действиями своих «коллег», чтобы использовать в своих интересах любую малейшую их оплошность. Таким образом, утверждение, что все члены комиссии были приверженцами Годунова, является досужим вымыслом.

Ряд историков XIX века, пристрастно относившихся к Годунову, выступали с утверждением, что дошедшее до нас следственное дело о смерти царевича представляет собой подделку. Сразу же бросались в глаза следы поспешной обработки «углицкого дела». Кто-то разрезал и переклеивал листы, придавая им неправильный порядок. Начало вообще исчезло.

Реконструировать следственное дело взялся его издатель В. К. Клейн. Он обратил внимание на ржавые пятна, покрывавшие многие страницы. Пятна были различной величины, но имели одинаковую конфигурацию. Это дало основание Клейну предположить, что документ пострадал от влаги еще в то время, когда хранился в архиве свернутым в свиток. Больше всего пострадали наружные листы, ближе к центру размер пятен уменьшался, а внутренние листы были и вовсе чистыми, так как влага туда не проникла. Учитывая размеры пятен, Клейн уложил разрезанные листы в нужном порядке, и сразу появился связный и полный текст. Отсутствовали лишь первые листы, которые, очевидно, намокли больше всего и затем просто отвалились. В Средние века на Руси принято было рукописи скатывать в свитки, и последние листы оказывались наружными. В «углицком деле» почему-то наоборот наружными были первые листы. Это и неудивительно. Ведь чтобы прочитать свиток, его надо было перемотать, и тогда начало оказалось бы снаружи. И в архивах рукописи всегда хранились уже подготовленными для чтения, то есть перемотанными. Это и объясняет, почему подмокли именно первые листы, а не последние. Во времена царствования Петра I архивы перешли на новую систему хранения документов. Большие и неудобные для чтения свитки архивариусы перекомпоновывали в тетради. Они-то и разрезали углическое дело на отдельные листы, которые потом оказались перепутанными.

Есть мнение, что сохранившееся углическое дело — это беловик, составленный в Москве канцелярией Бориса Годунова, а черновики допросов, написанные в Угличе, не дошли до наших дней.

Палеографическое исследование рукописи опровергает эту версию. «Углицкое дело» написано многими писцами, можно выделить шесть основных почерков писцов. Кроме того, в тексте документа имеется не менее двадцати подписей свидетелей из Углича. Все подписи строго индивидуализированы и отражают степень грамотности писавших. Не могли же все эти свидетели приехать из Углича в Москву, чтобы подписать беловик.

По прибытии в Углич комиссия подробно опросила сотни людей. Первым делом члены комиссии тщательно осмотрели трупы царевича Дмитрия и жертв самосуда Нагих. Естественно, ни у кого не возникло и тени сомнения, что погиб именно царевич Дмитрий, а не какой-то другой мальчик. Отпевание царевича вел лично митрополит Геласий в присутствии других членов комиссии.

Окровавленные ножи и палицы на трупах Битяговских с товарищами, естественно, не смогли обмануть комиссию. Мало того, приказчик Русин Раков струсил и рассказал Василию Шуйскому о том, как в ночь перед приездом комиссии по приказу Нагих он отнес в ров и бросил на трупы измазанное куриной кровью оружие. Михаил Нагой не хотел в этом сознаваться, но был изобличен. На очной ставке с Раковым холоп Нагого Тимофей подтвердил показания приказчика и рассказал, что сам принес курицу и зарезал ее в чулане. Григорий Нагой не стал заператься, а сразу признался, что взял ногайский нож у себя дома, а также принимал участие в изготовлении других «улик».

Допрос главных свидетелей окончательно разрушил версию о преднамеренном убийстве царевича Дмитрия.

Трагедия произошла ясным солнечным днем на глазах у многих людей. Комиссии не составило труда установить все имена непосредственных свидетелей происшедшего. Василию Шуйскому давали показания мамка Волохова, кормилица Арина Тучкова, постельница Мария Колобова и четыре мальчика, игравшие с царевичем в тычку. Самое большое значение следователи придавали показаниям мальчиков, так как те ближе всего находились к царевичу. Следователи дважды сформулировали один и тот же вопрос, чтобы добиться точного ответа. Сперва они спросили: «Хто в те поры за царевичем были». Мальчики ответили, что «были за царевичем в те поры только они четыре человека да кормилица да постельница». После этого члены комиссии спросили прямо в лоб: Осип Волохов и Данило Битяговский «в те поры за царевичем были ли?» Все четыре мальчика ответили отрицательно. Мальчики точно и живо описали, что произошло на их глазах: «Играл-де царевич в тычку ножиком с ними на

заднем дворе и пришла на него болезнь — падучей недуг — и набросился на нож».

Может быть, мальчики сочинили всю эту историю о припадке царевича в угоду Шуйскому, не испугавшись гнева своей государыни — Марии Нагой? Это опровергается показаниями взрослых свидетелей.

Трое дворцовых служителей Марии Нагой — подключники Ларионов, Иванов и Гнидин — дали следующие показания: когда царица села обедать, они стояли «вверху за поставцом, ажно деи бежит в верх жилец Петрушка Колобов и а говорит: тешился деи царевич с нами на дворе в тычку ножом и пришла деи на него немочь падучая, да в ту пору, как ево било, поколосл ножом, сам и оттого и умер».

Петрушка Колобов был старшим из четверых мальчиков, игравших с царевичем. Он повторил следственной комиссии то, что сказал подключникам через несколько минут после смерти царевича.

Показания Петрушки Колобова и остальных мальчиков подтвердили Мария Колобова, мамка Волохова и кормилица Арина Тучкова. Кормилица особенно убивалась о царевиче. В присутствии царицы Марии и Василия Шуйского она назвала себя виновницей несчастья: «Она того не уберегла, как пришла на царевича болезнь черная... и он ножом поколосл...» Кормилица была любимицей царицы Марии. Не ее, а Василису Волохову царица била поленом над трупом сына, хотя обе были виноваты одинаково, обе недосмотрели за ребенком.

Смерть царевича своими глазами видели семь человек. Позже отыскался и восьмой свидетель.

На допросе приказного Протопопова следователи установили, что он впервые услышал о смерти царевича от ключника Тулубеева, причем ключник рассказал о происшествии со всеми подробностями. Вызвали Тулубеева. Он сослался на стряпчего Юдина. Им устроили очную ставку, и дело сразу прояснилось. В полдень 15 мая Юдин стоял в верхних покоях «у поставца» и смотрел в окно, как мальчики играют в тычку. Трагедия произошла на его глазах. По словам Юдина, царевич играл во дворе в тычку и наколосл на нож, и Юдин сам это видел. Потом он рассказал все увиденное своим приятелям. Но он знал, что царица Мария настаивала на убийстве, и поэтому счел благоразумным уклониться от дачи показаний.

Показания всех главных свидетелей «углицкого дела» совпадают по существу, но индивидуальны по словесному выражению. Это доказывает их достоверность. Совсем другое впечатление вызывают показания второстепенных свидетелей, которых оказалось более сотни. Уж очень их показания стереотипны. Если несколько лиц пользуются одними и теми же

оборотами, то сразу же возникает подозрение в ложности их показаний. Но появление штампов в следственном деле также можно объяснить. Допрос основных свидетелей, видевших трагедию собственными глазами, позволил нарисовать достаточно точную картину происшедшего. Остальные же свидетели знали о смерти царевича с чужих слов и не могли добавить ничего нового. Эти второстепенные свидетели в основном были дворовыми людьми — неграмотными, некультурными и косноязычными. Чтобы добиться от них вразумительных ответов, надо было потратить уйму времени. Но времени было мало, и поэтому члены комиссии фиксировали ответы второстепенных свидетелей с помощью стереотипа, заключенного в самом вопросе. В те времена в приказной практике такой прием использовался очень часто.

Ряд историков утверждает, что все свидетельские показания были получены под действием угроз. Факт жестоких преследований жителей Углича засвидетельствован многими источниками. Но репрессии на самом деле имели место не в дни работы следственной комиссии Шуйского, а много месяцев спустя. Комиссия же не преследовала своих свидетелей. Исключение составил лишь один случай, зафиксированный в следственных материалах. «У распросу на дворе перед князем Василием» слуга Битяговского «изымал» царицына конюха и обвинил его в краже вещей дьяка Битяговского. Эти обвинения подтвердились, и конюха с сыном взяли под стражу. На том и закончились все репрессии угличан в дни следствия.

Нарисованная следствием картина гибели царевича Дмитрия была на редкость полна и достоверна. Расследование практически не оставило места для неясных вопросов.

Наши историки традиционно опускают факт осмотра комиссией тела убитого царевича. А, между прочим, члены комиссии, сразу же по прибытии в Углич 19 мая первым делом отправились в Спасо-Преображенский собор. Их сопровождала мать, родные царевича и «все добрые граждане». Нагие подсуетились и подложили на тело Дмитрия окровавленный нож. Василий Шуйский лично, в присутствии десятков людей, собравшихся в соборе, брезгливо отложив нож в сторону, внимательно рассматривал лицо ребенка, а затем его рану на гортани.

В субботу, 22 мая, в Спасо-Преображенском соборе митрополит Геласий совершил отпевание и со всеми подобающими царевичу почестями предал его тело погребению в этом же храме, который еще в удельное время служил усыпальницей углических князей.

Обратим внимание, труп ребенка восемь дней лежал на открытом воздухе, а это по новому стилю с 25 мая по 1 июня, причем, поданным

следственного дела, погода была жаркая, вскрытия тела и бальзамирования не проводилось. Риторический вопрос, что будет с трупом за восемь дней? Теперь предположим, что тело царевича пусть не благоухало, но, по крайней мере, не воняло. Это, естественно, должно было заинтересовать и Геласия, и местное духовенство, и найти какое-то отражение в следствии. Но, увы, тело разлагалось самым естественным образом.

Результаты следствия в Угличе были рассмотрены 2 июня 1591 г. на церковном соборе в Москве. Собор единодушно утвердил приговор:

«И патриарх Иев со всем освященным собором, слушев углетцкого дела, и сказу митрополита Галасеи, и челобитные городского приказщика Русина Ракова, говорил на соборе.

В том во всем воля государя царя и великого князя Федора Иоанновича всея Руси: а преже сего такова лихова дела и такие убойства стались и крови пролитье от Михаила от Нагово и от мужиков николи не было.

А перед государем царем и великим князем Федором Иоанновичем всея Руси Михаила и Григория Нагих и углетцких посадцких людей измена явная, что царевицю Дмитрею смерть учинилась божьим судом, а он, Михайло Нагой, государевых приказных людей: дияка Махаила Битяговского с сыном, и Микиту Кочалова, и иных дворян, и жильцов, и посадских людей, которые стояли за Михаила Битяговского и за всех за тех, которые стояли за правду и разговаривали посадцким людем, что они такую измену зделали, — велел побита напрасно, умышленьем, за то, что Михайло Битяговской с ним, с Михаилом с Нагим, бранился почасту за государя, что он, Михайло Нагой, держал у себя ведуна Ондрюшу Мочалова и иных многих ведунов.

И за то великое изменное дело Михайло Нагой з братьею и мужики углечане по своим винам дошли до всякого наказанья. А то дело земское, градское, в том ведает бог да государь царь и великий князь Федор Иоаннович всея Руси, все в его царьской руке, и казнь, и опала, и милость, о том государю как бог известит».

На основании патриаршего приговора царь Федор приказал схватить Нагих и угличан, «которые в деле объявились», и доставить их в Москву.

Еще раз отмечу, репрессии в Угличе начались только после вынесения соборного приговора, а до этого комиссия Шуйского никого и пальцем не

тронула.

Есть и еще любопытная деталь, которую почему-то игнорируют наши историки. Многие «активисты» Нагих, как, например, тот же холоп Михаила Нагого Тимофей, по завершении следствия бежали из Углича. Угличане, оставшиеся в городе, были наказаны в соответствии со степенью участия в убийствах. Всего было наказано несколько десятков человек, одним отрубили голову, другим отрезали язык, а 60 семей сослали в Сибирь в город Пелым. Был «наказан» даже колокол в церкви у Спаса, в который бунтовщики ударили в набат. Колокол публично высекли плетью, отрубили ухо, вырвали язык и отправили в Тобольск, где он был записан «первоссылным неодоушевленным». В Тобольске колокол весом 19 пудов 20 фунтов (около 320 кг) был установлен на Софийской колокольне, а затем, после пожара, стоял на земле. В 1887 г. уроженец Углича Л. Ф. Соловьев обратился с ходатайством к императору Александру III с просьбой вернуть ссыльный колокол в Углич. И вот по высочайшему повелению в 1892 г. колокол был доставлен в Углич.

Братьев Нагих заодно с убийствами в Угличе обвинили в поджогах домов в Москве летом 1591 г. По совокупности преступлений их разослали «по городам». Марию Нагую «за недосмотрение за сыном» отправили в Николовыксинскую пустынь (монастырь), где она была пострижена под именем Марфы. Позже ее перевели в Горицкий Воскресенский женский монастырь на реке Шексне.

Собственно, на этом углическая история и закончилась. О смерти царевича Димитрия все забыли, тем более что в сентябре 1591 г. царица Ирина вновь понесла. На сей раз ей удалось доносить ребенка. Если бы ей удалось родить здорового сына, то об инциденте в Угличе в многотомной «Истории России» Соловьева остался бы один абзац. Но, увы, 26 мая 1592 г. у царя Федора родилась дочь, названная Федосьей. Она часто болела и умерла 25 января 1594 г. Через несколько лет и ее сделают жертвой «коварного» Бориса.

Глава 2

Смерть царя Федора

6 января 1598 г. умер царь Федор Иоаннович — последний правитель из рода Ивана Калиты. Государство Российское оказалось без легитимного наследника.

На Руси в X–XIV веках подобный династический кризис решился бы просто. Престол перешел бы к наиболее знатному князю Рюриковичу — вассалу московского князя. Точно также поступили бы во Франции, Испании и в других странах Западной Европы.

Но в Московском государстве князья Рюриковичи и Гедиминовичи за сто с лишним лет перестали быть вассалами и соратниками великого князя московского, а стали его холопами. Иван III убивал в темницах без суда и следствия знаменитых князей Рюриковичей, причем не только прощенных ранее противников в войне с Дмитрием Шемякой, но и верных союзников, которым он был обязан не только престолом, но и жизнью. А его достойный сын Василий уже мог позволить себе публично называть князей смердами и бить их плетью. Опять же, так было принято на Востоке. Попробовал бы Генрих IV или даже Людовик XIV бить плетью или дубинкой, как наш «великий» Петр, герцогов и графов на балу.

Грозный устроил грандиозное избиение российской аристократии. Причем потомки храбрых князей — властителей Руси — покорно ждали, пока за ними придут палачи. Лишь у одного Андрея Курбского^[5] хватило ума и смелости бежать из страны.

Даже находившиеся в фаворе внуки и правнуки удельных князей при Василии III и Иване Грозном, подписывая грамоты, уничижительно коверкали свои имена. Дмитрий подписывался Дмитряшкой или Митькой, Федор — Федькой, Василий — Васьком и т. д.

Естественно, что к 1598 г. народ считал Митек и Васьков царскими холопами, хоть и высокопоставленными, и богатыми.

В итоге главными претендентами на престол стали двое абсолютно нелегитимных и один абсолютно легитимный персонаж, причем в жилах всех троих не было ни одной капли крови Рюриковичей.^[6]

Законным претендентом был татарин... нет, большинство читателей

угадало неправильно, не Годунов, а Государь великий князь всея Руси Симеон Бекбулатович. В октябре 1575 г. царь Иван устроил очередной фарс — отрекся от престола, а на трон посадил крещеного татарина Симеона Бекбулатовича, потомка касимовских ханов. Иван IV, юродствуя, затем писал челобитные новому «правителю»: «Государю великому князю Симеону Бекбулатовичу всея Руси Иванец Васильев с своими детишками с Иванцом да с Федорцом челом бьют: что еси государь милость показал». Оперетта продолжалась 11 месяцев, после чего Иван «учинил» Симеона великим князем тверским. После этого Симеон не играл никакой роли в жизни Московского государства, хотя и имел большое состояние.

Нелегитимными кандидатами были Борис Годунов и Федор Романов.

Обычно князья Рюриковичи, даже имея законного наследника, оставляли «духовные грамоты», где подробно расписывали, кому и чем владеть после смерти князя. Но царь Федор Иоаннович не оставил никакого письменного завещания. Другой вопрос, что современники и позднейшие историки приводят не менее дюжины вариантов устного завещания Федора. К примеру, немецкий наемник Конрад Буссов^[7] писал, что царица Ирина убеждала мужа вручить скипетр ее брату, Борису Годунову, но царь предложил скипетр старшему из своих двоюродных братьев, Федору Никитичу Романову, имевшему на престол ближайшее право. Федор Никитич уступил скипетр своему брату Александру, Александр — третьему брату, Ивану, а Иван — Михаилу, Михаил — какому-то знаменитому князю, так что никто не брал скипетра, хотя каждому и хотелось взять его. Царь Федор, долго передавая жезл из рук в руки, потерял терпение и сказал: «Так возьми же его кто хочет!» Тут сквозь толпу важных особ протянул руку Борис Годунов и схватил скипетр.

Этот эпизод прекрасно выглядел бы на сцене, но, увы, он не имеет ничего общего с действительностью. И писал это Буссов уже после воцарения Михаила Романова.

Куда ближе к истине версия русского летописца,^[8] где на вопрос патриарха: «Кому царство, нас сирот и свою царицу приказываешь?» Федор тихим голосом отвечал: «Во всем царстве и в вас волен Бог: как ему угодно, так и будет; и в царице моей Бог волен, как ей жить, и об этом у нас улажено». Патриарх Иов в Житии Федора говорит, что царь вручил скипетр своей супруге. Но в других источниках, заслуживающих в этом отношении большего доверия, в избирательных грамотах Годунова и Михаила Романова, сказано: «После себя великий государь оставил свою благоверную великую государыню Ирину Федоровну на всех своих

великих государствах».

Не исключено, что Федор вообще ничего не сказал перед смертью. Боюсь, некоторым читателям уже надоело, что я часто излагаю две или более версий одного события. Но если мы точно не знаем даже, как умер Сталин, и об его смерти каждый пишет свою версию, то что делать с событиями четырехсотлетней давности?

Доподлинно можно утверждать, что Федор умер внезапно, и похоронили его быстро и в суматохе. Когда в 50-х годах XX века могила Федора была вскрыта, то там оказались останки, одетые в простой мирской кафтан, перепоясанный ремнем. И даже сосуд для мирры был положен не по-царски простой, то есть «освятованный» царь, проведший жизнь в постах и молитвах, не сподобился обряда пострижения, в то время как в роду Ивана Калиты предсмертное пострижение стало своего рода традицией со времен Василия III и Ивана Грозного.

Как только Федор испустил дух, всем стало не до него. У всех на устах был один вопрос: «Кто?»

Понятно, что Симеон Бекбулатович, живший в тиши в селе Кушалино под Тверью, мало подходил на роль Государя всея Руси. Тем не менее он нашел поддержку среди ряда бояр и князей. Дело в том, что именно ничтожество Симеона было привлекательно для некоторых князей и выходцев из старомосковского боярства. Не следует забывать, что рядом была Речь Посполитая, где польские магнаты имели огромную власть и были почти независимы от короля.

В первые же дни после смерти царя Федора патриарх Иов проявил неожиданную для себя активность. Иов оперативно пишет «Повесть о честнем житии царя и великого князя Федора Иоанновича всея Руси». Это не обычное житие, а программный политический документ. В нем говорится:

«Было время... когда благочестивая и православная христианская вера в Великой России паче солнца сияя и свои светозарные лучи во всю вселенную испуская... от моря до моря и от рек до концов вселенной славу ее простирала, и благочестивых и крестоносных христианских царей Русские державы скипетродержавство великолепно цвело, и благородный царский корень многими летами непременно влекся от великого Августа кесаря Римского, обладавшего всей вселенной, как история поведает, и до самого святого сего царствия... Федора Иоанновича всея Руси...»

Патриарх восхваляет Федора: «...хотя и превысочайшего Российского царствия честный скипетр содержал, но Богу всегда ум свой вверял, и душевное око бодро и неусыпно хранил, и сердечную веру всегда благими делами исполнял, тело же свое повсегда удручал церковным пением, и дневными правилами, и всенощными бдениями, и воздержанием, и постом».

При этом Иов открыто заявил, что фактическим правителем при царе Федоре был Борис Годунов: «Был тот Борис Федорович зело преизрядной мудростью украшен, и саном более всех, и благим разумом превосходя. И пречестным его правительством благочестивая царская держава в мире и в тишине цвела. И многое тщание показал по благочестии, и великий подвиг совершил о исправлении богохранимой царской державы, яко и самому благочестивому царю... дивиться превысокой его мудрости, и храбрости, и мужеству...

Сей же изрядный правитель Борис Федорович своим бодроопасным правительством и прилежным попечением по царскому изволению многие грады каменные создал, и в них превеликие храмы в славословие Божие возградил, и многие обители устроил, и самый царствующий богоспасаемый град Москву, как некую невесту, преизрядной лепотой украсил: многие в нем прекрасные церкви каменные создал и великие палаты устроил, так что и зрение их великому удивлению достойно; и стены градные окрест всей Москвы превеликие каменные создал, и величества ради и красоты переименовал его в Цареград; внутри же его и палаты купеческие создал во упокоение и снабдение торжникам. И иное многое хвалы достойное в Русском государстве устроил».

Благоговейно описав кончину царя Федора, Иов уверяет паству, что род Ивана Калиты не пресекается: «...ныне же... грех ради всего народа православного христианства... царьского его корени благородных чад не остася, и по себе вручив скипетр благозаконной своей благоверной царице и великой княгине Ирине Федоровне всяя Руси... Изрядный же правитель, прежереченный Борис Федорович, вскоре повеле своему царьскому синклиту животворящий крест целовати и обет свой благочестивой царице предавати, елико довлеет пречестному их царьскому величеству. Бе же у крестного целования сам святейший патриарх и весь освященный собор».

Таким образом, преемницей Рюриковичей на российском престоле стала царица Ирина.

Когда во время похорон царя Федора все архиереи, сановники и народ безутешно рыдали, «благочествая же царица от великия печали и сама близ смерти пребывала», тогда «изрядный правитель, прежереченный Борис

Федорович сугубу печаль в сердце своем имущи, и об отшествии к Богу благочестивого царя сетовал, и о безмерной скорби благородной сестры своей благоверной царицы рыдал, и земного правления тишину и мир с опасением устраивал».

Как видим, патриарх довольно грамотно обосновал необходимость передачи престола Борису Годунову. Иова совершенно справедливо называли ставленником Бориса, но тут интересы клана Годуновых абсолютно совпадали с интересами церкви и всего государства Российского.

Под давлением Иова и чтобы не вызвать кризиса власти, Боярская дума присягнула царице Ирине. При жизни царя Федора Ирину Годунову титуловали «великой государыней». Как писал Р. Г. Скрынников: «...такое звание не равнозначно было реальному царскому титулу. До Лжедмитрия и после него цариц не только не короновали, но и не допускали к участию в торжественной церемонии. Ирина наблюдала за венчанием Федора из окошка светлицы. Не будучи коронованной особой, связанной с подданными присягой, Годунова не могла ни сама обладать царской властью, ни передать ее своему брату».^[9]

На это легко возразить примерами из русской истории, вспомнив правление Елены Птинской, вдовы Василия III, правление в Новгороде Марфы Борецкой, вдовы посадника Борецкого, я уж не говорю о княгине Ольге.

Сразу же после смерти мужа Ирина стала издавать от своего имени указы (в XIV–XVI веках московские правители сами не подписывали указов, а писец ставил их имена и государственную печать). Первым же указом Ирина провела всеобщую полную амнистию, повелев без промедления выпустить из тюрем всех опальных изменников, воров, разбойников и т. д.

Патриарх Иов разослал по всем епархиям приказ целовать крест царице. В пространном тексте присяги содержалась клятва верности патриарху Иову, православной вере, царице Ирине, правителю Борису Годунову и его детям. Естественно, что такая формулировка вызвала недоумение у части населения. Значительная часть московской знати и простой народ в отдельных местах отказывались присягать.

Разумеется, и Иов, и Борис прекрасно понимали, что одной такой присяги недостаточно для воцарения новой династии. Поэтому они делают ряд умных политических ходов.

15 января 1598 г., то есть через неделю после смерти мужа, царица Ирина покидает Кремль и отправляется из Москвы в Новодевичий

монастырь,^[10] где принимает постриг под именем Александры. Тем не менее новая монашка продолжала подписывать (скреплять печатью) все царские указы, изменив только подпись — вместо «царица Ирина» стало «царица инокиня Александра».

В те времена отъезд из столицы в период нестабильности был классическим ходом монарха. Вспомним отъезд Анны Австрийской с малолетним Людовиком XIV из Парижа во время фронды, отъезд царевны Софьи Алексеевны из Москвы в ходе стрелецких волнений и т. д.

В Новодевичьем монастыре было намного безопасней в случае бунта черни, с одной стороны, а с другой, — там царица-инокиня практически не испытывала давления Боярской думы. Через несколько дней в Новодевичий монастырь приехал и Борис Годунов.

Глава 3

«Татарин, зять Малюты...»

Гений Пушкина оказал дурную услугу российской истории. Его спорные, а то и заведомо неверные оценки государственных деятелей стали аксиомами в мышлении миллионов русских людей. Вот тот же граф Воронцов, преобразователь юга России. Сейчас вроде никто не оспаривает его заслуги перед отечеством, но при каждом упоминании его имени автоматически всплывает: «полумилорд, полуневежда...»

Но больше всего от пера Александра Сергеевича Пушкина пострадала репутация Бориса Годунова. Теперь, как только заходит речь о Годунове, все, начиная от профессоров-историков и маститых писателей до школьников, твердят как попугаи:

Вчерашний раб, татарин, зять Малюты,
Зять палача и сам в душе палач...

Эти слова, вложенные Пушкиным в уста князя Василия Шуйского, навеки стали ярлыком царя Бориса. Фраза, безусловно, хорошо написана и производила большой эффект как на барышень XIX века, так и на современных образованцев-интеллигентов. Но вот Василий Шуйский подобную чушь нести не мог. Причем как раз потому, что Шуйский не любил Годунова. Слово «татарин» в устах Шуйского, кажущееся образованцу ругательством, было лучшим подарком Годунову. Ведь одним словом «татарин» Шуйский автоматически признает приоритет Годунова — Чингисиды^[11] в те времена считались выше Рюриковичей, и были случаи в XV–XVII веках, когда Рюриковичи из тщеславия выдавали себя за Чингисидов.

И насчет Малюты Скуратова Василий Шуйский не стал бы распространяться, поскольку его родной брат Дмитрий также был женат на дочери Малюты да еще взял ее с большим приданым, не интересуясь, как оно попало к Малюте.

Но да бог с ним, с происхождением. У Пушкина каждое появление

царя Бориса сопровождается истерикой. Первый раз мы его видим, когда он еще и не знает о самозванце, но все равно стонет:

И все тошнит, и голова кружится,
И мальчики кровавые в глазах...
И рад бежать, да некуда... ужасно!
Да, жалок тот, в ком совесть нечиста.

В следующей сцене он узнает о появлении самозванца. «Так вот зачем тринадцать лет мне сряду все снилось убитое дитя». Что же сотворил «злодей» Борис? Да вот приказал зарезать в мае 1591 г. в Угличе восьмилетнего Дмитрия Ивановича, сына Грозного от седьмой жены, то есть незаконного по всем канонам православной церкви. Ну и прозорлив был Борис, знал, что его сестра Ирина родит в 1592 г. царю Федору не мальчика, а девочку Федосью, знал, что Федосья умрет в двухлетнем возрасте, знал, что детей у Федора с Ириной больше не будет, и т. п.

Ну а если все-таки царевича зарезали по указу Бориса? Неужто не нашлось других наследников престола? Ведь должны же были быть у Федора и Дмитрия двоюродные, троюродные, пусть пятиродные братья и сестры? Вон через 100 лет потомство Павла I и Марии Федоровны состояло из двух десятков великих князей и еще трех или четырех десятков князей императорской крови. Почему-то об этом не думают не только читатели «Бориса Годунова», но и премудрые «пушкиноведы». Куда же у бедного царя Федора делись все родственники? Да не было у него ни близких, ни самых дальних родственников! Все московские цари и великие князья — Василий Темный, Иван III, Василий III и Иван Грозный — старательно вырезали всех своих родственников мужского пола, включая детей. Ну а женского пола — топили или травили, а иногда и в монастыре милостиво разрешали дни кончить. Кстати, законного царевича Дмитрия Ивановича по-настоящему убили за 82 года до углической драмы по приказу Василия III.

Великий князь всея Руси Иван III по ряду внутренних соображений приказал венчать на царство своего сына от первой жены Марии Тверской Ивана Молодого. И на одну половину всея Руси (вторая-то была под Литвой) у нас оказалось сразу два великих князя всея Руси. Ивану Молодому не удалось пережить отца и стать Иваном IV. Тогда Иван III повелел короновать его сына Дмитрия Ивановича. 4 февраля 1498 г. Дмитрий Иванович торжественно венчался на царство, и опять стало два

великих князя всея Руси. Но путем хитрой интриги после смерти Ивана III на престол взошел Василий III, сын Ивана III от второй жены Софии Палеолог. Законный же наследник помазанник Божий Дмитрий Иванович был заключен в «тесное заточенье», то есть в каменный мешок. А в 1509 г. ему немножко помогли уйти в мир иной.

Ну и что, у всех этих Иванов и Василиев мелькали «мальчики кровавые в глазах»? Если бы Годунов действительно приказал убить Димитрия, то этим он только показал себя достойным приемником потомков Ивана Калиты. Борис Годунов воспитывался не в пансионе для благородных девиц, а с детских лет рос во дворце Ивана Грозного, и жена его была дочерью Малюты Скуратова.

Знал ли все это Александр Сергеевич? Ну, если не все, то большую часть, безусловно, знал. И том не менее вывел на сцену неврастеника Бориса. Что это — творческая фантазия, стремление понравиться широким слоям публики, обожающей подобные эффекты? Вполне допустимо. Но могли быть прототип Годунова, не реального, разумеется, а пушкинского? Был ли у нас царь с «кровавыми мальчиками в глазах»?

Петр I убил сына Алексея? Нет, он никогда не каялся и был всегда уверен в непогрешимости своих поступков. Екатерина II отправила к праотцам в течение года сразу двух императоров — Петра III и Ивана VI, один из которых был ее мужем? Тоже нет, у этой дамы были крепкие нервы. Александр I? А вот тут стоп! 24-летний Александр I стал во главе заговора против своего отца. Александр лично не участвовал в цареубийстве 11 марта 1801 г., но находился рядом, в Михайловском замке, и через несколько минут ему предъявили изуродованный до неузнаваемости труп отца. Непосредственно в зверском убийстве Павла участвовало не более дюжины офицеров, но при захвате замка их было не менее двухсот. Практически весь Петербург знал детали убийства императора, хотя официально было объявлено об апоплексическом ударе. Разумеется, в России писать об убийстве царя было строжайше запрещено. Но повсюду Александра ждали немые укоры — это портреты отца и встречи с вдовствующей императрицей Марией Федоровной, которая никогда не простила сына. Свои помалкивали, чтобы не «махнуть до Нерчинска», а вот иностранцы...

На Первого консула Французской республики роялистами было совершено покушение. В ответ Наполеон Бонапарт распорядился схватить на нейтральной территории герцога Эгиенского, родственника Людовика XVI, судить военно-полевым судом и расстрелять.

Александр I направил Бонапарту гневный протест. Наполеон с юмором

ответил, что если бы убийцы Павла находились на нейтральной территории вблизи русской границы и взвод русских драгун арестовал бы их, то правительство Французской республики ничего не имело бы против. Каково было читать ответ Александру, ежедневно видевшему цареубийц в Зимнем дворце?

В 1813 г. в Германии к Александру подвели пленного французского генерала. Царь начал его распекать за негуманное ведение боевых действий. Генерал громко ответил: «А я, между прочим, не убивал своего отца», за что и был отправлен в Сибирь. С 1820 г. Александр ударился в мистику, подолгу проводил время с архимандритом Фотием, монахами и святошами. Наконец 18 ноября 1825 г. Александр таинственно скончался в Таганроге. По мнению многих историков, его смерть была инсценировкой, а сам Александр начал вторую жизнь под именем странника Федора Кузьмича и дожил до 1864 г. Во всяком случае, когда в 30-х годах XX века в Петропавловской крепости была вскрыта гробница Александра I, она оказалась пустой.

Вот вам и «Годунов», взошедший на престол ценой злодейского убийства, постоянно терзаемый муками совести, окруженный мистиками и монахами... «Да, жалок тот, в ком совесть нечиста».

О смерти Павла нельзя было писать даже эзоповым языком. Запретила же цензура слова «... умолк рев Норда сиповатый...». Современный читатель и не поймет намек, а вот цензоры — народ ушлый. Но тут поэту удалось и царя с кровавыми мальчиками в глазах показать, и «совсем не рассердить богомольной важной дуры, слишком чопорной цензуры». Ради этого стоило так отретушировать царя Бориса Федоровича.

Мы же попытаемся понять, кем был реальный исторический персонаж Борис Федорович Годунов.

Представители значительной части разбогатевших дворянских семейств в России любили приписывать себе родоначальников — знатных иностранцев. И если Романовы-Захарьины к началу XVII века еще не подыскали иноземной родни Андрею Кобыле, то татарское происхождение Годуновых официально было записано в родословной XV–XVII веков.

Мало того, происхождению Годуновых было посвящено историческое произведение «Сказание о Чете». Согласно сказанию, в 1330 г. татарский царевич Чингизид Чет ехал из Орды в Москву к князю Ивану Калите. По пути Чет сделал остановку в одной версте от города Костромы на месте слияния реки Костромы с Волгой. Ночью царевичу привиделась пресвятая богородица с апостолом Филиппом и святым Ипатием Гангрским. Чет был так потрясен увиденным, что решил принять православие и основать на

этом месте монастырь. При крещении Чет получил имя Захария,^[12] а основанную им обитель назвали Ипатьево-Троицким мужским монастырем.

Сын Захарии-Чета Александр был убит в Костроме почти одновременно с основанием монастыря при невыясненных обстоятельствах. Внук же Чета Дмитрий Александрович Зерно стал ближним боярином московского князя Дмитрия Донского. Внук Дмитрия Зерна Иван Иванович Годун стал основателем рода Годуновых.

В советские времена все древние источники, связанные с религией, были объявлены выдуманными. Естественно, это коснулось и «Сказания о Чете». Некоторые историки, включая Р. Г. Скрынникова, утверждают, что «Сказание...» было в корыстных целях придумано монахами Ипатьевского монастыря. Он называет Дмитрия Александровича Зерно «крупным костромским вотчинником, отец которого Александр был убит в Костроме в начале XIV века».^[13] Но, как видим, Скрынников не называет имени отца Александра. Выговорить «Александр Захарьевич» он не может — это противоречит его концепции, а других вариантов у него нет.

В справочнике К. В. Рыжова «Все монархи мира» говорится, что Чета в Орде крестил митрополит Петр. Петр действительно приезжал в Орду в 1313 г. к хану Узбеку, но откуда в книге взялся эпизод с крещением Чета — не ясно.

По моему мнению, отрицать возможность «видения» Чету, то есть вариант «Сказания...», на сто процентов нельзя, поскольку в Средние века различные святые часто снились людям. Но вероятность этого ничтожна. Я же попробую логически реконструировать события. В начале XIV века в Москву приезжает на службу к Ивану Калите татарский царевич Чет — событие довольно ординарное для Московского княжества XIV–XV веков. Чет мог быть крещен в Орде в 1313 г., но, скорей всего, его крестил тот же митрополит Петр в Москве.

Прозвище (имя) Чет не встречалось у татар, но, возможно, во-первых, оно было сильно изменено русскими. А, во-вторых, в книге XVII века «Летописца краткого и родословца» говорится о роде Годуновых: «Род Сабуровых да Годуновых. В лето 6838 (1330) прииде из Орды к великому князю Ивану Даниловичу князь Семен Черт, а во крещении имя ему Захария, а у Захарья сын Александр, а у Александра сын Дмитрий Зерно...»^[14] Здесь, правда, возникает вопрос, почему ордынский князь носил христианское имя Семен, но и тут могло быть искажение в произношении ордынских имен. А почему потомки Захария выкинули из

его прозвища букву «р», объяснять, думаю, нет необходимости.

Со смертью в 1303 г. бездетного костромского князя Бориса Андреевича Костромское княжество потеряло свою независимость и вошло в состав Владимирского княжества. В 1328 г. московский князь Иван Калита получает из Орды ярлык на великое княжество Владимирское. В этом случае обязательно происходила смена администрации. Видимо, князь Дмитрий Иванович и послал в Кострому царевича Захарию-Чета. Как и положено, Захария отправился к новому месту службы с семейством. Возможно, основание Ипатьевского монастыря было связано с убийством сына Чета Александра. Но, скорей всего, строительство монастыря было начато по указанию из Москвы. Я неоднократно бывал в Ипатьевском монастыре и могу подтвердить, что место для него выбрано весьма удачно. Больше половины периметра стен монастыря окружены водой, сам монастырь стоит на естественном холме и т. д. В XIV веке река Кострома была куда более полноводной, чем теперь. Ипатьевский монастырь контролировал устье реки Костромы, где шло интенсивное судоходство. Эта река была единственной водной артерией, связывающей обильное соляными промыслами Галицкое княжество с Волгой.

Сам Захария Чет похоронен в первой усыпальнице Годуновых в Ипатьевском монастыре.

Можно считать на 99,9 % доказанным, что род Годуновых происходил от татарского царевича Чета. Лучшим доказательством этого служит молчание оппонентов Бориса в 1600–1605 гг. о его происхождении. Какие только фантастические обвинения не предъявляли Годунову, а об этом молчали. А ведь вранье о происхождении рода издавна считалось на Руси большим бесчестием и даже уголовным преступлением.

Разумеется, что татарским происхождением Годунова ни Шуйский и никто другой попрекать не могли, ведь в XIII–XVI веках Чингизиды считались выше Рюриковичей.

Дети и внуки Дмитрия Зерна служили боярами у Василия I. Праправнук Дмитрия Зерна окольниковый Константин Федорович Сверчок-Сабуров в 1505 г. выдает свою дочь Соломонию замуж за Василия III. О Соломонии Сабуровой стоит рассказать поподробнее. И совсем не потому, что прадед Соломонии Федор Сабур и основатель фамилии Годуновых — Иван Годун — были родными братьями. Дело в том, что история Соломонии имеет прямое отношение к истории Смутного времени.

Брак Василия III и Соломонии был бесплодным долгих двадцать лет. Василий болезненно переживал отсутствие наследника. Он горько жаловался приближенным на свою судьбу, и бояре ему дали совет:

«Государь князь великий! Непогодную смоковницу посекают и измещут из винограда». Однако Василий III не решился сразу на развод с Соломонией, но твердыми сторонниками развода выступили московский митрополит Даниил и московская служилая знать во главе с Захарьиными-Кошкиными. Все прекрасно понимали, что со смертью Василия III они окажутся в лучшем случае на вторых ролях. Ведь Василию должен был наследовать его брат удельный дмитровский князь Юрий Иванович, который, естественно, поставит на главные должности в Москве людей из своего дмитровского двора.

В конце 1525 г. митрополиту и боярам удалось склонить Василия к разводу. 23 ноября власти начали «розыск о колдовстве» великой княгини Соломонии и выяснили, что великая княгиня с ворожеей Степанидой прыскали волшебной заговорной водой «сорочку, и порты, и чехол, и иное которое платье белое» великого князя, очевидно, чтобы вернуть его любовь. И теперь Василий III имел основания предать жену церковному суду как ведьму. Но вместо этого он 29 ноября приказал увезти ее в девичий Рождественский монастырь на Трубе (на Рву), где ее принудительно подстригли в монахини под именем София. Соломония не могла смириться со своей участью и распустила слух, что она беременна. Тогда Василий III немедленно удалил свою бывшую жену из столицы.

Соломония была заточена в Покровском девичьем монастыре в Суздале. Вскоре по Москве поползли слухи, что в Суздале у нее родился сын Георгий. Гробница таинственного Георгия сохранилась в общей усыпальнице Покровского суздальского монастыря до 1934 г. под видом гробницы Анастасии Шуйской, дочери царя Василия Ивановича, сосланной в монастырь вместе с матерью. В ходе археологических раскопок, проведенных в Покровском монастыре в 1934 г., в предполагаемом месте погребения Георгия в каменном гробике найдена кукла в одежде из шелковых древних тканей, завернутая в материю и опоясанная пояском с кисточками. Костей в гробике археологи не обнаружили. Реставраторы ткани по типичным для княжеской одежды золотым прошивам отнесли мальчиговую рубашку и другие обнаруженные в гробике ткани к концу XVI века. Это же подтверждал и орнамент на надгробной плите. Полученные материалы доказали, что гробница не принадлежала Анастасии Шуйской. Но все это лишь косвенно подтверждает версию о рождении у Соломонии сына.

Тем не менее в XIX и XX веках ряд писателей и даже историков факт рождения Георгия считали бесспорным, мало того, утверждали, что у него был сын, который и стал Лжедмитрием I. Но об этом подробнее я расскажу

после, а пока вернемся к Годуновым и Сабуровым.

Сабуровы вторично породнились с родом Ивана Калиты, когда дочь боярина Бориса Юрьевича Сабурова^[15] Евдокия ненадолго стала женой наследника престола Ивана Ивановича. По приказу Ивана Грозного 4 ноября 1571 г. она была пострижена в суздальский Покровский монастырь. Евдокия пережила Смутное время и умерла в 1620 г.

Как видим, потомки Чета в XIV–XVI веках, так же как и Кошкины-Захарьины, были близки к престолу. Другой вопрос, что им хронически не везло — то тридцатилетняя феодальная война, то дочери бесплодные.

Годуновы, младшая ветвь потомков Чета, почти не видны за боярами Сабуровыми. Историкам известно лишь, что Иван Годун, младший брат Федора Сабура, имел двух сыновей и десять внуков, а кроме того, много дочерей и внучек. Годуновы владели несколькими поместьями в районе Костромы, Новгорода Великого, Вязьмы и др. Никто из Годуновых не был членом Боярской думы, и лишь немногие получали командные воеводские чины.

Дед Бориса Годунова Иван Григорьевич имел четырех сыновей — Ивана Чермного,^[16] Федора Кривого, Дмитрия и Василия. У Федора Кривого было трое детей — Василий, будущий царь Борис и будущая царица Ирина.

Федор Кривой умер рано. Трое его детей стали сиротами. Братья Федор и Дмитрий Годуновы совместно владели небольшими вотчинами в Костроме и под Вязьмой. В жизни Бориса это обстоятельство сыграло особую роль. После смерти отца его взял в свою семью дядя. Не только родственные чувства и ранняя кончина собственных детей побудили Дмитрия Ивановича принять участие в судьбе племянника. Важно было не допустить раздела последнего родового имения.

Невысокое служебное положение, можно сказать, спасло Годуновых в годы опричного террора. Государство оказалось поделенным на опричнину и земщину. В опричный корпус зачислялись незнатные дворяне, они и получали все возможные привилегии. Прочих лишали их поместий и высылали из уезда. Судя по вяземским писцовым книгам, Дмитрий Годунов пережил все испытания и попал в опричный корпус в момент его формирования. Дмитрий Иванович Годунов исправно служил в опричнине, но не лез в руководство. Свой первый думный чин он получил случайно, благодаря внезапной смерти царского постельничего В. Ф. Наумова. Иван Грозный назначил Д. И. Годунову «у постели быти», а затем «за саньями ходити» на свадьбе царя с Марфой Собакиной 25 октября 1571 г.

Постельничий ведал «царской постелью», то есть гардеробом.

Ко времени введения опричнины Постельничий приказ сильно разросся. За его высшими служителями числилось более пяти тысяч четвертей поместной земли. Через руки постельничего проходили крупные суммы денег. На одно лишь жалованье служителям и мастерам приказ тратил до тысячи рублей в год.

Постельничий приказ заботился также о повседневной безопасности царской семьи. В годы опричнины эта функция приобрела особое значение. С вечера постельничий лично обходил внутренние дворцовые караулы, после чего укладывался с царем «в одном покою вместе».

Опричнина изменила значение важнейших дворцовых чинов. Теперь оружничий, постельничий и ясельничий не только заведовали соответствующими дворцовыми приказами, но и заседали в думе, вели дипломатические переговоры, командовали полками и судили.

Поскольку Д. И. Годунов по должности должен был постоянно состоять при царской особе, он жил в царском дворце. Там же поселились и его малолетние племянники Борис и Ирина.

Точная дата рождения Бориса Годунова историкам неизвестна. Предполагают, что он родился около 1552 г. Ирина Годунова родилась в 1557 г. и, таким образом, была ровесницей царю Федору.

В 1570–1572 гг. Борис Годунов назначен был рындой в свите царевича Ивана. 25 октября 1571 г. Борис присутствовал на очередной свадьбе Ивана Грозного в качестве дружки царицы Марфы Собакиной. Любопытно, что другим дружкой был Малюта Скуратов, а свахами — жена Малюты и его дочь Мария.

Со вступлением Дмитрия Годунова на должность постельничего наметился союз с фактическим главой опричнины Малютой Скуратовым. Царский фаворит был нужен Годунову, а влиятельный постельничий не менее был нужен Малюте. Этот союз был упрочен браком Бориса Годунова и дочери Скуратова Марии. Родство с Малютой Скуратовым в некоторой мере помогло уцелеть Дмитрию Годунову во время чисток 1571–1572 гг. в опричнине, когда погибли почти все, кто был близок к царю.

Едва достигнув совершеннолетия, Борис Годунов получил свой первый придворный чин — стряпчего.

В ходе Ливонской войны в конце декабря 1572 г. русские войска взяли крепость Вейсенштейн (Пайда) в Эстляндии. При штурме погиб Малюта Скуратов. Годуновы лишились важного союзника, зато смерть Малюты усилила расположение к ним царя.

Как уже говорилось, жизнь семейства Годуновых протекала в царских

хоромах. Ирина росла на глазах Ивана Грозного. Более преданной родни царю было не сыскать, и 7 сентября 1580 г. состоялась свадьба царевича Федора и Ирины.

В 1580–1581 гг. царь дает боярские чины Дмитрию и Борису Годуновым. В 30 лет получить чин боярина было лестно даже Рюриковичу, а ведь за Борисом никаких заслуг не числилось, кроме, разумеется, близости к царю. Даже двоюродный брат Бориса Степан Васильевич Годунов стал окольным.

После свадьбы Иван Грозный выделил царевичу Федору большое удельное княжество, по размерам превосходящее многие европейские государства и включавшее города Суздаль, Ярославль и Кострому со многими волостями и селами. Это удельное княжество фактически перешло под контроль Годуновых.

С начала 70-х годов XVI века происходит резкое увеличение земельных владений Дмитрия и Бориса Годуновых. Часть земель была пожалована им царем, часть была куплена у других землевладельцев. Так, царь пожаловал Дмитрию Годунову дворцовые бортные села Ижевск и Киструсь в Рязанском уезде, вотчины Путилово и Беседы в Московском уезде и т. д. Дмитрий скупил вотчины во Владимирском и Дмитровском уездах. Каким-то образом ему же досталась Совьюжская волость в Солигалицком уезде, что дало Годунову огромные доходы от продажи соли.

Борис получил в приданое от Малюты Скуратова большую вотчину в Малоярославском уезде. Борис покупает у Третьяковых село Хорошёво под Москвой, затем — несколько сел в Тверском и Бежецком районах. Каким-то образом Борис приобретает вотчину Горетево в Московском уезде и т. д.

Богатыми землевладельцами стали и троюродные братья Бориса — Григорий, Степан и Иван Васильевичи Годуновы.

Как видим, при Иване Грозном Годуновы успешно делали карьеру и богатели, что резко контрастировало с жизнью других знатных родов.

9 ноября 1581 г. Иван Грозный убивает своего сына Ивана. Ссора отца с сыном произошла из-за его жены Елены Шереметевой. По одной версии, царь застал ее не вполне одетой, пришел в ярость и отмолотил беременную сноху посохом. Подругой версии, царь не желал иметь наследника престола от Шереметевой, и недостаточное число одежд на ней (три вместо семи) было лишь поводом к расправе. Царевич заступился за жену и был тяжело ранен в голову жезлом отца. В последнем сходятся и папский посол А. Поссевино, и англичанин Джером Горсей, находившийся в Александровской слободе в день убийства.

На следующую ночь Елена родила мертвого ребенка, царевич же

прожил еще одиннадцать дней. Иван Грозный плакал о сыне и даже отказался от запланированной поездки в Москву. Он ждал выздоровления сына.

19 ноября царевич Иван был похоронен в Архангельском соборе московского Кремля. Царь несколько дней был безутешен — плакал и молился. Ведь царь убил не только сына, он убил единственного законного и дееспособного наследника престола. Один удар царского посоха покончил с династией Рюриковичей и кардинально изменил историю России.

От первой жены Анастасии Романовны Грозный имел двух сыновей — Ивана и слабоумного Федора. От последующих пяти жен — Марии Темрюковны, Марфы Собакиной, Анны Колтовской, Марии Долгоруковой и Анны Васильчиковой — Иван IV не имел детей.^[17]

19 октября 1583 г. Мария Нагая родила сына Димитрия. В конце февраля 1584 г. здоровье царя резко ухудшилось, и 18 марта он скончался.

Существует много легенд, что царь Иван не умер своей смертью, а был убит. Объединяет все эти легенды одно — среди убийц всегда оказывался Борис Годунов. И легенды эти появляются лишь спустя несколько лет после смерти Ивана IV, когда против Годунова будет развязана невиданная по масштабам психологическая война. Первой «жертвой» Годунова станет Иван Грозный, за ним последует царевич Димитрий, убиенный по приказу Бориса. Борис де отравит целую семью — двухлетнюю царевну Федосью, ее отца царя Федора Иоанновича, а позже и царицу Ирину. Перетравив всю царскую семью, неутомимый Годунов примется за свою собственную и отравит жениха своей дочери Ксении датского принца Иоанна.

Кто и зачем организовал такую чудовищную ложь — мы узнаем из последующих глав. А пока умер величайший тиран российской истории.

Законным наследником Ивана Грозного был его двадцатисемилетний сын Федор. Однако умственные способности и склад характера Федора явно не соответствовали функциям российского самодержца. Поэтому Иван Грозный якобы перед смертью создал опекунский совет, который должен был управлять страной от имени царя Федора. Я говорю «якобы», поскольку завещание Ивана Грозного не только не сохранилось, но и его точный текст неизвестен историкам. Говоря о завещании царя Ивана, наши историки обычно ссылаются на сообщения иностранцев.

Через несколько месяцев после смерти Ивана IV его личный лекарь послал в Польшу сообщение о том, что царь назначил четырех регентов — Никиту Романова-Юрьева, Ивана Мстиславского и еще двоих бояр. Английский посол Джером Горсей в одном случае говорит о четверых

боярах-регентах, в другом — о пяти. Горсей утверждал, что главным правителем Грозный назначил Бориса Годунова, а в помощники ему определил Ивана Мстиславского, Ивана Шуйского, Никиту Романова и Богдана Бельского. Австрийский посол Николай Варкоч писал: «Покойный великий князь Иван Васильевич перед своей кончиной составил духовное завещание, в котором он назначил некоторых господ своими душеприказчиками и исполнителями своей воли. Но в означенном завещании он ни словом не упомянул Бориса Федоровича Годунова, родного брата нынешней великой княгини, и не назначил ему никакой должности, что того очень задело в душе».

На основании сведений иностранцев историки сами составили список членов регентского совета — как кому нравится.

К примеру, Р. Г. Скрынников действует методом исключения и отдает предпочтение Богдану Бельскому, вычеркивая из списка регентов Бориса Годунова.

На мой взгляд, спорна сама версия создания Иваном IV регентского совета. Обстоятельства внезапной смерти Грозного полностью исключают возможность составления завещания в последние часы его жизни. Если же завещание было составлено заранее, то какой смысл был его хранить в тайне? Торжественное объявление царем списка регентского совета придало бы совету легитимность.

Да и в самом совете как мог царь Иван сажать рядом Ивана Петровича Шуйского с хундордным Богданом Яковлевичем Бельским? Бельский был опричником, затем состоял при дворе царя, но он даже не имел придворного звания. Окольничим он стал при царе Федоре, а боярином — при Лжедмитрии I.

Если действительно Борис Годунов не был включен в регентский совет, то почему его противники не использовали этот важный козырь в борьбе против Годунова ни в 1584 г., ни в последующие двадцать лет? Предъявили бы народу подлинное завещание Грозного или рассказали бы, как и при каких обстоятельствах Годунов уничтожил его. Можно привести еще множество аргументов в пользу того, что никакого завещания Грозного не существовало и в помине.

Буквально через несколько минут после смерти царя Ивана уже никто не вспоминал о «завещании» или о каких-либо других бумагах, а все ближние бояре начали действовать силой. Немедленно ворота Кремля были заперты, а его гарнизон поднят по тревоге. Шуйские объединились с Годуновыми и Романовыми и обвинили в измене семейство Нагих — родственников царевича Димитрия по матери. В ночь после смерти царя

все Нагие и их родственники были заключены под стражу. Через несколько дней царевич Димитрий, его мать и часть Нагих были вывезены в Углич, остальных Нагих отправили в ссылку в разные города.

Богдан Бельский попытался организовать контрпереворот в пользу малолетнего Димитрия, но неудачно, и был отправлен боярами в Нижний, правда не как преступник, а на воеводство.

Тем не менее обстановка в столице оставалась весьма беспокойной. По словам летописца, «пришли изо всех городов в Москву именитые люди и молили со слезами царевича Федора, чтоб был на Московском государстве царем и венчался царским венцом». Это очень любопытно — зачем явились именитые люди в Москву? В столь опасном положении Боярская дума сочла необходимым призвать в Москву «лучших людей» со всей страны, чтобы решить вопрос, кому быть царем — совершеннолетнему, но неспособному править Федору или младенцу Димитрию. Горсей сообщает, что собор состоялся 4 мая 1584 г. в присутствии митрополита, архиепископов, епископов, игуменов и всего дворянства. До нас дошли сообщения современников иностранцев Пертея и Горсея о соборе в Москве. Англичанин Горсей даже сравнивал собор с английским парламентом.

Собор практически единогласно избрал Федора Ивановича на царство. 31 мая 1584 г. Федор торжественно венчался на царство «по греческим обычаям». Долгая церемония утомила его. Не дождавшись конца коронации, Федор передал шапку Мономаха боярину Мстиславскому, а державу (тяжелое золотое яблоко) — Борису Годунову. Этот в принципе незначительный эпизод произвел гнетущее впечатление на всех присутствовавших.

Царь Федор мало походил на своего отца. Он был небольшого роста, приземист, одутловат, имел нетвердую походку. С его лица не сходила блаженная улыбка. Федор был крайне набожен. Ежедневно он подолгу молился, любил сам звонить на колокольне. Раз в неделю царь отправлялся на богомолье в ближние монастыри.

Набожность у Федора сочеталась с любовью к диким забавам и кровавым потехам. Федор буквально упивался зрелищем кулачного и в особенности медвежьего боя. На его глазах вооруженный рогатиной охотник отбивался как мог, от медведя в круге, обнесенном стеной, из которого некуда было бежать. Потеха редко обходилась без крови. Кроткий царь Федор периодически бил палкой ближних бояр, доставалось и шурина Бориса.

Положительно отзывался о Федоре лишь патриарх Иов, который видел

в нем разумного политика и образец государя. Все остальные современники и особенно иностранцы были беспощадны к новому царю. Английский посол Флетчер писал: «Царь прост и слабоумен... мало способен к делам политическим и до крайности суеверен». Папский нунций Поссевино писал об идиотизме царя, граничащем с безумием. Польский посол Лев Сапега, вернувшись из Москвы, заявил на сейме: «Напрасно говорят, что у этого государя мало рассудка: я убедился, что он вовсе лишен его».

При царе Федоре постепенно стал исчезать страх, вызванный террором его отца. По этому случаю дьяк Иван Тимофеев записал: «Бояре долго не могли поверить, что царя Ивана нет более в живых, когда же они поняли, что это не во сне, а действительно случилось, через малое время многие из первых благородных вельмож, чьи пути были сомнительны, помазав благоухающим миром свои седины, с гордостью оделись великолепно и, как молодые, начали поступать по своей воле. Как орлы, они с этим обновлением и временной переменой вновь переживали свою юность и, пренебрегая оставшимся после паря сыном Федором, считали, как будто и нет его...»

Перед коронацией началась жестокая борьба сильнейших кланов (родов) за награды и пожалованья, которыми обычно сопровождалось восшествие на престол великих князей московских. Больше всех получил Борис Годунов. Федор возвел шурина в чин конюшего, то есть сделал старшим боярином. В 1565 г. царь Иван казнил последнего конюшего — князя А. Б. Горбатого-Шуйского — и упразднил этот чин. Восстановление чина конюшего и назначение 32-летнего боярина означало укрепление позиций клана Годуновых. В начале мая 1584 г. боярином и дворецким стал Григорий Васильевич Годунов. 31 мая получили боярство Степан и Иван Васильевичи Годуновы. В июне 1584 г. и в апреле 1586 года Иван Васильевич Годунов упоминается как «боярин и дворецкий казанский и нижегородский и наместник рязанский». Таким образом, уже к лету 1584 г. в Боярской думе было пять бояр Годуновых, трое из которых занимали особые дворцовые должности.

Дума продолжала пополняться сторонниками клана Годуновых. Князя Хворостины всегда были на хорошем счету у Годуновых. В первый же год царствования царя Федора окольный князь Д. И. Хворостин получил чин боярина, а его брат Ф. И. Хворостин, занимавший должность дворецкого, стал окольным. К началу 1585 г. боярами становятся князя Никита и Тимофей Романовичи Трубецкие, которые были также сторонниками Годуновых. К ноябрю 1585 г. чин думного дворянина получил Андрей

Петрович Клешин — человек, преданный Борису Годунову. В 1584 г. чин окольничего получил князь Петр Семенович Лобанов-Ростовский, приближенный Годуновых. В 1585 г. боярином становится свояк Бориса Годунова, родовитый и богатый князь Иван Михайлович Глинский.

Однако с воцарением Федора существенно усилился и клан Шуйских. Перед коронацией боярство получил Василий Иванович Шуйский. К апрелю 1585 г. боярином стал Александр Иванович Шуйский, а в начале следующего года — Дмитрий Иванович Шуйский.

В 1584–1585 гг. в Боярской думе оказалось и много сторонников Шуйских. Так, в 1584 г. из окольничих в бояре попал Ф. В. Шереметев, а окольничим и царским казначеем стал В. В. Головин.

Коронация Федора дает клану Романовых гораздо меньше, чем Годуновым и Шуйским. К сентябрю 1584 г. боярство получает князь Федор Михайлович Троекуров, сын которого Иван был женат на Анне Никитичне Юрьевой-Захарьиной. К февралю 1585 г. боярином стал князь Иван Васильевич Сицкий, женатый на Евфимии Никитичне Юрьевой-Захарьиной. Одновременно с ним стал боярином князь Федор Дмитриевич Шастунов, женатый на Фетинье Даниловне Захарьиной-Юрьевой.

Сразу после смерти Ивана Грозного возникает союз между Годуновыми и Романовыми-Захарьиными. Союз этот был вынужденным. И те и другие были родственниками царя Федора по женской линии, и для обоих кланов стало бы катастрофой воцарение Димитрия и приход к власти Богдана Бельского и шайки наглых и жадных Нагих.

После коронации Федора и ссылки Нагих и Бельского союз Годуновых и Романовых-Захарьиных не только не распался, а наоборот укрепился в борьбе с кланом Шуйских. Оба семейства были «плебеями» перед «принцами крови», как Шуйских называли в Польше. Был тут и субъективный фактор. Никита Романович стал уже стар и серьезно болел. В августе 1584 г. Никита окончательно слег в постель и не мог выполнять свои служебные обязанности. Сыновья Никиты Романовича были еще сравнительно молоды и не имели пока большого политического веса.

Современники сходятся во мнении, что Никита Романович осенью 1584 г. сам искал дружбы Бориса Годунова и вверил ему своих совсем еще молодых сыновей. Троицкий монах Авраамий Палицын, очевидец событий, утверждал, что Годунов обещал Никите Романовичу «соблюсти» его семью. Автор «Сказания о Филарете Романове», использовавший семейные предания Романовых, авторитетно подтвердил слова Авраама Палицына. Согласно «Сказанию...», Борис Годунов проявил любовь к детям Романова и дал страшную клятву, что всегда будет почитать их за братьев. В конце

1585 г. Никита Романович постригся в монахи под именем Нифонта и скончался 23 апреля 1586 г.

Годуновы и Романовы постепенно стали оттеснять Шуйских от ведения государственных дел. Это хорошо заметно в дипломатии. Так, боярин Ф. М. Троекуров трижды (осенью 1584 г., летом 1586 г. и летом 1587 г.) отправляется послом в Польшу. Летом 1586 г. русские послы по указанию Бориса Годунова собирали в Польше сведения о связях Шуйских с «изменником» М. И. Головиным. В апреле 1586 г. Борис Годунов отказал польскому послу М. Гарабурде в аудиенции «всех бояр» и назначил вести переговоры доверенных лиц — «ближней думы» бояр И. В. Годунова, князя И. В. Сицкого и «ближних» дьяков Щелкаловых и Е. Д. Вылузгина.

Во внутренних делах наибольшую остроту приобрела борьба за Казенный приказ — центральное финансовое ведомство государства.

Обычно владеть царской казной назначалось два казначея, которые контролировали друг друга. Опираясь на поддержку бояр, главный казначей Петр Иванович Головин добился того, что вторым казначеем был назначен его родственник Владимир Головин. Более века Головины из поколения в поколение служили главными казначеями при московских государях. Но теперь, при царе Федоре, они распоряжались государственной казной бесконтрольно. Казенный приказ оказался вотчиной сторонников Мстиславского и Шуйского.

Осенью 1584 г. Борис Годунов предложил Боярской думе провести ревизию царской казны. Под нажимом Годуновых и Романовых-Захарьиных дума вынуждена была начать ревизию. Проверка наличности выявила огромные хищения. Петр Иванович Головин был приговорен Боярской думой к смертной казни. Но и Годуновы, и Романовы-Захарьины прекрасно понимали, что Русь устала от террора Ивана Грозного, и публичная казнь знатного боярина вызовет у народа нежелательные ассоциации. Поэтому Петра Головина вывели на Лобное место и передали в руки палача, который сорвал с него одежду и занес топор над головой. Но в этот момент была зачитана царская грамота о помиловании осужденного и ссылке его в Арзамас.

По дороге в Арзамас П. И. Головин был убит. Подробности его смерти до нас не дошли, но, судя по всему, дело не обошлось без Бориса Годунова. Во всяком случае, известно, что позже Годунов сделал вклад в московский Симонов Успенский монастырь «по Петру Головину». В. В. Головин также был привлечен к суду, лишен чина окольного и сослан. Брат казначея Михаил Иванович Головин бежал в Литву.

В опалу попал и окольный И. П. Головин. В Сибири и казанских

пригородах на воеводствах (фактически в ссылке) оказались и другие члены рода Головиных — Василий Петрович, Владимир Петрович, Иван Васильевич, Никита Петрович, Петр Петрович Меньшой, Федор Васильевич Головины. Они вернулись в Москву только при Лжедмитрии I.

Противники Годуновых и Романовых-Захарьиных попытались устроить переворот. Шуйские, Воротынские и Колычевы начинают уговаривать престарелого князя Ивана Федоровича Мстиславского принять участие в убийстве Бориса Годунова. Мстиславский поначалу отказывается, он слабоволен и нерешителен, да и Борис Годунов всегда хорошо к нему относился. Мало того, Борис публично назвал себя сыном Ивана Федоровича, разумеется, имея в виду покровительство, а не кровное родство.

Но через некоторое время Мстиславский дал себя уговорить. Бориса должны были убить на пиру у Мстиславского. Однако заговор был открыт. Но публичного суда не было. И. Ф. Мстиславский был очень популярен, а Годуновы и Романовы еще слишком слабы, чтобы устраивать показательные процессы без риска нежелательных последствий. В итоге состоялось тайное соглашение, по которому И. Ф. Мстиславский обязался постричься в монахи. В обмен на пострижение Годуновы и Романовы позволили его сыну Федору Ивановичу Мстиславскому занять в Боярской думе место отца и сохранить все родовые вотчины.

В 1585 г. — начале 1586 г. опалам подверглись князья А. П. Куракин, И. М. Воротынский и В. Ю. Голицын. Не пострадали только Шуйские, хотя их руководящая роль в борьбе с Годуновыми была очевидна.

В 1585 г. положение в столице было крайне нестабильным. Об этом свидетельствует и передача Борисом Годуновым Троице-Сергиеву монастырю фантастической по тем временам суммы — тысячи рублей. Этот вклад должен был обеспечить будущее семьи Годуновых в случае победы их врагов.

Весной 1586 г. Шуйские попытались прийти к власти с помощью мятежа. На подкуп московских купцов и «черных людей» были потрачены крупные суммы. Шуйские распускали самые нелепые слухи. Так, например, Борису Годунову приписывалось намерение свергнуть с престола Федора и посадить на царский трон католика — австрийского принца, женив его на царице Ирине.

Борис Годунов, в свою очередь, передал большие суммы начальникам всех стрелецких полков.

В те времена в Московском государстве тщательно скрывались все народные восстания. Поэтому о бунте московского населения в мае 1586 г

никаких официальных документов не сохранилось. Мало того, в конце 1586 г. русские послы в Польше и Австрии категорически опровергали слухи о том, что царь Федор в «Кремле-городе в осаде сидел». Послы лгали, как, впрочем, и положено дипломатам. Расходные книги Чудова монастыря засвидетельствовали факт осады Кремля с полной неопровержимостью. В середине мая 1586 г. монастырь закупал боеприпасы «для осадного времени». Как видим, монастырские служки и холопы в дни осады охраняли кремлевские стены вместе с верными Годуновым стрельцами.

Поднимать население на восстание — дело крайне опасное, особенно когда зачинщики восстания стремятся не к радикальным переменам, а к простой смене правителей. Это еще раз показал московский бунт 1586 г. — чернь вышла из-под контроля Шуйских. Уничтожение клана Годуновых и, возможно, Романовых, могло произойти только ценой большой крови и полного разгрома стрельцов. А что потом? Смогли бы в случае победы Шуйские обуздать московскую чернь? Однозначных ответов на эти вопросы у Шуйских, видимо, не было, и они решили заключить мир с Борисом Годуновым. Роль посредника взял на себя митрополит Дионисий. В нашей исторической литературе его принято называть сторонником Шуйских. На самом же деле Дионисий был хитрым и чрезвычайно честолюбивым человеком. Его поведение свидетельствует о том, что он не желал полной победы ни Шуйским, ни Годуновым. А сторону тех и других Дионисий принимал исключительно из тактических соображений. Он вел свою борьбу за власть. Заметим, у него было много шансов на успех. Дионисий мечтал стать наставником и фактическим правителем при набожном царе Федоре. В Средние века отмечены десятки случаев, когда глава церкви становился главой светской власти при неспособном правителе.

С помощью Дионисия стороны быстро достигли компромисса. Князь Иван Петрович Шуйский вышел к восставшим и заявил, что Шуйские помирились с Годуновыми. Какое-то время условия соглашения между Годуновыми и Шуйскими более менее выполнялись обеими сторонами. А тем временем Шуйские готовили страшный удар Борису — развод царя Федора с Ириной. (У Федора с Ириной не было детей, хотя царица неоднократно беременела, но каждый раз случались выкидыши.)

Вскоре представители земства вместе с митрополитом явились во дворец и подали царю Федору прошение, «чтобы он, государь, чадородия ради второй брак принял, а первую свою царицу отпустил во иноческий чин». Прощение это было равнозначно соборному приговору: его

подписали князь Иван Шуйский и ряд членов Боярской думы, митрополит Дионисий, епископы и вожди посада — гости и торговые люди.

Шуйские недооценили характер Федора. Еще в последние годы жизни Иван Грозный пытался заставить развестись Федора, но каждый раз наталкивался на решительное сопротивление. Применить же крайние меры после убийства царевича Иван Грозный не решался. Сейчас же развода требовал не свирепый царь-отец, а подданные. Заметим, что хотя Федор не любил лезть в государственные дела и доверял это ближним боярам, но при этом никогда не считал их равными себе.

Царь категорически отверг идею развода. Кроме того, красноречивому Борису удалось перетащить на свою сторону митрополита Дионисия. Вопрос о разводе царя был снят.

Настал черед и Годунову нанести ответный удар. Шуйских он решил оставить напоследок, а пока надо было свергнуть церковную верхушку. 13 октября 1586 г. по приказу царя митрополит Дионисий был лишен сана, а его место на митрополичьей кафедре занял Иов.

Согласно «Истории патриарха Иова», в апреле 1569 г. Иван Грозный посетил Успенский монастырь, стоявший на берегу Волги напротив города Старицы. Царь обратил внимание на молодого монаха Иова — воспитанника архимандрита Германа. Был он красив, имел приятный голос, проникновенно читал наизусть Писание и произносил слова молитв столь трогательно, что Грозный царь со своими опричниками плакали в умилении... Царь повелел произвести Иова в архимандриты.

Родители Иова были простыми посадскими людьми, так что путь к светской карьере их сыну был закрыт. Но успехи в церковной карьере зависели гораздо больше от личных качеств человека, нежели от его происхождения. Вспомним, к примеру, что Никон и Аввакум были из одной деревни.

В 1571 г. Иов становится архимандритом московского Симонова Успенского монастыря, а через четыре года — архимандритом более престижного Новоспасского монастыря. 16 апреля 1581 г. Иов был рукоположен в сан епископа коломенского.

По свидетельствам современников, Иов имел достаточно хорошее образование, но был человеком посредственным. Такие люди навсегда задерживаются на средних ступенях служебной лестницы, они являются хорошими исполнителями, но мало подходят на роль главных действующих лиц.

9 января 1586 г., в разгар борьбы с Шуйскими, по велению Годунова Иова перевели из Коломны в Ростов и назначили архиепископом

ростовским, ярославским и белозерским. Пробыв архиепископом менее года, Иов уже 11 декабря 1586 г. занял митрополичью кафедру.

В середине декабря 1586 г. Шуйские вновь организовали мятеж московских горожан. О подробностях мятежа официальные летописцы молчат. Но любопытно донесение витебского воеводы польскому королю, отправленное в конце декабря. Воевода писал, что мятеж горожан в Москве возглавил Андрей Иванович Шуйский. Восставшие якобы напали на двор Годуновых и разгромили его. При штурме двора был убит сам Борис и 800 человек его сторонников. На самом деле штурм годуновского подворья не удался, и сам мятеж был подавлен.

Расправа над побежденными на сей раз была жестче. Купец Федор Ногай и шесть купцов — сторонников Шуйских были публично казнены у Кремлевской стены. Десятки торговых людей разослали по разным городам «на житье».

Князя Шуйские были отправлены в ссылку в свои вотчины. Но в начале 1587 г. Борис Годунов приказал взять под стражу Шуйских. Князя Ивана Петровича Шуйского схватили по дороге, когда он ехал в свою суздальскую вотчину. Иван Петрович под караулом был отправлен на Белоозеро. Там его постригли в монахи под именем Иова. 16 ноября 1588 г. старец Иов преставился, причем недруги Годунова утверждали, что его удавили по приказу Бориса. Пока ни современникам, ни историкам не приходило в голову обвинить Бориса в глупости или патологической жестокости. Так зачем же ему понадобилось убивать весьма популярного в народе человека, героя обороны Пскова, который, став монахом, уже не мог участвовать в политической борьбе, даже если бы ему удалось бежать из монастыря.

Князь Андрей Иванович Шуйский был отправлен в Каргополь, где через пол года скончался при невыясненных обстоятельствах. Естественно, и его смерть приписали козням Бориса.

В города Галич и Шую были сосланы братья Василий, Дмитрий, Александр и Иван Ивановичи Шуйские. Опалы непосредственно не затронули В. Ф. Скопина-Шуйского, который находился «на жаловании в Каргополе» и не принимал участия в мятеже 1586 г.

По отдаленным городам были разосланы и сторонники Шуйских. Так, князя И. А. Татеева сослали в Астрахань, И. Ф. Крюк-Колычева — в Нижний Новгород и т. д. На время из столицы был удален и свояк Шуйских князь Д. А. Ногтев-Суздальский. Его ссылка была почетной — он стал воеводой в Свияжске.

Сторонник Шуйских боярин Ф. В. Шереметев не подвергся опале

вместе с Шуйскими и сохранил боярский чин. Но в 1589–1590 гг., видимо, не без связи с делом Шуйских он был вынужден постричься в монахи.

Разгромив клан Шуйских, Борис дал ясно понять князьям Рюриковичам, что им и их сторонникам нечего и мечтать о престоле.

Управление Россией из коллегиального, как это было в 1584–1585 гг., постепенно переходит в единоличное правление Бориса Годунова. Естественно, это сказывается и на богатстве рода Годуновых. В 1584–1586 гг. царь Федор жалует Борису и его родне десять вотчин. Отметим лишь пожалование в 1586 г. Бориса большой северной волостью Вага.

Англичанин Горсей писал в 1589 г., что годовой доход Годуновых составляет 175 тысяч рублей, и они могли выставить в поле сто тысяч воинов. Цифры эти несколько преувеличены, но они показывают, по крайней мере, порядок цифр богатства Годуновых.

Еще в 1586 г. Борису Годунову пришла в голову мысль учредить патриаршество на Руси. Не будем спорить, чего больше хотел достичь Борис — величия России или усиления своей власти. С началом царствования Федора Борис не разделяет свои интересы с интересами России. Позднейшие историки, в значительной своей части настроенные враждебно к Годунову, не найдут ни одного поступка боярина, а затем и царя Бориса, совершенного в личных целях и шедшего вразрез с интересами государства.

Как известно, Русь приняла крещение от Византии. Главой православной церкви был константинопольский патриарх. Русская митрополия первые три века своего существования рассматривалась в Константинополе как второстепенная периферийная епархия. Флорентийская уния 1438 года (попытка объединения с католиками) и взятие в 1453 г. Константинополя турками необратимо подорвали авторитет константинопольского патриарха. Одновременно Московское княжество стало мощным государством. Греческая церковь превратилась в иждивенку Москвы. В такой ситуации вполне понятно желание Москвы иметь своего патриарха рядом с единственным тогда православным государем — царем всея Руси.

С учреждением патриаршества в Москве надо было спешить, так как польский канцлер Ян Замойский уже поднимал вопрос с константинопольским патриархом о переносе патриаршеского престола в Киев. Вспомним, что к началу XVII века чуть ли не две трети бывшей Киевской Руси с православным населением находилось в составе Речи Посполитой. Учреждение патриархии в Москве было не только задумано, но и лично исполнено Борисом Годуновым. В «черновой» работе ему

помогали дьяки братья Андрей и Василий Щелкаловы. Боярская дума и московское духовенство в этой трагикомедии выполняли лишь роль статистов.

В 1588 г. константинопольский патриарх Иеремия прибыл в Москву по приглашению Бориса. Кстати, это был первый визит константинопольского патриарха на Русь. Переговоры с патриархом затянулись более чем на полгода и велись исключительно Борисом и Щелкаловыми. Хитрый грек приехал в Москву за щедрыми субсидиями, а о московском патриаршестве поначалу и слышать не хотел. Казалось бы, ситуация безнадежная, так как учреждение патриаршества без согласия главы православной церкви могло привести к расколу и смуте на Руси. Борис буквально шел по лезвию бритвы. Им был подкуплен один из спутников Иеремии архиепископ элассонский Арсений. После очередных безрезультатных переговоров Иеремия в присутствии Арсения заявил, что патриарха в Москве он ни за что не поставит, а в крайнем случае сам готов остаться в Москве патриархом. Арсений немедленно сообщил об этом Борису. Естественно, такой блестящий дипломат не упустил свой шанс. Московские приставы, охранявшие патриарха, начали просить его стать патриархом в Москве. Вроде бы по секрету передавали, что царь и бояре только и мечтают видеть Иеремию в Москве. Лесть вскружила голову Иеремии, и он, не дожидаясь официального предложения, публично согласился учредить в Москве патриархию и самому стать во главе ее. Патриарх попал в ловушку Бориса. Царь Федор прислал официальную грамоту:

«Будет похочет быти в нашем государстве цареградский патриарх Иеремия, и ему быти патриархом в начальном месте во Володимире, а на Москве быти митрополиту по-прежнему; а не похочет... быти в Володимире, ино на Москве учинити патриарха из московского собору».

Грек быстро навел справки и выяснил, что к тому времени Владимир стал захолустным городом. Иеремия категорически отказался. Борис и Щелкаловы поочередно вели душевные беседы с патриархом. Борис обещал Иеремии несметные сокровища в обмен на грамоту о «поставлений митрополита Иова патриархом». Понятно, что никто другой Борису был не нужен. А Щелкаловы пояснили патриарху, что из Москвы он не уедет, пока не уступит. По одной из версий, грекам пригрозили утоплением в Москве-реке. Аргументы были неотразимы, и Иеремия уступил. 26 января 1589 г. константинопольский патриарх возвел Иова на московский патриарший

престол. За это Иеремии из царской казны отвалили небывало большую сумму на построение новой патриаршей резиденции и нового собора в Константинополе.

Не забывал Борис заручиться и поддержкой среднего духовенства. Семейство Годуновых давало огромные вклады, по тысяче и более рублей, в Троице-Сергиев, Соловецкий, Кирилло-Белозерский, Иосифо-Волоколамский монастыри. Таким образом, церковь в целом безоговорочно поддерживала Бориса.

Глава 4

Коронация Бориса

Избрание Бориса Годунова на царство довольно подробно изложено нашими историками. Тут нужно отметить очень важную деталь. Как официальные царские, так и либерально-демократические историки XIX века по разным причинам преувеличивали значение Земских соборов конца XVI — начала XVII века. Первые доказывали, что избрание царей Земским собором выражало волю народа, мечтавшего о самодержавном государе, а вторые, наоборот, доказывали, что, мол, издревле верховная власть на Руси принадлежала Земским соборам. Последнее утверждение хорошо вписывалось в программу либералов конца XIX — начала XX века о созыве Земского собора с целью введения конституции в России.

В результате приход к власти Годунова у нас ассоциируется с собором 1590 г. и с персонажами пушкинской драмы, мажущими себе глаза луком, дабы поэффектнее поплакать на лугу у Новодевичьего монастыря. При этом напрочь забывается роль стрелецких полков в избрании новой династии. А ведь недаром мудрый Мао говорил: «Винтовка рождает власть». Так вот, московские бердыши и пищали были целиком на стороне Бориса. Тот еще при царе Федоре назначил главой стрелецких приказов своего троюродного брата Ивана Васильевича Годунова. Начальниками («головами») всех пяти московских стрелецких полков (всего около 10 тысяч ратников) были назначены верные Годуновым люди. Естественно, что стрельцы были надежной опорой Годуновых. Другой вопрос, что у него хватило ума и выдержки не только не применять силу, но и даже не грозить ею.

Большинство служилого дворянства и гражданской администрации также было на стороне Годуновых. Последние много лет бесконтрольно управляли приказами и ведали, как сейчас говорят, кадровой политикой. От Годуновых зависело назначение дворянина на службу, присвоение очередного звания, пожалование поместьями и вотчинами и т. д.

Только благодаря позиции московских стрельцов и служилого дворянства борьба за власть после смерти Федора обошлась без крови.

Однако оппозиция Борису была достаточно сильной. Мы привыкли к

марксистским догмам о классовой борьбе, роли народных масс и т. д. Увы, сии догмы абсолютно не применимы к событиям 1598 года. Социальные программы Бориса Годунова и его противников не имели различий, а точнее ни та ни другая сторона не предлагала народу никаких изменений в жизни. Соответственно, беднейшие слои населения сами по себе не были заинтересованы в борьбе за престол. А оппозиция Годунову состояла из титулованной и старомосковской знати, небольшого числа представителей администрации во главе с дьяками Щелкаловыми и части московского духовенства, недовольной Иовом. Соответственно, за представителями знатных родов стояли их дворяне, боевые холопы и различная челядь. Оппозиция привлекала в свои ряды простых граждан подкупом, а также распространением различных слухов, компрометирующих Годуновых. Об убийстве царевича Димитрия пока еще и речи не было, зато всюду муссировался слух об отравлении Борисом царя Федора.

Союз Годуновых и Романовых фактически распался. Часть Романовых сомкнулась с оппозицией Борису, но старательно держалась в тени. Сторонники Романовых распускали слухи о том, что де Федор на смертном одре завещал престол Федору Никитичу Романову. Однако эта версия была столь далека от истины, что в 1598 г. ни сами Романовы, ни кто-нибудь из оппозиции не рискнули высказать ее где-либо публично. Эта «липа» предназначалась лишь для недалеких и неинформированных людей, говоря языком того времени, для черни.

И дело не в том, что оппозиция боялась сказать о завещании царя Федора. На московских площадях в лицо Борису князья и бояре говорили и не такое. Просто тут было легко уличить оппонента во лжи. А вот спустя 15 лет, когда большинство ведущих политиков уже умерло, а у народа в голове все перемешалось, об этой «липе» заговорили публично.

Забыв старые обиды, Богдан Бельский вместе с Федором Ивановичем Мстиславским, при поддержке Романовых, выступил с предложением посадить на трон «царя» Симеона Бекбулатовича. Кстати, сей «царь» был женат на Настасье Ивановне Мстиславской, родной сестре Федора Ивановича. Но, как уже говорилось, эта кандидатура была более чем спорной, и от нее пришлось отказаться. Себя же Федор Никитич Романов предложить не рискнул, а других кандидатов попросту не было.

Кто-то из оппозиции выдвинул идею о передаче всей полноты власти Боярской думе. Сразу же после отъезда царицы Ирины в монастырь дьяк Василий Щелкалов вышел к собравшемуся в Кремле народу и потребовал присяги Боярской думе, но услышал в ответ: «Не знаем ни князей, ни бояр, знаем только царицу». Когда же дьяк объявил, что царица в монастыре, то

раздались голоса: «Да здравствует Борис Федорович!» Вот здесь мы в первый раз слышим глас народа. Население Москвы категорически против боярской власти, которая неизбежно приведет к анархии и междоусобице.

Историки могут сколько угодно долго спорить о деталях избрания Бориса царем, но ясно одно — его избрали по воле всей России. Пусть Годунов не был Рюриковичем, пусть у него не было таланта полководца, пусть он был суеверным и лживым, но ему не было альтернативы. Желать боярского правления или марионеточного Симеона могли только корыстные люди. А избрание Годунова обеспечивало еще и спокойный переход власти. Ведь власть переходила не от одного правителя к другому, а просто менялся титул правителя с сохранением всех его функций.

Сразу после смерти царя Федора по городам Московского государства были разосланы грамоты от имени патриарха с требованием послать выборных людей в Москву на Земской собор. Первое заседание собора состоялось 17 февраля 1598 г.^[18]

Документы собора дошли до нас почти полностью. Однако как раз обилие документов привело историков к разночтениям и, соответственно, к разным их толкованиям. Нет даже единства в числе участников собора. Н. М. Карамзин насчитал 500 избирателей, С. М. Соловьев — 474, Н. И. Костомаров — 476, В. О. Ключевский — 512, а современная исследовательница С. П. Мордовина — более 600.

По мнению автора, дело в том, что в разные дни заседаний присутствовало разное число членов собора (посмотрите вечером по телевизору заседание Государственной думы — сколько там пустующих мест!) Видимо, были и споры, кого из приехавших представителей городов считать полноправными представителями, а кого — нет. Даже если предположить, что какие-то документы собора были позже скорректированы, все равно собор 1598 г. был правомочным и легитимным.

Поданным С. М. Соловьева, на соборе из 474 человек 99 были духовными лицами, 272 человека — бояре, дворяне и дьяки, 33 человека — выборные от горожан, 7 стрелецких голов, 22 купца, 5 старост гостиных сотен и 16 представителей черных сотен.

Согласно официальным документам, собор открылся речью патриарха, который заявил, что после смерти царя Федора предложено было царство царице Ирине, но та не согласилась, и тогда просили ее благословить брата, просили и самого Годунова. Борис также отказался, и тогда отложили дело на 40 дней, до приезда выборных. «Теперь, — говорил Иов, — вы бы о том великом деле нам и всему освященному собору мысль свою объявили и совет дали: кому на великом преславном государстве государем быть?» И,

не дождавшись ответа, продолжал: «А у меня, Иова патриарха, у митрополитов, архиепископов, епископов, архимандритов, игуменов и у всего освященного вселенского собора, у бояр, дворян, приказных и служилых, у всяких людей, у гостей и всех православных христиан, которые были на Москве, мысль и совет всех единодушно, что нам, мимо государя Бориса Федоровича, иного государя никого не искать и не хотеть». На что советные люди громко ответили: «Наш совет и желание одинаково с твоими отца нашего всего освященного собора, бояр, дворян и всех православных христиан, что неотложно бить челом государю Борису Федоровичу и, кроме его, на государство никого не искать».

После этого на соборе началось перечисление прав Бориса Годунова на престол: «Царь Иван Васильевич женил сына своего, царевича Федора, на Ирине Федоровне Годуновой, и взяли ее, государыню, в свои царские палаты семи лет, и воспитывалась она в царских палатах до брака. Борис Федорович также при светлых царских очах был безотступно еще с несовершеннолетнего возраста, и от премудрого царского разума царственным чинам и достоянию навыв. По смерти царевича Ивана Ивановича великий государь Борису Федоровичу говорил: Божиими судьбами, а по моему греху, царевича не стало, и я в своей кручине не чаю себе долгого живота; так полагаю сына своего царевича Феодора и богом данную мне дочь царицу Ирину на Бога, Пречистую Богородицу, великих чудотворцев и на тебя, Бориса. Ты бы об их здоровье радел и ими промышлял. Какова мне дочь царица Ирина, таков мне ты, Борис, в нашей милости ты все равно, как сын. На смертном одре царь Иван Васильевич, представляя в свидетельство духовника своего, архимандрита Феодосия, говорил Борису Федоровичу: тебе приказываю сына своего Феодора и дочь Ирину, соблюди их от всяких зол. Когда царь Федор Иванович принял державу Российского царства, тогда Борис Федорович, помня приказ царя Ивана Васильевича, государское здоровье хранил, как зеницу ока, о царе Феодоре и царице Ирине попечение великое имел, государство их отовсюду оберегал с великим радением и попечением многих, своим премудрым разумом и бодро-опасным содержанием учинил их царскому имени во всем великую честь и похвалу, а великим их государствам многое пространство и расширение, окрестных прегордых царей послушными сотворил, победил прегордого царя крымского и непослушника короля шведского под государеву высокую десницу привел, города, которые были за Шведским королевством, взял. К нему, царскому шурину, цесарь христианский, салтан турецкий, шах персидский и короли из многих государств послов своих присылали со многою честью. Все Российское

царство он в тишине устроил, воинский чин в призрении и во многой милости, в строении учинил, все православное христианство в покое и тишине, бедных вдов и сирот в крепком заступлении, всем повинным пощада и неоскудные реки милосердия изливались, святая наша вера сияет во вселенной выше всех, как под небесем пресветлое солнце, и славно было государево и государынино имя от моря и до моря, от рек и до конец вселенной».

В субботу, 18 февраля 1598 г., и в воскресенье, 19-го, в Успенском соборе в Кремле торжественно служили молебны, чтобы бог даровал православному христианству по его прошению государя царя Бориса Федоровича.

20 февраля, в понедельник, после молебна патриарх с духовенством, боярами и множеством народа отправились в Новодевичий монастырь, где находились Борис и Ирина (инокиня Александра). Они со слезами молили Бориса принять престол, но получили отказ.

Патриарх Иов опять призвал всех православных христиан на следующий день, во вторник, устроить празднество Пречистой Богородице в Успенском соборе, а также по всем церквям и монастырям, после чего с иконами и крестами идти в Новодевичий монастырь. Тут же Иов тайно договорился с духовенством о том, что если царица благословит брата своего на царство и Борис будет царем, то простить его и забыть, что он клялся в нежелании своем быть государем. Если же опять царица и Борис откажут, то отлучить Бориса от церкви и самим снять с себя святительские саны, сложить панагии, одеться в простые монашеские рясы и запретить службу по всем церквям.

21 февраля крестный ход двинулся к Новодевичьему монастырю. Навстречу ему, под звон колоколов, вынесли икону Смоленской богоматери, за иконой вышел Борис Годунов. Он подошел к иконе Владимирской богоматери и сказал громко со слезами: «О милосердая царица! Зачем такой подвиг сотворила, чудотворный свой образ воздвигла с честными крестами и со множеством иных образов? Пречистая Богородица, помолись о мне и помилуй меня!» Борис долго лежал возле иконы и плакал, потом приложился к другим иконам, подошел к патриарху и сказал ему: «Святейший отец и государь мой Иов патриарх! Зачем ты чудотворные иконы и честные кресты воздвигнул и такой многотрудный подвиг сотворил?» Иов отвечал ему: «Не я этот подвиг сотворил, то Пречистая Богородица с своим предвечным младенцем и великими чудотворцами возлюбила тебя, изволила прийти и святую волю Сына своего на тебе исполнить. Устыдись пришествия Ее, повинись воле Божией

и послушанием не наведи на себя праведного гнева Господня». В ответ Годунов только плакал.

После этого Иов пошел в церковь, Годунов — к сестре в келью, а бояре и весь народ пошли в монастырь, а кому не хватило места в монастыре, стояли возле ограды. После обедни патриарх и все духовенство, в священных одеждах, с крестом и иконами, пошли в келью к царице и долго со слезами били ей челом, стоя на коленях. С духовенством пришли и бояре, а дворяне, приказные люди, гости и весь народ, стоя по всему монастырю и вокруг монастыря, упали на землю и долго с плачем и рыданием вопили: «Благочестива царица! Помилосердуй о нас, пощади, благослови и дай нам на царство брата своего Бориса Федоровича!» Наконец царица заплакала и сказала: «Ради Бога, Пречистой Богородицы и великих чудотворцев, ради воздвигнутая чудотворных образов, ради вашего подвига, многого вопля, рыдательного гласа и неутешного стенания даю вам своего единокровного брата, да будет вам государем царем».

Годунов с тяжелым вздохом и со слезами сказал: «Это ли угодно твоему человеколюбию, владыко! И тебе, моей великой государыне, что такое великое бремя на меня возложили и предаешь меня на такой превысочайший царский престол, о котором и на разуме у меня не было? Бог свидетель и ты, великая государыня, что в мыслях у меня того никогда не было, я всегда при тебе хочу быть и святое, пресветлое, равноангельское лицо твое видеть».

Сестра отвечала ему: «Против воли Божией кто может стоять? И ты бы безо всякого прекословия, повинуйся воле Божией, был всему православному государству государем». Тогда Борис сказал: «Буди святая твоя воля, господи». Патриарх и все присутствующие пали на землю, благодаря Бога, после чего отправились в церковь, где Иов благословил Бориса на все великие государства Российского царствия.

Естественно, что в этой официальной версии много натяжек, но предложить и серьезно обосновать иную версию событий пока еще никто не смог.

26 февраля 1598 г. Борис Годунов покинул Новодевичий монастырь и возвратился в Москву. В Кремле Иов проводил Бориса в Успенский собор и там еще раз благословил на царство. Отслушав обедню в Успенском соборе, Борис пошел в Архангельский, где, припадая к гробам великих князей московских и царей, говорил со слезами: «Великие государи! Хотя телом от своих великих государств вы и отошли, но духом всегда пребываете неотступно и, предстоя перед Богом, молитву творите. Помолитесь и обо мне и помогите мне».

Из Архангельского собора Борис пошел в Благовещенский, оттуда — в царские палаты, а затем поехал обратно в Новодевичий монастырь к сестре. Потом Борис вернулся обратно в Кремль к патриарху Иову, долго разговаривал с ним наедине, после чего простился с ним и со знатным духовенством на время Великого поста и поехал жить в Новодевичий монастырь.

Великий пост и Пасху Борис провел с сестрой в монастыре, а 30 апреля, в Мироносицкое воскресенье, торжественно переехал в кремлевский дворец. Опять его встретили крестным ходом, в Успенском соборе патриарх надел на него крест митрополита Петра. Опять Борис обошел соборы, ведя за руку своих детей — сына Федора и дочь Ксению. Затем был дан большой обед для всех.

Однако торжественное венчание на царство было отложено. 1 апреля 1598 г. пришла весть, что на Москву собирается крымский хан. Такие походы крымцы производили периодически, с интервалом от одного до десяти лет. Борис приказал собрать большое войско. К началу мая русские войска заняли позиции на реке Оке. 2 мая Борис выехал из Москвы и отправился в Серпухов, где принял командование над войском. Но татары не появлялись. Во время стояния на Оке Борис ежедневно устраивал пиры для дворян, стрельцов и других категорий ратных людей. В каждом таком пиру участвовали тысячи людей. Празднества продолжались почти два месяца.

Вместо войска татарский хан Бора-Газы Гирей прислал послов к Борису, и 29 июня татарские послы поехали представляться Борису. Увидев огромное войско и слыша беспрестанную стрельбу, послы так перепугались, что, придя к царю, от страха с большим трудом выполнили свою миссию. Царь Борис пожаловал их большим жалованьем, отпустил с большой честью и послал с ними большие дары хану. В тот же день Борис устроил большой пир для всего войска и отправился в Москву.

В Москву Борис въехал с большим торжеством, как будто одержал великую победу или завоевал целое царство. Патриарх с духовенством и множество народу вышли ему навстречу. Иов благодарил Бориса за совершение великого подвига, за освобождение христиан от кровопролития и плена.

1 сентября 1598 г., на Новый год, Борис венчался на царство. В своей речи, произнесенной по этому случаю патриарху, Борис сказал, что покойный царь Федор приказал патриарху, духовенству, боярам и всему народу избрать кого Бог благословит на царство, и что царица Ирина приказала то же самое, «и по Божиим неизреченным судьбам и по великой

Его милости избрал ты, святой патриарх, и прочие, меня, Бориса».

Очень любопытен текст присяги новому царю. Присягнувший по ней, между прочим, клялся: «Мне над государем своим царем и над царицею и над их детьми, в еде, питье и платье, и ни в чем другом лиха никакого не учинить и не испортить, зелья лихого и коренья не давать и не велеть никому давать, и мне такого человека не слушать, зелья лихого и коренья у него не брать. Людей своих с ведовством, со всяким лихим зельем и кореньем не посылать, ведунов и ведуней не добывать на государское лихо. Также государя царя, царицу и детей их на следу никаким ведовским мечтанием не испортить, ведовством по ветру никакого лиха не насылать и следу не вынимать никаким образом, никакою хитростию. А как государь царь, царица или дети их куда поедут или пойдут, то мне следу волшебством не вынимать. Кто такое ведовское дело захочет мыслить или делать, и я об этом узнаю, то мне про того человека сказать государю своему царю или его боярам, или ближним людям, не утаить мне про то никак, сказать вправду, без всякой хитрости. У кого узнаю или со стороны услышу, что кто-нибудь о таком злом деле думает, то мне этого человека поймать и привести к государю своему царю или к его боярам и ближним людям вправду, без всякой хитрости, не утаить мне этого никаким образом, никакою хитростию, а не смогу я этого человека поймать, то мне про него сказать государю царю или боярам и ближним людям».

Присягнувший должен был также клясться:

«Мне, мимо государя своего царя Бориса Федоровича, его царицы, их детей и тех детей, которых им вперед Бог даст, царя Симеона Бекбулатова и его детей и никого другого на Московское государство не хотеть, не думать, не мыслить, не семьиться, не дружитья, не ссылатся с царем Симеоном, ни грамотами, на словом не приказывать на всякое лихо. А кто мне станет об этом говорить или кто с кем станет о том думать, чтоб царя Симеона или другого кого на Московское государство посадить, и я об этом узнаю, то мне такого человека схватить и привести к государю».

Над текстом присяги вдоволь поёрничали и, надо сказать, не без оснований, наши историки от Соловьева до Скрынникова. Малодушие, мелочность, подозрительность и суеверие Бориса буквально бросаются в глаза при чтении присяги. Даже шутовскому царю Симеону сколько места отведено. Но вот почему-то ни один наш историк, писавший о присяге, не

обратил внимание на отсутствие в ней имени Федора Никитича или других братьев Романовых. В самом деле, Симеон оказывается претендентом на престол, а они — нет? Присяга является убедительным документом в пользу того, что в 1598 г. не только не было никаких притязаний на престол со стороны Романовых, но и Борис Годунов не рассматривал всерьез возможности появления их. Иначе это было бы отражено в присяге.

Обратим внимание, что в ходе междуцарствия 1598 г. братья Романовы ни разу прямо не выступили ни на стороне Годунова, ни против него. Анализ ситуации позволяет сделать вывод, что Романовы стояли за спинами оппозиции, не давая ни одного повода Борису для обвинения во враждебных намерениях.

В начале царствования Годунова внешнеполитическая ситуация была благоприятна для России. На северо-западе шла война между Швецией и Польшей, а на юге турецкий султан и крымский хан были заняты войной на территории Венгрии.

Некоторые историки, в том числе и С. М. Соловьев, упрекают Бориса, что он не ввязался в шведско-польскую войну. На мой взгляд, это вопрос спорный. Шведская армия была слишком сильна, и дело кончилось бы поражением русских. Союз же со Швецией давал шанс на возвращение, по крайней мере, части земель Белой и Малой Руси. Но, с другой стороны, тогда Польша отдала бы шведам всю Прибалтику, что лишило бы Россию всяких надежд на выход к Балтийскому морю. А главное, Борис не хотел начинать свое царствование с большой войны.

Годунов же пытается дипломатическими путями создать союзное России территориальное образование в Ливонии. В этом Годунов подражает Ивану Грозному. Как Грозный хотел сделать из Ливонии вассальное королевство и назначил королем датского принца Магнуса, так и Годунов для той же цели еще при царе Федоре вошел в контакт со шведским принцем Густавом, сыном Эрика IV,^[19] изгнанным из Швеции и жившим в Италии.

В начале своего царствования Борис пригласил Густава в Москву. Приглашение было подкреплено богатыми подарками. Принц же сидел в Италии без гроша и поспешил согласиться. Густава хорошо приняли в Москве и дали на «кормление» Калугу и три малых городка.

В 1601 г. царь Борис велел показать польским послам принца Густава, дабышний раз напомнить заносчивым панам, что законный претендент на польский и шведский престол находится в Москве.

Борис не только хотел сделать Густава вассальным королем Ливонии, но и женить его на своей дочери Ксении. Но, увы, принц не годился ни для

роли короля, ни для роли царского зятя. Ему была чужда политика, а увлекали его медицина и алхимия. Проезжая город Данциг, он увел у владельца трактира Христофора Кетера жену и привез ее в Россию. Само по себе это дело житейское, но, вместо того чтобы жить тихо с любовницей, как это делают все нормальные люди, он начал афишировать свою связь с трактирщицей. Густав катался по Москве в карете с любовницей и прижитым от нее ребенком.

В конце концов терпение Бориса лопнуло, и он сослал ловеласа в Углич, затем в Ярославль и, наконец, в Кашин, где тот и умер в 1607 г.

Борису пришлось срочно искать нового претендента на ливонский престол и жениха своей дочери. По обеим проблемам Борис нашел понимание у датского короля Кристиана IV. Дания в XVI–XVII веках была постоянным противником Швеции и желала видеть в России союзника. В августе 1602 г. в устье реки Наровы был торжественно встречен принц Иоанн, родной брат Кристиана IV.

Иоанна торжественно приняли в Москве царь Борис и царевич Федор. Естественно, что, согласно московским обычаям, Иоанн не видел ни царицы Марии, ни царевны Ксении. В честь принца в Москве и царь, и бояре устраивали обильные пиршества. Двадцатилетний принц оказался любителем поесть и крепко выпить. В середине октября 1602 г. царь Борис поехал к Троице помолиться, там он узнал, что принц в Москве сильно переел или перепил. В итоге Иоанн заболел и 28 октября умер. Борис был в отчаянии — второй раз рушились его политические и семейные планы. Однако враги Бориса поспешили в Москве и за рубежом распустили слух, что Иоанна приказал отравить Борис, узнав, что «московские люди всею землей зело полюбили Иоанна». Борис-де испугался переворота в пользу принца.

Попробуем проанализировать эту дезинформацию, чтобы найти ее источник. Историки XIX–XX веков создали штамп — «народ не любил Бориса». Вопрос — какой «народ» мог придумать такую «дезу». Датский принц пробыл в Москве около месяца, русского языка не знал, кроме бояр и дьяков ни с кем не общался. И вот народ возлюбил немца-лютеранина, которого издали видел в карете. Можно ли сомневаться, что источник «дезы» был в боярской или высшей церковной среде?!

Неудача не останавливает Бориса, и в 1604 г. в Дании начинаются переговоры о браке царевны Ксении с одним из Шлезвиг-Голштейнских герцогов. Однако начало Смуты положило им конец.

Несколько слов стоит сказать о взаимоотношениях России с Польшей. 6 января 1582 г., то есть еще при Иване Грозном, был подписан русско-

польский Запольский мирный договор. Назван договор по деревне Запольский Ям, где должен был произойти съезд послов. На самом же деле договор был подписан в деревне Киверова Гора в пятнадцати верстах от Запольского Яма. Подробный рассказ об этом договоре и предшествующих событиях Ливонской войны выходит за рамки данного повествования. Я лишь отмечу нюансы, касающиеся титула московского царя. Сей спорный вопрос стороны решили весьма оригинально. В русском экземпляре договора за царем сохранялся титул «царя», то есть императора (цесаря), в польском же он не упоминается. В русском экземпляре царь именовался также «властитель Ливонский и Смоленский», а в польском «властителем Ливонским» именовался польский король, а титул «Смоленский» не принадлежал никому.

Срок действия договора первоначально считался 10 лет. 10 января 1591 г. в Москве был подписан новый договор о перемирии (мире) между Россией и Польшей на 12 лет, считая с 15 августа 1591 г.

11 марта 1601 г. в Москве было подписано новое соглашение о перемирии на 20 лет, считая с 15 августа 1602 г. С польской стороны соглашение в Москве подписал канцлер и великий гетман литовский Лев Иванович Сапега, с русской — боярин Михаил Глебович Салтыков. 7 января 1602 г. в Вильне король Сигизмунд III ратифицировал договор. Царь Борис сделал это еще раньше.

Таким образом, с польским королем не было войны с 1582, г., (стычки с частными армиями пограничных феодалов не в счет) и аж до 1604 г. вроде бы ничего не предвещало войны.

Интерес представляет и отношение Бориса Годунова к запорожским казакам. С казаками нужно было держать ухо востро. В 1588 г. казаки, проживавшие в Каневе, Черкассах и Переяславле (то есть не запорожские, а малороссийские), внезапно явились в Воронеж и объявили воронежскому воеводе, что они собрались вместе с донцами воевать татар и потому просят дать им отдохнуть и покормиться в Воронеже. Воевода, не подозревая ничего дурного, поселил казаков в остроге и велел выдать им корм. Но с наступлением ночи казаки неожиданно подожгли город. Воспользовавшись паникой, казаки начали грабить, убили и захватили в плен несколько десятков горожан и ратных людей и благополучно ушли восвояси. Царь Федор обратился с жалобой на казаков к киевскому воеводе князю Острожскому, и воевода дал такой ответ: «Паны радные писали к князю Александру Вишневецкому, велели ему схватить атамана запорожского, Потребецкого с товарищами, которые сожгли Воронеж. Паны грозили Вишневецкому, что если он не переловит казаков, то

поплатится головой, потому что они ведут рамирию с государем московским». Вишневецкий сумел захватить атамана Потребецкого с семьюдесятью товарищами. Атаман был казнен, а что стало с остальными — неясно.

Тем не менее отношения России с запорожскими и малороссийскими казаками были неплохие. Так, в апреле 1589 г. Москва послала дьяка Афанасия Зиновьева на переговоры с запорожским атаманом Матвеем. Зиновьев отыскал Матвея на реке Донце. Атаман заявил, что он служит государю (московскому) «прямую службу» и подал царю Федору челобитную о пожаловании казакам продовольствия. Царь послал казакам запасы муки и толокна на сто рублей денег для раздела на 620 человек и, кроме того, особые подарки атаманам. Запорожские и малороссийские казаки были нужны Москве для войны с Крымом, и казакам регулярно отправлялось продовольствие, деньги, оружие и порох.

Однако казаки, как и польские паны, не представляли собой централизованной силы. Отряды «черкасов» (так называли на Руси и малороссийских, и запорожских казаков, причем часто отличить их было практически невозможно) эпизодически наведывались пограбить в московские пределы.

Так, в 1591 г. царю Федору бил челом (то есть написал грамоту) волжский казацкий атаман Волдырь. Он жаловался, что в 1589 г. его отряд (видимо, на стругах) на Волге был побит черкасами. Самого Волдыря держали в плену шесть недель. Но в конце концов ему с товарищами удалось бежать да еще захватить с собой трех «воров» черкас, которых он сдал воеводе в Переволочне (на Волге). Затем Волдырь и его отряд выполняли функции спецназа — царь послал их из Царицына за воровскими атаманами и казаками Андрюшкой Голощепом с товарищами. Волдырь Голощепу поймал. Затем Волдырь был послан на реку Медведицу за воровскими казаками, поймал четырех человек. Посылали Волдыря из нового города Саратова, и он поймал воровского атамана Щеголева. Волдырь просил государя за службу пожаловать «как его (то есть царя) Бог известит». Бог или Годунов известили Федора, что особо много Волдырю давать не следует, и тот был награжден сукном на один рубль денег. Кстати, в 1606 г. именно Волдырь устроил авантюру с «царевичем Петром», мнимым сыном царя Федора Иоанновича.

Челобитная Волдыря показывает масштабы разбоев на юго-восточных рубежах страны еще до начала царствования Бориса. Задолго до 1598 г. в юго-западной, южной и юго-восточной областях России сложилась взрывоопасная ситуация. По периметру российских границ от Смоленска

до Казани страну окружали не централизованные государства, а шайки разбойников — польских панов, малороссийских казаков, крымских татар и десятки различных орд от ногайцев до казанских татар.

Для борьбы с набегами московские власти еще со времен Ивана Грозного строили «засечные черты», то есть линии укреплений вдоль границ. Узлами обороны засечных черт были небольшие крепости, гарнизоны которых сочетали пассивную оборону с активной. При нападении крупных сил неприятеля гарнизон садился в осаду, а когда «воров» было мало, из крепости вылетал конный отряд на поиски очередной шайки. Жизнь в таких гарнизонах была трудна и опасна. Дворяне и ратники из Москвы и других городов ехали на засечные линии только в принудительном порядке. Контроль из Москвы над воеводами и ратниками в засечных линиях и малых крепостях был минимальный.

У отчаянных удальцов, стоявших на рубежах земли Московской, перспектив пойти на повышение в Москву и обзавестись вотчинами было ничтожно мало. В случае возникновения любой смуты они ничего не теряли, но могли приобрести очень многое. Таким образом, истоки Смуты заключались не в притеснениях крестьян или убиении младенца Борисом Годуновым, как нам уже много лет твердят историки, а в росте «антигосударственного элемента»^[20] по дуге Смоленск — Казань в сочетании с интригой бояр Романовых, подставивших самозванца.

Враги Бориса распускали слухи о его невежестве. Эти сплетни подхватили многие позднейшие историки. На самом же деле Борис немедленно приступил к ряду реформ в России. Другой вопрос, что он вел их более мягкими методами и не столь быстро, как Петр I.

Наибольшие аналогии напрашиваются в отношениях с заграницей. Так, Борис начал активно принимать в России иностранцев. Еще при царе Федоре он пригласил в Россию известного английского математика и астролога Джека Ли, предложив ему две тысячи фунтов ежегодного содержания. Тот отказался, но зато в 1598–1603 гг. в Россию прибыло несколько тысяч европейцев, в основном немцев. Впервые в истории в Москве Борис разрешил построить лютеранский храм. Опять же впервые в России в 1600–1601 гг. было сформировано подразделение из немецких и других наемников для охраны Кремля. Однажды знаменитый келарь Троице-Сергиева монастыря Авраамий Палицын упрекал царя за то, что тот убеждает своих приближенных бояр остричь себе бороды.

Царевич Федор Борисович при помощи иностранцев сумел начертить первую карту России. Вплоть до Петра I она оставалась единственной картой, напечатанной в России.

Годунов первым из московских правителей отважился отправить русских детей на обучение за границу. Шесть мальчиков поехали учиться в Сорбонну, пятеро было послано в университет в Любек, четверо — в Лондон. Всего учиться за границу уехало восемнадцать человек.

Борис мечтал открыть в Москве университет и уже набрал несколько иностранных преподавателей. Однако Смута покончила с его мечтами. Университет так открыт и не был, а из восемнадцати юношей, отправленных учиться за границу, вернулся в Россию лишь один — Игнатий Алексеев, сын Кучкин. Он провел восемь лет в Любеке. В 1610 г. Кучкин попытался морем вернуться на родину, но его корабль был захвачен шведами и отведен в Кольвань (Ревель). Лишь через несколько месяцев Кучкину удалось вернуться из шведского плена. Не будем винить остальных «студентов». Кто захочет после Оксфорда или Сорбонны ехать в охваченную войной и мятежом страну, не имеющую законной власти.

В царствование Бориса увеличилось число и тиражи печатных книг. Руководил Печатным двором Андроник Тимофеев Невежа, а потом его сын Иван Андроников Невежин, который в послесловии к «Цветной триоди» восхвалил Бориса:

«И о сем богодухновенных писаний трудолюбственнем деле тщание велие имел и с прилежным усердием слова истины исправляя, делателей же преславного сего печатного дела преизобилие своими царскими уроки повсегда удоволяя, и дом превелик устроить повеле: в нем же трудолюбному сему книжного писания печатному делу совершатися».

При Годунове по всей стране закипело строительство. Именно при нем построили колокольню Ивана Великого. Были построены новые зубчатые стены Кремля. Мощные стены опоясали Китай-город. Впервые в России в Кремле был создан водопровод. По всей стране от Смоленска до Астрахани Годунов строил каменные цитадели.

В нашей истории давно утвердился штамп, что, взойдя на престол, Борис Годунов начал тотальную борьбу с «феодальной аристократией». На самом же деле Борис проводил по отношению к знати гибкую политику, индивидуально подходя к каждому клану и группировке. Чтобы не быть голословным, приведу перечень назначений за первые полтора года царствования Бориса. По случаю своего венчания на царство в сентябре 1598 г. Борис щедро раздает думные чины. Боярами в это время становятся князь Михаил Петрович Катырев-Ростовский, Александр Никитич Романов

(из кравчих), князь Андрей Васильевич Трубецкой, князь Василий Казы Карданукович Черкасский, князь Федор Андреевич Ноготков-Оболенский. Чином конюшего был пожалован боярин Д. И. Годунов. Чин окольничего получили Никита Васильевич, Семен Никитич, Степан Степанович и Матвей Михайлович Годуновы, Б. Я. Бельский (из оружничих), Михаил Михайлович Кривой Салтыков, Михаил Никитич Романов, князь Василий Дмитриевич Хилков-Стародубский, Фома Афанасьевич Бутурлин. В казначеи был произведен думный дворянин И. П. Татищев. Чин кравчего (на место А. Н. Романова) получил Иван Иванович Годунов. 25 декабря 1598 г. в дворецкие был произведен боярин С. В. Годунов. В конце 1598 г. — начале 1599 г. чин думного дворянина получил Евстафий Михайлович Пушкин. К январю 1599 г. в думные дворяне был пожалован ясельничий Михаил Игнатьевич Татищев.

Внимательный читатель уже заметил, что среди пожалованных много Романовых и их родни и даже Бельских — явных врагов Бориса. Из этого следует, что Борис сделал вид, что не заметил недружественной позиции Романовых во время кризиса 1598 года. Худородных Бельских он, видимо, вообще не считал опасными и протянул им руку.

Среди пожалованных довольно много Годуновых. Но пожалования они получили не как царские родственники, а за конкретные заслуги и в порядке очередности. Историк А. П. Павлов, специально занимавшийся составом и структурой государева двора XVII века, писал: «Никто из вновь пожалованных в Думу Годуновых не получил сразу высший боярский чин, минуя окольничество. В бояре при царе Борисе было пожаловано только двое новых представителей этой фамилии (Семен Никитич и Матвей Михайлович), но одновременно сходят со сцены старые бояре Годуновы. К июню 1605 г. умерли конюший Д. И. Годунов и И. В. Годунов, и в боярах числилось только трое Годуновых».^[21]

Земельные пожалования Годуновых в царствование Бориса были достаточно скромны. Данная царем Федором во владение конюшему Борису Годунову богатая Важская земля не была передана «по наследству» конюшему Д. И. Годунову, а снова перешла в государственное владение. Не все родственники царя Бориса были крупными землевладельцами. Так, И. А. и И. Н. Годуновы выставили в 1604 г. в поход против Лжедмитрия всего по пять всадников (то есть имели по 500 четвертей поместной и вотчинной земли), Ф. А. Годунов — четверых всадников, «оприч Вяземской земли» (то есть 400 четвертей). Годуновы редко назначались воеводами в полки, и по имеющимся данным видно, что и после 1598 г. они уступали в местническом отношении первостепенным «княжатам» —

Мстиславскому, Шуйским, Трубецким и Голицыным. Таким образом, Борис не старался выделять своих родственников из среды знати.

В годы своего царствования Борис не ввел в Боярскую думу ни одного из своих сородичей — Сабуровых и Вельяминовых. К 1605 г. в думе не осталось ни одного из представителей этих фамилий. Однако в целом Сабуровы и Вельяминовы успешно продвигались по службе. При царе Борисе в московских чинах — стольниках, стряпчих и московских дворянах — служили 13 Сабуровых и 23 Вельяминова. Интересно, что в XVII веке первым боярином из рода Сабуровых стал Михаил Богданович Сабуров, но произведен в бояре он был не Годуновым, а Лжедмитрием I.

Проанализировав деятельность Бориса Годунова в первые годы его царствования, нетрудно сделать однозначный вывод, что его политика полностью соответствовала интересам Российского государства. Знать была избавлена от репрессий прошлого. Ни один знатный род не был насильственно отстранен от власти. Князья Рюриковичи и Гедиминовичи могли быть уверены, что при Годунове их не вытеснят худородные выскочки. Тот же А. П. Павлов писал: «Дума конца царствования Бориса Годунова была не менее (а пожалуй и более) аристократичной по составу, чем дума 1598 г. Из 20 бояр 1605 г. 11 человек относились к первостепенной княжеской знати (Мстиславские, Шуйские, Голицыны, Куракин, Трубецкие, Катырев-Ростовский, Воротынский, Черкасский)».^[22]

Глава 5

Заговор бояр Романовых

Казалось бы, разумная внешняя и внутренняя политика Годунова должна была обеспечить стабильность в обществе, но случилось совсем наоборот. Как титулованная знать, так и беспородные бояре — все рвались к власти. Перед Иваном Грозным все трепетали. Внуки удельных князей Рюриковичей и Гедиминовичей вели себя перед царем как кролик перед удавом. Это было явление не политическое, а, скорее, медицинское — паралич воли сопровождался рядом других психических заболеваний. Ведь за долгое царствование Ивана никто даже не пытался убить кровавого тирана. Спасаясь от опричного террора, бежали буквально единицы. Верность присяге, крестному целованию? Нет, это чушь! Посадив на престол шутовского царя Симеона, Иван формально освободил всех подданных от присяги. Но паралич воли продолжался — потомки викингов и не шевельнулись. Жертвы покорно шли на плаху и садились на кол, «распевая каноны Иисусу».

А вот в условиях стабильности и безопасности многие князья и бояре распоясались. Кое-кто начал считать царя Бориса ровней и примерял на себя шапку Мономаха.

Борис, как правило, был в курсе происков своих врагов. Он создал разветвленную систему сыска. Позже московский летописец отметил, что дьявол «вложил Борису мысль все знать, что ни делается в Московском государстве; думал он об этом много, как бы и от кого все узнавать, и остановился на том, что, кроме холопей боярских, узнавать не от кого». Надо ли говорить, что доносы посыпались как из рога изобилия.

Царь Борис велел дать ход доносу дворян князя Ивана Ивановича Шуйского на своего господина. Яшка Иванов, сын Марков, и его брат Полуехтко обвиняли князя в колдовстве и сборе «кореньев» (видимо ядов). Марков был награжден царем, но и Шуйские не были наказаны. Царь попросту их немного попугал. Как свидетельствуют разрядные книги, служебная карьера Василия Ивановича Шуйского и его братьев при Годунове шла достаточно хорошо. Некоторые историки утверждают, что Борис запретил Василию Ивановичу Шуйскому жениться, но это вымысел.

Как и в остальных случаях, «злодей» Борис был ни при чем. От первой жены княжны Елены Михайловны Репниной у Василия Шуйского были только две дочери. Еще до вступления Бориса Годунова на престол Шуйскому каким-то образом удалось развестись с женой. Во втором браке, с Марьей Петровной Буйносовой-Ростовской, у Шуйского родилась еще одна дочь. Да и зачем награждать чинами и одновременно смертельно унижать ближнего боярина? А главное, что толку? У Шуйского были младшие братья, так что у Шуйских и так хватало претендентов на престол (и это еще без Скопиных-Шуйских).

Более круто Борис обошелся с Богданом Бельским. В июне 1599 г. Бельский был назначен воеводой в войске, сосредоточенном в районе Северного Донца. Там по царскому указу было начато строительство цепи крепостей для защиты от крымских татар. Самую мощную крепость, Царев-Борисов, названную в честь царя, Бельский сделал своей резиденцией.

Гарнизон Царева-Борисова состоял из 46 выборных дворян, 214 детей боярских — рязанцев, тулян, каширян и белевцев, 2600 русских и украинских казаков, стрельцов и «немцев». Бельский не только не пытался поживиться за счет больших средств, отпущенных на строительство крепостей и содержание войск, но даже доставлял для ратников припасы из своих имений. В своем кругу пьяный Богдан хвалился, что де-Годунов — царь в Москве, а он (Бельский) — царь в Цареве-Борисове и т. п. Естественно, доброжелатели донесли обо всем в Москву. В марте 1600 г. Бельский был арестован, а главным воеводой в Царев-Борисов назначен окольный Андрей Иванович Хворостин.

Боярская дума признала Бельского виновным, но Борис не желал начинать казни. Поэтому Бельского наказали весьма оригинальным способом. «Государственный преступник» был привязан к «позорному» столбу, и царский медик шотландец Габриэль выщипал волос за волосом всю его длинную бороду. Потерять бороду тогда считалось большим бесчестьем. Бельский был лишен чина окольного и отправлен в ссылку в Нижний Новгород.

Враги Годунова использовали наказание Бельского, чтобы запустить очередную «утку». Бельский-де был наказан за то, что он покался духовнику в страшных преступлениях. Он де по наущению Бориса Годунова умертвил в 1584 г. царя Ивана, а в 1598 г. — царя Федора. Испуганный духовник сообщил «тайну» патриарху, а Иов настучал царю.

Разумеется, вышесказанное — чушь собачья, но выдумали ее не бабки на базаре, а весьма умные люди, действовавшие по принципу Геббельса —

«Чем чудовищнее ложь, тем больше ей верят». Ни до ни после Бориса не было царя, против которого была бы развернута столь мощная пропагандистская кампания. Ее можно сравнить лишь с кампанией против Николая II и Распутина в 1915–1916 гг.

Кто был рупором этой пропаганды, «доктором Геббельсом» начала XVII века, мы, видимо, никогда не узнаем. Автор принципиально не хочет фантазировать, но по логике вещей источник пропаганды находился среди московских церковников, возможно, монахов Чудова монастыря. Иов допек многих умных и честолюбивых духовных лиц. А избавиться от него без свержения Бориса было нельзя. Эти церковники не могли не вступить в связь с мощным боярским кланом, соперничающим с кланом Годуновых. И таким кланом стали Романовы.

За два последних столетия наши историки до предела мифологизировали роль Романовых в Смутное время. На фоне злодея и неврастеника Бориса Годунова, отпетых негодяев Гришки Отрепьева и Тушинского вора перед нами предстает доброе патриархальное семейство Романовых. Романовы-де имели самые большие права на престол, но им чуждо стремление к власти, они далеки от политических интриг. И вот за эту доброту и бескорыстность все правители, начиная с царя Бориса и кончая Тушинским вором, всячески мучают праведное семейство. Наконец храбрый воевода освобождает Москву от злых иноземцев, и весь народ, начиная с самого воеводы и кончая простым казаком, молит юного ангелоподобного отрока стать царем московским. Надо ли говорить, что тут не обошлось без вмешательства небесных сил?! Отрок и его мать долго отказываются, они, мол, никогда и не думали, чтобы Миша мог стать царем.

Миф о Романовых нашел отражение даже в пушкинском «Борисе Годунове». Там дворянин Афанасий Пушкин говорит Рюриковичу Шуйскому:

«Знатнейшие меж нами роды — где?
Где Сицкие князья, где Шесту новы,
Романовы, отечества надежда?»
Шуйский: «Прав ты, Пушкин»...

Ну ладно, что князья Сицкие и Шастуновы уже три года, как прощены и исправно служат Борису, поэт мог и не знать, но чтобы Шуйский — потомок Андрея Ярославича и ненавистник выскочек Романовых признал

— их «знатнейшими меж нами» и «отечества надеждой»... Это уже топорная лесть, граничащая с издевательством над семейством Романовых.

Пушкин писал П. А. Вяземскому сразу после окончания «Годунова»:

«Жуковский говорит, что царь меня простит за трагедию — навряд, мой милый. Хоть она и в хорошем духе писана, да никак не мог упрятать всех моих ушей под колпак юродивого. Торчат!»

На самом деле Романовы были до неприличия беспородны. 550 лет Русью правили князья — потомки норманнского князя Рюрика. Власть Рюриковичей наследовалась двумя способами: по горизонтали — старшему в роду и по вертикали — от отца к сыну. В XV веке окончательно утвердился второй способ наследования. Но всегда наследование шло исключительно по мужской линии. Князья обычно вступали в брак с княжнами из соседних княжеств, иногда с боярскими дочерьми, были браки с половецкими, а потом и татарскими княжнами. Боярская дочь, став женой Рюриковича, получала титул княгини, но никогда ни при каких обстоятельствах ее родичи не становились князьями и уж подавно не могли претендовать на княжеский престол. То же самое можно сказать о половецких и татарских князьях (ханах).

Семейство Романовых считало своим прародителем Андрея Кобылу — дружинника московского князя Симеона Гордого. Историкам о Кобыле известен лишь один факт, что он вместе с Алексеем Босоволоковым ездил в Тверь за невестой для Симеона. Предполагается, подчеркиваю, предполагается, поскольку неоспоримых доказательств нет, что Кобыла отличался большой плодовитостью. Позже ему приписали 5 сыновей, 14 внуков и 25 правнуков, но никаких достоверных документов на сей счет нет. Не только Романовы, но и десятки известных дворянских фамилий считали Кобылу своим предком. Среди них Бутурлины, Челядины, Пушкины, Свибловы и другие.

Потомки Кобылы — Кошкины (4 поколения), Захарьины (2 поколения) — постоянно были рядом с московскими князьями, но всегда на вторых ролях. Ни громких побед, ни больших опал. Кошкины и Захарьины преуспевали лишь в накоплении богатств. Самым прибыльным промыслом в Средние века на Руси была добыча и продажа соли. В начале XV века Кошкиным удалось стать владельцами самых крупных варниц в Нерехте.

В 1547 г. Романовы (они тогда назывались еще Захарьиными) породнились с родом Ивана Калиты. Царь Иван IV, еще не Грозный, женился на шестнадцатилетней Анастасии, дочери умершего четыре года

назад окольного Романа Захарьевича. Современники утверждали, что Анастасия была хороша собой. Но выбор определила не ее внешность, а соглашение между кланом Захарьиных-Яковлевых и кланом Глинских. Клан Захарьиных был многочислен, его связывали семейные узы с князьями Сипкими, Бельскими, Шастуновыми и Оболенскими. Клан был силен и очень осторожен. Это не могло не импонировать Глинским, которые надеялись править одни от имени Ивана, пользуясь поддержкой Захарьиных-Яковлевых. Противостоять блоку Глинских с Захарьиными в 1547 г. было практически некому, так как после убийства Андрея Шуйского клан Шуйских серьезно ослабел.

3 февраля 1547 г. состоялась царская свадьба. После свадьбы старшему из сыновей Романа Захарьевича Даниле был присвоен чин окольного. Его дядя Григорий Юрьевич Захарьин и двоюродный брат Иван Большой Михайлов-Юрьев становятся боярами.

Брак Ивана IV с Анастасией Романовной не представлял ничего экстраординарного в истории России. Подавляющее большинство жен московских князей были дочерьми бояр или даже дворян. Да и у самого Ивана Грозного было семь жен и, соответственно, куча родни по женской линии, начиная с Романовых (Захарьиных) и кончая Нагими.

За тринадцать лет жизни с царем Иваном Анастасия Романовна родила шестерых детей: Анну, Марию, Дмитрия, Иоанна (убит отцом в 1582 г.), Евдокию и будущего царя Федора. Анастасия умерла 7 августа 1560 г. сравнительно молодой, ей было около тридцати лет, что дало многим современникам и потомкам основание предполагать отравление царицы.

К марту 1584 г., когда внезапно умирает царь Иван, из мужского потомства Захарьиных в живых остался лишь Никита Романович Захарьин и его дети, которых по деду стали называть Романовыми.

Никита Романович оказался самым плодовитым в роду Захарьиных. От двух жен — Варвары Ивановны Ховриной и Евдокии Александровны Горбатой-Шуйской — он имел пятерых сыновей и пятерых дочерей (Федора, Михаила, Александра, Василия, Ивана, Анну, Евфимию, Ульяну, Марфу и Ирину). Из них только Ульяна умерла в младенчестве, в 1565 г. Старшая дочь Анна была выдана замуж за князя Ивана Федоровича Троекурова. Рюриковичи Троекуровы вели свой род от ярославских удельных князей. Дочь Евфимию Никита Романович выдал за князя Ивана Васильевича Сицкого. Марфа стала женой Бориса Камбулатовича Черкасского. Он был сыном кабардинского владельца Камбулата — родного брата Темрюка, отца Марии — второй жены Ивана Грозного. В 1592 г. Борис Камбулатович становится боярином. У Марфы и Бориса было трое

детей — Иван, Ирина и Ксения. Иван при царе Михаиле стал боярином, Ирина выдана за боярина Федора Ивановича Шереметева, а Ксения — за Ивана Дмитриевича Колычева. Младшая дочь Никиты Романовича Ирина вышла замуж за боярина Ивана Ивановича Годунова. Потомства у них не было.

Наиболее выдающейся личностью из большой семьи Никиты Романовича стал его старший сын Федор. Он был красив и статен. Он, по-видимому, первым из московской знати стал брить бороду и носить короткую прическу. О щегольстве Федора и умении одеваться иностранные послы говорили, что если московский портной хотел похвалить свою работу заказчику, то он говорил: «Вы теперь одеты как Федор Никитич».

В 1586 г. Федор прямо из рынд прыгнул в бояре. В 1590 г. он женился на Ксении Ивановне. В торжественном обряде венчания участвовал сам царь Федор и боярин Борис Годунов. Остается лишь единственный вопрос — на ком женился Федор Никитич и кто стал матерью царя Михаила? Об этом уже свыше трехсот лет спорят историки. Имя и отчество невесты точно известно, вопрос только в фамилии.

Ряд историков XIX века, как, например, Б. Филатович, утверждает, что Федор Никитич женился на дочери дворянина Ивана Васильевича Шестова. Многие историки (С. М. Соловьев, С. Ф. Платонов и др.) попросту обходят этот вопрос. На мой же взгляд, ближе всего к истине мнение П. Н. Петрова, автора «Истории родов русского дворянства», который считает женой Федора Никитича Ксению Ивановну Шастунову, дочь князя Ивана Дмитриевича Шастунова — потомка удельных ярославских князей. Петров писал: «Незнатность при Грозном представителя Шестовых — один из аргументов, говорящих против допущения союза с дочерью полкового головы — двоюродного брата государя, когда род князей Шастуновых, на который указывают издавна, как на родственник по матери царю Михаилу, описыватели усыпальницы Романовых в Новоспасском монастыре — конечно, составлял более приличную партию... Неаристократическую же родню в семье свои не принимала старинная московская аристократия, в XVI веке еще более надменная, чем после».^[23] Замечу, что и ранее никто из дочерей Романовых-Захарьиных-Юрьевых не выдавался за бедных дворян.

Федор Никитич оказался плодовит: с 1592 по 1599 год у него родилось шесть детей, но выжили лишь двое — Татьяна и Михаил, а остальные умерли в младенчестве. Позже Татьяна выйдет замуж за князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского, а Михаил, родившийся 12 июля 1596 г., станет царем.

В отличие от большинства княжеских родов Рюриковичей и Гедиминовичей, да и многих родов старомосковской нетитулованной знати, во время правления Ивана Грозного вотчины Захарьиных-Юрьевых не только не сократились, но и значительно увеличились. После женитьбы на Анастасии Романовне Иван IV щедро наделил ее родню вотчинами, о чем сообщается в его духовной. В числе пожалованных были укрепленные городки Скопин и Романово городище на юге страны, построенные для защиты от набегов крымских татар. Вместе с этими городами Захарьины-Юрьевы получили и окрестные села.

При организации опричного корпуса Захарьины-Юрьевы потеряли ряд вотчин в Костромском и Суздальском уездах, где до опричнины владели вотчинами Роман Юрьевич Захарьин, сын его Данила и племянник В. М. Юрьев. Но в качестве компенсации Захарьины-Юрьевы получили вотчины в других местах.

Казни родственников Романовых-Захарьиных из ветвей Захарьиных-Михайловых и Захарьиных-Яковлей, как ни странно, пошли потомству Романа на пользу. Как известно, в конце царствования Иван Грозный велел составить перечень опальных и часть конфискованных земель отдал уцелевшим родственникам казненных. Так, в конце 70-х — начале 80-х годов Никите Романовичу Захарьину-Юрьеву и его сыновьям были пожалованы родовые вотчины Протасия Васильевича Захарьина-Михайлова и бояр Яковлей. Эти вотчины находились в Московском, Костромском, Бежецком и других уездах.

Наконец, в приданое Федор Никитич Романов получил село Домнино в Костромском уезде и село Климянтино в Углическом уезде.

Богатство Романовых хорошо характеризует заем, выданный Никитой голландской купеческой компании, — 20 тысяч рублей.

При этом боярин взял грабительские 85 процентов годовых. Любопытно, что английский посол Боус утверждал, что этот заем был замаскированной формой взятки, и голландцы сделали Никиту Романовича своим «агентом влияния».

После смерти Ивана Грозного Захарьины-Кошкины вступают в тактический союз с кланом Годуновых. Слабостью Романовых было то, что о царице Анастасии, умершей 36 лет назад, почти все забыли, а цветущая Ирина делила ложе с царем. Мало того, у Романовых не было достойного кандидата в цари. Никита Романович был стар и болен, а его старший сын Федор слишком молод по понятиям того времени.

Последствия союза с Годуновыми сказались сразу. К сентябрю 1584 г. боярство получает князь Федор Михайлович Троекуров, сын которого Иван

был женат на Анне Никитичне Юрьевой-Захарьиной. К февралю 1585 г. боярином стал князь Иван Васильевич Сицкий, женатый на Евфимии Никитичне, Юрьевой-Захарьиной. Одновременно с ним стал боярином князь Федор Дмитриевич Шастунов, женатый на Фетинье Даниловне, Захарьиной-Юрьевой.

Совместными усилиями кланов Годуновых и Романовых в 1587 г. Шуйские были разгромлены. Роль Романовых после этого значительно возрастает. Старший из них, Федор Никитич, в 1590 г. получает боярство и становится одним из руководителей Боярской думы. В 1596 г. Федор Никитич был назначен царем Федором (читай Борисом Годуновым) вторым воеводой правой руки, то есть вторым по рангу военачальником на Руси.

Союз Годуновых и Романовых фактически распался в 1598 г. после смерти царя Федора. Но открыто выступить против претензии Бориса на царский престол Романовы не рискнули. В 1598 г. ни Романовы, ни их многочисленная родня даже не заикнулись о кандидатуре Федора Никитича. Лишь спустя 15 лет Романовы начали рассказывать сказки о том, что-де царь Федор на смертном одре завещал престол Федору Никитичу Романову.

Но, с другой стороны, Романовы не поддержали и Бориса в самые трудные для него дни. Видимо, Романовы участвовали в попытке возведения на престол низложенного царя Симеона Бекбулатовича и в других интригах против Бориса, но никакими достоверными данными на этот счет историки не располагают.

Не было претензий к Романовым и у новоизбранного царя Бориса. Мало того, в сентябре 1598 г. царь Борис пожаловал боярство Александру Никитичу Романову, а также романовской родне Михаилу Петровичу Катыреву-Ростовскому и князю Василию Казы Кардануковичу Черкасскому. Формально Романовым не на что было жаловаться, и мирное сосуществование Романовых и Годуновых длилось до 1600 г.

В конце 1599 г. — начале 1600 г. Борис Годунов тяжело заболел, к осени 1600 г. состояние здоровья царя ухудшилось. Братья Романовы решили, что настал их час, и начали подготовку к перевороту. Из многочисленных романовских вотчин в Москву стали прибывать дворяне и боевые холопы. Несколько сот вооруженных людей сосредоточилось на Варварке в усадьбе Федора Никитича. Среди них был и молодой дворянин Юрий Богданович Отрепьев.

Однако шпионы Бориса не дремали. По приказу царя в ночь на 26 октября 1600 г. несколько сот стрельцов начали штурм усадьбы на Варварке. Несколько десятков сторонников Романовых было убито при

штурме, а многие казнены без суда и следствия.

Обвинение Романовых в организации государственного переворота Годунову было нецелесообразно, поскольку это произвело бы невыгодное для новой династии впечатление как внутри страны, так и за границей. Поэтому Романовым было поставлено в вину колдовство. Братья Никитичи были отданы на суд Боярской думы. Титулованная знать — Рюриковичи и Гедиминовичи — ненавидели безродных выскочек, как Годуновых, так и Романовых. Надо ли говорить, что сочувствия в думе Романовы не нашли.

Колдовские процессы над знатью в Западной Европе обычно кончались кострами и лишь в единичных случаях плахами и виселицами. Однако Годунов поступил с Романовыми относительно мягко. Федора Никитича Романова постригли в монахи под именем Филарета и послали в Антониев Сийский монастырь. Его жену Ксению Ивановну также постригли под именем Марфы и сослали в Заонежье, в Толвуйскую волость, в Егорьевский погост. Ее мать сослали в монастырь в Чебоксары. Александра Никитича Романова сослали к Белому морю в Усолье-Луду, Михаила Никитича — в Пермь, Ивана Никитича — в Пелым, Василия Никитича — в Яренск, сестру их с мужем Борисом Черкасским и детьми Федора Никитича, пятилетним Михаилом и его сестрой Татьяной, с их теткой Настасьей Никитичной и с женой Александра Никитича сослали на Белоозеро. Князя Ивана Борисовича Черкасского — на Вятку в Малмыж, князя Ивана Сицкого — в Кожеозерский монастырь, других Сицких, Шастуновых, Репниных и Карповых разослали по разным дальним городам.

В царствование Михаила пребывание Романовых в ссылке стало обрастать сказочными подробностями. На Руси всегда любили дураков и мучеников. Поэтому официальная пропаганда тиражировала душераздирающие подробности мучений опальных Романовых.

Так, например, Михаил Никитич Романов был сослан в село Ныроба Пермской волости. В селе имелось всего лишь шесть дворов. Михаила якобы посадили в яму («земляную темницу»). Сверху яма была закрыта настилом из брусьев, засыпанных землей. В яме была сложена небольшая печь. На Михаила надели тяжелые кандалы — цепь на шее весила 1 пуд 39 фунтов (32,4 кг), 19 фунтов (7,8 кг) весили ножные кандалы и 10 фунтов (4,1 кг) — замок к ним. Пристав держал узника на хлебе и воде, а местные крестьяне тайно приносили ему вкусную еду. Через несколько месяцев Михаил умер. По приказу Лжедмитрия I тело Михаила было перевезено в Москву и погребено 18 марта 1606 г. в Новоспасском монастыре. Тело его оказалось «нетленным». В селе Ныроба был устроен «мемориальный

музей» Михаила. Путешественники в XIX веке видели его знаменитые цепи.

Увы, многие историки с иронией относятся к преданию о мучениях Михаила. А С. М. Соловьев, подробно описавший ссылку остальных Романовых, принципиально не упоминает о Михаиле. Историки задают один и тот же вопрос — если Годунов решил погубить братьев Романовых, то почему он сурово расправился с младшими братьями и создал сравнительно комфортные условия старшему брату Федору Никитичу? От себя добавлю — главному заводчику смуты и основному кандидату на престол.

Федор Никитич в сопровождении пристава — стрелецкого головы Ратмана Дурова отправился в Антониев Сийский монастырь. Позже мы вернемся к бедному иноку Филарету и увидим, что жилось ему совсем не худо.

Борису Годунову, пожалев Федора, было не резон убивать его младших братьев и родственников. Бытовые условия ссыльных были весьма приличными. По этому поводу Р. Г. Скрынников писал: «Подлинные документы по поводу ссылки, сохранившиеся в отрывках, позволяют установить, какими были условия содержания опальных в местах заточения. Даже те ссыльные, которые не имели думного чина, получили разрешение взять с собой по «детинке» из числа своих дворовых холопов... Инструкция предписывала приставу: «...двор поставить... а на дворе велеть поставить хором две избы, да сени, да клеть, да погреб и около двора была (чтобы) городба». В клетки и погребу хранились продукты и снедь. Осужденные получали достаточный корм. Так, Василий Романов получал в день «по калачу да по два хлеба денежных; да в мясные дни по две части говядины да по части баранины; а в рыбные дни по два блюда рыбы, какова где случится, да квас житной». В стране был голод, а казна выделяла деньги для опальных с учетом дороговизны. На содержание младшего Романова была израсходована крупная для того времени сумма в 100 руб.».^[24]

Кстати, и Михаил Никитич должен был получать пайку, которой и на троих бы хватило. Другой вопрос, что, возможно, пристав попросту воровал продукты.

Обратим внимание, что опальный боярин князь Федор Дмитриевич Шастунов умер в Москве у себя во дворе еще до отправки Никитичей в ссылку. Только из-за этого его смерть не была приписана Борису.

Боярин Борис Камбулатович Черкасский был стар и болен. Его вместе с женой Марфой сослали на Белоозеро. Вскоре там он умер от

мочекаменной болезни («камчуга»). А его жена Марфа по указу Годунова от 2 сентября 1602 г. была переведена в село Клин в вотчину Федора Никитича Романова.

К лету 1602 г. состояние здоровья царя Бориса улучшилось. Положение в высших эшелонах власти было стабильным, и Борис решил облегчить участь ссыльных. 25 мая 1602 г. Боярская дума распорядилась освободить Ивана Никитича Романова и князя Ивана Черкасского и перевезти их в Нижний Новгород «на государеву службу». 17 сентября 1602 г. опальным объявили царскую милость — Борис велел вернуть их ко двору в Москву.

Князя Сицкие также были освобождены и назначены на службу в понизовые города. Но старший сын опального боярина Сицкого князь Василий Иванович умер в дороге. Его смерть тут же приписали злому умыслу царя Бориса.

Летом 1602 г. Боярская дума объявила о прощении вдов и детей опальных бояр. Борис приказал вдову Бориса Черкасского с дочерью и вдову Александра Романова освободить и перевезти в бывшую вотчину Романовых село Клин под Юрьевом-Польским, куда они благополучно добрались.

Приставам было приказано содержать опальные семьи в полном довольствии. Царь Борис сложил свою ответственность за притеснения опальных на приставов, действовавших не по его указу, а «своим воровством и хитростью».

В ноябре 1602 г. Федор Никитич (Филарет) сказал своему приставу: «Государь-де меня пожаловал, велел мне повольность дать». Филарет и впрямь получил послабления. Ему позволено было часто покидать келью и стоять «на крылосе». Борис велел выдать Филарету новую одежду и «покой всякий к нему держати».

В начале нового века казалось, что история о заговоре Романовых закончена. Еще несколько лет, и Романовы окончательно были бы прощены и вернулись в Москву. Однако обиженные опальные во главе с честолюбивым Федором Никитичем не только не унялись, но и плели паутину нового заговора.

Глава 6

Союз «Добрых бояр» и «Злого чернеца»

История самозванцев теряется в веках, где-то во втором тысячелетии до нашей эры. К примеру, несколько самозванцев выдавало себя за персидских царей в VIII–III веках до нашей эры. Личности и деяния самозванцев всегда вызывали повышенный интерес у современников и потомков. Им уделяли много внимания составители летописей и хроник, и, конечно, самозванцы были лакомым куском для авторов исторических романов, вспомним того же «Лженерона» Лиона Фейхтвангера.

Лжедмитрий I стал наиболее результативным и, соответственно, наиболее известным самозванцем в мире в прошедшем тысячелетии и, добавим, первым самозванцем в России. В марте 1804 г. Фридрих Шиллер приступает к работе над драмой «Демитриус», так по латыни подписывался Лжедмитрий I. В черновой тетради Шиллер записал: «Гришка, расстрига, русский, искатель приключений». Он без памяти влюблен в Марину. Далее Шиллер пишет: «Гришка в сцене с Мариной, где он экзальтированно и страстно изливает ей свои чувства». Но смерть в мае 1805 г. помешала Шиллеру закончить драму.

Через двадцать лет к теме Лжедмитрия обратился А. С. Пушкин. В сентябре 1826 г. по приезде в Москву Пушкин начал читать вслух «Бориса Годунова» в московских литературных салонах и кружках. В письме от 22 ноября шеф жандармов Бенкендорф сделал Пушкину замечание, что он читает вслух пьесу, не представив ее царю. Пушкин 29 ноября отослал Бенкендорфу пьесу с сопроводительным письмом. Царь прочитал драму, теперь ее надо было оценить, но Николай I не был силен в литературе. Поэтому секретную рецензию на «Бориса Годунова» по указанию царя шеф жандармов поручил написать писателю и «сексоту» по совместительству Фаддею Бенедиктовичу Булгарину. Тот оперативно подал рецензию, где предлагал заставить Пушкина переделать драму в исторический роман наподобие модных тогда романов Вальтера Скотта. В письме от 14 декабря 1826 г. Бенкендорф, ссылаясь на мнение царя, предлагает Пушкину переделать пьесу в роман. Отвечая ему (письмо от 3 января 1827 г.), Пушкин писал: «Согласен, что она (пьеса. — А. Ш.) более сбивается на

исторический роман, нежели на трагедию, как Государь Император изволил заметить. Жалею, что я не в силах уже переделать мною однажды написанное».

Между тем Булгарин срочно начал свой роман «Дмитрий Самозванец». Несмотря на лихой закрученный сюжет, роман получился скучноватый и малочитабельный, но в нем приведена вполне благопристойная с точки зрения властей версия появления самозванца. Забавно, что «Дмитрий Самозванец» Булгарина и «Борис Годунов» Пушкина впервые были опубликованы в 1830 г., причем булгаринский роман на несколько недель опередил пушкинскую драму.

С тех пор не проходило и десятилетия, чтобы к хлебной теме Лжедмитрия I не обратился бы какой-либо маститый литератор. Особенно модной стала эта тема после вступления России в очередное «смутное время».

Первые слухи о том, что царевичу Димитрию удалось спастись от смерти, появились в 1600 г. Правда, некоторые историки говорят о более раннем времени, ссылаясь на сведения иностранцев, почерпнутые из источников, датированных 1610 г и позже, то есть задним числом. В русских же летописях и в других дошедших до нас документах нет ни намека о таких слухах. Если бы хоть где-то породился слух о живом царевиче, то последовала бы немедленная реакция властей — розыск, допросы с дыбой и наказание виноватых. Естественно, это было бы зафиксировано в официальных документах. Вспомним еще раз текст присяги Борису Годунову. Новый царь боится всего и в присяге перечисляет возможные преступления подданных, поминается даже татарин Симеон Бекбулатович, а вот о Димитрии нет ни слова. А, собственно, зачем? О нем давно все забыли.

Итак, первые слухи о живом царевиче появляются одновременно с опалой Романовых. Допустим пока, что это простое совпадение, и подумаем, кто мог быть инициатором этой затеи. Простые крестьяне, задавленные гнетом господ и лишенные права ухода от них в Юрьев день, стали мечтать о царе-освободителе и выдумали воскресение царевича Димитрия? Нет, это слишком хорошая сказка, она вполне подходит для историка-народника XIX века, но не для крестьянина начала XVII века. На Руси с IX по XVI век и слухом не слыхивали о самозванцах. И приписывать самозванческую интригу неграмотным крестьянам просто смешно.

А теперь обратимся на Запад. Молодой португальский король Себастьян Сокровенный отправился в 1578 г. завоевывать Северную

Африку и без вести пропал в сражении. Король не успел оставить потомства, зато после его исчезновения в Португалии появилась масса самозванцев Лжесебастьянов. Кстати, папа Климент VIII на полях донесения от 1 ноября 1603 г., извещавшего его о появлении Димитрия, написал: «Португальские штучки». Одновременно в Молдавии прекратилась династия Богданников, и тоже появилось немало самозванцев. То, что для Руси было в диковинку, в Европе давно стало нормой.

Мы можем только гадать об имени сценариста Великой смуты, но достоверно можно сказать, что это был не крестьянин или посадский человек, а интеллеktуал XVII века. Он мог быть боярином или дворянином, исполнявшим роль советника при большом боярине, а скорее всего, это было лицо духовное. В любом случае, это был москвич, близкий ко двору и хорошо знавший «тайные механизмы власти. Можно предположить, что через иностранцев и чиновников Посольского приказа сей «интеллектуал» знал о событиях в Португалии и Молдавии.

Заметим, что слух в конце 1600 г. — начале 1601 г. ходил не по низам, а по верхам. О нем уже знали иностранцы, но ничего не знали в провинциальных городках, не говоря уже о селах. Таким образом, пропаганда велась крайне грамотно. Синхронно пошел и «девятый вал» дезинформации о Борисе Годунове, что тот де всех поизвел, кого мог — поубивал, а царя Симеона колдовством зрения лишил. Столь же синхронно появились различные байки о хороших боярах Романовых, «сродниках» царя Федора. Не буду утомлять читателя их пересказом, а интересующихся отправлю к исследованиям по средневековой русской литературе и эпосу. Замечу лишь одно, сей народный фольклор касался только Романовых. Нет ни песен, ни сказок про Шуйских, Мстиславских, Оболенских и про другие древние княжеские рода. Неужели нужно пояснять, что режиссер у этого спектакля был один и тот же, как, впрочем, и заказчики. Итак, царь — изверг на троне, хорошие бояре в опале, а где-то скитается восемнадцатилетний сын Ивана Грозного. Естественно, спасенный Димитрий не мог не явиться даром что ли, велась вся кампания.

И вот в 1602 г в Польше объявился долгожданный царевич Димитрий.

О личности самозванца спор идет уже 400 лет. Версий на сей счет имеется три: самозванец был настоящим царевичем, самозванец был Юрием Отрепьевым, и самозванец не был ни тем ни другим. Любопытно, что сторонники последней версии не могут даже предположительно указать на конкретное историческое лицо, ставшее самозванцем. Их аргументы сводятся к критике первых двух версий, после чего методом

исключения делается вывод, «откуда следует, что Лжедмитрием был кто-то другой».

Версия же о чудесном спасении царевича очень нравится сентиментальным дамам и мужчинам-образованцам. Этой версии посвящено уже не менее двух десятков душещипательных романов, и нет сомнения, что появятся и новые шедевры. Версии спасения Дмитрия одна фантастичнее другой. Некоторым же «историкам» мало традиционной сказки о чудесном спасении, и они идут дальше. Так, Лжедмитрий действительно оказывается царевичем Дмитрием, но не сыном Ивана Грозного, а его племянником. Далее следует драматический рассказ, как Соломония Сабурова родила в монастыре сына от Василия III. А вот внук Соломонии и Василия Дмитрий и стал самозванцем.

Были и попытки комбинировать первую и вторую версию. В этом варианте в 1602 г. в Польшу, а затем в Италию бежал-де настоящий сын Грозного, но затем он умер на чужбине, а его имя принял Григорий (Юрий Отрепьев).

Я умышленно не привожу названий этих «исторических трудов», не желая делать им рекламу. Полемизировать же с ними просто смешно. Любой нормальный человек до самой смерти помнит события, происходившие с ним в возрасте четырех — восьми лет, причем часто запоминает мелкие детали, забытые его взрослыми родственниками. Самозванец же о своей жизни в Угличе рассказывал хуже, чем сын лейтенанта Шмидта Шура Балаганов о восстании на «Очакове». В частности, он утверждал, что убийство в Угличе случилось ночью. О том же, что происходило с ним с 8 до 19 лет, он отделялся общими фразами, что его де приютили и воспитали какие-то хорошие люди. Ну, допустим, в Польше он мог опасаться за жизнь своих покровителей, оставшихся в России под властью Годунова. Зато, взойдя на московский трон, его первым желанием стало бы найти этих «благодетелей», показать их народу и примерно наградить. Причем дело тут не в благодарности, доказательство чудесного спасения в Москве было вопросом жизни или смерти Лжедмитрия. Наконец, неопровержимый довод дает медицина — эпилепсия никогда не проходит сама по себе и не лечится даже современными средствами. А Лжедмитрий никогда не страдал припадками эпилепсии, и у него не хватило ума их имитировать.

Практически все серьезные историки приняли вторую версию и отождествляют Лжедмитрия с иноком Григорием, в миру Юрием Богдановичем Отрепьевым. Он происходил из дворянского рода Нелидовых. В 70-х годах XIV века на службу к московскому князю

Дмитрию Ивановичу из Польши прибыл шляхтич Владислав Нелидов (Неледзевский). В 1380 г. он участвовал в Куликовской битве. Потомки этого Владислава стали зваться Нелидовыми. Род был, в общем-то, захудалым. Автору удалось найти в летописях лишь одно упоминание о Нелидовых. В 1472 г. великий князь Иван III послал воеводу князя Федора Пестрого наказать жителей Пермского края «за их неисправление». Одним из отрядов в этом войске и командовал Нелидов.

Часть Нелидовых поселилась в Галиче, а часть — в Угличе. Один из представителей рода Нелидовых, Данила Борисович в 1497 г. получил прозвище Отрепьев. Его потомки и стали носить эту фамилию.

Согласно «Тысячной книге» 1550 г. на царской службе состояли пять Отрепьевых. Из них в Боровске сыновья боярские «Третьяк, да Игнатий, да Иван Ивановы дети Отрепьева. Третьяков сын Замятия». В Переславле-Залесском служил стрелецкий сотник Смирной-Отрепьев. Его сын Богдан тоже дослужился до чина стрелецкого сотника. Но его погубил буйный нрав. Он напился в Немецкой слободе в Москве, где иноземцы свободно торговали вином, и в пьяной драке был зарезан каким-то литовцем. Так Юрий — Юшка остался сиротой, воспитала его мать.

Едва оперившийся Юрий поступил на службу к Михаилу Никитичу Романову. Выбор Юшки не был случайным — детство он провел в имении дворян Отрепьевых на берегах реки Монзы, притоке Костромы. Рядом, менее чем в десяти верстах, была знаменитая костромская вотчина боярина Федора Никитича — село Домнино. Вскоре Отрепьев поселился в Москве на подворье Романовых на Варварке. Позже патриарх Иов говорил, что Отрепьев «жил у Романовых во дворе и заворовался, спасаясь от смертной казни, постригся в чернецы». «Вор» в те времена было более широким понятием, включавшим в себя и государственную измену. Так против кого «заворовался» Юшка? Если против своих благодетелей Романовых — так ему нужно было идти не в монастырь, а во дворец к Борису в дублеры к Бартеневу. Значит «заворовался» он все-таки против царя. Или он был посвящен в заговор Романовых, или, как минимум, активно участвовал в бою с царскими стрельцами. В любом случае ему грозила смертная казнь. Борис по конъюнктурным соображениям был снисходителен к боярам, но беспощадно казнил провинившуюся челядь. Спасая свою жизнь, Юшка принял постриг и стал смиренным чернецом Григорием. Некоторое время Григорий скитался по монастырям. Так, известно о его пребывании в суздальском Спасо-Ефимьевом монастыре и монастыре Ивана Предтечи в Галичском уезде.

Через некоторое время чернец Григорий оказывается в

привилегированном Чудовом монастыре. Монастырь находился на территории московского Кремля, и поступление в него обычно сопровождалось крупными денежными вкладами. О приеме Григория просил архимандрита Пафнутия протопоп кремлевского царского Успенского собора^[25] Ефимий. Как видим, влиятельные церковные деятели просят за монашка, бегущего из одного монастыря в другой, бывшего государственного преступника.

Первое время Григорий жил в келье своего родственника Григория Елизария Замятии (внука Третьяка Отрепьева). Всего до побега Григорий провел в Чудовом монастыре около года. В келье Замятии он пробыл совсем недолго. Архимандрит Пафнутий вскоре отличил его и перевел в свою келью. По представлению архимандрита Григорий был рукоположен патриархом в дьяконы. Вскоре Иов приближает к себе Григория. В покоях патриарха Отрепьев «сотворил святым» каноны. Григорий даже сопровождал патриарха на заседаниях Боярской думы. Такой фантастический взлет всего за год! И время было не Ивана Грозного или Петра Великого. При Годунове головокружительные карьеры не делались. И при такой карьере вдруг удариться в бега!? А главное, как он без чьей-либо поддержки вдруг объявил себя царевичем? До этого на Руси со времен Рюрика не было ни одного самозванца. Престиж царя был очень высок. Менталитет того времени не мог и мысли такой допустить у простого чернеца.

Отрепьев бежал в Литву с двумя монахами — Варлаамом и Мисаилом. Варлаам был чернецом Пафнутьева Боровского монастыря, расположенного под Боровском. Варлаам Яцкий происходил из провинциальных детей боярских.^[26] Позже, при царе Василии Шуйском, Варлаам напишет подробный рассказ о побеге в Польшу, получивший название «Извет». Второй чернец, Мисаил, бежал, как и Отрепьев, из Чудова монастыря. В миру он был Михаилом Трофимовичем Повадьиным, сыном боярским из города Серпейска. В московской летописи о нем сказано: «...прост сей и в разуме не утвержден». Полную противоположность Мисаил у представлял собой Варлаам. Его искусно составленный «Извет» говорит об изоощренном уме.

Согласно версии Варлаама, дело обстояло так: В 1601 году, в понедельник второй недели Великого поста, в Москве Варварским крестцом шел монах Пафнутьева Боровского монастыря Варлаам. Его нагнал другой монах, молодой, и вступил с ним в разговор. После обыкновенных приветствий и вопросов: кто и откуда? — Варлаам спросил

своего нового знакомого, назвавшегося Григорием Отрепьевым, какое ему до него дело? Григорий отвечал, что, живя в Чудовом монастыре, сложил он похвалу московским чудотворцам, и патриарх, видя такое усердие, взял его к себе, а потом стал брать с собой и в Боярскую думу, оттого и вошел Григорий в великую славу. Но ему не хочется не только видеть, но и слышать про земную славу и богатство, и потому он решил уехать из Москвы в дальний монастырь. Слышал он, что есть монастырь в Чернигове, и туда-то он хочет позвать с собой Варлаама. Варлаам отвечал, что если Григорий жил в Чудовом монастыре у патриарха, то к Черниговскому монастырю ему не привыкнуть: по слухам, этот монастырь — место неважное. На это Григорий отвечал: «Хочу в Киев, в Печерский монастырь, там старцы многие души свои спасли. А потом, поживя в Киеве, пойдем во святой город Иерусалим ко Гробу Господню». Варлаам возразил, что Печерский монастырь за рубежом, в Литве, а за рубеж теперь идти трудно. «Вовсе не трудно, — отвечал Григорий, — государь наш взял мир с королем на двадцать два года, и теперь везде просто, застав нет». Тогда Варлаам согласился идти вместе с Отрепьевым. Оба монаха поклялись друг другу, что не обманут, и договорились на завтра встретиться в Иконном ряду и отправиться в путь. На другой день в условленном месте Варлаам нашел Отрепьева, а с ним был третий их спутник — чернец Мисаил.

В своем «Извете» Варлаам старательно путает правду с вымыслом, стремясь обелить себя. Трудно поверить, что умный и тертый монах в столь солидном возрасте встретил случайно какого-то мальчишку и решил бежать с ним за рубеж. Вместе с тем интеллектуальный уровень Варлаама явно не соответствует роли организатора заговора. То же можно сказать и о Мисаиле. Версию же о том, что до самозванства Отрепьев дошел сам, я вынужден отбросить как абсурдную. Отсюда единственный вариант — инока Григория наставили на «путь истинный» в Чудовом монастыре. Кремлевский Чудов монастырь давно был источником различных политических интриг. Там постриглись многие представители знати, и не всегда по доброй воле. Само расположение монастыря под окнами царских теремов и государственных Приказов делало неизбежным вмешательство монахов в большую политику. Царь Иван Грозный желчно бранил чудовских старцев за то, что они только по одежде иноки, а творят все как миряне. Значительная часть монахов была настроена оппозиционно к царю и патриарху.

К сожалению, наши дореволюционные и советские историки крайне мало интересовались, кто же стоял за спиной Григория. И в этом в

значительной мере виноват Пушкин, точнее не Пушкин, а царская цензура. Как у Александра Сергеевича решается основной вопрос драмы — решение монаха Григория стать самозванцем? Вот сцена «Келья в Чудовом монастыре». Отец Пимен рассказывает чернецу Григорию антигодуновскую версию убийства царевича Димитрия. И все... Следующая сцена — «Палаты патриарха». Там игумен Чудова монастыря докладывает патриарху о побеге чернеца Григория, назвавшегося царевичем Димитрием.

Можно ли поверить, что молодой человек, выслушав рассказ Пимена, сам рискнет на такое. И дело совсем не в неизбежности наказания — дыба и раскаленные клещи на допросе, а затем четвертование или кол. Дело в другом — Гришка стал первым в истории России самозванцем. И одному юнцу в одночасье дойти до этого было невозможно. Психология русского феодального общества начала XVII века не могла этого допустить. Тут нужен изощренный зрелый ум. Так кто же подал идею Гришке? До 1824 года эту тему никто не поднимал. А Пушкин? Сейчас вряд ли удастся выяснить, знал ли Пушкин что-то, не вошедшее в историю Карамзина, или его озарила гениальная догадка.

Но начнем по порядку. Пушкин приступил к работе над «Борисом Годуновым» в ноябре 1824 г. К концу декабря — началу января он дошел до сцены в Чудовом монастыре и остановился. Пушкинисты утверждают, что он занялся четвертой главой «Онегина». Возможно, это и так, а скорее — не сходились концы с концами у «Годунова». Но в апреле 1825 г. Пушкин возвращается к «Годунову» и одним духом пишет сцены «Ночь. Келья в Чудовом монастыре» и «Ограда монастырская». Позвольте, возмутится внимательный читатель, какая еще «Ограда монастырская», да нет такой сцены в пьесе. Совершенно верно, нет, но Пушкин ее написал. Сцена короткая, на две страницы, а по времени исполнения на 3–5 минут. Там Гришка беседует со «злым чернецом». И сей «злой чернец» предлагает Гришке стать самозванцем. До Гришки доходит лишь со второго раза, но он соглашается: «Решено! Я Димитрий, я царевич». Чернец: «Дай мне руку: будешь царь». Обратим внимание на последнюю фразу — это так-то важно говорит простой чернец?! Ох, он совсем не простой, сей «злой чернец».

Сцена «Ограда монастырская» имела взрывной характер. Она не только прямо обвиняла духовенство в организации смуты, но поднимала опасный вопрос: кто еще стоял за спиной самозванца? Поэтому Жуковский, готовивший в 1830 г. первые сцены «Бориса Годунова», не дожидаясь запрета цензуры, сам выкинул сцену «Ограда монастырская». Опубликована эта сцена была лишь в 1833 г. в немецком журнале,

издававшемся в Дерпте.

На поиски «злого чернеца» я потратил более 5 лет. Им оказался сам архимандрит Чудова монастыря Пафнутий.

Очень странно, что все наши историки прошли мимо ключевой фигуры Смутного времени. А церковные власти сделали все, чтобы вычеркнуть имя «злого инока» Пафнутия из церковной и светской истории. Так, в огромном труде «История русской церкви», написанном митрополитом Макарием, в VI томе, посвященном Смутному времени, о Пафнутии упоминается вскользь всего два раза в двух строчках. Причем последний раз сказано с явной злобой: «...как и когда он умер и где погребен неизвестно».

Некоторые сведения о Пафнутии удалось найти в житиях святых Никодима, Адриана и Ферапонта Монзенского.

Итак, вернемся в 1593 г. Жили-были в Троицком Павло-Обнорском монастыре два приятеля инока Адриан и Пафнутий. Им явился, каждому отдельно, во сне неизвестный инок и повелел основать обитель, в которой настоятелем должен стать старец Адриан, на берегу лесистой реки Монзы, при впадении ее в Кострому. Причем явившийся прибавил, что место это будет указано чудом, и на нем явится святой. Так и случилось: когда там воздвигли часовню, то в ней получили исцеление два отрока. А отцы их рассказали, что каждому из них явился во сне неизвестный инок и сказал, что сын его будет исцелен в обители старца Адриана. В это время старец Пафнутий был назначен настоятелем Чудова монастыря в Москве.

Создается впечатление, что текст жития подвергся основательной цензуре. Зачем сразу двум старцам «является» один и тот же сон? Понятно, если бы они стали вместе строить на Монзе монастырь, но ведь Пафнутий выбывает из игры. Его кто-то назначает, и неизвестно за что, архимандритом придворного Чудова монастыря в Москве! Видимо, Пафнутию приснился другой, куда более чудесный сон, но позже кто-то изъял сей сон из рукописи.

Обратим внимание на географию. Река Обнора, где находился Павло-Обнорский монастырь, и река Монза, где Адриан основал новый монастырь, — правые притоки реки Костромы и расположены почти рядом. Итак, район реки Монзы — это вотчины бояр Романовых, имение дворян Отрепьевых и место иноческого послушания Пафнутия. Уж что-то не верится, что это простое совпадение. Практически невероятно, чтобы бояре Романовы не посещали соседний Павло-Обнорский монастырь. Зато очень странно, что, став царем, туда наведывайся Михаил Романов. Видимо, что-то сильно связывало это семейство с монастырем на Обноре.

Нетрудно догадаться, что в Чудов монастырь Пафнутий попал по протекции своих соседей Романовых. 1593–1594 годы — время тесного альянса Романовых и Годуновых, Кстати, и патриарх Иов благоволил тогда к Романовым. Ведь с 1575 г. по 1581 г. Иов был архимандритом Новоспасского монастыря, который давно уже стал патронажем Романовых и служил их родовой усыпальницей. Только таким способом ничем не прославившемуся иноку захолустного монастыря удалось попасть в Кремль.

Почти сразу после возведения Пафнутия в сан архимандрита к нему в Чудов монастырь явился кузнец Никита. И Пафнутий, «испытав терпение и смирение Никиты посредством различных послушаний», сделал его своим келейником. Осенью 1595 г. послушник Никита был пострижен в монахи под именем Никодима. Запомним это имя, к нему мы позже вернемся.

Итак, именно в келье архимандрита Пафнутия долгое время жил чернец Григорий. И вряд ли архимандрит допустил бы, чтобы его воспитанник попал под влияние другого чудовского «злого чернеца».

Возникает естественный вопрос, могли Пафнутий действовать один, без сговора со светскими лицами. Ответ очевиден. И это были люди романовского круга. И если братья Никитичи сидели под крепким караулом, то в Москве находилась их многочисленная родня, в том числе по женской линии, их служилые дворяне и прочая клиентура.

Не исключено и участие в заговоре, причем на самой ранней стадии, и поляков. Под большим подозрением оказывается канцлер и великий гетман литовский Лев Сапега. Первый раз он приезжал послом в Москву еще в царствование Федора Иоанновича. Еще тогда он писал гетману Кристофу Радзивиллу, что разные его информаторы сходятся в одном: большая часть думных бояр и воевод стоит за Романова, меньшие чины, особенно стрельцы и чернь, поддерживают Годунова. Второй раз Лев Сапега прибыл в Москву 16 октября 1600 г. и уехал почти через год, в августе 1601 г. Через десять дней после приезда Сапега и другие члены посольства были свидетелями ночного штурма царскими стрельцами романовского подворья. В посольском дневнике, а также в донесении королю Сигизмунду Сапега и его товарищи весьма положительно отзываются о братьях Никитичах, называя их «кровными родственниками умершего великого князя». (Ляхи не признавали царский титул Федора.)

Сапега уехал из Москвы крайне озлобленным на царя Бориса. Позже в Вильне Сапега перед русскими послами, приехавшими на ратификацию, говорил королю Сигизмунду: «Как приехал я в Москву, и мы государских очей не видали шесть недель, а как были на посольстве, то мы после того

не видали государских очей 18 недель, потом от думных бояр слышали мы много слов гордых, все вытягивали они у нас царский титул. Я им говорил так же, как и теперь говорю, что нам от государя нашего наказа о царском титуле на перемирье нет, а на докончанье наказ королевский был о царском титуле, если бы государь ваш по тем по всем статьям, которые мы дали боярам, согласился». То есть Сапега начал торговаться, мы, мол, признаем Бориса царем, а вы, мол, признайте Сигизмунда шведским королем. На что московские послы резонно отвечали:

«Вы говорите, что государь ваш короновался шведскою короною, но великому государю нашему про шведское коронованье государя вашего никакого ведома не бывало... Нам лишь ведомо, что государь ваш Жигимонт король ходил в Швецию и над ним в Шведской земле невзгода приключилась. Если бы государь ваш короновался шведскою короною, то он прислал бы объявить об этом царскому величеству и сам был бы на Шведском королевстве, а не Арцы-Карло (герцог Карл). Теперь на Шведском королевстве Арцы-Карлус, и Жигимонту королю до Шведского королевства дела нет, и вам о шведском титуле праздных слов говорить и писать нечего».

Это был страшный удар по самолюбию короля и королевского посла. После прибытия Гришки Отрепьева в Польшу Лев Сапега стал одним из наиболее активных его покровителей. Таким образом, есть большая вероятность того, что Сапега стал соучастником заговора Пафнутия и романовской клиентуры. Об этом предположительно писал Д. Лавров: «В это время польским послом в Москве был Лев Сапега, и Отрепьев, состоя при патриархе, мог войти в сношение с ним и убедиться, что в Польше можно найти себе поддержку».^[27] То же утверждает в 1996 г. и Д. Евдокимов.^[28]

Наличие треугольника Пафнутий — Романовы — Сапега сразу же снимает все загадки и противоречия в истории самозванческой интриги.

Глава 7

Король и паны

Главным действующим лицом страшной драмы, потрясшей Русское государство, стал не Годунов, якобы доведший страну до кризиса, не бояре, затаившие на него злобу, и тем более не чудовский чернец Григорий, а ляхи.

Предположим, что Отрепьев бежал бы не на запад, а на север к шведам или на юг к турецкому султану или персидскому шаху. В любом случае он стал бы лишь мелкой разменной монетой в политической игре правителей означенных стран. В худшем случае Отрепьев был бы выдан Годунову и кончил жизнь в Москве на колу, в лучшем — жил бы припеваючи во дворце или замке под крепким караулом и периодически вытаскивался бы на свет божий, дабы немного пошантажировать москвитов.

Именно поляки устроили разорение государства Российского, сопоставимое разве что с нашествием Батыя. В советских учебниках истории все объяснялось просто и ясно. В XIV–XV веках польско-литовские феодалы захватили западные и юго-западные русские земли, а в 1605 г. устроили интервенцию в Московскую Русь, взяв с собой за компанию шведов. Увы, эта версия годилась лишь для школьников, думавших не столько о Смутном времени, сколько о времени, оставшемся до перемены. Анализа же причин «польско-шведской интервенции» отечественная историография дать не сумела.

27 декабря 1587 г. в Кракове под именем Сигизмунда III короновался шведский принц Сигизмунд Ваза. В отличие от прежних королей Польши, Сигизмунд был фанатичным католиком. На его убеждения повлияла и мать — убежденная католичка, и реформация в Швеции.

Взойдя на престол, Сигизмунд III немедленно приступил к гонениям на диссидентов (то есть не католиков). Он твердо поддержал идею унии. Православные церкви в Речи Посполитой были организационно ослаблены. Ряд православных иерархов поддался на посулы короля и католической церкви.

24 июня 1594 г. в Бресте был созван православный церковный собор, который должен был решить вопрос об унии с католической церковью.

Сторонникам унии правдами и неправдами удалось принять 2 декабря 1594 г. акт унии. Уния расколола русское население Речи Посполитой на две неравные части. Большинство русских, включая и шляхтичей, и магнатов, отказалось принять унию.

Повсеместно начались гонения на русских, сохранивших верность православию. Православных священников изгоняли, а церкви передавали униатам.

Православные шляхтичи во главе с князем К. К. Острожским и протестанты во главе с виленским воеводой Кристофом Радзивиллом решили бороться с унией старым легальным способом — через сеймы. Но католическое большинство при сильной поддержке короля на сеймах 1596 г. и 1597 г. сорвало все попытки диссидентов отменить унию. В итоге к уже существующей межконфессиональной розни добавился и конфликт между униатами и православными.

В ноябре 1592 г. умер шведский король Иоанн III. Сигизмунд III отпросился на год у сейма, чтобы уладить свои наследственные дела. Он короновался шведской короной в Упсале.

В Москве царь и бояре были страшно напуганы этой коронацией. Ведь объединение двух крупнейших соседних государств грозило Руси неисчислимыми бедствиями. Но, увы, и Сигизмунд, и московские бояре не учли религиозный фактор — с конца 30-х годов XVI века шведы в подавляющем большинстве своем стали протестантами.

Побыв несколько месяцев в Швеции, Сигизмунд отправился в Польшу, поручив управление страной регенту — своему дяде Карлу Зюдерманландскому.

На родине Сигизмунд популярностью явно не пользовался. Масла в огонь подлила и женитьба Сигизмунда на католичке — австрийской принцессе. С отъездом Сигизмунда в Польшу власть в Швеции постепенно стала переходить к его дяде герцогу Карлу Зюдерманландскому. В 1594 г. он официально был объявлен правителем государства.

В ответ Сигизмунд собрал польские войска и начал боевые действия со Швецией. Он высадился непосредственно на территории Швеции, но в 1597 г. был наголову разбит в битве при Стонгебру. Одновременно начались и боевые действия в Эстляндии, которые шли до 1608 г. с переменным успехом.

Сигизмунд III успел поссориться и с запорожскими казаками. На сейме 1590 г. король потребовал ограничить число казаков шестью тысячами человек, подчинить их коронному гетману, воспретить продажу простонародью пороха, свинца и оружия в Киевской земле и т. д. Ответом

стало первое большое казачье восстание. Его возглавил православный шляхтич Кристоф Косинский. 23 января 1593 г. под местечком Пятка вблизи города Чуднова казаки Косинского встретились с польским войском под началом Константина Острожского. Сражение длилось целую неделю и закончилось подписанием мирного соглашения.

Но вскоре боевые действия возобновились. Сейм 1593 г. постановил «считать казаков врагами отечества». В конце лета того же года на мирных переговорах в городе Черкассы Косинский был предательски убит слугой князя Александра Вишневецкого. Тем не менее при заключении мира панам пришлось пойти на уступки казакам. Но гибель Косинского стала не концом, а началом казацких войн.

Так закончился XVI век. Польша и Литва вступили при Сигизмунде III в новую эпоху. Сигизмунд ухитрился насмерть поссориться со шведами, а через несколько лет он на много столетий, если не навсегда, поссорит поляков с Россией.

Внутри страны король объявил войну православной церкви и казакам. Если раньше между русскими, литовцами и ляхами шли споры за различные привилегии, то теперь вопрос стоял по-другому — быть или не быть православной вере, русскому языку и вообще русским людям. У них оставалось три выхода: погибнуть, ополячиться или сломить шею Речи Посполитой.

Но не меньшую, чем королевская власть, роль в жизни Речи Посполитой и в Смуте в России сыграли польские и литовские паны, точнее польские и западнорусские паны. Полное окатоличивание и ополячивание русских князей и дворян произойдет лишь в 20-х — 40-х годах XVII века.

Крупные магнаты Речи Посполитой обладали неограниченной полнотой власти в своих владениях. Они содержали «частные армии» (этот термин использовали еще русские историки XIX века), которые были зачастую соизмеримы по численности с королевским войском. Магнаты периодически вели самостоятельно внешнюю политику. Польский король мог иметь «вечный мир» с соседним государством, а пограничный магнат — вести с этим государством войну.

Естественно, что из польских панов нас интересует больше всего семейство Мнишков. Начну с того, что Мнишки были не поляки а чехи и поселились в Польше сравнительно недавно. Отец Юрия Николай Мнишек переехал в Польшу из Моравии где-то в 1540 г. Он выгодно женился на дочери санокского каштеляна Каменецкого и тем самым породнился с одной из аристократических фамилий Польши. Вскоре Николай Мнишек

получил звание великого коронного подкормил. Оба его сына, Николай и Юрий, служили при дворе Сигизмунда II и ничем не проявили себя до тех пор, пока смерть супруги короля Барбары Радзивилл не изменила кардинально его характер.

Первая жена Сигизмунда II Елизавета Австрийская умерла в 1545 г., когда Сигизмунд был еще принцем. Но молодой королевич недолго горевал и через несколько недель влюбился в двадцатидвухлетнюю Барбару Радзивилл.

Николай Черный Радзивилл, двоюродный брат Барбары, и Николай Рыжий Радзивилл, родной ее брат, решительно потребовали от королевича порвать с их сестрой. Сигизмунд вынужден был дать слово. (Хорошая иллюстрация могущества польской знати!) Однако страсть заставила королевича нарушить обещание. Во время очередного тайного свидания братья Барбары застали любовников в весьма интересном положении. Теперь Сигизмунду не оставалось ничего иного, как заявить о своей любви и желании жениться. Королевич согласился жениться, потому что очень любил Барбару, но только попросил, чтобы свадьба оставалась в тайне до того времени, пока он не займет польский трон, иначе он не сможет защитить не только Барбару, но и себя.

В 1547 г. произошло тайное венчание Сигизмунда и Барбары. А между тем королева Бона продолжала ему искать невесту среди знатных королевских дворов Европы. Лишь после смерти мужа Бона узнала о женитьбе сына. Итальянка в ярости требует от Сигизмунда расторгнуть брак. Получив отказ, королева-мать обращается к сейму с требованием не признавать Барбару королевой. На сейме Сигизмунд решительно объявляет, что скорее откажется от престола, чем от жены, с которой его соединил Бог, и вельможи уступают, а мелкая шляхта встает на сторону короля. И в декабре 1550 г. Барбара становится польской королевой.

Старая же королева в знак протеста со всем своим двором уезжает в Италию. Но ее придворный аптекарь итальянец Монти остался. Он подмешал яд молодой королеве, и в мае 1551 г. цветущая красавица умирает. Отчаяние и горе короля были безмерными, и он решил с помощью алхимиков — панов Твардовского и Юрия Мнишка — вызвать ее душу. В полутемном зале было все подготовлено, чтобы с помощью зеркал, на одном из которых была выгравирована Барбара во весь рост в белой одежде, любимой королем, разыграть сцену встречи короля и души Барбары. Короля посадили в кресло и хотели привязать руки к подлокотникам, чтобы он нечаянно не прикоснулся к приведению. Сигизмунд дал слово, что будет сидеть спокойно и только на расстоянии

спросит у любимой, как ему жить дальше. Но, когда появилось привидение, он от волнения забыл свою клятву, вскочил с кресла, кинулся к привидению со словами «Басенька моя!», и хотел ее обнять. Раздался взрыв, пошел трупный запах — теперь душа Барбары не могла найти дорогу в могилу, вечно ей скитаться по земле. Поляки до сих пор верят, что она поселилась в Несвижском замке.

В 1553 г. Сигизмунд II женился на двадцатилетней Екатерине Австрийской. Но молодая жена не интересовала короля. Сигизмунд предался разврату и мистицизму, и Мнишки проявили тогда свои таланты. Проворные маклеры и искусные сводники, они доставляли своему безутешному государю колдунов, вызывателей духов, любовниц и разные зелья и средства для возбуждения потехи. В одном монастыре бернардинок воспитывалась юная красавица по имени Варвара. Она была удивительно похожа на покойную королеву. Юрий Мнишек пробрался туда, переодевшись в женское платье, и Варвара согласилась еще более реальным образом напомнить королю о прелестях столь горячо оплакиваемой супруги. Варвара была дочерью простого мещанина Гижы. Ее поселили во дворце, и два раза в день Юрий Мнишек отводил ее к королю.

Это «ремесло» возвело его в должность коронного кравчего и управляющего королевским дворцом. Но больше всего братья Мнишки обогатились в день смерти Сигизмунда II. Король, изнуренный всякими излишествами и уже смертельно больной, отправился с несколькими приближенными в Книшинский замок в Литву. Разумеется, братья Мнишки и красавица Варвара сопровождали короля в этом путешествии. В ночь после кончины Сигизмунда они отправили из замка несколько плотно набитых сундуков. В результате этого в замке не нашлось даже одежды, чтобы достойно облачить державного покойника.

Этот скандал наделал такого шума, что на ближайшем сейме были возбуждены публичные прения по этому вопросу. По-видимому, обвиняемым не удалось оправдаться, однако при помощи могущественных покровителей им удалось избежать судебного преследования, которого требовали на сейме, и обязательства вернуть украденное. Мнишки остались по-прежнему богаты, важны и так же презираемы.

Король Стефан Баторий терпеть не мог Юрия Мнишка, и тот должен был удовлетвориться незначительной должностью радомского кастеляна. Сигизмунд III снял опалу с Мнишка.

В 1603 г. Юрию было около пятидесяти лет. Он обладал превосходными качествами царедворца. Еще больше Мнишек набил себе

цену, выставляя напоказ глубокую набожность. Получив Самборскую королевскую экономию, Сандомирское воеводство и Львовское староство, он построил два монастыря — доминиканский в Самборе и бернардинский во Львове и в то же время пожертвовал десять тысяч флоринов для строительства во Львове иезуитского коллегіума. Он умело делил свои дары между этими тремя влиятельными орденами и не упускал из-за этого возможности укрепить свое положение брачными союзами преимущественно с протестантскими семьями. Католический мир избегал их как зачумленных, поэтому они были доступнее и представляли весьма выгодные партии. Муж одной из сестер воеводы — Фирлей — был кальвинист. Другая сестра Мнишка вышла замуж за арианина Стадницкого. Сам Юрий Мнишек женился на Ядвиге Тарло, отец и братья которой были также ариане.

Юрий Мнишек буквально выжимал все соки из Самборского воеводства, но постоянно нуждался в деньгах и не вылезал из долгов. Чтобы выйти из затруднительного положения, Мнишек нашел одно лишь средство — выгодно выдать замуж своих дочерей. Он не давал за ними приданого, но тем не менее находил им богатых и покладистых мужей. Его старшая дочь Урсула вышла замуж за Константина Константиновича Вишневецкого, вполне способного поддержать своего бедствующего тестя. Младшая дочь Мария, или Марина, поджидала еще жениха. В то время ей исполнилось восемнадцать или девятнадцать лет.

Глава 8

Лжедмитрий в Польше

Инок Григорию вместе в Варлаамом и Мисаилом удалось благополучно добраться до Новгорода-Северского, где они прожили несколько дней в Преображенском монастыре. В начале 1602 г. троица прибыла в Киев в Печерский монастырь. Там инок Григорий «разболелся до умертвия» и решил причаститься у Печерского игумена. Далее все было как в мексиканских сериалах. Умиравший Григорий признался игумену, что он царевич Димитрий, «а ходит будто в ыскусе, не пострижен, избегаючи, укрывался от царя Бориса...». Но игумен «мыльных» сериалов не любил, и велел немедленно выкинуть умирающего и обоих его спутников за пределы монастыря. За воротами монастыря инок Григорий чудесным способом излечился от болезней, и вся троица отправилась в город Острог во владения князя Константина Острожского. Потомок Гедимины Константин был практически независимым правителем. При его дворе служило более двух тысяч шляхтичей и челяди. Несмотря на Брестскую унию, князь оставался ревностным поборником православия.

Князь Острожский радушно принял беглецов. Отрепьев и ему «признался» в своем «царском происхождении». Но, увы, тот немедленно велел гайдукам вытолкать самозванца взашей из замка. Тут пути нашей троицы разошлись. Варлаам и Мисаил были отправлены Острожским в село Дерманы в православный Троицкий-Дубенский монастырь, а Отрепьев скинул монашеское одеяние, облачился в светское платье и отправился в город Гощу — центр еретиков-ариан. Там (Отрепьев поселился у пана Габриэля Хойского и, по некоторым сведениям, стал отправлять обряды ариан. Отрепьеву не понадобилось много времени, чтобы понять, что от ариан особой помощи ему ждать не приходится, а сама его связь с еретиками поставит крест на самозванческой карьере. В начале апреля 1603 г. Григорий бежал из Гощи.

Гришка отправляется в город Брачин к православному владельческому князю Адаму Вишневецкому. Надо ли говорить, что Отрепьев вскоре открылся князю, и тот признал Отрепьева царевичем. Причем главную роль сыграла не доверчивость князя, а его территориальные споры с

Московским государством. В конце XVI века семейство Вишневецких захватило довольно большие территории вдоль обоих берегов реки Сули в Заднепровье. В 1590 г. польский сейм признал законными приобретения Вишневецких, но московское правительство часть земель считало своими. В конце концов, в 1603 г. Борис Годунов велел сжечь спорные городки. Люди Вишневецкого оказали сопротивление. С обеих сторон были убитые и раненые.

Вооруженные стычки из-за спорных земель могли привести и к более крупному военному столкновению. Именно эта перспектива и привела Отрепьева в Брачин. По планам Гришки Вишневецкий должен помочь ему втянуть в военные действия против Московского государства татар и запорожцев.

Царь Борис обещал князю Вишневецкому щедрую награду за выдачу «вора», но получил отказ. Тогда Вишневецкий, опасаясь того, что Борис применит силу, отвез Отрепьева подальше от границы, в городок Вишневец.

7 октября 1603 г. Адам Вишневецкий пишет коронному гетману и великому канцлеру Польши Яну Замойскому о появлении царевича Димитрия, и бродяга становится для панов законным претендентом на престол.

Для Отрепьева самой трудной частью авантюры было признание его польскими магнатами. Вторая же фаза — сбор войска для вторжения в Россию — особой сложности не представляла.

Как уже говорилось, польские магнаты являлись неограниченными правителями на своих территориях и содержали большие частные армии. Соответственно, мир любого соседнего государства с Речью Посполитой мог означать лишь то, что королевское войско не будет нападать на данного соседа в период действия данного договора. А магнаты смотрели на мирные договоры исключительно с точки зрения своей выгоды.

Отметим еще один важнейший для феодального общества аспект — кичливая и переполненная сословными предрассудками польская знать была... беспородна, если не считать небольшого числа дворян, в жилах которых текла кровь Рюриковичей и Гедиминовичей). Большинство магнатов были безродными выскочками, захватившими силой владения соседей.

В XVI–XIX веках в Польше был самый высокий в мире процент дворян по отношению ко всему населению страны. В Польше существовали еврейские конторы, специализировавшиеся на подделке различных документов, свидетельствовавших о дворянском происхождении

и иных заслугах заказчиков. Позднейшие исследователи отмечали высокий уровень качества таких подделок.

Естественно, что подавляющее большинство таких дворян не имело крепостных, работать они не хотели, а умели лишь пить, плясать, драться на саблях и горлопанить о «вольностях шляхетских». Кормились они в основном за счет разбоя и подачек магнатов. Надо ли говорить, что для большинства буйных панов появление в Польше царевича Димитрия было просто подарком.

Узнав от Адама Вишневецкого о появлении самозванца, канцлер Замойский посоветовал Вишневецкому известить обо всем короля, а затем отправить и самого москвитянина либо к королю, либо к нему гетмана.

1 ноября 1603 г. польский король Сигизмунд III пригласил папского нунция Рангони и уведомил его о появлении в имении Адама Вишневецкого москвитянина, который называет себя царевичем Димитрием и намеревается вернуть себе престол с помощью казаков и татар. Король приказал Вишневецкому привезти Отрепьева в Краков и представить подробное донесение о его личности.

Адам Вишневецкий исполнил приказ царя относительно доклада и переслал в Краков подробную запись рассказов Отрепьева. Но переписка с Замойским убедила его в том, что король не склонен поддерживать самозванческую интригу, и поэтому Вишневецкий не спешил передавать самозванца королю.

Дело в том, что и король Сигизмунд III и канцлер Замойский оказались в крайне сложном положении. С одной стороны, им не хотелось нарушать мир и затевать большую войну с Москвой. (Не надо забывать о шведской угрозе с севера и личных счетах Сигизмунда со шведским королем.) С другой стороны, король и канцлер были не прочь устроить смуту в России и серьезно ослабить ее. С третьей стороны, король боялся, что в случае успеха похода самозванца за счет ограбления России и присоединения русских земель укрепится позиция магнатов и, соответственно, ослабнет королевская власть. Наконец, была вероятность и провала вторжения на Русь, после чего буйные паны, запорожские казаки и всякий сброд могут начать рокош (бунт, мятеж) в самой Польше или в Малороссии.

Адам Вишневецкий предпочел бы действовать с согласия короля и канцлера, но был готов затеять войну и без них. Адам публично в присутствии послов крымского хана заявил, что он в отличие от короля не связан присягой о мире с царем Борисом и может действовать, не считаясь с мирным договором с Россией. В январе 1604 г. Вишневецкий начал собирать войска в своей вотчине в Лубнах на реке Суле.

Но вскоре между Лжедмитрием и Вишневецким возникли серьезные разногласия. Вишневецкий не собирался идти на Москву, да и сил для этого у него было мало. Он собирался вести «частную» войну с московскими воеводами на малороссийских землях. Целью «частной» войны Вишневецкого был захват нескольких городков, контролируемых Москвой, а затем — заключение выгодного мира с царем Борисом. Не исключено, что на мирных переговорах голова Отрепьева стала бы разменной монетой. Самозванца, естественно, такие планы князя Адама не устраивали, к тому же у него к началу 1604 г. появились и другие покровители.

Дело в том, что Константин Вишневецкий (двоюродный брат Адама Вишневецкого) познакомил Лжедмитрия со своим тестем сандомирским воеводой Юрием Мнишком. Проходимец и авантюрист Мнишек буквально ухватился за самозванца. В дело пошла и дочь Мнишка Марина. О пылкой взаимной страсти Лжедмитрия и Марины писали многие, от Шиллера до Пушкина. Я же нахожусь в затруднении и не могу отделить страсть от расчета в отношениях этой парочки.

На дошедших до нас портретах мы видим, что Марина не обладала ни особой красотой, ни женским обаянием, несмотря на то что живописцы, щедро оплачиваемые Мнишком, постарались приукрасить ее внешность. Даже на парадном портрете будущая московская царица выглядела не сильно привлекательно: лицо вытянутое, слишком длинный нос, губы тонкие, жидкие черные волосы. Ко всему прочему Марина была низкорослая и тщедушная. Все это мало соответствовало тогдашнему идеалу красоты. Но не надо сбрасывать со счетов и субъективный фактор. То, что оставило бы безразличным современника Гришки мушкетера Арамиса, могло вызвать восторг у беглого монашка, впервые увидевшего совсем рядом знатную шляхтянку, да с непокрытыми волосами, ведь на Руси он мог видеть боярышень только издалека. Не будем забывать, что не только боярыни, но даже и московские царицы никогда не бывали на торжественных церемониях и на пирах вместе с мужчинами. Вспомним, как через сто лет молодой Петр увлекся первой встреченной в Немецкой слободе иностранкой Анной Моне.

Но есть и другой пример: Наполеон и Мария Валевская, где расчет и любовь переплелись неразрывно. Ни сама Мария, ни ее многочисленные родственники и друзья не согласились бы на роман с каким-нибудь богатым и родовитым, но не имеющим политического влияния германским принцем. В свою очередь Наполеон постоянно имел мелкие интриги в завоеванных странах, но всегда знал меру. Он нигде не позволил бы себе завести, скажем, «голландскую» или «баварскую супругу». Зато роман с

Марией не без молчаливого согласия князя был предан огласке. О нем судачили во всех гостиных Варшавы, вся армия обсуждала «польскую супругу» императора. Надо ли говорить, что Валевской и К^о нужен был император для воссоздания Речи Посполитой на немецкой, а в первую очередь на русской территории. А Наполеону нужны были польские штыки и сабли, деньги и провиант. Замечу, что Наполеон все свои войны вел за счет населения иностранных государств, и французский бюджет в его правление не имел дефицита.

Аналогичная ситуация сложилась и в 1603 г., и невозможно точно сказать, кому больше был выгоден союз — Лжедмитрию или Мнишкам.

Лакмусовой бумажкой в романе самозванца с Мариной могут быть все брачные договоры, заключенные Мнишками с самозванцем. Одуревшие от жадности Юрий и Марина требовали много, а Григорий покорно на все соглашался. При этом он прекрасно знал, что выполнение хоть половины условий Мнишков стоило бы головы не только ему, но и самому законному московскому царю, тому же Федору Иоанновичу или даже Ивану Грозному.

Тут стоит отметить один любопытный момент. И наши и польские историки постоянно подчеркивают религиозный фанатизм Марины. И делают это вполне обоснованно, вспомним хотя бы конфликты с православным духовенством на свадьбе в Москве в 1606 г. Но почему-то никто до сих пор не обратил внимания на небольшую неувязку. Как уже говорилось, вся родня Мнишков состояла, как нарочно, из протестантов и ариан, да тут еще Урсула вышла замуж за православного. Князя Вишневецкие уже несколько столетий были православными, а окатоличились лишь в 20-х — 40-х годах XVII столетия. И заметим, никаких скандалов на религиозной почве ни у Юрия, ни у Марины с родственниками-иноверцами не возникало. При этом ни отец, ни дочь не были образцами религиозного благочестия, скорее их можно назвать образцами безнравственности и разврата. Так когда и как столь нечистоплотная в жизни и индифферентная к религии Марина превратилась в фанатичку? Разгадку этой тайны нам дает весьма компетентный современник Марины гетман Станислав Жолкевский, который уже после 1612 г. писал о Мнишке: «...из честолюбия и корыстных видов решил он покровительствовать и ввести на царство Московское московитянина Гришку, сына Отрепьева, который обманом назвался царевичем Московским Дмитрием Иоанновичем... С помощью лести и лжи, которые были орудиями его действий, и родственника своего ксендза Бернарда Мациевского, епископа Краковского, имевшего в то время большой вес при дворе, он достиг того, что король явно стал

благоприятствовать этому делу и смотрел на оное сквозь пальцы, против совета многих знатнейших сенаторов, которым оно весьма не нравилось».

Итак, в дело ввязался краковский епископ, имевший тесные связи с иезуитами. Замечу, что Бернад Мациевский был один из инициаторов введения в 1596 г. Брестской унии. А в конце 1603 г. папа Климент VIII сделал его кардиналом. Римский папа Климент VIII в 1588 г. был направлен легатом в Польшу, правда, звался он тогда Ипполит Альдобрандини. Царь-католик на московском троне для Климента VIII был не только триумфом контрреформации, но и личным его успехом.

Мнишки и иезуиты взяли Отрепьева под жесткий контроль. И в Самборе, а затем и в Кракове самозванец был вынужден жить в домах Юрия Мнишка, и его свобода передвижения была ограничена. Уже в Самборе Отрепьева усиленно накачивали ксендз Помаский и богослов Анзеришу. Видимо, уже в Самборе католическое духовенство и иезуиты заключили сделку с Юрием Мнишкой. В обмен на поддержку церкви и ордена Мнишки должны были сделать все для истребления православия в России. Соответственно, Марина теперь должна была ревностно выполнять все обряды римско-католической церкви.

В ноябре 1603 г. король Сигизмунд изъявил желание видеть Димитрия в Кракове. В это время в польских верхах шла борьба двух партий. Против поддержки самозванца решительно выступали наиболее умные политики и военачальники. Среди них были Ян Замойский, Константин Острожский, Карл Ходкевич, браславский воевода Збаражский и другие. Хотя, согласно конституции, король должен был принять мнение Замойского и Ходкевича, у него были и другие, менее официальные, но более желанные для него советчики. Они принадлежали к второстепенным личностям в стране. Это были царедворцы, шедшие по следам братьев Мнишков, такие прижившиеся в Польше выходцы, как Андрей Бобола, Бернад Мациевский и Сигизмунд Мышковский, или наемные иностранцы, как немец ВрADER и итальянец де ля Кола, и, наконец, главная придворная дама королевства Урсула Гингер. Этот маленький мирок, легко доступный всяким интригам, находился вместе с самим королем под сильным влиянием иезуитов, и в частности под влиянием духовника короля отца Барча. А между тем отцов-иезуитов уже насторожили известия, приходившие из Самбора.

Настоящий или самозванный, но обращенный в католичество царевич мог сесть на московский престол, а следом за ним в Россию смогли бы проникнуть и члены Общества иезуитов. Чисто личные соображения побуждали к тому же и короля Сигизмунда. Будучи ревностным католиком,

он готов был, кажется, пожертвовать Польшей, чтобы только ввести в католицизм Московское государство. Недавно он потерял свое наследие в Швеции, и эта страна в равной мере волновала его как своими политическими, так и близкими его сердцу религиозными интересами.

В феврале 1604 г. король официально обратился к сейму, прося его высказаться по поводу претендента на русский престол. По двум наиболее существенным вопросам — о подлинности Дмитрия и о предполагаемом участии Польши в его предприятии — король почти единогласно получил отрицательный ответ. «За» были только краковский воевода Николай Зебржидовский и гнезенский архиепископ прелат Ян Тарковский.

Тем не менее в первых числах марта 1604 г. Мнишек и Лжедмитрий объявились в Кракове. С самого начала Мнишек показал себя отличным политиком. Он начал с того, что устроил большой пир, куда пригласил и членов сейма. Естественно, что центральное место на пиру занимал Лжедмитрий. Претендент появился со свитой из нескольких «знатных москвитов». Наделе это были бродяги, бежавшие из России, или казаки. Но пьяные паны не особенно разбирались в этом, главное, что свита оказывала почти царские почести претенденту.

Вскоре самозванцу представили пятерых братьев Хрипуновых, бежавших из России. Хрипуновы были дворянами из города Зубцова. Все пятеро дружно признали в претенденте царевича Дмитрия. Вопрос, откуда они могли знать царевича раньше, поляков, естественно, не интересовал. Интересно, что показания Хрипуновых Отрепьев и Мнишек широко разрекламировали среди поляков. Но с собой в Москву Лжедмитрий Хрипуновых не взял и впоследствии, когда Лжедмитрий уже царствовал, они вынуждены были просить покровительства короля, чтобы получить разрешение вернуться в Россию, и при его поддержке получили там земельные наделы.

Вскоре Сигизмунд III сделал решительный шаг — 15 марта претенденту была назначена аудиенция. Представ перед королем, Лжедмитрий произнес напыщенную речь, пестрящую многочисленными латинскими изречениями, риторическими фигурами и сравнениями, в которых более или менее удачно приводились подобные случаи из истории и преданий. В своем ответе Сигизмунд, связанный мнением сейма, дал понять, что он не признает Дмитрия, не даст ему ни одного солдата и не нарушит перемирия, заключенного с царем Борисом, но он все это позволит Мнишку и даже будет тайно поддерживать это предприятие.

Для начала, сразу же после аудиенции, Лжедмитрия осыпали подарками и назначили ему ежегодное содержание в четыре тысячи

флоринов, правда, из доходов Самборской экономики, что вряд ли понравилось Мнишку.

Разумеется, король делал все это не ради красивых глаз беглого монаха. Прежде чем попасть в королевскую резиденцию Вавель, Лжедмитрий был вынужден дать польской короне клятвенное обещание — отдать Польше половину Смоленской земли и часть Северской; заключить вечный союз между обоими государствами; разрешить свободный въезд иезуитов в Московию; позволить строить католические церкви и, наконец, обещал помочь королю вернуть шведский престол.

После аудиенции с королем самозванец заказал себе парадный портрет. Подпись к портрету гласила: «Дмитрий Иванович, великий князь Московии, 1604 г. В возрасте своем 23». Летом 1604 г. настоящему царевичу Димитрию, сыну Ивана Грозного, был бы 21 год. Вероятно, самозванец сам придумал подпись к портрету и указал свой настоящий возраст.

Еще до встречи с королем Лжедмитрию пришлось познакомиться и с папским нунцием Клавдием Рангони. В длительной беседе нунций дал понять, что если претендент желает получить помощь от Сигизмунда, то должен отказаться от греческой веры и вступить в лоно римской церкви. Лжедмитрий немедленно согласился. Рангони причастил претендента и миропомазал. Затем Лжедмитрию пришлось побывать на исповеди у монаха-иезуита.

24 апреля 1604 г. Лжедмитрий написал письмо папе Клименту VIII. В нем Отрепьев именовал себя «самой жалкой овечкой», «покорным слугою» Его Святейшества. Он отрекался от «заблуждения греков», признавал непорочность догматов веры «истинной Церкви» и, наконец, целовал ноги Его Святейшества, как «ноги самого Христа», и исповедовал полную покорность и подчинение «верховному пастырю и отцу всего христианства». Далее Отрепьев писал, что «Всевышний мог избрать его проповедником истинной веры, дабы обратить заблудшие души и возвратить в лоно католической церкви великую и набожную нацию».

Получив сие послание, Климент VIII сделал то же, что сделал Сигизмунд. Обещания претендента были приняты в Риме с радостью, и папа написал на полях письма: «Возблагодарим премного Бога за это...» Иезуиты получили полномочия использовать таким образом достигнутый в религиозном отношении успех. Что же касается политической стороны дела, то тут папа, наоборот, оказался крайне осторожным. Он соглашался не видеть в Димитрии более нового португальского короля-самозванца, но в ответе на его послание называл его «дорогим сыном» и «благородным

господином» — и всё!

Известив папу о своем обращении в католичество, Лжедмитрий в тот же день покинул Краков и вместе с Юрием Мнишком направился в Самбор. В самборском замке Лжедмитрия ожидал серьезный разговор с будущим тестем. Ведь самозванец обещал отдать королю значительную часть земель, обещанных Мнишку еще в феврале 1604 г. Поэтому Лжедмитрию пришлось заключить новый договор с Мнишком. В этом договоре, подписанном 24 мая 1604 г., самозванец торжественно клялся под страхом анафемы и обещал: 1) Тотчас по вступлении на престол выдать Мнишку один миллион польских золотых для подъема в Москву и уплаты долгов, а Марине прислать бриллианты и столовое серебро из царской казны. 2) Отдать Марине Великий Новгород и Псков со всеми жителями, местами, доходами в полное владение, как владели прежние цари. Города эти оставались за Мариной, хоть бы она не имела потомства от Дмитрия, и вольна она в них судить и рядить, постановлять законы, раздавать волости, продавать их, также строить католические церкви и монастыри, в которых основывать латинские школы. При дворе своем Марина также вольна держать латинских духовных и беспрепятственно отправлять свое богослужение, потому что он, Дмитрий, соединился уже с римской церковью и будет всеми силами стараться привести и народ свой к этому соединению. В случае если дело пойдет плохо и он, Дмитрий, не достигнет престола в течение одного года, то Марина имеет право взять назад свое обещание или, если захочет, то ждать еще год.

Не прошло и месяца, как Лжедмитрий вынужден был заключить другой договор. В этом договоре, подписанном 12 июня 1604 г., Лжедмитрий обязывался уступить Юрию Мнишку княжества Смоленское и Северское в потомственное владение, и так как половина Смоленского княжества и шесть городов из Северского княжества отойдут королю, то Мнишек получал еще из близлежащих областей столько городов и земель, чтобы доходы с них равнялись доходам с городов и земель, уступленных Сигизмунду.

Как писал С. М. Соловьев, «Мнишек собрал для будущего зятя 1600 человек всякого сброда в польских владениях, но подобных людей было много в степях и укрainaх...».^[29] Цитата приведена умышленно, дабы автора не заподозрили в предвзятости. Первоначально местом сбора частной армии Мнишка был Самбор, но затем ее передислоцировали в окрестности Львова. Естественно, что это «рыцарство» начало грабить львовских обывателей, несколько горожан было убито. В Краков из Львова посыпались жалобы на бесчинства «рыцарства». Но король Сигизмунд вел

двойную игру, и пока воинство Мнишка оставалось во Львове, король оставлял без ответа жалобы местного населения на грабежи и насилия. Папский нунций Рангони получил при дворе достоверную информацию о том, что королевский гонец имел инструкцию не спешить с доставкой указа во Львов.

Любопытно, что польские историки оправдывают поход этого сброда на Москву. Тот же Казимир Валишевский писал: «В оправдание Польши надлежит принимать в соображение то обстоятельство, что Московия семнадцатого века считалась здесь страной дикой и, следовательно, открытой для таких предприятий насильственного поселения против воли туземцев; этот исконный обычай сохранился еще в европейских нравах, и частный почин если и не получал более или менее официальной поддержки заинтересованных правительств, всегда пользовался широкой снисходительностью».^[30]

Таким образом, с польской точки зрения сей поход был лишь экспедицией в страну диких туземцев.

Между тем король не только смотрел сквозь пальцы на сборы частной армии, но и осуществлял дипломатическую поддержку самозванца. В начале лета 1604 г. король дал аудиенцию крымскому послу Джану Черкашенуку и пообещал «уплатить Крыму казну за два года»,^[31] если хан согласится помочь самозванцу. По возвращении в Крым Джан доложил о предложении короля хану Бора-Газы Гирею. Тем не менее помощи от крымцев Лжедмитрий не получил. Зато к нему присоединилось около двух тысяч запорожских и малороссийских казаков.

Армия Мнишка медленно приближалась к русским границам. Во время остановки в Глинянах в начале сентября был проведен смотр. «Рыцарство» собралось в коло^[32] и произвело выборы командиров. Мнишек, по его же желанию, был выбран главнокомандующим, а Адам Жулицкий и Адам Дворжецкий — полковниками. Сын Мнишка Станислав стал командиром гусарской роты. Таким образом, Мнишек, его друзья и родственники сосредоточили в своих руках все командование армией самозванца.

К моменту перехода русской границы в армии Мнишка было 1000–1100 польских гусар, сведенных в роты по двести сабель в каждой, 400–500 человек польской пехоты, от двух до трех тысяч казаков и до двухсот «москалей», то есть беглых русских.

Как уже говорилось, армия Мнишка, двигаясь по польской территории, безнаказанно грабила местное население. В связи с этим князь

Константин Острожский и черкасский староста Ян Острожский отобилизовали свои частные армии и разместили на границах собственных владений, чтобы не допустить туда «рыцарство». Ян Острожский приказал угнать все лодки и паромы с днепровских переправ в районе Киева. И в течение нескольких дней армия Мнишка стояла на берегу Днепра, не имея средств для переправы. Самозванца выручили киевские мещане, предоставившие средства для переправы. Дело тут, разумеется, не в любви киевлян к «спасенному царевичу», как писали наши историки, а в страстном желании мещан оградить свое имущество от храброго «рыцарства».

Глава 9

Вторжение

13 октября 1604 г. войско самозванца переправилось за Днепр и стало медленно продвигаться к ближайшей русской крепости — Моравску (Монастырскому острогу).

Отряд казачьего атамана Белешко скрытно через дремучий лес подошел к пограничной малой крепости Моравск и выслал парламентаря. Казак подъехал к стене крепости и на конце сабли передал жителям письмо «царевича». На словах он передал, что идет сам Димитрий с огромными силами. Застигнутый врасплох, воевода Б. Лодыгин попытался организовать сопротивление. Однако служилые взбунтовались, связали воеводу Лодыгина и стрелецкого голову Толочанова. Трофеями казаков стали семь пушек и двадцать затинных пищалей. Сам же «Димитрий» с основными силами прибыл к Моравску лишь 21 октября.

Под стенами Чернигова самозванца поначалу встретили пушечной пальбой. Но вскоре и там произошел бунт, воевода князь И. А. Татев был схвачен и передан самозванцу. В Чернигове было захвачено 27 крепостных орудий. Поляки и казаки, войдя в Чернигов, разграбили его. Знатный дворянин Н. С. Воронцов-Вельяминов наотрез отказался признать самозванца своим государем. Отрепьев приказал убить его. Эта казнь запугала взятых в плен дворян. Воеводы Б. П. Татев, Г. П. Шаховский и другие поспешно присягнули Лжедмитрию.

На помощь Чернигову поспешил отряд русских войск под командованием воеводы Петра Федоровича Басманова. В 15 верстах от Чернигова Басманов узнал о его сдаче и отступил в Новгород-Северский. В течение недели Басманов готовил крепость к обороне. Местных служилых людей в городе было немного: 104 сына боярских, 103 казака, 95 стрельцов и пушкарей. У Басманова тоже был небольшой отряд, и он запросил подкрепления из близлежащих крепостей. Всего в Новгороде-Северском было собрано около полутора тысяч человек, умевших пользоваться оружием. Эта цифра хорошо иллюстрирует беспечность царя и его воевод, проворонивших вторжение самозванца.

11 ноября 1604 г. войско Лжедмитрия подошло к Новгороду-

Северскому. Самозванец послал поляков-парламентеров с предложением сдаться. На это со стен закричали: «А, сучьи дети! Приехали на наши деньги с вором!» Как видим, русские ратники имели хорошее представление о качественном составе и о целях польского «рыцарства».

13 ноября поляки попытались захватить крепость, но были отбиты, потеряв 50 человек. В ночь на 18 ноября последовал новый штурм, который был отбит с большими потерями. Любопытно, что Казимир Валишевский пишет по сему поводу: «Польские гусары не могли справиться с защищенными артиллерией фортами». Видимо, деревянный тын показался доблестным гусарам мощным каменным фортом.

После неудачного приступа «рыцарство» взбунтовалось. Польские отряды уже собрались покинуть Лжедмитрия, как пришла весть о сдаче самозванцу Путивля. Путивль был ключевым пунктом обороны Черниговской земли и единственным из северских городов, имевшим каменную крепость. Однако гарнизон Путивля не захотел воевать. Воевода князь Василий Рубец-Мосальский был связан и приведен к царевичу. По дороге князь оценил ситуацию, при встрече «узнал» царевича и присягнул ему. Впоследствии Рубец-Мосальский стал одним из приближенных самозванца.

За Путивлем последовал Рыльск. 23 ноября служилые люди взбунтовались и арестовали воеводу А. Загряжского. Одновременно взбунтовался Курск, где были арестованы воевода князь Г. Б. Роща-Долгоруков и стрелецкий голова Я. Змеев. Оба были доставлены к самозванцу, признали его и вскоре были назначены воеводами в Рыльск.

1 декабря на сторону самозванца перешла маленькая, но имевшая большое стратегическое значение крепостца Кромы, расположенная на московской дороге в 40 верстах от Орла. В Орле находился небольшой гарнизон под началом осадного головы Петра Крюкова. По его просьбе в Орел были присланы дворяне и дети боярские из Козельска, Белева и Мещёвска, несшие годовую службу в Белгороде. Командование над отрядом, собравшимся в Орле, принял стрелецкий голова Григорий Иванович Микулин. Отряд сторонников самозванца приблизился к Орлу, но высланная оттуда дворянская сотня наголову разгромила «воров».

28 ноября в Новгороде-Северском часть служилых людей пыталась поднять мятеж. Но воевода Басманов сумел подавить его, после чего 80 человек перебежало из крепости к осаждающим.

Между тем поляки привезли к Новгороду-Северскому несколько крепостных пушек, захваченных в Путивле, и начали бомбардировку крепости и после недельного обстрела «разбита град до обвалу земного».

Чтобы выиграть время, Басманов начал переговоры с Лжедмитрием и попросил заключить двухнедельное перемирие, будто бы необходимое для принятия решения о сдаче крепости. Мнишек и Отрепьев согласились на это. Басманов использовал перемирие, чтобы исправить повреждения крепости. 14 декабря в крепость прорвалось небольшое подкрепление — сотня стрельцов.

Лишь когда пришли первые известия о вторжении войска самозванца, царь Борис приказал собрать в течение двух недель, к 28 октября, дворянское ополчение. Приказ был повторен трижды, но выполнить его не удалось. Основными причинами этого стали осенняя распутица и нежелание дворян ехать на службу. Борису пришлось применить строгие меры к дворянам, уклонявшимся от службы. Некоторых доставили под стражей, у других описали поместья, третьих наказали батогами. Наконец к 12 ноября дворянское ополчение собралось в Москве. Массовая неявка в призыв 1604 г. была обусловлена спецификой похода. Нет, конечно, не тем, что дворяне не хотели биться против «истинного царевича», да большинству было плевать на него. А вот сражаться с голозадным воинством, что с «рыцарством», что с нищей шляхтой, что с казаками и со служилыми из пограничных городков, явно не подарок! Заведомо не будет ни славы, ни добычи. Не надо иметь семи пядей во лбу, чтобы догадаться, что в случае похода на Польшу, да еще в союзе со Швецией, явка дворян была бы, по крайней мере, выше средней, поскольку и в Гродно, и в Минске, да и в любой панской усадьбе «контрибуции» нашлось бы более чем достаточно.

Наши историки до сих пор не могут толком ответить на вопрос — почему беглый монах с 4–5 тыс. разношерстного войска мог успешно воевать с лучшими воеводами и огромными ратями Московского государства? Династию Годуновых погубила недооценка противника и полнейшая безграмотность в стратегии войны как царя, так и его воевод.

Посмотрим на карту. Кратчайший путь из Польши в Москву лежит через Смоленск, Вязьму и Можайск. Ареной всех предшествующих русско-польских войн традиционно была смоленская земля. По этому маршруту в 1609 г. двинулся на Русь король Сигизмунд, в 1610 г. — Жолкевский, в 1611 г. — Ходкевич, в 1618 г. — королевич Владислав, а в 1812 г. — Наполеон.

Однако в 1604 г. Лжедмитрий и Мнишек пошли кружным путем через Чернигов и Новгород-Северский, то есть на 300–350 километров южнее, чем это обычно делали завоеватели, шедшие с запада на Москву. Сделано это было не случайно. На берегах Десны и Сейма еще со времен Ивана III

строились многочисленные крепости и остроги, предназначенные для защиты южного «подбрюшья» России как от поляков, так и от крымских татар. Естественно, что сидеть в маленьких гарнизонах было скучно, шансов на чины и награды было мало. Туда отправляли опальных и прощтрафившихся дворян и стрельцов. Дисциплина в крепостях и острогах была низкая, жалованья на жизнь не хватало, и служилые люди часто промышляли разбоем. Появление царевича Димитрия для большей части служилых было манной небесной. А серьезно, каким другим способом они могли получить богатство, чины, покинуть остроги, вокруг которых постоянно рыщут злые татары и не менее злые ляхи, и переселиться в хоромы в Москве?

Находясь в четырехугольнике Чернигов — Стародуб — Кромы — Рыльск, самозванец мог спокойно проигрывать сражения, нести сколь угодно большие потери и... продолжать войну до бесконечности. Ведь оружие и порох Лжедмитрий свободно получал из Польши, оттуда же шли толпы грабителей-шляхтичей. С Дона и Днепра к Лжедмитрию шли казаки. Наконец, в упомянутом четырехугольнике хватало и охотников до приключений из русских служилых.

В феврале 1605 г. герцог Карл Зюдерманландский (правитель Швеции, с марта 1607 г. — король Карл IX) предложил царю Борису наступательный союз против Польши. Годунову надо было опередить герцога Зюдерманландского и заключить со Швецией союз еще в 1604 г. При этом ни под каким видом не следовало пускать шведские войска в Россию, как это сделал позже Василий Шуйский. Шведы давно зарились на Лифляндию, Курляндию и другие земли, принадлежавшие Речи Посполитой. И для наступления туда у шведов был превосходный плацдарм в Эстляндии. Кроме того, шведы имели сильный флот, который мог произвести десант в любой точке польского побережья. Царь Борис же, выставив небольшой заслон против Лжедмитрия, мог бы с основными силами идти из Смоленска на Оршу, Минск, Гродно и далее... Разгром Польши был бы неизбежен. Минусом этого предприятия было бы серьезное усиление шведского королевства, что было бы нежелательно, но вполне терпимо, так как шведы никогда не собирались идти на Москву, да и Швеция, став протестантской страной, из орудия папской экспансии на Восток давно уже превратилась в непримиримого врага католицизма. Плюсом было бы приобретение пограничных земель Речи Посполитой, заселенных русскими православными людьми. А голова Отрепьева стала бы мелкой разменной монетой в переговорах победителей и побежденных.

И это не фантазии автора, а объективная реалья. Вторжение поляков в

Россию и глупость Бориса отсрочили польско-шведскую войну до 1621 г. В 1621 г. шведский король Густав появился с флотом в устье Западной Двины и высадил двадцатитысячный десант.

Увы, Годунов не нанес ответного удара Польше, а пытался усювестить короля и панов, отправляя к ним послов всех рангов. Так, к примеру, русский посол Постник Огарев вручил королю Сигизмунду грамоту: «В нашем государстве объявился вор-расстрига... Хотя бы тот вор и подлинно был князь Димитрий Углицкий, из мертвых воскрешенный, то он не от законной, от седьмой жены». Годунов требовал, чтобы король велел казнить Отрепьева и его советников. Поляки ответили вежливо, но сами смеялись над дуростью московитов.

От большой стратегии и политики вернемся к полю брани. Годунов вручил командование армией Дмитрию Ивановичу Шуйскому, одному из самых бездарных московских воевод. Войско двинулось к Брянску где простояло около трех недель. Брянское стояние надоело Борису, и Шуйский был заменен на князя Федора Ивановича Мстиславского, столь же знатного и бестолкового воеводу.

18 декабря армия Мстиславского подошла к Новгороду-Северскому и простояла в полном бездействии три дня. 20 декабря противники выстроились на поле друг против друга, но до сражения дело не дошло. Лжедмитрий старался оттянуть начато решительной битвы переговорами, и это ему удавалось, как как Мстиславский тоже не торопился, он ждал подкреплений, хотя у Мстиславского было от 40 до 50 тысяч человек, а у самозванца — не более 15 тысяч.

21 декабря Лжедмитрий атаковал царское войско. Сражение началось стремительной атакой польских гусар на правом фланге войск Мстиславского. Полк правой руки, не получив помощи от других полков, в беспорядке отступил. Одна из польских гусарских рот, следуя за отступающими, неожиданно оказалась в расположении большого полка около ставки Мстиславского. Там стоял большой золотой стяг, укрепленный на нескольких повозках. Гусары подрубили древко, захватили стяг, сбросили с коня Мстиславского, ранив его при этом в голову. На выручку воеводе кинулись русские дворяне и стрельцы. Часть гусар была убита, остальные, во главе с капитаном Домарацким, взяты в плен. После ранения Мстиславского командование русским войском взяли на себя воеводы Д. И. Шуйский, В. В. Голицын и А. А. Телятевский. Но они не сумели использовать свое численное преимущество и отдали приказ войску отойти.

Лжедмитрий мог праздновать победу. По польским источникам,

поляки потеряли убитыми около 120 человек, а русские — до 4 тысяч человек. Хвастливые поляки приписали успех исключительно себе. Они, видимо, в число убитых не включили казаков и русских сторонников самозванца.

После сражения «рыцарство» потребовало у Лжедмитрия денег. Царское войско отступило в полном порядке, и трофеев практически не было. В Северной земле все, что можно было разграбить, ляхи давно уже разграбили. 1 января 1605 г. в лагере самозванца вспыхнул открытый мятеж. «Рыцарство» бросилось грабить обозы. Мнишек попытался остановить грабеж, но следующей ночью мятеж вспыхнул с новой силой. Поляки решили покинуть самозванца. 4 января главнокомандующий Юрий Мнишек покинул лагерь самозванца с большей частью поляков. Формально Мнишек заявил, что едет на сейм в Краков. С Лжедмитрием осталось только полторы тысячи поляков, которые вместо Мнишека выбрали гетманом Дворжицкого. Но вскоре в войско самозванца прибыло большое пополнение — 12 тысяч малороссийских казаков.

Лжедмитрий был вынужден снять осаду с Новгорода-Северского и двинулся к Севску, который он занял без боя.

Несмотря на бездарные действия русских воевод под Новгородом-Северским, царь Борис не только не наложил на них опалу, а наоборот, щедро наградил. Защитник Новгорода Северского Басманов был вызван в Москву, где его торжественно встретил сам царь. Басманов получил боярство, большое поместье, две тысячи рублей и много ценных подарков.

На помощь страдавшему от ран Мстиславскому царь послал князя Василия Ивановича Шуйского. Кстати, по получению вестей о появлении самозванца в русских пределах, он вышел на Лобное место в Москве и торжественно свидетельствовал, что истинный царевич закололся и был погребен им, Шуйским, в Угличе.

20 января 1605 г. русское войско стало лагерем в большом кохмарицком селе Добрыничи недалеко от Чемлыжского острожка, где находилась ставка Лжедмитрия.

Узнав о подходе русских, самозванец решил немедленно атаковать их. На рассвете 21 января польская кавалерия начала сражение. Дворжицкому удалось потеснить полк правой руки, которым командовал князь Шуйский. Затем польская конница повернула к центру русского войска, где нарвалась на пушки, московских стрельцов и немцев-наемников, которыми командовали капитаны Маржерет и Розен. Польская конница и казаки обратились в паническое бегство. Лишь пассивность русских воевод, не сумевших организовать преследование врага, предотвратила полное

уничтожение всего войска самозванца.

Тем не менее, согласно разрядной записи, на поле боя было найдено и захоронено 11,5 тысячи трупов. Большинство из них (около 7 тысяч) были «черкасы», то есть малороссийские казаки. Победителям досталось 12 знамен и штандартов и вся артиллерия — 30 пушек. Русским воеводам удалось захватить несколько тысяч пленных. Всех пленных поляков увезли в Москву, зато казаки всех мастей и русские изменники были повешены.

После сражения Лжедмитрий ускакал с небольшой свитой в Рыльск. Оттуда Отрепьев намеревался бежать в Польшу. Но теперь он оказался во власти своих русских сторонников, которых никто не ждал «за бугром» и которым уже нечего было терять. Тем не менее Отрепьеву удалось покинуть Рыльск. Для защиты города он оставил местному воеводе князю Г. В. Долгорукову несколько казачьих и стрелецких сотен.

У правительственных войск был многократный перевес над защитниками Рыльска, но взять город они не смогли, и Мстиславский велел отступить к Севску.

Эта война зимой, среди заснеженных лесов и полей, была непривычна для дворянского ополчения. Русская армия действовала в местности, охваченной восстанием, среди враждебно настроенного населения, которое отбивало обозы с продовольствием, создавало трудности с заготовкой провианта и фуража. Все это усугубляло и без того трудное положение армии, которая после трехмесячной кампании стала быстро «таять». Дворяне дезертировали, разъезжаясь по своим поместьям.

В окрестностях Рыльска русская армия, лишенная надежных коммуникаций, оказалась в полукольце крепостей, занятых неприятелем. На севере сторонники самозванца удерживали Кромы, на юге — Путивль, на западе — Чернигов. В таких условиях воеводы Мстиславский, Шуйские и Голицын решили вывести армию из охваченной восстанием местности и распустить ратных людей на отдых до новой летней кампании.

Царь Борис, разгневанный отступлением армии от Рыльска, послал к войскам окольного П. Н. Шереметева и думного дьяка Афанасия Власьева с наказом: «...пенять и расспрашивать, для чего от Рыльска отошли». Царь строжайше запретил воеводам распускать армию на отдых, что вызвало недовольство в полках.

В такой ситуации особое значение приобрела маленькая крепостца Кромы, оказавшаяся в тылу правительственной армии. Городок Кромы был построен московскими воеводами в 1595 г. Крепостца господствовала над левым берегом реки Кромы. Город окружали болота, через которые проходила всего одна дорога. Сам город с посадом был укреплен по

образцу московских крепостей: снаружи высокий и широкий земляной вал, а внутри такая же бревенчатая стена с башнями и бойницами. Гарнизон состоял из двухсот стрельцов и небольшого отряда казаков. Командовал крепостцой Григорий Ананфиев. Однако перед началом осады в Кромы прибыл атаман Корела с четырьмя сотнями донских казаков.

Правительственные войска Шереметева в течение нескольких месяцев безуспешно осаждали Кромы. Не помогли и несколько осадных орудий, доставленных под Кромы в конце февраля. С некоторой долей упрощения можно сказать, что с февраля 1605 г. война с самозванцем из маневренной перешла в позиционную. Царские войска оказались в положении мужика, поймавшего медведя, но не имевшего сил его вытащить из берлоги.

Развязка наступила в результате случайности или козней московских бояр. 13 апреля 1605 г. царь Борис внезапно умер или был отравлен.

Глава 10

Гибель династии Годуновых

19 апреля 1605 г. под Кромы, где большое царское войско осадило атамана Корелу, прибыл новый второй воевода большого полка Петр Басманов. Он привел войско к присяге новому царю Федору Борисовичу.

Но через несколько дней после присяги царь Федор прислал в действующую армию разрядную роспись. Роспись была формально составлена верно, но фактически она оскорбляла обласканного ранее царем Борисом Басманова. Царь Федор мог просто приказать «быть без мест», то есть объявить чрезвычайное положение, при котором царь имел право назначить на воеводские должности кого угодно. Но после окончания похода бывшие воеводы и их потомки лишались права ссылаться на соотношение должностей в этом походе. Но Федор то ли по неопытности, то ли по наущению бояр решил действовать по традиции. Когда дьяк огласил роспись в присутствии бояр и воевод, Басманов, «патчи на стол, плакал с час, лежа на столе, а встав с стола, евлял и бил челом бояром и воеводам всем: «Отец, государи мои, Федор Алексеевич точно был дважды больши деда князя Ондреева... а ныне Семен Годунов выдает меня зятю своему в холопи, князю Ондрею Телятевскому, и я не хочу жив быти, смерть прииму лутче тово позору».

О смерти царя Бориса Лжедмитрий узнал в конце апреля. Теперь самозванец предпочел активным боевым действиям психологическую войну. В лагерь осаждающих под Кромами десятками забрасывались «прелестные» письма с призывами переходить на сторону самозванца.

Для царских же воевод была подготовлена дезинформация. Правительственные войска перехватили гонца Лжедмитрия, посланного в осажденные Кромы. В письме говорилось, что польский король послал в помощь Димитрию воеводу Жолкевского с сорокатысячным войском. Естественно, это была спецоперация самозванца. На самом деле польский сейм, открывшийся 10 января 1605 г., решительно высказался за сохранение мира с Россией. Канцлер Замойский осудил авантюру Отрепьева. Он говорил, что этот враждебный набег на Московию губителен для Речи Посполитой.

Все это привело к росту нестабильности в царской армии. Ряд военачальников составил заговор против царя Федора. Немалую роль в организации заговора сыграл талантливый авантюрист Прокопий Федорович Ляпунов. У него были свои счеты с Годуновыми. В 1603 г. царь Борис велелбить кнутом его брата Захара за торговлю запрещенными товарами с донскими казаками. Прокопий Ляпунов, его родные братья Григорий, Захар, Александр и Степан, а также двоюродные братья Семен и Василий принадлежали к очень влиятельному в Рязани дворянскому роду.

Много споров среди историков вызывает и поведение Петра Басманова. С одной стороны, он был обласкан Борисом и Федором Годуновыми и получил назначение, намного превышающее положенное ему по знатности рода. С другой стороны, заговорщики князя Голицыны по матери приходились ему двоюродными братьями. А отец царицы Малюта Скуратов был инициатором расправы над несколькими Басмановыми. В конце концов, и Петр Басманов перешел на сторону заговорщиков. По одной версии, Басманов лично возглавил мятеж, а подругой — не принял должных мер для его подавления и позволил для вида связать себя.

7 мая в лагере правительственных войск под Кромами вспыхнул мятеж. На помощь мятежникам подошли войска самозванца. Некоторое число дворян и простых ратников бежало в Москву, остальные присягнули самозванцу. Первым делом Лжедмитрий распустил царское войско.

В середине мая 1605 г. Лжедмитрий прибыл в Орел. Там он учинил суд над теми воеводами, которые, попав в плен, отказались ему присягать. В тюрьму был отправлен и боярин И. И. Годунов. Затем самозванец двинулся к Москве. Его сопровождало около тысячи поляков и около двух тысяч запорожских казаков и конных русских ратников.

По приказу царя Федора Москва стала готовиться к обороне. На стенах Белого и Земляного города устанавливались пушки.

31 мая отряд казачьего атамана Корелы обошел заслоны правительственных войск на Оке в районе Серпухова и разбил лагерь в 10 верстах к северу от столицы, на Ярославской дороге. На следующий день посланцы самозванца дворяне Гаврила Пушкин и Наум Плещеев в сопровождении казаков проникли в Москву и собрали на Красной площади большую толпу. С Лобного места Пушкин зачитал грамоту самозванца, написанную на имя бояр Мстиславского, Василия и Дмитрия Шуйских и других, окольничих и граждан московских. Лжедмитрий напоминал в ней о присяге, данной его отцу, Ивану IV, о притеснениях, причиненных ему в молодости Борисом Годуновым, о своем чудесном спасении (в общих,

неопределенных выражениях), прощал бояр, войско и народ за то, что они присягнули Годунову. В заключении Лжедмитрий обещал награды всем, кто его признает, и гнев божий и свой царский в случае сопротивления.

Народ взволновался. Бояре сообщили патриарху Иову о мятеже, тот умолял бояр выйти к народу и образумить его. Бояре вышли на Лобное место, но ничего не могли поделать. Толпа потребовала от князя Василия Шуйского сказать правду, точно ли он похоронил царевича Димитрия в Угличе? Шуйский ответил, что царевич спасся, а вместо него убит и похоронен попов сын. Ворота в Кремль не были заперты, толпа ворвалась туда и захватила царя Федора с матерью и сестрой. Их отправили в старый дом Бориса Годунова, где он жил, будучи боярином. К дому был приставлен крепкий караул. Другие толпы москвичей кинулись грабить дома Годуновых и их родственников, заодно были разбиты винные подвалы и кабаки. Началось повальное пьянство.

Получив известие о перевороте в Москве, Лжедмитрий 5 июня 1605 г. прибыл в Тулу. Там его встретили как царя. Лжедмитрий отправил обращение к Боярской думе с приказом выслать в Тулу князя Мстиславского и прочих главных бояр. По постановлению думы 3 июня в Тулу отправились князья Н. Р. Трубецкой, А. А. Телятевский и Н. П. Шереметев, а также думный дьяк Афанасий Власьев. Туда же отправились все Сабуровы и Вельяминовы, чтобы вымолить себе прощение Лжедмитрия. Петр Басманов, расположившийся в Серпухове, именем государя не пропустил родню Годунова в Тулу. Лжедмитрия привело в бешенство неподчинение главных бояр его приказу явиться в Тулу лично.

Из Тулы Отрепьев отправился в Серпухов. Там самозванец организовал несколько пышных пиров для своих приближенных и московских бояр. В промежутках между пирами Лжедмитрий вел напряженные переговоры с боярами.

Еще в Туле самозванец издал манифест о своем восшествии на престол. Рассчитывая на неосведомленность большинства жителей Московского государства, Отрепьев врал, что он-де был узан патриархом Иовом, всем священным собором, Боярской думой и прочими чинами, как «прирожденный государь». 11 июня Лжедмитрий, будучи еще в Туле, на своей грамоте пометил: «Писана в Москве». Вместе с этим манифестом самозванец разослал по городам текст присяги. Это был сокращенный вариант присяги, составленной при воцарении Бориса Годунова и его сына Федора. Лжедмитрий использовал тот же прием, к которому прибегли Борис и его сын. Борис, сразу же после смерти царя Федора Ивановича, велел принести присягу на имя вдовы его царицы Ирины и на свое имя.

Федор Борисович в своей присяге тоже поставил на первое место вдовую царицу — свою мать.

Во время пребывания в Польше и северских городах России Лжедмитрий ни разу не упомянул о своей матери Марии Нагой, заточенной в Горицком Воскресенском женском монастыре под именем инокини Марфы. Теперь ситуация изменилась. Отрепьев знал о ненависти инокини Марфы к Годуновым и поэтому рассчитывал на ее признание.

Самозванец велел разыскать Нагих. Нашли лишь отдаленного родственника Марии Нагой дворянина Семена Ивановича Шапкина, которого с эскортом экстренно направили в Горицкий монастырь.

После беседы с Шапкиным с глазу на глаз инокиня Марфа признала сына. Трудно сейчас установить, что больше повлияло на ее выбор — ненависть к Годуновым или нежелание быть отравленной или утопленной по дороге. В Горицком монастыре хорошо помнили судьбу княгини Ефросиньи Старицкой и великой княгини Юлиании, жены Юрия, родного брата Ивана Грозного.

Присяга на имя вдовы Грозного была рассчитана на эмоции малограмотных людей. Как могла царствовать монахиня, даже если она и была 20 лет назад седьмой женой царя Ивана?

Из текста присяги самозванцу, по сравнению с присягой Годунову, были исключены запреты добывать ведунов и колдунов, портить его «на следу всяким ведовским мечтанием», насылать лихо «ведовством по ветру» и т. д. Подданные только кратко обещали не «испортить» царя и не давать ему «зелье и коренье лихое». Вместо пункта о Симеоне Бекбулатовиче и «воре», называющем себя Димитрием Углицким, в текст присяги вводился новый пункт о «Федьке Годунове». Подданные обещали не подыскивать царство под государями «и с изменники их, с Федькой Борисовым сыном Годуновым и с его матерью и с их родством, и с советники не ссылатся письмом никакими мерами».

Самозванцу было неудобно являться в Москву, пока там находились члены семьи Годуновых. Будь жив царь Борис, Лжедмитрий мог рассчитывать на какие-то политические дивиденды, устроив над ним судилище и приписав ему чудовищные преступления. Однако ни царица, ни царевич не успели совершить ничего ни хорошего, ни плохого, так за что же их казнить?

Однако время поджимало, и самозванцу пришлось пойти на мерзкое с точки зрения морали и глупое в политическом отношении убийство. В Москву была послана специальная карательная комиссия в составе князя В. В. Голицына, члена путивльской «воровской» думы В. М. Мосальского и

дьяка Б. Сутупова. Вместе с комиссией в Москву был направлен П. Ф. Басманов.

Прибыв в столицу, комиссия немедленно начала чинить расправу над противниками самозванца. Начали с патриарха Иова. Патриарх в Успенском соборе Кремля готовился к совершению литургии, когда в храм ворвались вооруженные люди. Иова выволокли из алтаря и потащили на Лобное место. Там сторонники самозванца пытались линчевать патриарха за то, что он-де «наияснейшего царевича расстригой называет». Однако из Кремля сбежали попы и церковные служки, которые подняли крик в защиту патриарха. На помощь Иову кинулась и часть горожан. Стало ясно, что убийство патриарха приведет к побоищу с непредсказуемыми последствиями. Тогда кто-то из агентов Отрепьева крикнул: «Богат, богат, богат Иов патриарх, идем и разграбим имения его!» Довод был неотразим, и толпа кинулась грабить патриаршие палаты.

Тем временем агенты Отрепьева отвели Иова обратно в Успенский собор. Туда прибыл вскоре и боярин П. Ф. Басманов. Вооруженные люди в спешке и без особых формальностей произвели низложение патриарха и отправили его в Старицкий Успенский монастырь.

Разобравшись с патриархом, комиссия занялась царем Федором и его семьей. На старое подворье Бориса Годунова, полученное им в приданое от Малюты Скуратова, явились члены комиссии во главе с В. В. Голицыным и отряд стрельцов. Голицын, Мосальский, дворяне Молчанов и Шереметевы и несколько стрельцов вошли внутрь дома. Там раздались отчаянные крики. Через несколько минут на крыльцо вышел Голицын и объявил, что «царица и царевич со страстей испита зелья и пороша, царевна же едва оживе». Естественно, что Голицыну никто из москвичей не поверил. Но утверждать, что народ оцепенел от ужаса, узнав о преступлении, и впал в безмолвствие, нет никаких оснований. История — не драматический театр. Большинство населения восприняло убийство царской семьи как должное или отнеслось к нему безразлично.

Что касается дочери Годунова Ксении, то ее, видимо, недодушили. Князь Мосальский взял ее к себе в дом и некоторое время держал взаперти, а затем отдал самозванцу «для потехи».

Желая угодить самозванцу, московские бояре надругались и над прахом семьи Годуновых. Царь Борис был по обычаю похоронен в Архангельском соборе Кремля рядом с другими московскими правителями. По боярскому приговору тело царя было выкопано, положено в простой гроб и перезахоронено в ограде бедного Варсонафьева монастыря на Сретенке.

Уцелевшие Годуновы, а также их отдаленные родственники Сабуровы и Вельяминовы были по указу самозванца разсланы под стражей по отдаленным городам. Исключение было сделано лишь для недавнего правителя боярина С. М. Годунова. Его отправили в Персяславль-Залесский с приставом князем Ю. Приимковым-Ростовским. Везти боярина в отдаленный город не имело смысла. Пристав получил приказ умертвить его в тюрьме. Вотчины, дома и прочее имущество Годуновых, Сабуровых и Вельяминовых было отобрано в казну.

20 июня 1605 г. по Коломенской дороге в Москву двигалась торжественная процессия. Впереди нее скакали взад и вперед польские гусары в раззолоченных шлемах и кирасах. В Москву возвращался сын Ивана Грозного. Вокруг него ехали московские бояре. Сзади шла польская пехота и русские стрельцы. Торжественно звонил колокол. Московские улицы были забиты людьми, люди облепили крыши домов и колокольни — всем хотелось посмотреть на чудесно спасшегося царевича.

День был солнечный и тихий, но, когда новый царь, переехавший наплывной мост через Московские ворота, вступил на площадь, поднялась сильная буря. Народ заволновался, начал креститься и приговаривать: «Помилуй нас Бог! Помилуй нас Бог!» Духовенство встретило царя на Лобном месте с крестами. Отъехав несколько шагов от Лобного места, Лжедмитрий остановил свою лошадь около церкви Василия Блаженного, снял шапку, взглянул на Кремль, на бесчисленные толпы народа и со слезами стал благодарить Бога, что сподобил его увидеть родную Москву. Народ, видя слезы царя, тоже стал рыдать.

В Кремле по старинному обычаю Лжедмитрий пошел по соборам, слушал молебны. Во время молебнов поляки сидели на лошадях, трубили в трубы и били в бубны, и это не понравилось москвичам.

Вопреки легендам; никаких речей при встрече Лжедмитрия сказано не было. Лишь в Архангельском соборе Отрепьев собрался с духом и сказал несколько слов, которых от него все ждали. Обливаясь слезами, Лжедмитрий припал к гробу Ивана Грозного и громко объявил, что «отец его — царь Иоанн, а брат его — царь Федор».

Обойдя соборы, Лжедмитрий направился в тронный зал и торжественно уселся на царский престол. Польские роты стояли строем с развернутыми знаменами под окнами дворца.

Новому царю потребовался и новый патриарх. Царь Димитрий постановил собрать Священный собор. Патриархом же был единогласно избран рязанский архиепископ Игнатий, грек, бывший раньше архиепископом на Кипре и пришедший в Россию в царствование Федора

Иоанновича. Игнатий был первым русским иерархом, признавшим самозванца. Игнатий был также единственным архиепископом, прибывшим в Тулу встречать «истинного царя». 24 июня Игнатия возвели в патриархи. Обратим внимание на даты. Царь повелел собрать собор 21 июня, а через три дня патриарх был избран. Надо ли говорить, что этот «собор» представлял не Русскую православную церковь, а иерархов Москвы и ее окрестностей.

Говоря о церковной политике царя Димитрия, стоит заметить, что он вернул в Москву сосланного Борисом архимандрита Чудова монастыря Пафнутия и сделал его митрополитом Крутицким (саарским), вторым лицом после патриарха в церковной иерархии. Так Гришка отблагодарил своего чудовского покровителя. Зато поставленный Борисом архимандрит Чудова монастыря был отправлен в ссылку.

Бесследно исчезли также несколько иноков Чудова монастыря. Понятно, что имена их всех и судьбу установить сейчас невозможно. Но уже знакомый нам монах Никодим, постриженный в Чудовом монастыре в октябре 1595 г., сразу же бежал из монастыря. Монах бежал через непроходимые леса на север — в Богоявленский монастырь, что стоял в 11 верстах от города Онеги и прозывался Кожеезерским (в современном произношении — Кожеозерским). Монастырь, стоявший на берегу Кожеозера, был настоящей «пустыней», окруженной дремучими лесами. Даже сейчас он считается самым труднодоступным из всех существующих обителей. Добраться туда можно только пешком по лесной тропе. Что же говорить о далеком XVII веке, когда один-единешенек брел туда по лесным чащобам преподобный Никодим!..

Что заставило старца бежать? Ведь он был любимцем Пафнутия, но не бежал, когда царь Борис сместил и сослал его покровителя. А вот теперь, когда Пафнутий стал вторым лицом в церковной иерархии, ударился в бега. Ответ может быть один — он узнает в царевиче инока Григория и решил спасти свою жизнь.

Глава 11

«Непобедимый кесарь император»

В первые дни пребывания в Москве Димитрий, на мой взгляд, делает лишь удачные ходы, разумеется, с учетом ситуации, в которой он оказался. Резкий контраст с остальной деятельностью самозванца представляет собой дело Шуйских. 23 июня Василия Шуйского и его братьев Дмитрия и Ивана арестовывают по приказу царя. Шуйских обвиняют в распускании слухов о самозванстве царя, а по другой версии даже в заговоре. На следующий день Боярская дума приговорила Василия к смертной казни, а Дмитрия и Ивана — к заключению. Еще через день, 25 июня, состоялась инсценировка смертной казни, в ходе которой царский гонец эффектно заявил о помиловании осужденных. Все три брата были сосланы в пригород Галича, а их имения отобраны в казну. Однако через месяц, 30 июля, царь Димитрий полностью простил Шуйских, вернул их в Боярскую думу и возвратил все конфискованное имущество, включая вотчины.

Единственное разумное объяснение случившемуся — это то, что Гришка решил пугнуть Василия Шуйского, чтобы тот себя не забывал. Говорить о каком-то ультиматуме Боярской думы царю, как это делает Р. Г. Скрынников, просто нелепо. Якобы «... бояре не посмели открыто перечить царю на соборе. Но после собора они сделали все, чтобы не допустить казни князя Василия. Отмена казни Шуйского явилась первым успехом думы».^[33] Почему тогда дума не добилась успехов по более принципиальным для нее вопросам? И зачем, к примеру, Романовым и Василию Васильевичу Голицыну требовать возвращения из ссылки своего основного конкурента Василия Шуйского?

А тем временем к Москве приближалась карета с «матерью» самозванца. В присяге и других официальных документах ее именовали царицей, хотя инокиня Марфа, как, впрочем, любая другая монахиня (или монах) не могла быть светским правителем. Хотя два сапога — пара. Беглый монах нетерпеливо ждал из монастыря беглую монахиню.

Для пущего фарса сопровождал монашку князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский, которому специально для сего спектакля был присвоен титул «Великого Мечника».

«Царица» Марфа остановилась в селе Тайнинском в 10 верстах от Москвы в путевом дворце, построенном для царей, отправлявшихся на богомолье в Троицу. 17 июля к ней приехал «царь» Димитрий. Встреча двух расстриг была очень хорошо отрежиссирована. Она состоялась на поле, где собралось несколько тысяч людей. Обливаясь слезами на большой дороге (Ярославском шоссе), «мать» и «сын» бросились в объятия друг друга. Затем сладкая парочка отправилась в шатер, где некоторое время они беседовали наедине. Выйдя из шатра, «царица» села в карету и медленно поехала к Москве. Ее «сын» шел пешком рядом с каретой. Ночь они провели в путевом дворце у самых стен столицы.

На следующий день состоялся торжественный въезд в Москву. Теперь царь ехал верхом рядом с каретой «матери». Над Москвой непрерывно гудели колокола. Прибыв в Кремль, «мать» и «сын» отправились на службу в Успенский собор.

Местожительством царицы был определен Воскресенский монастырь, куда нежный «сын» каждый день наносил визит. В день приезда «матери» Лжедмитрий назначил срок коронации — 30 июля.

И действительно, коронация состоялась в срок. По обычаю русских царей царский дворец был разукрашен, а путь через площадь в Успенский собор устлан золототканым бархатом. В соборе возле алтаря Отрепьев повторил заученную речь о своем чудесном спасении. Патриарх Игнатий надел на голову самозванца венец Ивана Грозного, бояре поднесли скипетр и державу. Чтобы еще раз подчеркнуть свое родство, Отрепьев приказал короновать себя еще один раз у гроба «предков» в Архангельском соборе. Облобызав надгробия всех великих князей, самозванец вышел в придел, где находились могилы Ивана Грозного и Федора. Там его ждал архиепископ Архангельского собора Арсений. Он возложил на голову самозванца шапку Мономаха. При выходе из собора бояре осыпали нового царя золотыми монетами.

По обычаю после коронации приближенных царя ожидали награды. Естественно, прежде всего были награждены поляки и верные самозванцу русские худародные дворяне типа Басманова. Кое-что получили и бояре. Федор Мстиславский получил вотчину в Веневе, прощенный Василий Шуйский — волость Чаронду, Богдану Бельскому вернули все его старые вотчины, конфискованные Борисом Годуновым.

Особое внимание самозванец уделил своим «родственникам». Так, Михаил Нагой получил боярство, чин конюшего и большие подмосковные вотчины Годуновых. Но больше всех получили Романовы. Скромный инок Филарет был возведен в сан ростовского митрополита.

После коронации самозванцу настал черед платить самым большим кредиторам — польскому королю и Юрию Мнишку. Но самоуверенный авантюрист не терял присутствия духа. Мало того, он первым из русских правителей принял императорский титул. Теперь в официальных обращениях Отрепьев именовал себя так: «Мы, наияснейший и непобедимый самодержец, великий государь Цесарь», или «Мы, непобедимейший монарх божьей милостью император и великий князь всея России и многих земель государь и царь самодержец и прочая, и прочая, и прочая». Увы, самозванный император не мог по-латыни написать свой титул без грамматических ошибок.

Узнав о воцарении Дмитрия, польский король Сигизмунд поспешил отправить в Москву велижского старосту Александра Гонсевского. Официально акция Гонсевского представлялась визитом вежливости. Сигизмунд приветствовал Дмитрия по случаю его воцарения и приглашал его на свою свадьбу с эрцгерцогиней Констанцией. Но, очевидно, для такого заурядного поручения король не избрал бы одного из своих лучших воевод. Гонсевский должен был поднять вопрос о передаче обещанных королю русских земель и о совместной войне со Швецией. В королевской канцелярии даже подготовили текст письма «шведскому узурпатору Карлу» от великого князя московского Дмитрия. (Сигизмунд явно не был лишен чувства юмора!)

Принять требования короля для самозванца означало подписать самому себе смертный приговор. Передача Польше русских земель неизбежно привела бы к перевороту в Москве. К войне со Швецией Россия была не готова. Шведские войска отличались хорошим вооружением и прекрасной выучкой, поэтому шансы на победу были невелики. И, наконец, целью войны для Сигизмунда было свержение с престола короля Карла IX и объединение двух государств под властью короля Сигизмунда. Понятно, что появление польско-шведского государства, «от можа до можа» (от Черного моря до Северного Ледовитого океана), эдакой сверхдержавы XVII века, стало бы величайшей опасностью для России.

Но поляки явно не на того напали. Гришка решил обыграть всех, и Сигизмунда, и польских панов, и даже римского папу.

Для начала Дмитрий придрался к титулу в королевской грамоте. Гришке принципиально не хотелось числиться великим князем московским, а хотелось писаться не менее чем «императором» и «непобедимым Цесарем». Гонсевский от такого поворота буквально обалдел и демонстративно раскланялся.

Я воздержусь от подробного описания дипломатических нюансов

польско-русских отношений. Скажу лишь, что Сигизмунд и Димитрий пытались надуть друг друга на уровне мошенников-рецидивистов. Так, Сигизмунд начал шантажировать Димитрия, что-де Борис Годунов жив и скрывается в Англии, и обещал помощь в борьбе с «Годуновым». Хитрый Гришка отвечал королю: «Хотя мы нимало не сомневаемся в смерти Бориса Годунова и потому не боимся с этой стороны никакой опасности, однако с благодарностию принимаем предостережение королевское, потому что всякий знак его расположения для нас приятен».

В свою очередь, Димитрий вступил в связь с панами, учинившими очередной рокош в Речи Посполитой. Возглавил движение сандомирский воевода Николай Зебржидовский. В 1606 г. на сейме в Сандомире рокошане (мятежники) составляют и посылают королю Сигизмунду 67 обвинений.

В свое время Зебржидовский покровительствовал расстриге во время пребывания его в Польше. Бунтовщики распространяли слухи, что царь Димитрий шлет им на помощь большое войско под командованием Василия Шуйского. До посылки войска дело не дошло, но Гришка получил сильный козырь в переговорах с Сигизмундом III.

Чтобы более не возвращаться к рокошу, скажу, что гетман Станислав Жолкевский в 1607 г. в битве под Гузовом разгромил мятежников. Но жестоко наказывать рокошан Сигизмунд не стал, их формально приговорили к смерти, но ловить не стали. В результате еще одна партия шляхты вместе со своими частными армиями оказалась в России. Среди них «отличились» такие персонажи, как Александр-Иосиф Лисовский-Янович и Ян-Петр Сапега.

16 мая 1605 г. папой стал Павел V, Камилл Боргезе. Его предшественник, Климент VIII, предусмотрительно оставил без ответа второе письмо Димитрия от 30 июля 1604 г., где претендент по-прежнему настаивал на своей преданности папскому престолу точнее указывал на вознаграждение, которое ожидал получить. Читая депешу Рангони от 2 июля 1605 г. о событиях в Москве, Павел V вдруг воспрянул духом. С 4 августа папские грамоты летели в Польшу к польскому королю, к кардиналу Мациевскому, к самому Мнишку, заклиная их воспользоваться ниспосылаемым свыше случаем. Римскому папе казалось, что уния уже торжественно провозглашена в Москве, и он готовился к отправлению своего легата. А пока, в ожидании, он с таким нетерпением торопил отъезд графа Рангони, что нунций, не имея возможности так скоро снарядить племянника в дальний путь, решил послать вперед одного из его секретарей, Луиджи Пратиссоли, который при случае должен был просить посредничества Димитрия для доставки польскому нунцию кардинальской

шапки, давно ожидаемой им. Рим не мог бы отказать новообращенному, который вел за собой в лоно церкви миллионы людей!

Но Пратиссоли не удалось в Москве даже начать разговор об унии. 15 ноября 1605 г. ему пришлось отправиться обратно в Краков с письмом Димитрия к нунцию. В письме царь просил представителя папы исходатайствовать для него в Кракове и Риме разрешение Марине в день ее коронования причаститься по православному обряду и соблюдать воздержание по средам, и признание королем польским императорского титула, принятого царем. Об унии не говорилось ни слова. Кроме того, Димитрий отправил состоявшего при нем патера Андрея Лавицкого с личным посланием к папе. Это послание было целиком посвящено политике, и об унии опять не было сказано ни слова. Димитрий предлагал план грандиозного крестового похода против Турции с участием России, Польши, Австрийской империи и других государств. В конце послания стояла подпись: «Император Димитрий».

Папе ничего не оставалось делать, как поверить в искренность Гришки. Теперь ставкой в борьбе за унию стала Марина Мнишек. Кардинал Боргезе написал нунцию, что его святейшество ожидает и духовных плодов от этого брака для блага всего христианства. Сам папа писал Димитрию, что брак его с Мариной есть дело, в высокой степени достойное его великодушия и благочестия, что этим поступком Димитрий удовлетворил всеобщее ожидание: «Мы не сомневаемся, — писал папа, — что так как ты хочешь иметь сыновей от этой превосходной женщины, рожденной и свято воспитанной в благочестивом католическом доме, го хочешь также привести в лоно римской церкви и народ московский, потому что народы необходимо должны подражать своим государям и вождям. Верь, что ты предназначен от Бога к совершению этого спасительного дела, причем большим вспоможением будет для тебя твой благороднейший брак». То же самое папа написал Марине и ее отцу.

Папа так спешил с браком самозванца и Марины, что уполномочил патера Савицкого обвенчать их тайно в Великий пост. Зная, что Лжедмитрий добивается императорского титула, папа через кардинала Боргезе наказал нунцию удовлетворить это желание царя, и поэтому Рангони дал Димитрию требуемый титул.

Между тем король и паны в Кракове получили первый сигнал из Москвы о том, что положение Димитрия более чем шатко. Отрепьева до побега в Москве знали слишком многие. Царь Димитрий не любил сидеть во дворце, он часто появлялся на различных праздниках и потехах. Установить тождественность царя и расстриги было нетрудно. Лжедмитрий

удалил из столицы свою подлинную родню, чтобы рассеять всякие подозрения насчет родства с Отрепьевыми. Так что воцарение Отрепьева обернулось большой бедой для всех его родных и близких. Родного дядю Юшка упек в Сибирь. Царь осыпал милостями свою якобы мать Марию Нагую, в то время как его родная мать жила в бедности в Галиче.

Храбрый поначалу Димитрий начал всего бояться. Так, летом 1605 г. для большей помпы Отрепьев вызвал из ссылки бывшего «царя» и «великого князя тверского» Симеона Бекбулатовича. «Царя» хорошо наградили, но 25 марта 1606 г. внезапно схватили и отправили в Кирилло-Белозерский монастырь, где и постригли в монахи.

Признание и благословение царицей Марией (инокиней Марфой) самозванца произвело огромный пропагандистский эффект. После коронации Отрепьев захотел устроить еще одно такое шоу — торжественно разорить могилу царевича Димитрия в Угличе. Действительно, возникла комичная ситуация — в Москве царствует царь Димитрий Иванович, сын Ивана Грозного, а в трехстах верстах от Москвы в Угличе в Спасо-Преображенском соборе толпы горожан молятся над могилой того же самого Димитрия Ивановича. Это наводило людей на опасные размышления — где же находится настоящий Димитрий? Посему вполне логично было перезахоронить труп мальчика, лежавшего в Спасо-Преображенском соборе, на какое-нибудь захудалое кладбище, соответствующее статусу поповского сына, который якобы был зарезан в Угличе, и тем самым избавить людей от соблазна.

Однако государственная целесообразность и женская логика оказались несовместимыми. Царица Мария устроила бешеную истерику. Она не захотела допустить надругательства над прахом единственного сына. Не знаю, как у кого, но у меня эта дамочка жалости не вызывает. Порядочная женщина, для которой свята память о своем единственном сыне, никогда не допустит спекуляций с его именем.

Еще в 1604 г. царь Борис приказал привезти из монастыря в Москву инокиню Марфу и попросил ее еще раз рассказать о событиях в Угличе. Марфа-Мария могла выйти на Лобное место и публично заявить, что ее сын мертв, и тем самым защитить отечество от разорения, а имя сына от поругания. Но она припомнила Годунову старые обиды и заявила, что не знает, жив ли ее сын или нет. Смиренная инокиня Марфа заварила кашу, и ей придется расхлебывать эту кашу до конца.

Марфа-Мария кинулась за помощью к боярам. Естественно, что бояре для начала сделали вид, что им непонятны причитания царицы по поводу костей какого-то поповича. Пришлось ей все объяснить. Шуйские и

Голицыны обещали ей помочь и уговорить самозванца не разорять могилу в Угличе. Но за это царице пришлось повторить свои объяснения шведскому наемнику Петру Петрею, состоявшему на русской службе еще со времен Годунова. В декабре 1605 г. Петрей отправился в Польшу, где был тайно принят королем Сигизмундом. Петрей прямо заявил королю, что Димитрий «не тот, за кого себя выдает», и рассказал о признании царицы Марии и о мнении на этот счет московских бояр.

Несколько позже оппозиционные бояре попытались связаться с королем Сигизмундом через царского посла Ивана Безобразова, который прямо заявил, что Димитрий будет свергнут в самое ближайшее время.

К концу 1605 г. царь Димитрий буквально сидит на пороховой бочке. И в такой ситуации он идет на необъяснимый шаг — форсирует сватовство к Марине Мнишек. Мотивировать как-либо это сватовство Отрепьева невозможно. Польский король не только не настаивал на браке Димитрия и Марии, а наоборот, Сигизмунд хотел женить Лжедмитрия на своей сестре или на княжне трансильванской. В самом деле, если Юрий Мнишек станет зятем московского царя и правителем огромных земель, власть короля в Польше неизбежно еще более ослабнет.

Любовь — не последняя карта в политических играх. Но реальный самозванец, в отличие от пушкинского, совсем не подходит на роль влюбленного Ромео. Как писал Скрынников: «В компании с Басмановым и М. Молчановым он предавался безудержному разврату. Царь не щадил ни замужних женщин, ни пригожих девиц и монахинь, приглянувшихся ему...».^[34] Добавим, что Димитрий еще держал у себя постоянной наложницей царевну Ксению Годунову. Так что о безумной страсти Отрепьева говорить не приходится.

В частной армии Мнишка необходимости у самозванца также не было. Мало того, недисциплинированное и нахальное рыцарство могло само по себе спровоцировать бунт москвичей. Тут вполне уместно вспомнить изречение Наполеона: «На штыках можно прийти к власти, но сидеть на штыках нельзя».

Тем не менее 2 марта 1606 г. из Сандомира отправился в Москву свадебный кортеж в составе двух тысяч человек. 18 апреля у города Орши кортеж вступил на русскую землю. Еще в декабре 1605 г. Юрий Мнишек писал Димитрию: «Поелику известная царевна Борисова дочь близко вас находится, благоволите, вняв совету благоразумных людей, от себя ее отдалить». Самозванец тянул с этим деликатным вопросом до последнего, но когда Марина оказалась уже в Вязьме, был вынужден отправить Ксению Годунову в Горицкий монастырь на Белоозеро. Там ее постригли в

монахини под именем Ольга.

В Вязьме Мнишек оставил дочь, а сам поспешил в Москву, куда прибыл 24 апреля. Марина торжественно въехала в Москву 2 мая и остановилась в Воскресенском монастыре в Кремле, где проживала и «мать» Дмитрия инокиня Марфа. «Любящий сын» часто посещал «мать», так что, вопреки обычаю, по которому жених не должен видеть невесту до свадьбы, Дмитрий и Марина, видимо, все же встречались в стенах монастыря. 6 мая Марина переехала в царский дворец.

Митрополит казанский Гермоген и епископ коломенский Иосааф требовали вторичного крещения невесты-католички. Но Дмитрий избавил от этого Марину, отправив дотошного Гермогена в ссылку. Остальное духовенство вполне устроило миропомазание, составлявшее необходимую принадлежность коронационного обряда.

Свадьба состоялась 8 мая 1606 г. После обручения молодых проводили в Успенский собор. Там патриарх Игнатий совершил обряд миропомазания и торжественно короновал Марину, но царица не взяла причастия, что вызвало сильное возмущение у присутствовавших на церемонии русских. Но поляки были довольны. После коронации дьяки выставили всех иноземцев из церкви, и патриарх обвенчал Дмитрия с Мариной по православному обряду.

По приказу царя для размещения родных невесты и других свадебных гостей из кремлевского дворца выселили не только купцов и духовных, но даже бояр. Арбатские и Чертольские священники также были выгнаны из домов, в которых поместили иностранных наемников:

Глава 12

Царь Василий Шуйский

Род Шуйских занимает особое место в истории Руси XV — начала XVII веков. На Руси род Шуйских всегда считался вторым по знатности после правившего рода потомков Ивана Калиты, внука Александра Невского. А за рубежом (в Польше, в Австрии) Шуйских именовали «принцами крови».

Шуйские вели свой род от князя Андрея Ярославича, брата Александра Невского. Хотя Андрей был младшим братом Невского, но его потомки формально обладали большими правами на владение Русью, так как именно Андрей, а не Александр был в 1249 г. возведен великим монгольским ханом на престол Великого княжества Владимирского.

Род Василия Шуйского пошел от князя Юрия Васильевича, получившего в удел кусочек Суздальского княжества — городок Шую с окрестностями. По названию удела князь Юрий Васильевич получил прозвище Шуйский, которое и закрепилось за его потомством.

Несмотря на казни и конфискации земель при Иване Грозном, клан Шуйских не только выстоял, но и к концу правления Ивана IV кое в чем усилил свои позиции. Так, например, Шуйским удалось получить суздальские вотчины казненных князей Горбатых. Горбатые были потомками суздальских князей и отдаленными родственниками Шуйских. К 1584 г. Шуйским принадлежали огромные владения по всей России от Пскова до Суздаля, от Шелони до Козельска. К моменту смерти Ивана Грозного Иван Петрович и Василий Иванович Шуйские и Василий Федорович Скопин-Шуйский имели боярские чины.

Будущий царь Василий Шуйский не мог забыть, что четыре поколения его предков, начиная с Андрея Ярославича, были властителями Руси — великими князьями владимирскими — и сто с лишним лет боролись за владимирский престол с Александром Невским и его потомками. Не забывали Шуйские, что по женской линии в род вливалась королевская и императорская кровь.

Василий Иванович Шуйский родился в 1553 г. В октябре 1580 г. женился Василий на княжне Елене Михайловне Репниной-Оболенской. В

браке родились две дочери, однако по неведомым причинам Василий Иванович развелся и уже в 90-х годах XVI века был холостым. Замечу, что брат Василия Ивановича Дмитрий женился на Екатерине Григорьевне Скуратовой. Таким образом, родственниками Василия Ивановича стал «палач» Малюта (Григорий) Скуратов и «татарин» Борис Годунов.

К моменту смерти Грозного Василий и его братья Дмитрий и Александр служили стольниками, а их младший брат Иван Пуговка — рындой.

На первом этапе борьбы за власть при царствовании Федора Шуйским удалось существенно упрочить свои позиции. К 20 мая 1584 г., то есть еще до венчания Федора на царство, Василий Иванович получил боярство. В следующем году боярином стал его брат Александр, а в начале 1586 г. — и Дмитрий.

С началом царствования Федора Шуйские получают богатые кормления и земли. И. П. Шуйский был пожалован в кормление Псковом и Кинешмой. Боярин В. Ф. Скопин-Шуйский удостоился кормления городом Каргополом. Кравчий Д. И. Шуйский получил «в путь» город Гороховец.

Весной 1584 г. Василий Иванович Шуйский назначается главой московского Судного приказа. Кроме уголовных и административных дел московский Судный приказ разбирал и местнические споры мелкого и среднего дворянства, споры бояр и князей решал сам царь. Эта функция московского Судного приказа давала Василию Ивановичу большое влияние среди служилого московского дворянства. Поэтому Годуновы и Романовы постарались побыстрее убрать Василия Ивановича со столь важного поста, и весной 1585 г. его отправляют на воеводство в Смоленск.

В то время, несмотря на перемирие, отношения с Польшей были крайне напряженными, и посылку боярина в Смоленск воеводой можно считать повышением.

Но, вместо того чтобы укреплять город-крепость Смоленск, новый воевода вступает в тайные переговоры с поляками. Царская разведка не дремала, и уже в сентябре 1586 г. Василий Иванович отстранен от должности и вызван в Москву на разбирательство, а воеводой в Смоленске назначен Б. Ю. Сабуров.

Противостояние блока Годуновых — Романовых против Шуйских закончилось разгромом последних. По окончании следствия по делу Шуйских самого знаменитого из них Ивана Петровича сослали в Кирилло-Белозерский монастырь. Князь Андрей Иванович Шуйский был отправлен в Каргополь, где через полгода скончался при невыясненных обстоятельствах. В родовые вотчины у Галича и Шуи были сосланы братья

Василий, Дмитрий, Александр и Иван Шуйские. На Скопных-Шуйских опала вообще не накладывалась.

В ссылке в своих вотчинах братьям-Ивановичам Шуйским пришлось пробыть около двух лет. Не позднее конца 1590 г. они были возвращены в Москву. А в начале 1591 г. бояре Василий и Дмитрий Ивановичи Шуйские уже заседают в думе. Заметим, что на всякий случай Годунов оставил в ссылке сторонников Шуйских Головиных, Колычевых и других.

Причин для возвращения молодых Шуйских в Москву было несколько. Главная — противостояние Годуновых и Романовых. Борису были нужны союзники, так почему же не привлечь на свою сторону уже неопасных врагов?! Братья же Шуйские, отдохнув пару лет в вотчинах, не имели особых обид на Бориса.

В мае 1591 г. молодой глава рода Василий Иванович Шуйский назначается главой комиссии по расследованию смерти царевича Димитрия в Угличе. В главе «Борис Годунов» подробно рассказано, что Василий Иванович грамотно, для того времени, разумеется, провел расследование и не он, а церковный собор во главе с патриархом Иовом вынес окончательный вердикт, что смерть Димитрия «учинилась Божиим судом». Но, увы, участие в работе комиссии будет пожизненно крестной ношей Василия Ивановича.

В конце царствования Федора Иоанновича наблюдается все большее сближение Шуйских с Годуновым. В 1595 г. царь Федор с подачи Бориса жалует боярством братьев Александра и Ивана (Пуговку) Шуйских. В 1597 г. в Боярской думе заседают уже все четыре брата Шуйские.

При избрании Бориса Годунова на царство братья Шуйские вели достаточно осторожную политику, они не поддерживали Бориса, но и не выступали активно против. С воцарением Бориса Шуйские ничего не выгадали и ничего не проиграли. Все четыре брата имели высокий чин — боярство, детей или малолетних родичей у них не было, за исключением одиннадцатилетнего Михаила Васильевича Скопина-Шуйского, которого царь Борис в 1602 г. произвел в стольники.

Шансов овладеть престолом в 1598 г. у Шуйских практически не было. Они были слишком слабы, а глава рода 46-летний Василий Иванович еще ничем не проявил себя, за исключением углического дела. Умри Годунов в 1598 г., к власти гарантированно пришли бы Романовы, и Шуйские в самом лучшем случае остались бы в прежнем положении.

По этой причине и в 1600 г. Шуйские не только не поддержали попытку переворота, затеянную Романовыми, но и на суде в Боярской думе «пышаха аки звери и кричаха» вместе с другими боярами на Федора

Никитича Романова с братией.

В 1601 г. заболел и умер Александр Шуйский. Но его смерть почему-то не приписали Годунову. Думаю, дело в том, что активная антигодуновская компания началась после 1601 г., когда об Александре романовские клеветы просто забыли.

После появления Лжедмитрия в Польше Василий Иванович Шуйский неоднократно один или вместе с патриархом Иовом выходил на Лобное место и рассказывал московским людям, как он сам видел мертвого царевича Димитрия и хоронил его.

Осенью 1604 г против самозванца царь Борис отправил большое войско, во главе которого поставил воеводу князя Федора Ивановича Мстиславского, а вторым воеводой шел Дмитрий Иванович Шуйский.

21 декабря 1604 г. войско Мстиславского подошло к стану Лжедмитрия. Пока воеводы медлили, самозванец решил контратаковать. Его пятнадцатитысячное войско двинулось на стотысячную московскую рать. Поляки ранили в голову главного воеводу Ф. И. Мстиславского. Остальные же воеводы Д. И. Шуйский, В. В. Голицын и А. А. Телятевский потеряли управление войском, в результате было убито до 4 тысяч московских ратников. Полностью разгромить огромное московское войско у самозванца не хватило сил. У Новгорода-Северского впервые проявилась абсолютная бездарность Дмитрия Ивановича Шуйского как полководца и его патологическая трусость.

После сражения Дмитрий Иванович Шуйский с воеводами даже не позаботились известить царя о битве под Новгородом-Северским. Борис узнал о ней из других источников и тут же прислал в войско чашника Вельяминова-Зернова, велел сказать Мстиславскому: «Государь и сын его жалуют тебя, велели тебе челом ударить, да жалуют тебя, велели о здоровье спросить». Князю Д. И. Шуйскому с товарищами царь велел поклониться и добавить: «Слух до нас дошел, что у вас, бояр наших и воевод, с крестопреступниками литовскими людьми и с расстригою было дело, а вы к нам не писали, каким обычаем дело делалось, и вы то делаете не гораздо, вам бы о том к нам отписать вскоре».

Царь Борис решил укрепить командование действующей армией и послал в помощь Мстиславскому... Василия Шуйского.

21 декабря 1604 г. войско самозванца потерпело тяжелое поражение у села Добрыничи, но к этой победе братья Шуйские имели весьма малое касательство.

После смерти царя Бориса три брата Шуйские присягнули царевичу Федору. Апрель, май и начало июня 1605 г. братья провели в Москве. Чем

они занимались, историкам неведомо, видимо, просто ожидали развязки драмы.

Ни один из Шуйских не поехал вместе с другими боярами в Тулу присягать Лжедмитрию.

20 июня 1605 г. самозванец торжественно въехал в столицу. Вот тут бы Василию Ивановичу выйти ему навстречу и торжественно объявить, что-де злодей Борис заставлял его молчать 14 лет, что он сам хоронил в Угличе подставного ребенка и т. д. Однако Василий этого не сделал, его вообще не было среди встречающих.

23 июня по приказу Лжедмитрия были арестованы Василий Шуйский и его два брата. К Петру Басманову, которого самозванец поставил ведать политическим сыском, пришло несколько доносов, но никаких конкретных обвинений, предъявленных В. И. Шуйскому, до нас не дошло.

Подойдем к «заговору» Шуйских с точки зрения здравого смысла. Какая-то вероятность успеха у Шуйских могла быть, когда самозванец находился еще в Туле. Но сейчас, когда он торжественно встречен в Москве народом, в самый разгар эйфории, охватившей столицу, поднимать мятеж? Это было бы равносильно самоубийству, а Шуйских за дураков никто и не считал. Вполне логично было бы им подождать, пока пройдут торжества, уляжется эйфория, народ не только не почувствует облегчения, а наоборот, ощутит новые тяготы. Самозванцу же придется платить по счетам польским наемникам, Мнишку, купцам, польскому королю и т. д. Уплата же даже части этих долгов неизбежно должна была вызвать народное возмущение и, соответственно, падение самозванца. Так был ли резон Шуйскому спешить с организацией переворота, а тем более заниматься пустой болтовней о расстриге?

Отсюда явствует, что Димитрий устроил провокацию против клана Шуйских. Тогда возникает вопрос: а зачем? Пока народ считает Отрепьева царем, никакие Шуйские не конкуренты сыну Ивана Грозного, а если выяснится, что на престоле беглый монах, то на престол может претендовать любой князь Рюрикович, а их в Московском государстве были десятки. Скорее всего, Димитрия на расправу с Шуйскими подтолкнули бояре, видевшие в них конкурентов.

Риторический вопрос — кому мог встать на дороге клан Шуйских? Годуновы были мертвы или находились под стражей в отдаленных городах. Остаются Романовы.

Был резон пугнуть Шуйского и у Гришки Отрепьева. Он не боялся встречи с теми, кто знал царевича Димитрия и инока Григория. Большинству он показывал большой пряник, а другим доставался кнут. А

тут главный свидетель молчит, словно воды в рот набрал. В народе о красноречивом молчании Василия Ивановича уже пошли дурные толки.

Димитрий предал Василия Шуйского суду специально созванного собора, на котором присутствовали бояре, думные дворяне и духовенство. Собор был собран 24 июня, то есть на следующий день после ареста Шуйских. На соборе сам царь выступил с обвинением Шуйских. Однако Димитрию пришлось встретиться с сильной оппозицией в Боярской думе. Формально бояре «кричаху» на братьев Шуйских, но все же они были против смертной казни. Что же касается Димитрия, он и не собирался казнить Шуйских, и процесс о покушении на царя превратился в фарс. На соборе Василий Шуйский покаялся во всех приписанных ему преступлениях. Собор осудил Василия Шуйского на смерть, а его братьев приговорил к пожизненному заключению. Казнь боярина была назначена на следующий день.

Утром 25 июня Василия Шуйского вывели на Красную площадь, где собралась многотысячная толпа горожан. Боярин был взведен на эшафот, где ему зачитали приговор и перечислили его преступления. Шуйский уже положил голову на плаху, как из Кремля выехал гонец, объявивший, что царь Димитрий помиловал осужденного.

Современники и позднейшие историки предлагали различные версии мотивов помилования Шуйского. Так, историк Р. Г. Скрынников ссылается на поляка С. Борша, прибывшего в Москву вместе с самозванцем. Борш писал: «Царь даровал ему жизнь по ходатайству некоторых сенаторов». Другие авторы утверждают, что Лжедмитрия убедил простить Шуйского его секретарь Бучинский, некоторые считают, что это сделал дьяк Афанасий Власьев. Называют даже царицу Марфу, которая была еще в дороге и знать не знала о процессе Шуйского. На самом же деле руководил всем фарсом сам Отрепьев, хотя, возможно, идея была подана ляхами. Цель самозванца была достигнута — Шуйских основательно пугнули. А начинать царствование с казни «принца крови» милосердному царю явно не к лицу, да и в будущем Шуйские могли пригодиться в качестве противовеса другим боярским кланам.

Василий Шуйский вместе с братьями Дмитрием и Иваном были отправлены в ссылку в пригород Галича, а их имения отобраны в казну Забегая вперед, скажу, что 30 июля Лжедмитрий объявил полное прощение Шуйским, которые к тому времени еще даже не доехали до места ссылки. Всех троих братьев отправили в Москву, где им вернули боярство и все вотчины.

В завершение спектакля «Дело Шуйских» самозванец пожаловал их

дальнего родственника восемнадцатилетнего Михаила Васильевича Скопина-Шуйского титулом «Великий Мечник». В Западной Европе этот титул существовал с раннего Средневековья, им называли рыцаря, носившего за королем тяжелый меч. На Руси такого титула никогда не было, видимо, тут Гришка поддался польскому влиянию. Между тем Михаил Скопин-Шуйский ухитрился в шестнадцать лет стать боярином. За что его так возвысил царь Борис, можно только гадать. Зато мотивы Отрепьева очевидны — сын Грозного царя приближает к себе юного, красивого и талантливое князя Рюриковича. Чем не украшение двора, да и в будущем он сможет пригодиться.

Сразу по возвращении из ссылки братья Шуйские начали плести заговор против царя Дмитрия.

Царь Дмитрий не имел никаких шансов процарствовать хотя бы несколько лет. Писатели-верхоглядцы любят сравнивать Лжедмитрия I с Петром I. Возможно, внешне есть что-то общее: и потешные игры, и насмешки над боярами, и введение заморских обычаев, и любовь к веселым забавам. Но это лишь внешнее сходство. Деяния Петра на 80 процентов шли на пользу отечеству, а на 20 процентов были фарсом, у Лжедмитрия же фарсом было всё. Петр лишь под конец жизни и в зените славы рискнул объявить себя императором и жениться на чухонке, кстати, много лет ревностно исполнявшей все православные обряды. Гришка же Отрепьев начал свое царствование с того, что объявил себя императором и женился на польке католичке.

Царь Дмитрий не имел никакой опоры в стране, он не мог положиться ни на бояр, ни на дворян и служилых людей, ни на казаков, ни на церковь. Царя поддерживали лишь временные попутчики, как те же ляхи, пока он осыпал их золотом.

Именно при Лжедмитрии I объявились многочисленные казацкие самозванцы и началось то, что историки Покровский, Станиславский и К^о называют гражданской войной. На самом же деле это был разгул дикого бандитизма. По сравнению с «воровскими казаками» XVII века махновцы и моджахеды могут сойти за вполне порядочных людей.

Лжедмитрий пришел к власти в результате просчета боярских группировок Романовых и Шуйских, боровшихся за власть. Причем наиболее активную роль играл клан Романовых.

Ряд историков утверждает, что народ любил царя Дмитрия. Начнем с того, что реакция толпы на явление царя или вождя крайне обманчива. Московский люд собирался глазеть на забавы нового царя, как на шоу, и соответственно к Дмитрию и относился. Не следует забывать, что за

несколько месяцев своего правления Лжедмитрий растратил большую часть казны Московского государства, которая собиралась много веков. Надо ли говорить, что большая часть денег, розданных царем своим польским и русским сторонникам, оседала у московского населения — торговцев, шинкарей, девиц из Лоскутного ряда и др. Ясно, что поддержка этой части населения вряд ли могла удержать самозванца на престоле.

Шуйского часто упрекают, что он поторопился с переворотом и поспешил натянуть на себя корону. Попробуем представить, что Шуйский не поспешил бы с переворотом и коронацией, что бы произошло тогда? В начале главы уже говорилось, что по феодальному русскому праву род Шуйских имел не меньше, если не больше прав на владение Русью, чем род Ивана Калиты. А поэтому после падения Лжедмитрия, а он неизбежно пал бы и без участия Шуйского, единственным легитимным правителем мог стать только старший в роду Шуйских, то есть Василий Иванович. Что же, выходит Василий Иванович в самом деле поторопился? Нет, все его действия в мае 1606 г. были вполне оправданы, поскольку к власти рвались и другие. Можем ли мы хоть на секунду поверить, что Филарет Романов и К^о тихо собирались жить под властью самозванца?

Сразу после приезда Марины Василий Шуйский организывает настоящий заговор. Во главе заговора становятся он сам, Василий Васильевич Голицын и Иван Семенович Куракин. К ним присоединяется и Крутицкий митрополит Пафнутий. Для сохранения единства, необходимого в таком деле, бояре решили первым делом убить расстригу, «а кто после него будет из них царем, тот не должен никому мстить за прежние досады, но по общему совету управлять Российским царством». К заговорщикам примкнуло несколько десятков московских дворян и купцов.

Готовясь к войне с Турцией, ^[35] самозванец выслал на южную границу войско под началом Шереметева. Одновременно в Москву были вызваны новгородские дворяне, расположившиеся лагерем в миле от города. Их численность по Соловьеву составляла семнадцать тысяч, по Скрынникову — одна-две тысячи человек. Особого значения это не имеет, поскольку и тысячи ратников хватило бы для государственного переворота. Заговорщикам удалось привлечь новгородцев на свою сторону. На совещании заговорщиков Василий Шуйский объявил о страшной опасности, которая грозит Москве от царя, преданного полякам, признался, что самозванца признали истинным Димитрием только для того, чтобы освободиться от Годунова. Думали, что такой умный и храбрый молодой человек будет защитником православной веры и старых обычаев. Но оказалось, что царь жалуется только иностранцев, презирает святую веру,

оскверняет храмы божьи, выгоняет священников из домов, которые отдает неверным, наконец, женится на польке поганой.

В светлую ночь на 17 мая 1606 г. бояре-заговорщики впустили в город около тысячи новгородских дворян и боевых холопов. На подворье Шуйских собралось около 200 вооруженных москвичей, в основном дворян. С подворья они направились на Красную площадь. Около 4 часов утра ударили в колокол на Ильинке, у Ильи Пророка, на Новгородском дворе, и разом заговорили все московские колокола. Толпы народа, вооруженные чем попало, хлынули на Красную площадь. Там уже сидели на конях около двухсот бояр и дворян в полном вооружении.

Дворяне-заговорщики объявили народу, что «литва бьет бояр, хочет убить и царя». Толпа бросилась громить дворы, где жили поляки. Между тем Шуйский во главе двух сотен всадников въехал в Кремль через Спасские ворота, держа в одной руке крест, в другой — меч. Подъехав к Успенскому собору, он сошел с лошади, приложился к образу Владимирской Богоматери и сказал людям, его окружившим: «Во имя Божие идите на злого еретика». Толпы двинулись ко дворцу.

Шум разбудил Димитрия, спавшего во дворце с Мариной. Крики все усиливались. Басманов вышел на крыльцо и увидел разъяренную толпу. Царского любимца встретили нецензурными ругательствами и криком: «Выдай самозванца!» Басманов бросился во дворец, приказал страже не впускать ни одного человека, а сам в отчаянии прибежал к царю, крича: «Ахти мне! Ты сам виноват, государь! Все не верил, вся Москва собралась на тебя».

Немецкие наемники, охранявшие дворец, растерялись, что позволило одному из нападавших, дьяку Тимофею Осипову, ворваться в царскую спальню. Согласно позднейшим летописям, Осипов, известный своей праведной жизнью, пришел обличать самозванца. На самом деле он явно хотел покончить с расстригой. Но Басманов опередил дьяка и разрубил ему саблей голову. Труп в спальне, естественно, не импонировал Марине, и она приказала выкинуть его из окна. Осипова хорошо знали и любили в городе. Вид его окровавленного тела разгневал толпу, и она пошла на штурм дворца.

Басманов и Димитрий с саблями наголо встали в дверях. Тут думный дворянин Михаил Татищев изловчился и длинным ножом пырнул Басманова. Отрепьев, стоявший за спиной Басманова, обратился в бегство. Дело происходило в новом деревянном дворце, и Отрепьев решил укрыться в большом каменном дворце. Между обоими дворцами находились подмости, устроенные для театральных представлений по случаю царской

свадьбы. Перепрыгивая через подмости, Отрепьев оступился, упал с высоты нескольких метров и вывихнул ногу. Стрельцы, стоявшие недалеко на карауле, услышали стоны раненого, узнали царя, облили его водой и перенесли на каменный фундамент сломанного годуновского дома. Придя в себя, Отрепьев стал уговаривать стрельцов встать на его сторону, обещая им в награду жен и имения изменников-бояр. Стрельцам понравилось это обещание, они внесли Отрепьева обратно во дворец, уже опустошенный и разграбленный. Когда заговорщики захотели приблизиться к Отрепьеву, то стрельцы открыли огонь из пищалей.

Наступил критический момент восстания. Однако Василий Шуйский нашел выход. Он предложил напугать стрельцов расправой над их семьями. Ведь московские стрельцы в отличие от веселых мушкетеров Людовика XIII не были сорви-головами и искателями приключений, а превратились в благополучных мещан, обросших семьями, огородами, многие занимались ремеслами и торговлей. Заговорщики закричали: «Пойдем в Стрелецкую слободу, истребим их жен и детей, если они не хотят нам выдать изменника, плута, обманщика». Понятно, что для стрельцов это была страшная угроза, и они вступили в переговоры с нападавшими. Сошлись на компромиссе: «Спросим царицу: если она скажет, что это прямой ее сын, то мы все за него помрем. Если же скажет, что он ей не сын, то Бог в нем волен».

Тут явился князь Иван Васильевич Голицын и сказал, что он был у царицы Марфы, и она ответили, что сын ее убит в Угличе, а это самозванец. Народу эти слова передали, добавив, что сам Димитрий признался в своем самозванстве и что Нагие подтверждают показания Марфы. Тогда отовсюду послышались крики: «Бей его! Руби его!» Из толпы выскочил боярский сын Григорий Валуев и выстрелил в Димитрия, приговаривая: «Что толковать с еретиком. Вот я благословлю польского свистуна!» Остальные порубили труп и бросили его на тело Басманова со словами: «Ты любил его живого, не расставайся и с мертвым». Затем трупы раздели и поволокли через Спасские ворота на Красную площадь. Поравнявшись с Воскресенским монастырем, толпа остановилась, чтобы спросить у Марфы: «Твой ли это сын?» Та ответила: «Вы бы спрашивали меня об этом, когда он был еще жив, теперь он уже, разумеется, не мой».

Итак, Шуйский в ночь на 17 мая 1606 г. возглавил переворот. Надо сказать, что операция была проведена вполне грамотно. Заметим, что Василию Ивановичу потребовалось куда больше ума и хладнокровия после убийства самозванца, нежели на начальной стадии переворота. Шуйский всеми силами хотел избежать конфликта с Польшей, поэтому его

первоочередной задачей было спасение Марины Мнишек и ее фрейлин, а главное, польских послов.

По приказу Шуйского Марину отбили у восставших москвичей, хотя она перед этим получила хороший урок. В первые же минуты переворота Василий Иванович отправил гонцов к королевским послам Николаю Олесницкому и Александру Гонсевскому передать, что послам опасаться нечего. Но послы и их люди не должны смешиваться с другими поляками, которые приехали с сендомирским воеводой в надежде занять Москву и сделали русским много зла. Гонсевский отвечал: «Вы сами признали Димитрия царевичем, сами посадили его на престол, теперь же, узнав, как говорите, о самозванстве его, убили. Нам нет до этого никакого дела, и мы совершенно покойны насчет нашей безопасности, потому что не только в христианских государствах, но и в бусурманских послы неприкосновенны. Что же касается до остальных поляков, то они приехали не на войну, не для того, чтобы овладеть Москвою, но на свадьбу, по приглашению вашего государя, и если кто-нибудь из их людей обидел кого-нибудь из ваших, то на это есть суд. Просим бояр не допускать до пролития крови подданных королевских, потому что если станут бить их перед нашими глазами, то не только люди наши, но и мы сами не будем равнодушно смотреть на это и согласимся лучше все вместе погибнуть, о следствиях же предоставим судить самим боярам».

Гонористый пан мог позволить себе вести столь воинственные речи, поскольку к посольству по приказу Шуйского подошел отряд из пятисот стрельцов и занял оборону по внешнему периметру ограды дворов.

Шуйскому удалось защитит от избиения москвичами иностранных наемников, находившихся в Кремле. Те быстро оценили намерения заговорщиков и прекратили сопротивление. Шуйский еще ночью связался с их командиром Жаком Маржеретом и предложил перейти к нему на службу. Маржерет, естественно, согласился, ему было абсолютно все равно, кому служить.

До окончания избиения поляков ни один человек из охраны посольства так и не попытался пройти сквозь стрелецкое оцепление, чтобы защитит своих соотечественников.

Василий Шуйский не призывал к убийству поляков, но и не особенно препятствовал делать оное москвичам. Ляхов спасали выборочно. Так, был спасен Юрий Мнишек и князь Адам Вишневецкий. Защищать же все панство у Шуйского не было ни возможности, ни желания. Кроме того, Василий Иванович прекрасно знал, что король Сигизмунд не станет плакать из-за нескольких десятков шляхтичей и нескольких сотен солдат их

частных армий. В Польше был рокош, и королевские войска воевали с теми же частными армиями.

По всей Москве горожане громили дома, где жили поляки. Позже поляки распустили слухи, что их было убито свыше двух тысяч человек. На самом деле было убито двадцать знатных шляхтичей, около четырехсот их слуг и оруженосцев, а также аббат Помаский. В ходе схваток с поляками было убито свыше трехсот русских.

После убийства самозванца в Москве наступило безвластие. Теперь на престол могли претендовать десятки князей Рюриковичей и Гедиминовичей. Формально главными претендентами были бояре Василий Шуйский, Федор Мстиславский и Василий Голицын. Последние двое были потомками литовского князя Гедимина. Дед Федора Ивановича Мстиславского князь Федор Михайлович Мстиславский переселился в Москву из Литвы в 1526 г. и стал боярином Василия III.

Предки Василия Васильевича Голицына служили еще Дмитрию Донскому. Фамилию роду дал Михаил Иванович Булгаков-Голица, боярин Василия III. Любопытный момент — все три претендента на престол не имели мужского потомства или их дети умерли в младенчестве.

Романовы, естественно, тоже рвались к власти, но их положение было сложным.

Во-первых, героями восстания против самозванца были Василий Шуйский и Василий Голицын, а не Романовы. Иван Никитич Романов подъехал к Кремлю лишь через два часа после убийства Отрепьева и присоединился к победителям, а Филарет весь день 17 мая из дома носа не показывал и никого не принимал.

Во-вторых, Федор Никитич Романов был монахом Филаретом и по церковным и светским законам не мог занять престол. Конечно, можно было объявить акт пострижения насильственным и фиктивным, но народ бы этого не понял и вряд ли захотел менять расстригу Гришку на расстригу Филарета. Михаилу же Федоровичу, хоть он и числился стольником, было только 10 лет от роду.

Наиболее подходящим кандидатом на московский престол из всего клана Романовых был Иван Никитич, произведенный в 1605 г. в бояре Отрепьевым. Однако Иван Никитич не пользовался особой популярностью ни в среде знати, ни среди простых людей. Мало того, сам Филарет был против передачи престола брату Ивану. Так что в мае 1606 г. у клана Романовых шансов на престол было очень мало.

В России при возникновении проблем с наследованием престола после смерти Ивана Грозного или Федора Иоанновича созывался Земской собор,

который и избирал царя. Но теперь Шуйские решили обойтись без собора. Предыдущие соборы собирались в присутствии патриарха и в спокойное время. Сейчас же в стране царил смута. На юго-западе России ходили слухи, что Димитрий спасся, что где-то на Дону гулял казак Илейка, принявший имя царевича Петра, сына царя Федора Иоанновича. Патриарха русская церковь не имела, а точнее, имела сразу двух незаконно свергнутых патриархов — Иова и Игнатия. Последний через несколько часов после убийства Отрепьева был лишен сана и заточен в Чудов монастырь.

Был и субъективный момент — еще до созыва соборов Федор Иоаннович и Борис Годунов имели твердое большинство делегатов. А в мае 1606 г. Василий Шуйский был заметно сильнее других претендентов, но все вместе остальные претенденты могли составить подавляющее большинство на соборе и еще неизвестно кого выбрать.

Посему сторонники Шуйского уговорили Василия Ивановича занять престол, так сказать, явочным порядком. Просто пойти и сесть на пустующий трон.

18 мая Голицын, Куракин, Мстиславский и другие конкуренты Шуйского решили собрать на следующий день рано утром народ на Красной площади и выбрать патриарха, а затем провести Земский собор под его руководством. Нетрудно предположить, что патриархом должен был стать Филарет.

В ночь на 19 мая на подворье у Шуйских собрались их сторонники. Из бояр были только трое Шуйских, а также М. В. Скопин-Шуйский. Присутствовали несколько окольничих, думных дворян и купцов, а также хорошо нам знакомый профессиональный заговорщик Крутицкий митрополит Пафнутий. Современники утверждают, что подлинным руководителем заговора был Михаил Татищев. Важную роль играл Пафнутий. Видимо, мы никогда не узнаем, что заставило Пафнутия порвать с Отрепьевым и Романовыми и перейти на сторону Шуйского.

Ночью были составлены два документа: крестоцеловальная запись князя Василия Шуйского и другая, «по которой записи целовали бояре и вся земля». Интересно, что в отличие от всех других претендентов на царский престол — Годунова, Отрепьева и Романова — составители записи посчитали излишним доказывать родство Василия Шуйского с родом Ивана Калиты. После ста лет холопства у московского трона Шуйские впервые вспомнили о своем происхождении. В крестоцеловальной грамоте гордо говорилось:

«Божиею милостию мы, великий государь, царь и великий

князь Василий Иванович вся Русь, щедротами и человеколюбием славимого Бога и за молением всего освященного собора, по челобитью и прошению всего православного христианства учинились на отчине прародителей наших, на Российском государстве царем и великим князем. Государство это даровал Бог прародителю нашему Рюрику, бывшему от римского кесаря, и потом, в продолжение многих лет, до самого прародителя нашего великого князя Александра Ярославича Невского, на сем Российском государстве были прародители мои, а потом удалились на суздальский удел, не отнятием или неволею, но по родству, как обыкли большие братья на больших местах садиться».

В 6 часов утра 19 мая на Красной площади собралась огромная толпа. Бояре — конкуренты Шуйского — вышли на площадь и предложили избрать патриарха, который должен был стоять во главе временного правления, и разослать грамоты для созыва советных людей из городов. Однако Шуйские успели подготовить свою команду. Сотни людей одновременно закричали, что царь нужнее патриарха, а царем должен быть князь Василий Иванович Шуйский.

Толпа, ведомая сторонниками Шуйских, вошла в Кремль. Откуда-то появился и сам князь Василий. Шуйского ввели в Успенский собор, где митрополит Пафнутий нарек его на царство. После этого Шуйский выдал боярам индульгенцию, заявив: «Целую крест на том, что мне ни над кем не делать ничего дурного без собору, и если отец виновен, то над сыном ничего не делать, а если сын виновен, то отцу ничего дурного не делать, а которая была мне грубость при царе Борисе, то никому за нее мстить не буду».

Пафнутий отслужил молебен, и князь Василий Иванович стал считаться царем. Злые боярские языки говорили, что Василий Шуйский был не избран, а выкликнут царем.

Целуя крест в соборе, Василий Шуйский говорил правду. После его воцарения репрессий не последовало, если не считать ссылок нескольких наиболее рьяных сторонников самозванца. Так, князь Василий Михайлович Рубец-Мосальский был сослан воеводой в Корелу Афанасий Власьев — в Уфу, Михаил Глебович Салтыков — в Иван-город, Богдан Бельский — в Казань. Надо ли говорить, что репрессии и назначения на воеводские должности — это «две большие разницы».

Став царем, Василий Шуйский в присутствии всей знати, включая

Романовых и Черкасских, заявил, что царь Димитрий был чернецом Григорием, а в миру Юшкой Отрепьевым, служившим Романовым и Черкасским. Обратим внимание, ни тогда, ни потом Романовы даже не пытались опровергнуть это довольно неприятное для них утверждение.

По всем областям государства Российского была разослана грамота от имени бояр, окольников, дворян и всяких людей московских с извещением о гибели Лжедмитрия и возведении на престол Шуйского: «Мы узнали про то подлинно, что он прямой вор Гришка Отрепьев, да и мать царевича Димитрия, царица инока Марфа, и брат ее Михайла Нагой с братьею всем людям Московского государства подлинно сказывали, что сын ее, царевич Димитрий, умер подлинно и погребен в Угличе, а тот вор называется царевичем Димитрием ложно; а как его поймали, то он и сам сказал, что он Гришка Отрепьев и на государстве учинился *бесовскую помощь*, и людей всех *прельстил чернокнижеством*; и тот Гришка, за свое злодейственное дело, принял от Бога возмездие, скончал свой живот злою смертию. И после того, прося у Бога милости, митрополиты, архиепископы, епископы и весь освященный собор, так же и мы, бояре, окольников, дворяне, дети боярские и всякие люди Московского государства, избирали всем Московским государством, кому Бог изволит быть на Московском государстве государем; и всесильный, в троице славимый Бог наш на нас и на вас милость свою показал, объявил государя на Московское государство, великого государя царя и великого князя Василия Ивановича всея Руси самодержца, государя благочестивого, по Божией церкви и по православной христианской вере поборателя, от корени великих государей российских, от великого государя князя Александра Ярославича Невского; многое смертное изгнание за православную веру с братиею своею во многие лета он претерпел и больше всех от того вора, богоотступника и еретика смертью пострадал».

Вслед за этой грамотой Василий Шуйский разослал другую, уже от своего имени, в которой также объявлял о гибели Лжедмитрия, с подробным объяснением причин, а именно, объявлял о бумагах, найденных в комнатах самозванца: «Взяты в хоромах его грамоты многие ссыльные воровские с Польшею и Литвою о разорении Московского государства». Но Шуйский ничего не говорил о содержании этих воровских грамот, хотя вслед за этим упоминал о содержании писем римского папы. Затем Шуйский пишет о показании Бучинских, будто царь был намерен перебить всех бояр во время воинской потехи и потом, отдавши все главные места в управление полякам, ввести католицизм. Шуйский приводит также свидетельство о записях, действительно данных в Польше Мнишку и

королю об уступке русских областей и заключает: «Слыша и видя то, мы всеильному Богу хвалу воздаем, что от такого злодейства избавил».

Шуйский заставил монахиню Марфу написать грамоту с объяснением своего поведения. Бедная вдовушка выкручивалась как могла. По ее словам, «...он [Лжедмитрий] ведовством и чернокнижеством назвал себя сыном царя Ивана Васильевича, омрачением бесовским прельстил в Польше и Литве многих людей и нас самих и родственников наших устрасил смертью. Я боярам, дворянам и всем людям объявила об этом прежде тайно, а теперь всем явно, что он не наш сын, царевич Димитрий, вор, богоотступник, еретик. А как он своим ведовством и чернокнижеством приехал из Путивля в Москву, то, ведая свое воровство, по нас не посылал долгое время, а прислал к нам *своих советников и велел им беречь накрепко, чтобы к нам никто не приходил и с нами об нем никто не разговаривал*. А как велел нас к Москве привезти, и он на встрече был у нас один, а бояр и других никаких людей с собой пускать к нам не велел и говорил нам с великим запретом, чтобы мне его не обличать, претя нам и всему нашему роду смертным убийством, чтобы нам тем на себя и на весь род свой злой смерти не навести, и посадил меня в монастырь, и приставил ко мне также своих советников, и остерегать того велел накрепко, чтоб его воровство было не явно, а я для его угрозы объявить в народе его воровство явно не смела».

Как видим, и Шуйский, и Марфа ввали не меньше Отрепьева, при этом даже не пытаясь придать собственной лжи какой-то правдоподобный вид. Каждая такая грамота порождала больше вопросов, чем ответов. Естественно, что им верили лишь те, кому было выгодно верить Шуйскому.

Для разоблачения самозванца из Галича Шуйский велел привезти мать и младшего брата Юрия Отрепьева. Их вывели на Лобное место, где они рассказали, что именно их Юшка назвал себя царем Димитрием. Однако с момента появления самозванца они его ни разу не видели, и все их свидетельства были малоубедительны для народа.

Новому царю срочно потребовался и новый патриарх. Вполне логично было вернуть в патриархи Иова, находившегося в Старице. Но против кандидатуры Иова решительно выступили Шуйские, которые имели с ним давние счеты. Первоначально Шуйские хотели пропихнуть в патриархи Пафнутия, но это была столь одиозная личность, что против него ополчилось большинство бояр и высшее духовенство. Недовольные Шуйским бояре и иерархи церкви решили возвести в сан патриарха митрополита Филарета. Почему-то никого не смущало, что всего лишь год назад он был простым монахом и в делах религии себя вообще никак не

проявил. В вопросе с патриархом царю Василию пришлось уступить. Филарет был объявлен патриархом, об этом даже сообщили польским послам.

Но тут хитроумный Василий Иванович разыграл блестящую комбинацию. Он предложил канонизировать царевича Димитрия. Предложив канонизировать Димитрия и перенести его останки из Углича в Москву, царь Василий одним выстрелом убивал трех зайцев. Во-первых, согласно христианским верованиям, самоубийцу, даже невольного, нельзя сделать святым, поэтому всем придется признать, что Димитрий был зарезан, и этим скомпрометировать Годунова. Во-вторых, торжественное перезахоронение останков царевича, по мнению Шуйского, должно было покончить со слухами, что Димитрий жив. В-третьих, такое важное мероприятие было поручено патриарху Филарету. Филарет должен был привезти прах царевича в Москву. Затем у гроба произойдут великие чудеса, и церковь объявит Димитрия святым. И вот тогда произойдет официальное возведение Филарета в патриархи и венчание на царство Шуйского.

Итак, царь Василий решил на время убрать Филарета из Москвы. Как ни странно, это совпадало и с желанием самого Филарета, поскольку тот хотел иметь алиби. Шуйский и Романов стояли друг друга. Шуйский хотел возвести на патриарший престол архиепископа Гермогена, за которым в Казань был послан гонец еще 19 мая. Филарет же со своей стороны вкупе с Ф. И. Мстиславским готовил государственный переворот в Москве, имевший целью свержение царя Василия.

В заговоре против Шуйского участвовали многие представители знати. Естественно, что никаких протоколов заседаний они не вели, и конечная цель переворота — возведение на престол своего царя — вызывает у современных историков споры. По одной версии, на престол должен был взойти кто-то из клана Романовых, по другой — Ф. И. Мстиславский, а третья версия была компромиссной — на престол должен был вернуться шутовской царь Симеон Бекбулатович, жена которого была родной сестрой Ф. И. Мстиславского.

Итак, Филарет отправился в Углич, а в воскресенье, 25 мая, в Москве начался бунт. По официальной версии, царь шел к обедне и внезапно увидел большую толпу, идущую ко дворцу. Толпа была настроена агрессивно, слышались оскорбительные выкрики по адресу Шуйского. Царь Василий быстро ретировался во дворец. Там он с плачем обратился к окружившим его боярам, что нет нужды затевать бунт, что если хотят от него избавиться, то, избрав его царем, могут и низложить его, если он им

неугоден, и что он оставит престол без сопротивления. Потом, отдав боярам царский посох и шапку Мономаха, Шуйский продолжал: «Если так, выбирайте кого хотите». Бояре растерялись, и никто не решился дотронуться до царских регалий. Растерянность можно объяснить и тем, что среди присутствующих бояр не было главного заговорщика, который в тот момент занимался гробокопательством в Угличе.

Так или иначе, но бояре безмолвствовали. Тогда царь Василий поднял посох, надел шапку и приказал наказать виновных. Возражать ему никто не посмел. Стрельцы разогнали толпу, схватив пятерых крикунов. Их объявили зачинщиками и подвергли на площади торговой казни — нещадно выдрали кнутом. Учинить расправу над самими заговорщиками царю помешала Боярская дума, и Шуйскому пришлось ограничиться полумерами. Было официально объявлено, что князь Ф. И. Мстиславский ни в чем не виноват, а виноваты его родные, которые хотели воспользоваться его именем. Одним из главных виновников был назван боярин Петр Никитич Шереметев, хотя он в день бунта находился в Угличе вместе с Филаретом. Шереметеву было запрещено возвращаться в Москву, его послали в Псков воеводой. М. Ф. Нагой был лишен звания конюшего, но оставлен в Москве. Племянник Филарета (по сестре Марфе) князь Иван Черкасский был лишен звания кравчего. Досталось даже Симеону Бекбулатовичу. В Кириллов монастырь, где содержался Симеон (монах Стефан) приехал царский пристав Федор Супонев с грамотой царя Василия от 29 мая, в которой приказывалось игумену выдать «старца Стефана» приставу, который должен был отвезти старца «где ему велено». Супонев увез татарина в Соловецкий монастырь.

Попытка переворота заставила Шуйского поспешить с венчанием на царство. 1 июня 1606 г. Василий Шуйский венчался на царство в Архангельском соборе.

А между тем патриарх Филарет обрел мощи царевича Дмитрия. При вскрытии могилы Дмитрия по собору распространилось «необычайное благовоние». Мощи царевича оказались нетленными — в гробу лежал свежий труп ребенка.

Как отписал царю в Москву Филарет, «глава и власы его [Дмитрия — Л. Ш.] целы и черное ожерельецо, низанное жемчугом, в левой руке платочек тафтяной, шитый золотом и серебром, в котором завязаны были орешки, данные матерью для игранья; но когда заклали его, платочек сей обогрен был кровью; и самые орешки потому были скрыты под землю с телом его. Срачица на нем белого шелка обогрена кровию его; вверху швейная серебром и золотом одежда царская, порфира золотканая, опоясан

поясом золотым, сапоги красного цвета, чулки шелковые прехитро тканые; все сие цело и невредимо обретоша».

Итак, все «следственное дело» комиссии Шуйского рушится как карточный домик. Одновременно царевич не только не зарезался, но даже и не играл в тычку, и ножа у него вообще не было. Гулял, ел орешки, в правой руке был узелок с орешками, в левой — горсть орехов, а ножа, мол, вообще не было. Так, мол, и похоронили с орехами в левой руке и с платочком в правой.

Заметим, что эта чушь повторялась до самого 1917 г. Так, в 1912 г. некий Д. Лавров (возможно, это псевдоним) писал: «Сохранилось одно литературное произведение, при чтении которого становится неопровержимо ясным, что автор его есть лицо духовное и что оно было участником перенесения мощей. Этот очевидец, в показании которого мы не имеем права заподозрить какую-либо подделку, рассказывает, что когда был вынут гроб и открыт, то оказалось, что в правой руке у царевича — шитый золотом платочек, а в другой руке — зажатые орешки. Вложил их кто-нибудь ему в руку в момент смерти? Но кому могли прийти в голову в момент смятения какие-либо соображения в подделке факта? Царевич был погребен просто, без всяких церемоний, в том, в чем он был и как он был в момент смерти».^[36]

И Филарет, и Лавров рассчитывали на легковерного и малокомпетентного читателя. Ведь Дмитрия не просто бросили в гроб, не глядя. Неужто комиссия Шуйского не провела осмотра тела и не заметила орехов?

Шоу в Преображенском соборе убедило далеко не всех. Пошли слухи, что Филарет купил у стрельца сына, которого зарезали, а затем положили в гроб вместо останков царевича. Причем Стрельцова сына звали Романом.

Торжественная процессия с нетленными мощами Дмитрия медленно двинулась к Москве. 3 июля вблизи села Тайнинского состоялась встреча процессии с царем Василием и боярами. Затем произошла сцена, достойная кисти самого великого художника. Гроб был открыт, и инокиня Марфа увидела... свежий труп. Бывшая царица должна была опознать своего сына, как она год назад «опознала» живого Дмитрия на том же самом месте. Марфа, выдавшая виды, тут от ужаса не сумела произнести ни слова. Теперь ей придется плакать над гробом чужого ребенка, а прах ее единственного сына выброшен и уничтожен.

Спасая положение, царь сам подошел к гробу, совлек царскую червленую багряницу, опознал царевича, поцеловал мощи и повелел гроб закрыть. Процессия торжественно проследовала к Москве. Гроб с телом

«царевича» принесли в Архангельский собор.

За это время инокиня Марфа пришла в себя, а кроме того, ей намекнули на серьезные неприятности, если она будет упрямиться. Поэтому в Архангельском соборе она нашла силы громогласно объявить, что в гробу находится ее сын. Марфа красочно покаялась, что признала сыном вместо страстотерпца Гришку-расстригу, она-де боялась, чтоб Гришка «не нанес ссыльного гонения и нестерпимой нужды злыми обидами».

Гроб был помещен в склеп рядом с могилой Грозного. Через несколько часов монахи подвели к гробу Дмитрия слепого. Слепой помолился у гроба и вдруг прозрел. Всего в день захоронения в Архангельском соборе у гроба излечилось 13 человек. Смертельно больные люди вскакивали с носилок, хромы бросали костыли, горбатые выпрямлялись и т. д. На следующий день исцелилось 12 человек и т. д. При каждом новом «чуде» звонили все московские колокола. Толпы народа осаждали двери Архангельского собора. По приказу царя составили грамоту с описанием чудес Дмитрия Углического и разослали ее по городам. Однако противники Шуйского постарались испортить красивый спектакль. В собор был доставлен настоящий больной при последнем издыхании, он дотронулся до гроба и умер. После инцидента доступ к мощам был прекращен. Московские колокола смолкли.

Тем не менее царь Василий разослал по всем города грамоту, в которой пространно изложил обстоятельства перенесения мощей царевича Дмитрия, а также засвидетельствовал его мученическую смерть по вине Бориса Годунова.

Но мы забыли о Филарете, и это неудивительно — о нем забыли все. «Мавр сделал свое дело» — привез мощи, «мавр должен уйти». При встрече в Тайнинском Филарет ослепел не менее Марфы. Та увидела чужой труп, а он... патриарха. Да, да! Вместе с царем шел и патриарх Гермоген. Правда, он еще не был возведен в сан собором и формально являлся кандидатом в патриархи. Но это были пустые формальности, и в ряде документов при захоронении мощей Дмитрия Гермоген фигурирует как патриарх.

С 1579 г. Гермоген служил в казанской церкви Святого Николая в Гостином дворе. В 1588 г. он стал игуменом казанского Спасо-Преображенского монастыря. 13 мая 1589 г. Гермоген был возведен в сан епископа и поставлен митрополитом казанским и астраханским — первым в новоучрежденной митрополии. Гермоген отличился при обращении в православие инородцев — татар, мордвы, мари, чувашей и других народов.

На такого патриарха, твердого в вере и большого патриота земли русской, царь Василий вполне мог положиться, а Филарету предложил малой скоростью ехать в свою ростовскую митрополию — он ведь по-прежнему митрополит ростовский.

Итак, ценой больших усилий царю Василию удалось укрепить свою власть в столице. Совсем иначе дела складывались в провинции. Жители юго-западных городов — Путивля, Чернигова, Кром и других — наотрез отказались присягать новому царю. Там правили воеводы — сторонники Лжедмитрия.

По всей стране распространялись слухи, что Димитрий не был убит в Москве, а скрылся и вот-вот объявится. В какой-то мере распространению таких слухов способствовали действия царя Василия.

Так глупости и противоречия царской грамоты, разосланной по всей стране с объяснением причин переворота 17 мая 1605 г. и мотивировками воцарения Шуйского, вызывали серьезные подозрения как у воевод, так и у простых горожан.

В день переворота трупы Отрепьева и Басманова сторонники Шуйского отволокли на Лобное место, раздели донага, да еще на Отрепьева надели страшную маску, в которой тот собирался быть на маскараде. Никто не подумал, что народ, привыкший видеть царя в роскошных одеяниях, не будет ассоциировать его с изуродованным трупом, да еще с закрытым маской лицом. Сразу же начались разговоры, что убитый совсем не похож на царя Димитрия. Через три дня Басманова похоронили в церкви Николы Мокрого, а Отрепьева — в убогом доме за Серпуховскими воротами. Но по Москве поползли разные слухи: говорили, что сильные холода стоят благодаря волшебству расстриги, что над его могилой творятся чудеса. Тогда труп самозванца вырыли, сожгли в деревне Котлы и, смешав пепел с порохом, выстрелили им из пушки в ту сторону, откуда он пришел.

В начале 1606 г., еще в царствование Димитрия, на Тереке появился новый самозванец — «царевич Петр», выдававший себя за сына царя Федора и царицы Ирины. Якобы Ирина родила мальчика, но очень боялась своего брата Бориса Годунова, уже тогда метившего на царство, и царевича, подменив его девочкой, отдала на воспитание чужим людям. На самом деле это был бродяга Илья, сын муромской проститутки Ульяны, которая ушла от мужа и прижила Илью от посадского человека Ивана Коровина.

Василий Шуйский сделал огромную глупость, распахав сподвижников Гришки Отрепьева воеводами по дальним городам. Того же князя Григория Петровича Шаховского он поставил воеводой в Путивле — щуку бросили в реку. Новый воевода немедленно объявил жителям Путивля, что царь

Димитрий жив и находится в Польше. Шаховский во время переворота выкрал в Кремле государственную печать и, используя ее, рассылал грамоты по городам, поднимая народ за «царя Димитрия». И на эту роль Шаховскому стоило бы любой другой самозванец. Он начал переписку с польскими панами, которые также искали кандидата на роль царя Димитрия.

Тут всплывает очень своеобразный персонаж — Иван Исаевич Болотников, служивший когда-то боевым холопом у князя А. Л. Телятевского. В Польше в городе Самборе Болотников встречается с Михаилом Молчановым. Последний убедил Болотникова, что Лжедмитрий I жив, и отправил с письмом от «царя Димитрия» в Путивль к Шаховскому.

Шаховский в Путивле с нетерпением ждал «царя Димитрия», готовый принять любого самозванца. Но вместо него приехал «царский гетман» Иван Болотников. Шаховский объявил его главным воеводой еще не существующего самозванца. У Болотникова в Путивле собралось до десяти тысяч войска из служилых и посадских людей, крестьян и казаков и даже небольшой отряд поляков под командой ротмистра Павла Хмелевского.

Вскоре в Путивль прибывает и «царевич Петр» с войском. «Царевич» становится союзником Болотникова, но каждый командует своим войском самостоятельно.

С осени 1606 г. по 10 октября 1607 г. царь Василий, то есть Русское государство, ведет кровопролитную войну с «гетманом Болотниковым». Важно отметить, что параллельно с войной с Болотниковым царю Василию в 1606–1607 гг. в других регионах России пришлось бороться с мятежами, никак не связанными с Болотниковым.

Восстания против царя Шуйского поздней осенью 1606 г. охватили район Нижнего Новгорода по обеим сторонам Волги и Оки. Причем восстания эти не были скоординированы, а их вожди преследовали различные цели. Так, на Волге действовали шайки мордвинцев неких Москова и Вокорлина. В городке Царево-Кокшайске поднял мятеж местный стрелецкий голова Иван Борисович Доможиров. Его отряд осадил Нижний Новгород. К Доможирову присоединился и князь Иван Дмитриевич Волховский. Однако сам Нижний Новгород остался верным царю, а его жителям удалось отсидеться от «воров» в осаде.

В Вятской и Пермской областях был сорван сбор ополчения, а царским чиновникам, приехавшим за этим, пришлось убираться несолоно хлебавши.

В Астрахани восстание против Шуйского поднял сам главный воевода астраханский князь Иван Дмитриевич Хворостин. Здесь на защиту царя

выступили простые люди во главе с дьяком Афанасием Карповым. Но люди воеводы побили их, а дьяка со товарищи сбросили с раската (с крепостной башни). Позже, правда, Хворостин принес повинную царю, и тот простил его. В 1608 г. мы видим князя в Москве, плетущего интриги в пользу Тушинского вора.

Но ряд областей Русского государства все же остался верен царю. Так, в Твери архиепископ Феокист собрал духовенство, приказных людей, детей боярских, торговых и посадских людей и укрепил их в верности к Шуйскому. И когда в Тверском уезде появился отряд сторонников Лжедмитрия I, тверчане наголову разбили его. Кроме того, отряд тверских ратников был отправлен в Москву в помощь царю Василию.

Жители Смоленска и окрестностей за десятки лет на своей шкуре испытали «гуманизм» польских и литовских панов. Там и мыслить не хотели ни о каких самозванцах. В Смоленске из местных дворян и ратных людей было собрано большое войско. Воеводой выбрали дворянина Григория Полтева. Заметим, Полтева не назначил царь или местный воевода, а выбрали, поскольку сбор войска прошел добровольно и в инициативном порядке. Смоленяне двинулись к Москве, по пути очистив от «воров» (шаек крестьян и казаков) районы Дорогобужа и Вязьмы. Дорогобужские, вяземские и серпейские служилые люди соединились со смолянами и к 15 ноября 1606 года подошли к Можайску. Туда же пришел воевода Колычев, успевший очистить от «воров» Волоколамск.

В конце 1606 г. Василий Шуйский предпринял новую серию пропагандистских акций. Он решил частично реабилитировать династию Годуновых. Шуйский приказал вынуть гробы Годуновых из ямы у стены Варсонофьевского монастыря и перезахоронить их в Троице-Сергиевом монастыре. Дочь Бориса Годунова Ксения (инокиня Ольга) шла за гробами своих родных и громко рыдала.

А в начале 1607 г. царь Василий надумал привезти из Старицы бывшего патриарха Иова, чтобы он простил всех православных христиан в их клятвопреступлениях. 14 февраля Иова доставили в Москву. Два патриарха, Гермоген и Иов, разразились грамотой, по которой выходило, что во всех бедах государства Российского виноват сатана, и неважно, кто кому и сколько раз крест целовал, и дали всем желающим отпущение грехов.

Пока Шуйский воевал с Болотниковым, «ворам» удалось-таки найти самозванца. В конце мая 1607 г. в городе Стародубе объявился «царь Димитрий», которого историки позже назовут Лжедмитрием II или Тушинским вором. В Стародуб к самозванцу стали стекаться русские

ратные люди, крестьяне и посадские. Но в отличие от войска Болотникова, ударную силу войска Лжедмитрия II составляли поляки. В Стародубе впервые всплывает казачий атаман Иван Заруцкий, бывший до этого в войске Болотникова, но не игравший там особой роли.

В сентябре 1607 г. Лжедмитрий II двинулся в поход. В Брянске его встретили колокольным звоном, а все население вышло навстречу. Зато Козельск пришлось брать штурмом.

А царь Василий тем временем... готовился к свадьбе. 17 января 1608 г. царь торжественно отпраздновал свою свадьбу с семнадцатилетней Марией, дочерью князя Петра Ивановича Буйносова-Ростовского.

А теперь нам придется вернуться на несколько месяцев назад. Мы оставили Марину Мнишек 17 мая 1606 г., после того как бояре изъяли ее из рук горожан и стрельцов, насилувавших ее фрейлин. Марину и Юрия Мнишкова отправили под конвоем в дом дьяка Афанасия Власьева, предварительно отобрав все деньги и драгоценности, подаренные им самозванцем.

Юрий Мнишек не только не пал духом, но и пустился на новые авантюры, пытаясь извлечь выгоду из всего происшедшего. А что? Чем Василий Шуйский не жених для Марины? Тоже царь. И Мнишек предложил боярам выдать свою дочь за него замуж! Шуйский был помолвлен с княжной Марьей Петровной Буйносовой, но это не было преградой для авантюриста Мнишка. Он расписал боярам выгодную перспективу — в случае победы рокошан в Польше король Сигизмунд будет свергнут, и у супруга Марины появится шанс стать еще и польским королем. О марьяжном предложении Мнишка доложили Василию Ивановичу. Но царь послал семейку Мнишкова далеко и надолго, и Юрий с Мариной были отправлены в Ярославль.

Простых поляков Шуйский приказал отправить на родину. Знатных же поляков, приехавших на свадьбу Лжедмитрия I, и польских послов решено было оставить в качестве заложников.

Вскоре польских послов вызвали во дворец, где объявили, что царь не отпустит их до возвращения своих послов из Польши. Тогда паны стали демонстративно готовиться к отъезду. Но когда они открыли ворота посольского двора, то увидели плотные ряды стрельцов с готовыми к бою пищалями. Поворчав, паны разошлись по домам.

13 июня 1606 г. к польскому королю из Москвы отправилось посольство — князь Григорий Волконский с дьяком Андреем Ивановым. Им был дан наказ объяснить Сигизмунду недавние московские события.

Как только царские посланники пересекли границу Московского

государства, польский пристав сообщил им, что царь Димитрий жив и сейчас находится у сандомирской воеводши. Послы ответили, что все это чушь собачья: жил у вора-расстриги чернокнижник Михалко Молчанов, вот он-то и сбежал, когда самозванца убили. Послы предложили опознать Молчанова, который за воровство и чернокнижие был бит кнутом, и следы от пытки остались у него на спине и ниже. А если другой кто называется Димитрием, продолжали послы, то полякам не стоит и слушать их, а если новый Димитрий нужен полякам, то пусть они его на польский престол и сажают, а в Россию его посылать и сажать на русский престол ни к чему. Хоть бы он и прирожденный государь Димитрий, но если его в Московском государстве не захотели, то силой нельзя посадить его на престол.

По дороге в Краков поляки измывались как могли над русскими посланниками, ругали их непристойными словами, называли изменниками. В Минске бросали в них камни и комья земли, лезли драться, приходили к посланникам на двор и грозились убить. Посланники просили пристава прекратить эти безобразия, но пристав отвечал, что теперь люди у них свободны, короля не слушают, и ему, приставу, их не унять.

В Кракове Сигизмунд не позвал московских посланников обедать и «корму» им не прислал, что являлось оскорблением по посольскому этикету начала XVII века.

Послы подали королю письменное объявление, в котором раскрывалось происхождение самозванца, его похождения, как он с польскими и литовскими людьми пришел в Московское государство, как он потом призвал в Москву самборского воеводу Мнишка с его приятелями и как они Божьи церкви и святые иконы обругали, москвичам поляки и литовцы много насилия учинили, жен знатных горожан бесчестили, из возков вытаскивали и такое насилие чинили, какого вовек на Москве не видели. Далее говорилось о появлении в Польше нового самозванца, который есть не кто иной, как Михаил Молчанов, ничуть не похожий на первого Лжедмитрия. Послы требовали удовлетворения за кровопролитие и расхищение царской казны, ставшие следствием посылки из Польши Лжедмитрия, но вместе с тем говорили, что царь Василий не намерен нарушать мира с Польшей. Московские послы грозили панам, что если они будут по-прежнему поддерживать «воров» в России, то царь Василий вступит в союз со шведами против Польши.

Заметим, что в тот момент король Сигизмунд был крайне озадачен рокошем буйных панов и охотно пошел на соглашение с царем Василием. Король пообещал Волконскому в ближайшее время отправить своих послов в Москву. И действительно, в октябре 1607 г. от Сигизмунда в Москву

приехали пан Витовский и князь Друцкой-Соколинский поздравить царя Василия с восшествием на престол и требованием отпустить прежних польских послов и всех поляков домой.

Переговоры длились до 25 мая 1608 г. Результатом переговоров стало перемирие на 3 года и 11 месяцев на следующих условиях: оба государства остаются в прежних границах; Россия и Польша не должны помогать врагам друг друга; царь обязывается отпустить в Польшу самборского воеводу Мнишка с дочерью и сыном и всех задержанных поляков; король обязывается сделать то же самое в отношении задержанных в Польше русских; король и Речь Посполитая должны отозвать всех поляков, поддерживающих самозванца, и впредь никаким самозванцам не верить и за них не вступаться; Юрию Мнишку не признавать зятем второго Лжедмитрия, дочь свою за него не выдавать и Марине не называться московской государыней.

Польские послы обязались послать грамоты в войско Лжедмитрия II к полякам с требованием оставить самозванца, вернуться в Польшу и на всем пути отсылать домой всех польских ратных людей, которые им встретятся на территории Московского государства. Также Послы обещали послать во все приграничные города грамоты, чтобы никто не смел идти воевать в Московское государство. Сами послы обязались ехать из Москвы прямо в Польшу, избегая любых контактов с поляками Лжедмитрия, но не хотели обещать, что король выведет войско Лисовского из России, потому что Лисовский в Польше был объявлен вне закона.

Вступив в переговоры с поляками, Шуйский совершил ту же непростительную ошибку, что и Годунов, и тем самым, как и Годунов, подписал себе смертный приговор. С поляками можно было договариваться, только держа пистолет у их затылка, и выполнять договор они будут до тех пор, пока взведен курок у этого пистолета. И дело тут не в плохом короле Сигизмунде, а в устройстве Речи Посполитой, где паны могли служить, а могли и не служить своему королю, и международные соглашения, заключенные королем, для них не были писаны. Не меньшую роль играла и католическая церковь, заставлявшая панов смотреть на москвитов как на американских индейцев.

Шуйский мог согласиться на неоднократные предложения шведского короля вступить с ним в союз и начать совместную войну с Речью Посполитой на ее территории, то есть шведы должны были наступать в Прибалтике, а русские — в Белой Руси, в случае же успеха идти на Варшаву. Кстати, Шуйский мог координировать свои действия с турецким султаном и с крымским ханом, воевавшими тогда с Польшей. Да и не

нужно сбрасывать со счетов рокош.

Предвижу возражения возмущенных критиков. Как можно? Власть Шуйского висела на волоске, он не мог справиться с врагами внутренними, не то чтобы начинать борьбу со столь мощным соседом.

Начнем с того, что Польша в начале XVII века и позже была «колоссом на глиняных ногах». Вспомним, как долго вся королевская рать осаждала Смоленск, при том, что большая часть смоленских дворян и ратников ушла на помощь Шуйскому еще в 1607 г. Так что разгром Польши в союзе со шведами и турками был вполне реален.

Надо ли говорить, что ни король, ни папа и не пытались исполнять условия договора с Россией. Ни один поляк из-за этого соглашения не покинул войско Лжедмитрия II. Юрий Мнишек признал Лжедмитрия II своим зятем, Марина легла с ним в постель и по-прежнему именовала себя московской царицей. А король Сигизмунд воспользовался договором для подавления рокота, а затем собрал силы и пошел к Смоленску.

В апреле 1608 г. войско Лжедмитрия II подошло к городу Волхову. Навстречу «вору» царь послал своего бездарного брата Дмитрия и столь же тщеславного и бездарного воеводу Василия Васильевича Голицына. 29–30 апреля 1608 г. в двухдневном сражении под Волховом царское войско было разбито. В начале июля 1608 г. рать самозванца, в которой насчитывалось около 10 тысяч поляков, 7 тысяч казаков и 6 тысяч русских, стала лагерем в селе Тушино под Москвой. По месту расположения войска самозванца московские власти окрестили его Тушинским вором.

Под Москвой между Шуйским и Лжедмитрием II началась многомесячная позиционная война. У самозванца не было сил выбить царя из столицы, а у Василия Ивановича — выбить «вора» из Тушино.

Воспользовавшись двоевластием, многие бояре, дворяне, приказные люди и купцы, целовавшие крест в Москве Шуйскому, уходили в Тушино, целовали там крест самозванцу и, получив у него жалованье, возвращались назад в Москву. Шуйский принимал таких милостиво — раскаявшийся изменник был для него дорог, так как своим возвращением он показывал другим невыгодность службы у тушинского царя. Возвратившийся получал награду и от Шуйского, но вскоре отправлялся опять в Тушино требовать жалованье у Лжедмитрия. К примеру, собирались родные и знакомые за одним столом, вместе обедали, а после обеда одни отправлялись ко двору к царю Василию, а другие ехали в Тушино. Оставшиеся в Москве были спокойны: если одолеет тушинский царек, думали они, то у них есть родные и друзья, служившие Лжедмитрию II, которые их защитят, если же одолеет царь Василий, то они за свою родню заступятся. На улицах и

площадях громко обсуждали события, не боясь, превозносили тушинского царя, радовались его успехам. Многие знали людей, которые, оставаясь в Москве, поддерживают самозванца, но не доносили о них Шуйскому, а тех, которые доносили, называли клеветниками и шепотниками. На сильного боялись доносить, ибо у него найдется много заступников, без воли которых Шуйский не мог казнить изменника. Но на слабого, не имеющего покровительства, доносы к царю шли постоянно. И виноватые наказывались, вместе с ними наказывались иногда и невинные.

Хотя Шуйского и не любили в Москве, земские люди не хотели менять его на какого-нибудь другого боярина, тем более на Тушинского вора, и догадывались, чем грозит его победа. Вот почему попытки свергнуть Шуйского не удавались.

Глава 13

Тушинский патриарх

Говоря о событиях в Москве, мы почти упустили из виду наших главных героев — бояр Романовых. К октябрю 1604 г. все Романовы, за исключением Филарета, оказались на свободе. Кто состоял на царской службе, а кто вольготно жил в своих поместьях. В частности, восьмилетний Михаил Федорович жил в селе Клин в вотчине отца. Его опекали тетки — Марфа Никитична, вдова Бориса Камбулатовича Черкасского и вдова Александра Никитича Романова. Вместе с Михаилом жила и его сестра Татьяна. Надо ли говорить, что эта дамская компания тряслась над мальчиком и воспитала из него не рыцаря, а слабовольного и капризного барчука.

Сам же монах Филарет, в миру Федор Никитич Романов, тихо поживал в Антониево-Сийском монастыре. Этот монастырь был основан в 1520 г. преподобным Антонием на реке Сие, притоке Северной Двины в 90 верстах от города Холмогоры. Это был один из самых богатых северных монастырей России. В 1589 году в монастыре был построен каменный соборный храм Святой Троицы. Десятки окрестных сел принадлежали монастырю. Кстати, через 60 лет, при царе Алексее Михайловиче, крестьяне подняли восстание против монастырских властей.

В монастыре за Филаретом наблюдал пристав Богдан Воейков, который регулярно слал в Москву отчеты о поведении опального инок.

Филарет вел себя довольно тихо, конфликты с приставом Воейковым носили мелкий, чисто бытовой характер. Так, Филарет говорил приставу: «Не годится со мною в келье жить малому. Чтобы государь меня, богомольца своего, пожаловал, велел у меня в келье старцу жить, а бельцу с чернецом в одной келье жить непригоже». На что Воейков писал в своем донесении царю Борису: «Это он говорил для того, чтоб от него из кельи малого не взяли, а он малого очень любит, хочет душу свою за него выронить. Я малого расспрашивал: что с тобою старец о каких-нибудь делах разговаривал ли или про кого-нибудь рассуждает ли? И друзей своих кого по имени поминает ли? Малый отвечал: «Отнюдь со мною старец ничего не говорит». Если малому вперед жить в келье у твоего государева

изменника, то нам от него ничего не слышать. А малый с твоим государевым изменником душа в душу. Да твой же государев изменник мне про твоих государевых бояр в разговоре говорил: «Бояре мне великие недруги. Они искали голов наших, а иные научали нас говорить людей наших, я сам видал это не однажды». Да он же про твоих бояр про всех говорил: «Не станет их ни с какое дело, нет у них разумного. Один у них разумен Богдан Бельский, к посольским и ко всяким делам очень досуж». Велел я сыну боярскому Болтину спрашивать малого, который живет в келье у твоего государева изменника, и малый сказывал: «Со мною ничего не разговаривает. Только когда жену вспоминает и детей, то говорит: «Малые мои детки! Маленьки бедные остались. Кому их кормить и поить? Так ли им будет теперь, как им при мне было? А жена моя бедная! Жива ли уже? Чай она туда завезена, куда и слух никакой не пойдет! Мне уж что надобно? Беда на меня жена да дети: как их вспомнишь, так точно рогатиной в сердце толкает. Много они мне мешают: дай Господи слышать, чтобы их ранее Бог прибрал, я бы тому обрадовался. И жена, чай, тому рада, чтоб им Бог дал смерть, а мне бы уже не мешали, я бы стал промышлять одною своею душою. А братья уже все, дал Бог, на своих ногах»».

На это донесение царь Борис отвечал приставу: «Ты б старцу Филарету платье давал из монастырской казны и покой всякий к нему держал, чтоб ему нужды ни в чем не было. Если он захочет стоять на крылосе, то позволь, только б с ним никто из тутошних и прихожих людей ни о чем не разговаривал. Малому у него в келье быть не вели, вели с ним жить в келье старцу, в котором бы воровства никакого не чаять. А которые люди станут в монастырь приходиться молиться, прохожие или тутошные крестьяне и вкладчики, то вели их пускать, только смотри накрепко, чтобы к старцу Филарету к келье никто не подходил, с ним не говорил и письма не подносил и с ним не сослался».

В итоге из кельи Филарета «малого» выгнали, а вместо него поселили старца Иринарха, чтобы тот приглядывал за ссыльным. Надо ли говорить, что новый сосед-старец не понравился Филарету. Тем не менее вел себя Филарет тихо и богобоязненно.

Но вот до Антониево-Сийского монастыря дошли слухи о походе Лжедмитрия на Москву, и смиренный инок Филарет буквально начинает «скакать» от радости.

В начале 1605 г. пристав Воейков шлет несколько доносов в Москву о бесчинствах Филарета и жалобы на игумена монастыря Иону, который смотрит на них сквозь пальцы.

В марте 1605 г. царь Борис делает игумену Ионе строгое внушение: «Писал к нам Богдан Воейков, что рассказывали ему старец Иринарх и старец Леонид: 3 февраля ночью старец Филарет старца Иринарха бранил, с посохом к нему прискакивал, из кельи его выслал вон и в келью ему к себе и за собою ходить никуда не велел. А живет старец Филарет не по монастырскому чину, всегда смеется неведомо чему и говорит про мирское житье, про птиц ловчих и про собак, как он в мире жил, и к старцам жесток, старцы приходят к Воейкову на старца Филарета всегда с жалобой, бранит он их и бить хочет, и говорит им: «Увидите, каков я вперед буду!» Нынешним великим постом у отца духовного старец Филарет не был, в церковь и на прощанье не приходил и на крылосе не стоит. И ты бы старцу Филарету велел жить с собою в келье, да у него велел жить старцу Леониду, и к церкви старцу Филарету велел ходить вместе с собою да за ним старцу, от дурна его унимал...»

Далее Борис требовал, чтобы Иона укрепил ограду вокруг монастыря и ни под каким видом не допускал контактов Филарета с посторонними людьми.

Обратим внимание на фразу Филарета: «Увидите, каков я вперед буду!» Кем же видит себя смиренный монах — царем или патриархом? Да и откуда такая спесь взялась? Ну, допустим, услышал он об успехах самозванца, так что же из того? Ну, придет Лжедмитрий, какой-нибудь Стенька или Емелька, и станет бояр вешать да топить, не вникая в их свары и обиды. Тут Филарет выдает себя с головой. Он прекрасно знает, что идет на Москву не просто его бывший холоп Юшка, а его «изделие». Другой вопрос, что он недооценивает польское влияние. У его «изделия» теперь совсем другие кукловоды.

Фразу «Увидите, каков я вперед буду» цитируют в своих трудах все наши историки от Соловьева до Скрынникова и...оставляют ее без комментариев. Один Валишевский (поляк не боится задеть гордость великороссов) заметил по сему поводу: «В этом заключаются важные указания, которым не хватает, может быть, только подтверждения некоторых уничтоженных или слишком хорошо спрятанных документов. И, если они не подверглись уничтожению, без сомнения, уже недалек тот день, когда не побоятся их обнародовать». Но до сих пор масса документов XVI–XVII веков лежит у нас в секретных хранилищах.

20 июня 1605 г. Лжедмитрий I торжественно въезжает в столицу и сразу же призывает найти и вернуть в Москву своих бывших хозяев.

В начале июля 1605 г. в Антониево-Сийский монастырь прибыли посланцы самозванца и с торжеством повезли Филарета в Москву.

В Москве Романовы получили щедрые награды. Скромный инок Филарет возведен в сан ростовского митрополита. За что же такая милость простому монаху? За то, что он с начала 1605 г. перестал вообще ходить на службы? Неужто за познания в ловчих птицах и собаках?

Димитрий дал самую высшую церковную должность Филарету. Сделать монаха сразу патриархом было бы слишком, да и на том месте уже сидел послушный Игнатий. А Крутицким митрополитом стал, как мы уже знаем, старый знакомый Гришки Пафнутий.

Младший брат Филарета Иван Никитич Романов получил боярство. Не был обойден и единственный сын Филарета — девятилетний Миша Романов стал стольником. Заметим, что возведение даже двадцатилетнего князя Рюриковича в чин стольника на Руси было событием экстраординарным.

Даже тела умерших в ссылке Никитичей по царскому указу были выкопаны, доставлены в Москву и торжественно перезахоронены в Новоспасском монастыре.

Многие наши историки утверждают, что Лжедмитрий пожаловал Романовых как своих родственников, чтобы таким образом подтвердить свою легитимность. Такой взгляд не выдерживает критики. Ну, во-первых, настоящему Димитрию Романовы и родственниками не были. Попробуйте в русском языке найти обозначение степени родства Федора Никитича и Димитрия Ивановича! Мало того, именно царь Федор, сын Анастасии Романовой, упрятал Димитрия со всей родней в ссылку в Углич, а бояре Романовы во главе с Федором Никитичем с большим усердием помогали царю. Да и не в этом дело. Зачем самозванцу лишний раз напоминать народу, что есть живые родственники царя Федора, которые за неимением лучшего могут стать претендентами на престол? Увы, на этот вопрос ни один наш историк дать ответа не может.

Мало того. Зачем давать Романовым власть и вотчины? Неужели самозванец так глуп, что думает, что гордый и честолюбивый Федор Никитич станет его верным холопом? А ведь чины и вотчины могли так пригодиться польским и русским сторонникам Лжедмитрия. Вот они бы и стали навсегда преданными холопами царя Димитрия I.

Наконец, чем черт не шутит, ведь Романовы могли и опознать Юшку Отрепьева, который пять лет назад жил у них на подворье.

Из всего этого можно сделать лишь один логичный вывод — бояре Романовы были в сговоре с заговорщиками церковными, главой которых был Пафнутий. Теперь Отрепьеву пришлось платить по счетам. Был ли удовлетворен наградами честолюбец Федор Никитич? Конечно, нет, но

качать права было рано. Пока Романовы рассматривали полученные чины, вотчины и другие блага как промежуточную ступеньку для дальнейшего подъема вверх. Теперь Федору и Ивану Никитичам казалось, что еще чуть-чуть, и московский трон станет собственностью их семейства.

На несколько месяцев правления самозванца клан Романовых попросту затих. В результате Романовы проспали роковую ночь на 17 мая 1606 г., во время которой сторонники Шуйского и Пафнутия свергли и убили Лжедмитрия I. Этот переворот Романовым был явно не выгоден.

На следующий день Романовы сумели договориться с Голицыным, Куракиным и Мстиславским и решили собрать 19 мая народ на Красной площади, чтобы выбрать патриарха, а затем провести Земский собор под его руководством. Нетрудно предположить, что патриархом должен был стать Филарет.

Из главы «Царь Василий Шуйский» мы знаем, как Шуйскому удалось обвести вокруг пальца Филарета и клан Романовых, использовав для этого комедию с перенесением мощей царевича Димитрия. Как мы уже знаем, прибытие Гермогена из Казани спутало клану Романовых все карты. Гермоген имел непререкаемый авторитет как в церковных кругах, так и в Боярской думе. Выступить против его интронизации в патриархи никто не решался. И бедолаге Филарету пришлось малой скоростью отправляться в свою епархию.

Вскоре царь Василий отправил Ивана Никитича Романова воеводой в Козельск. Там Никитич отличился — разбил отряд князя Василия Рубец-Мосальского, шедшего на выручку Болотникову. За это царь Василий стал более благосклонно относиться к Романовым, тем более что Филарет два года тихо и богобоязненно сидел в Ростове.

В апреле 1608 г. войско нового самозванца разгромило царские полки под Волховом. Виновниками поражения были двое бездарей — воеводы Дмитрий Иванович Шуйский и Василий Васильевич Голицын. Замечу, что оба тоже имели виды на московский престол.

После Волхова Лжедмитрий II двинулся прямо на Москву. Козельск, Калуга, Можайск и Звенигород без боя открыли ему свои ворота.

Шуйский срочно собрал новое войско и отправил его навстречу самозванцу. Командование им царь поручил своему родственнику Михаилу Васильевичу Скопину-Шуйскому и Ивану Никитичу Романову.

Царские полки заняли позицию на речке Незнани между городами Подольском и Звенигородом. На поиск переправы были направлены разъезды, которые донесли, что «вор поиде под Москву не тою дорогою». Гетман Рожинский обходил их справа, идя из Звенигорода на Вязьму в

направлении Москвы. Одновременно в войске была обнаружена измена. Как говорится в летописи, в полках «нача быти шатость: хотяху царю Василью изменити князь Иван Катырев, да князь Юрьи Трубецкой, да князь Иван Троекуров и иные с ними».

Обратим внимание — во главе заговора стояли в основном родственники Романовых. Иван Федорович Троекуров был женат на Анне Никитичне Романовой, а Иван Михайлович Катырев-Ростовский — на Татьяне Федоровне Романовой. Надо ли говорить, что в случае успеха заговора Иван Никитич Романов не остался бы в стороне.

Из-за «шатости» царь Василий приказал войску срочно отступить к Москве. В итоге рядом с Москвой образовалась новая столица — Тушино, а самозванец вошел в историю под именем Тушинский вор.

В сентябре 1608 г. Петр Сапега с большим отрядом тушинцев взял без боя Переяславль, жители которого присягнули Тушинскому вору. Затем Сапега двинулся к Ростову.

К тому времени Ростов не был укреплен, и горожане решили покинуть его и уходить к Ярославлю под защиту его мощных стен. Однако жесткий митрополит Филарет категорически воспротивился этому. Уже потом задним числом церковные историки приписали ему слова: «Если и убиты будем ими, и мы от Бога венцы примем мученические... Многие муки претерплю, а дома Пречистой Богородицы и ростовских чудотворцев не покину». Но наш любитель ловчих птиц никогда не отличался ни фатализмом, ни желанием принять мученический венец.

Все стало на свои места после занятия беззащитного Ростова поляками и их русскими союзниками из Переяславля. Пан Сапега в простых санях доставил митрополита в Тушино, что дало повод позднейшим историкам утверждать, что Филарет был увезен насильственно. Но пленных казнят, заключают под стражу, меняют, отдают за выкуп, а не делают главой церкви. Так что не был Филарет пленником.

Митрополиту ростовскому устроили торжественную встречу в Тушино. Лжедмитрий произвел Филарета в патриархи. Тот стал вершить богослужения в Тушино и рассылать по всей России грамоты с призывами покориться царю Димитрию, а под грамотами подписывался: «Великий Господин, преосвященный Филарет, митрополит ростовский и ярославский, нареченный патриарх московский и всея Руси».

Вслед за Филаретом в Тушино перебежала и его родня по женской линии — Сицкие и Черкасские. В Тушине оказался даже Иван Иванович Годунов. Родственник убийцы едет каяться к спасенному царевичу? Ни в коем разе! И. И. Годунов, муж Ирины Никитичны Романовой, едет к ее

брату Федору Никитичу. Заодно И. И. Годунов уговорил присягнуть самозванцу и жителей Владимира, где царь Василий поставил его воеводой. Романовы стали, без сомнения, самым сильным русским кланом в Тушине.

Глава 14

В игру вступают короли

Не в силах самостоятельно справиться с тушинцами и ляхами из частных армий царь Василий решил обратиться за помощью к Швеции. Как уже говорилось, наиболее выгодным для России было бы вторжение Швеции в Лифляндию и дальнейшее продвижение внутрь Польши. Кстати, после окончания русской смуты, в 1621 г., шведы так и поступили. Но Шуйский думал не о государственных интересах, а о своей собственной шкуре. Ему нужны были шведские наемники в Москве, и немедленно.

Начало века ознаменовалось династическим кризисом в Швеции. Карлу IX (герцогу Зюдерманландскому) удалось короноваться лишь в марте 1607 г. Естественно, что шведам поначалу было совершенно не до российских смут. Но как только обстановка стабилизировалась, шведское правительство обратило свои взоры на Россию. Проанализировав ситуацию, шведы пришли к выводу, что русская смута может иметь два основных сценария.

В первом в России будет восстановлена твердая власть, но к Польше отойдут обширные территории — Смоленск, Псков, Новгород и др. Не будем забывать, что в то время Польше принадлежала и вся Прибалтика, исключая побережье Финского залива. Во втором случае вся Русь подлежала ополячиванию.

Таким образом, в любом случае Швеции стала бы угрожать серьезная опасность со стороны усилившегося Польского королевства. А ведь весь XVII век Польша для всех шведов, начиная от короля и кончая простолюдинами, была куда более грозным и ненавистным противником, нежели Россия.

Карл IX решает помочь царю Василию. Еще в феврале 1607 г. Выборгский наместник писал к карельскому воеводе князю Мосальскому, что король его готов помогать царю, и шведские послы давно уже стоят на границе, дожидаясь московских послов для переговоров. Но в это время Шуйский, успев отогнать Болотникова от Москвы, думал, что быстро покончит со своими противниками внутри страны и заключит мир с Польшей.

Недальновидный Василий приказал князю Мосальскому написать в Выборг: «А что пишете о помощи, и я даю вам знать, что великому государю нашему помощи никакой ни от кого не надобно, против всех своих недругов стоять может без вас, и просить помощи ни у кого не станет, кроме Бога». Шведам было даже запрещено посылать гонцов с письмами в Москву и Новгород, поскольку «во всем Новгородском уезде моровое поветрие».

Но шведы не унялись, и в течение 1607 г. Карл IX послал четыре грамоты царю Василию с предложением о помощи. На все грамоты царь отвечал вежливым отказом.

Однако к концу 1608 г. ситуация изменилась. Царь Василий был заперт в Москве как в клетке, и надеяться ему было не на кого. 1 сентября 1608 г. население Пскова открыло ворота тушинскому воеводе Плещееву. Ивангород и Орешек также присягнули Лжедмитрию II. В Новгороде начались волнения черни, стоявшей за Тушинского вора. Пришлось хвататься за шведскую соломинку. В Новгород для переговоров был послан царский племянник Скопин-Шуйский, где он встретился с королевским секретарем Моисом Мартензоном.

Договор со Швецией был заключен в Выборге 23 февраля 1609 г. стольником Семеном Головиным и членом ригсдага Браном Бойе. Обе стороны обещали воевать с Польшей до окончательной победы и не заключать сепаратного мира. Шведы должны были послать в Россию наемное войско в составе двух тысяч конницы и трех тысяч пехоты.

Россия оплачивала услуги шведского войска по следующей росписи:

Коннице — по 50 тысяч рублей в месяц.

Пехоте — по 35 тысяч рублей в месяц.

Главнокомандующему — 5 тысяч рублей.

Начальнику кавалерии — 4 тысячи рублей.

Начальнику пехоты — 4 тысячи рублей.

Офицерам на всех вместе — 5 тысяч рублей ежемесячно.

По договору наемники подчинялись только своему командованию, а оно, в свою очередь, Михаилу Скопину-Шуйскому.

За шведскую помощь царь Василий Шуйский отказался за себя и детей своих и наследников от прав на Ливонию.

В тот же день (23 февраля 1609 г.) в Выборге был подписан и секретный протокол к договору «Запись об отдаче Швеции в вечное владение российского города Корелы с уездом». Передача должна быть осуществлена только спустя три недели после того, как шведский вспомогательный корпус наемников под командованием Делагарди вступит

в Россию и будет на пути к Москве или, по крайней мере, достигнет Новгорода. Согласие на передачу Корелы шведам будет лично подписано царем и главнокомандующим русскими войсками, го есть Василием Шуйским и М. В. Скопиным-Шуйским.

Шведы разослали грамоты по пограничным русским городам с требованием быть верными царю Василию. Не могу удержаться и процитирую полностью грамоту каянбургского (улеаборгского) шведского воеводы Исаака Баема к игумену Соловецкого монастыря: «Вы так часто меняете великих князей, что литовские люди вам всем головы разобьют. Они хотят искоренить греческую веру, перебить всех русаков и покорить себе всю Русскую землю. Как вам не стыдно, что вы слушаете всякий бред и берете себе в государи всякого негодяя, какого вам приведут литовцы!»

Весной 1609 г. шведское войско подошло к Новгороду. Отряд шведов под командованием Горна и отряд русских под командованием Чоглокова 25 апреля наголову разбил большой отряд тушинского воеводы Кернозицкого, состоявший из запорожцев. В течение нескольких дней от тушинцев были очищены Торопец, Торжок, Порхов и Орешек. Скопин-Шуйский направил большой отряд под начальством Мещерского под Псков, но тот не смог взять город и отступил.

10 мая 1609 г. Скопин-Шуйский с русско-шведским войском двинулся из Новгорода к Москве. В Торжке Скопин соединился со смоленским ополчением.

Под Тверью произошла битва между войском Скопина и польско-тушинским войском пана Зборовского. В ходе сражения поляки на обоих флангах смяли русских, но центр польского войска обратился в бегство, и лишь «пробежавши несколько миль, возвратилось обратно». В центре боя шведская пехота не отступила ни на шаг до наступления темноты, а затем в полном порядке отошла к обозу. На рассвете следующего дня русские и шведы атаковали противника и нанесли ему сокрушительное поражение.

Скопин двинулся вперед, но вдруг в 130 верстах от Москвы шведские наемники отказались идти далее под предлогом, что вместо платы за четыре месяца им дали только за два, что русские не очищают Корелы, хотя уже прошло одиннадцать условных недель после вступления шведов в Россию. Скопин, послав уговаривать Делагарди вернуться, сам перешел Волгу под Городнею, чтобы соединиться с ополчениями северных городов, и по левому берегу достиг Калязина, где и остановился.

Соловецкий монастырь прислал царю 17 тысяч серебряных рублей, еще большую сумму прислали с Урала Строгановы, небольшие взносы поступили из Перми и других городов. Царь Василий вынужден был

поспешить выполнить статьи Выборгского договора и послал в Корелу приказ очистить этот город для шведов.

Русские отряды из войска Скопина заняли Переславль-Залесский. Другие войска, верные Шуйскому, без боя вошли в Муром и штурмом взяли Касимов.

Вступление шведских войск в русские пределы дало повод Сигизмунду III начать войну против России.

В письме испанскому королю Сигизмунд заявил, что предпринял он московскую войну, во-первых, для отмщения за недавние обиды, за нарушение народного права, потом, чтобы дать силу своим наследственным правам на московский престол, ибо предок его Ягайло был сыном русской княжны и женат также на русской княжне, наконец, чтоб возвратить области, отнятые у его предков московскими князьями. Таким образом, с самого начала Сигизмунд и не думал делать московским царем королевича Владислава, а сам хотел занять московский престол.

19 сентября 1609 г. коронное войско Льва Сапегы подошло к Смоленску. Через несколько дней туда прибыл и сам король. Всего под Смоленском собралось регулярных польских войск: 5 тысяч пехоты и 12 тысяч конницы. Причем ядро королевского войска состояло из немецких наемников под командованием Теодора Дингофа и Урзенберга. Кроме того, было около 10 тысяч малороссийских казаков и неопределенное число литовских татар. Читатель помнит, что с 1605 г. русские воевали только с частными армиями польских феодалов.

Перейдя границу, Сигизмунд отправил в Москву складную грамоту, а в Смоленск — универсал, в котором говорилось, что Сигизмунд идет навести порядок в русском государстве по просьбе «многих из больших, маленьких и средних людей Московского государства» и что он, Сигизмунд, больше всех радеет о сохранении «православной русской веры». Разумеется, королю не поверили ни в Смоленске, ни в Москве.

Смоленская крепость была построена в 1597–1602 гг. городовым мастером Федором Конем. Она являлась одной из сильнейших крепостей в России. Стены крепости достигали высоты 14 м и ширины до 2,3 м, а длина стены превышала 5 километров. Крепость имела 38 башен. Крепостная артиллерия, насчитывавшая около 300 орудий, была в три яруса размещена в крепостных башнях. Гарнизон Смоленска не превышал 5 тысяч человек. Смоленский воевода Иван Михайлович Шеин был смелым и решительным человеком и отлично знал дело.

Осада с самого начала пошла неудачно. Шесть смоленских смельчаков на лодке среди бела дня переплыли Днепр и пробрались к королевскому

лагерю, схватили королевское знамя и благополучно уплыли с ним к крепости.

12 октября 1609 г. король приказал войскам идти на приступ. Полякам удалось взорвать мину у крепостных ворот и разрушить их. В пролом ворвались польские воины. Но уйти обратно удалось лишь немногим. Штурм был отбит с большими потерями. Польское командование поняло, что крепость можно взять только правильной осадой. Но Сигизмунд рассчитывал на легкую наживу и даже не взял в поход тяжелую артиллерию. Теперь пришлось посылать за осадной артиллерией в Ригу. С учетом состояния дорог, времени года и большого веса орудий осадная артиллерия была доставлена под Смоленск лишь летом 1610 г.

Вторжение королевских войск в Россию вызвало панику не в Москве, а в Тушино. Когда до «воровской» столицы дошла весть о походе короля, поляки создали коло и начали кричать, что Сигизмунд пришел за тем, чтобы отнять у них заслуженные награды и воспользоваться выгодами, которые они приобрели своей кровью и трудами. Гетман Рожинский был первым против короля, потому что в Тушине он был полновластным хозяином, а в королевской армии он стал бы, в лучшем случае, младшим офицером. В конце концов, тушинские поляки поклялись друг другу не вступать в переговоры с королем и не оставлять Димитрия. Если же ему удастся сесть на престол, то требовать всем вместе от нового царя награды. Если же Димитрий станет медлить с выплатой, то захватить Северскую и Рязанскую области и кормиться доходами с них до тех пор, пока все не получат полного вознаграждения. Все поляки охотно подписали конфедерационный акт и отправили к Сигизмунду под Смоленск посла пана Мархоцкого с товарищами с просьбой покинуть Московское государство и не мешать их предприятию. Рожинский хотел уговорить Петра Сапегу присоединиться к конфедерации, и даже сам поехал к нему в стан под Троице-Сергиев монастырь, но Петр Сапега не захотел ссориться ни со своим родичем Львом Сапегой, ни с королем Сигизмундом, и занял нейтральную позицию.

В то время как тушинские поляки отправили послов к королю под Смоленск, Сигизмунд отослал своих послов пана Станислава Стадницкого с товарищами в Тушино. Они должны были внушить тушинским полякам, что им гораздо приличнее служить своему законному государю и что они прежде всего должны заботиться о выгодах Польши и Литвы. Король обещал им выплатить вознаграждение из московской казны в том случае, если Москва совместными усилиями будет взята, причем обещал, что тушинские поляки начнут получать жалованье с того момента, как

соединятся с королевскими войсками. Военачальникам король сулил награды не только в России, но и в Польше. Что же касается русских тушинцев, то Сигизмунд уполномочил послов обещать им сохранение веры, обычаев, законов, имущества и богатые награды, если они перейдут к нему.

12 ноября 1609 г. Сигизмунд отправил грамоту в Москву к Василию Шуйскому, где упрекал царя за насилие над поляками 17 мая 1606 г. и за сношения со шведским королем Карлом IX. Грамота начиналась предложением вступить в переговоры:

«Мы, однако, хотим Московское государство успокоить и для того отправляем к людям нашим, которые стоят под Москвою таборами, послов наших великих, пана Станислава Стадницкого с товарищами, и тебе об этом объявляем, чтобы ты боярам своим и думным велел с нашими послами съехаться на безопасном месте под Москвою и о добрых делах договор постановить для унятия этой войны в Московском государстве».

Послы, отправленные из Тушина к королю, и королевские, отправленные в Тушино, встретились в Дорогобуже. Королевские послы стали допытываться у тушинских, зачем они едут к Смоленску, но те не сказали им ничего. Приехав под Смоленск, тушинские послы сперва пошли к королю, а затем — к рыцарству. Речь, произнесенная перед королем, при почтительных формах была самого непочтительного содержания: тушинцы объявили, что король не имеет никакого права вступать в Московское государство и лишать их награды, которую они заслужили у царя Димитрия своими трудами и кровью.

Получив от Сигизмунда суровый ответ, тушинские послы немедленно отправились в Тушино и явились туда раньше послов королевских. Выслушав их, Рожинский созвал совет «полевых командиров» польских отрядов, чтобы решить вопрос о приеме королевских послов. Рожинский, Зборовский и большинство командиров были против приема послов. Но рядовые поляки придерживались иного мнения. По тушинскому табору пронесся слух, что у короля много денег и он хорошо заплатит всем тушинцам, пожелавшим присоединиться к его войску.

В это время явился посланец от Петра Сапеги и от всего войска, стоявшего под Троицким монастырем, и потребовал, чтобы тушинцы немедленно вступили в переговоры с королевскими послами, а в противном случае Сапега перейдет на службу к Сигизмунду. В такой ситуации

Рожинскому пришлось вступить в переговоры с королевскими послами.

А что же делал все это время Лжедмитрий II? Его время прошло, и никто не обращал на него внимания. Мало того, вожди тушинских поляков срывали на нем зло с тех пор, как королевские войска вступили в пределы Московского государства, что поставило тушинцев в затруднительное положение. Так, пан Тышкевич ругал самозванца прямо в глаза, называл обманщиком и мошенником.

Фактически Тушинский вор стал пленником поляков. Царские конюшни круглосуточно охраняли польские жолнеры. Лошади могли быть выданы самозванцу лишь с санкции Рожинского. На карту была поставлена жизнь «царя». Ведь в случае присоединения Рожинского к королю Тушинский вор стал бы всем помехой.

Лжедмитрий делает попытку побега. Ночью он ускакал из Тушина с четырьмя сотнями донских казаков, но поляки догнали его и вернули. С тех пор он жил в Тушине под строгим надзором.

27 декабря Лжедмитрий спросил Рожинского, о чем идут переговоры с королевскими послами. Гетман, будучи нетрезв, отвечал ему: «А тебе что задело, зачем комиссары приехали ко мне? Черт знает, кто ты таков? Довольно мы пролили за тебя крови, а пользы не видим». Пьяный Рожинский пригрозил даже побить «царя». Тогда Лжедмитрий решил во что бы то ни стало бежать из Тушина и в тот же день вечером, переодевшись в крестьянскую одежду, сел в навозные сани и уехал в Калугу вдвоем со своим шутом Кошелевым.

После бегства самозванца Рожинскому с поляками больше ничего не оставалось, как вступить в соглашение с королем. Куда больше проблем возникло у русских тушинцев. Двинуться вслед за Лжедмитрием они не могли — поляки не пускали, да и шансов на успех у Тушинского вора почти не было. Бежать к Шуйскому тоже было не резон. Царь охотно принимал перебежчиков, когда Тушинский вор был в силе, а сейчас он мог и наказать беглецов. Русским тушинцам, как и польским, оставался один выход — вступить в соглашение с королевскими послами.

Послы предложили русским собраться по польскому обычаю в коло. Туда явились патриарх Филарет с духовенством, Заруцкий с ратными людьми, Салтыков с думными людьми и придворными. Пришел и касимовский хан Ураз Махмет со своими татарами. Посол Сталнинкий рассказал «о добрых намерениях короля относительно Московского государства». Русские тушинцы согласились отдаться под покровительство польского короля и направили ему грамоту:

«Мы, Филарет патриарх московский и всея Руси, и архиепископы, и епископы и весь освященный собор, слыша его королевского величества о святой нашей православной вере раденье и о христианском освобождении подвиг, Бога молим и челом бьем. А мы, бояре, окольниковичие и т. д., его королевской милости челом бьем и на преславном Московском государстве его королевское величество и его потомство милостивыми господарями видеть хотим».

Из этой грамоты следовало, что Филарет по-прежнему считает себя законным патриархом и призывает короля стать правителем Московского государства.

Обратим внимание читателя на принципиальную разницу между приглашением на престол королевича Владислава и короля Сигизмунда. В первом случае государство Московское получало нового государя, а во втором — оно в том или ином виде объединялось с Польшей. Объединение с Польшей под властью короля-католика неизбежно привело бы к полонизации страны, католическая или, по крайней мере, униатская церковь стала бы главенствующей. С московской Русью произошло бы то, что поляки сделали с Малой и Белой Русью. Владислав же мог принять православную веру и стать независимым от Польши и отца монархом. Так, за 12 лет до этого Генрих Наваррский, заявив, что «Париж стоит мессы», перешел в католичество и стал королем Франции Генрихом IV.

Грамоту польскому королю повезла делегация русских тушинцев. Среди них были боярин Михаил Глебович Салтыков с сыном Иваном, князь Василий Михайлович Рубец-Мосальский, князь Юрий Хворостинин, дворяне Лев Плещеев, Никита Вельминов, дьяки Грамотен, Чичерин, Соловецкий, Витоватов, Апраксин и Юрьев, также поехали Михаил Молчанов, Тимофей Грязный и бывший московский кожевник Федор Андронов.

31 января 1610 г. делегация торжественно была представлена королю Сигизмунду в лагере под Смоленском. После хвалы королю «за старание водворить мир в Московском государстве» дьяк Грамотин от имени думы, двора и всех людей объяснил, что в Московском государстве желают иметь царем королевича Владислава, если только Сигизмунд сохранит греческую веру и не коснется древних прав и вольностей московского народа.

Сигизмунд сам желал вступить на московский престол, но решил обмануть русских и вступил в переговоры о Владиславе.

После нескольких дней споров 4 февраля король и послы согласились

подписать кондиции (условия), при которых Владислав мог стать русским царем. Наиболее важным были два первых пункта:

1) Владислав должен был венчаться на царство в Москве от русского патриарха, по старому обычаю. Король прибавил сюда, что это условие будет исполнено, когда водворится совершенное спокойствие в государстве. Из этой прибавки видно намерение Сигизмунда не посылать сына в Москву, но под предлогом не установившегося спокойствия добиваться государства для себя.

2) Чтобы святая вера греческого закона оставалась неприкосновенной, чтоб учителя римские, люторские и других вер раскола церковного не чинили. Если люди римской веры захотят приходить в церкви греческие, то должны приходить со страхом, как прилично православным христианам, а не с гордостью, не в шапках, псов с собой в церковь не водили бы и не сидели бы в церкви не в положенное время.

Сюда король прибавил, чтобы для поляков в Москве был построен костел, в который русские должны входить с благоговением. Король и сын его обещали не отводить никого от греческой веры, потому что вера есть дар Божий и силой отводить от нее и притеснять за нее не годится. Иудеям запрещался въезд в Московское государство.

Сигизмунду удалось добиться своей цели. Гарантом исполнения договора становился польский король. К договору было приписано:

«Чего в этих артиклах не доложено, и даст бог его королевская милость будет под Москвою и на Москве, и будут ему бить челом патриарх и весь освященный собор, и бояре, и дворяне, и всех станов люди: тогда об этих артикулах его господарская милость станет говорить и урывать, по обычаю Московского государства, с патриархом, со всем освященным собором, с боярами и со всею землею».

Сигизмунд поспешил сделать и следующий шаг для исполнения своих замыслов. Он потребовал от послов повиноваться ему до прибытия Владислава, и послы согласились, в чем и присягнули: «Пока Бог нам даст государя Владислава на Московское государство, буду служить и прямить и добра хотеть его государеву отцу, нынешнему наияснейшему королю польскому и великому князю литовскому Жигимонту Ивановичу».

Между тем Тушинский вор, добравшись до Калуги, остановился в монастыре недалеко от города и послал монахов в город с извещением, что он приехал из Тушина, спасаясь от польского короля, который грозил ему

гибелью, озлобившись за отказ уступить Польше Смоленск и Северскую землю. Самозванец обещал положить голову за православие и отечество. Воззвание оканчивалось словами: «Не дадим торжествовать ереси, не уступим королю ни кола, ни двора».

Калужане поспешили в монастырь с хлебом-солью, торжественно проводили Лжедмитрия до города, где окружили его царской роскошью.

Вскоре в Калугу прибыл князь Шаховский с отрядом казаков, с которым он ранее стоял в Цареве-Займище. В Калугу разными путями приехало несколько сотен поляков и русских из Тушина. Среди них были Ян Тышкевич и Иван Иванович Годунов. В конце января 1610 г. «вору» донесли, что несколько поляков и русских хотят его убить. Лжедмитрий без суда и следствия велел утопить в Оке поляка Стонинского и Ивана Ивановича Годунова.

В ночь на 11 февраля 1610 г. из Тушина бежала Марина Мнишек. Она была беременна от Тушинского вора, но это не помешало ей скакать на коне, переодетой казакон. С ней бежали только горничная Варвара Казаковская и паж Иван Плещеев-Глазун. Утром нашли письмо Марины, обращенное к полякам Рожинского, где она писала: «Я принуждена удалиться, избегая последней беды и поругания. Не пощажена была и добрая моя слава и достоинство, от Бога мне данное! В беседах равняли меня с бесчестными женщинами, глумились над мною... Оставаясь без родных, без приятелей, без подданных и без защиты, в скорби моей поручивши себя Богу, должна я ехать поневоле к моему мужу. Свидетельствую Богом, что не отступлю от прав моих как для защиты собственной славы и достоинства, потому что, будучи государыней народов, царицею московскою, не могу сделаться снова польскою шляхтянкою, снова быть подданною, так и для блага того рыцарства, которое, любя доблесть и славу, помнит присягу».

Говоря об этом письме, Казимир Валишевский иронизировал по поводу женской логики: «Я знаю, что я могу рассчитывать на вас, итак, я покидаю вас!»

Интересно, что Марина поначалу побежала не в Калугу, а в противоположную сторону — в Дмитров, где с польским войском стоял Петр Сапега. Последний 12 января 1610 г. вынужден был снять осаду Троицкого монастыря и занял Дмитров.

С Сапегой Марине не удалось договориться, тот упорно не хотел соединиться с Лжедмитрием II. Кроме того, в феврале к Дмитрову подошло русско-шведское войско. Самозваной царице пришлось бежать в Калугу, где ее с помпой встретил «любимый муж».

Бегство «царицы» Марины стало катализатором развала «воровской столицы». Казаки^[37] разбежались кто куда, часть ушла в Калугу, а остальные рассеялись по стране шайками грабителей. Последними в начале марта 1610 г. ушли поляки Рожинского. Покидая Тушино, Рожинский велел сжечь «воровскую столицу». Из именитых русских тушинцев часть поехала каяться к царю Василию, а другая часть во главе с патриархом Филаретом в обозе Рожинского двинулась под Смоленск к королю.

Поляки Рожинского ехали к королю скрепя сердце, за неимением лучшего. Характерный пример: тушинский поляк Вильчек, начальствовавший в Можайске, продал этот город царю Василию за 100 рублей и тоже отправился к королю.

Распутица заставила Рожинского на несколько недель остановиться в Иосифовом монастыре в городе Волоколамске. Там он подрался с взбунтовавшимися панами и был сброшен ими на каменные ступени. Рожинский упал на тот бок, который был у него прострелен под Москвой. Гетман разболелся и умер 4 апреля 1610 г. тридцати пяти лет от роду. После его смерти Заборовский с большей частью войска пошел дальше к Смоленску, а остальные поляки во главе с Руцким и Мархоцким остались в Иосифовом монастыре.

21 мая к Волоколамску подошло русско-шведское войско под началом Валуева и Горна. Поляки были выбиты из монастыря. Из полутора тысяч поляков и казаков спаслось только триста человек. В числе трофеев русских войск оказался и самозванный патриарх Филарет.

В июне 1610 г. Филарет был доставлен в Москву. Но вместо застенка он попал в родовые хоромы в Китай-городе. Царю Василию не до Романовых — его власть висит на волоске.

12 марта 1609 г. Михаил Скопин-Шуйский с Делагарди торжественно въехал в Москву. По приказу царя вельможи встретили Скопина-Шуйского у городских ворот с хлебом-солью, но простые горожане опередили вельмож, они со слезами падали ниц и били челом, просили очистить Московское государство. Современники сравнивали прием Скопина-Шуйского с торжеством Давида, которого израильтяне чтили больше, чем Саула. Царь Василий, однако, не показал своего недовольствия, а напротив встретил племянника со слезами радости на глазах. Брат царя, князь Дмитрий Иванович Шуйский, повел себя иначе. Царь Василий имел двух дочерей, которые умерли в младенчестве, и, следовательно, брат его считал себя наследником престола. В Скопине-Шуйском Дмитрий Иванович увидел своего конкурента, которого любил народ, и при не устоявшемся

еще порядке престолонаследия Скопин-Шуйский вполне мог стать царем. Тогда Дмитрий Иванович, затевавший одну за другой интриги, наябедничал на племянника царю. Василию однажды пришлось даже пустить в ход палку, чтобы образумить брата.

По случаю победы Скопина-Шуйского почти каждый день устраивались пиры. 23 апреля на крестинах у князя Ивана Михайловича Воротынского у Скопина-Шуйского пошла кровь носом, и после двухнедельной болезни он умер. Пошел общий слух об отравлении. Некоторые современники утверждают, что чашу с отравой поднесла князю сама Екатерина, жена Дмитрия Шуйского.

Смерть Скопина-Шуйского стала катастрофой для царя Василия. Ему пришлось вместо племянника назначить воеводой своего бездарного брата Дмитрия. 32 тысячи русских и 8 тысяч шведов двинулись к Смоленску. Как уже говорилось, московский воевода Валуев с шеститысячным отрядом занял Можайск, Волоколамск и прошел по Большой Смоленской дороге до Царева-Займища.

Сигизмунд отправил навстречу русским часть войска под командованием гетмана Жолкевского, а остальные силы поляков продолжали осаждать Смоленск. Станислав Жолкевский слыл самым талантливым польским военачальником. Ему исполнилось уже 63 года, на его счету были победы над шведами в Лифляндии, разгром казацкого восстания Наливайко, в битве под Гузовом в 1607 г. он разгромил рокошан и т. д.

14 июня Жолкевский осадил Царево-Займище. Воевода Валуев послал за помощью к Дмитрию Шуйскому, который с войском находился в Можайске. Русское войско медленно двинулось вперед и стало лагерем у деревни Клушино, поскольку-де стояла сильная жара.

Жолкевский разделил свое войско. Небольшой отряд (700 человек) блокировал Валуева в Царево-Займище, а основные силы (6483 человека) пошли к Клушину, находившемуся в 30 верстах от Царева-Займища.

Ночь с 22 на 23 июня Дмитрий Шуйский и Делагарди пропьянствовали и только собрались почивать, как услышали дикие крики. На союзников обрушились польские гусары. Русская конница бежала. Пехота же засела в Клушине и встретила ляхов сильным ружейным и артиллерийским огнем. В войске Жолкевского было всего лишь два фальконета, да и те застряли в лесу и в бой вступили только в конце сражения.

Дмитрия Шуйского погубила беспримерная глупость и столь же беспримерная жадность. Накануне сражения шотландцы, французы и

немцы, служившие наемниками в шведском войске, потребовали своевременной выплаты жалованья. У Шуйского в войсковой казне были огромные деньги, но жадный князь решил повременить с платежом в надежде, что после битвы ему придется платить меньше. Два немецких наемника перебежали к Жолкевскому еще до битвы и объяснили ситуацию. В разгаре битвы Жолкевский предложил крупную сумму наемникам. Отряд из шотландцев, французов и немцев перешел на сторону поляков.

Узнав об этом, Дмитрий Шуйский вскочил на лошадь и бросился бежать. За ним последовали и другие воеводы, а за теми, естественно, и простые ратники. Шведские командиры Делагарди и Горн собрали меньшую часть наемников (этнических шведов) и ушли на север к своей границе.

Победа поляков была полная, им досталась вся русская артиллерия, сабля и бурка Дмитрия Шуйского и та самая казна, которую хотел присвоить жадный «шубник».

Из-под Клушина Жолкевский возвратился под Царево-Займище и сообщил Валуге о своей победе. Воевода долго не верил, пока гетман не показал ему знатных пленников, взятых под Клушином. В конце концов Валуге сдался и целовал крест царевичу Владиславу, но для очистки совести заставил Жолкевского дать обещание от имени будущего царя чтить православную веру, действовать заодно с русскими против «вора» и очистить Смоленскую область.

По примеру Царева-Займища Владиславу присягнули Можайск, Борисов, Боровск, Иосифов монастырь, Погорелое Городище и Ржев. К войску гетмана присоединилось около 10 тысяч русских. Тем не менее сил для захвата Москвы у Жолкевского не хватало, и он был вынужден остановиться в 100 верстах от столицы.

Наибольшую же выгоду от сражения при Клушине получил... Тушинский вор. Ему удалось прельстить деньгами большую часть воинства Петра Сапеги. С помощью последних «вор» овладел Пафнутьево-Боровским монастырем. Разорив монастырь, самозванец пошел на Серпухов, который сдался без боя. Сдались Лжедмитрию также Коломна и Кашира.

Однако под Зарайском «вор» потерпел поражение. Там сидел воеводой Дмитрий Михайлович Пожарский. Он отстоял Зарайск, а затем выбил «воров» из Коломны.

Царь Василий, цепляясь за власть, обратился за помощью к крымскому хану. По его просьбе к Туле подошли 10 тысяч татар во главе с Кантемиром мурзой по прозвищу Кровавый Меч. Кантемир взял деньги у царских

воевод, а затем, вместо того чтобы сражаться с поляками Петра Сапеги, занялся грабежом и угнал в Крым несколько тысяч мирных жителей.

Главные силы Лжедмитрия двинулись на Москву. Их было всего 3–4 тысячи, а у Шуйского под Москвой имелось 30 тысяч ратников. Однако моральный дух царского войска был невысок, за Шуйского драться никто не хотел. Самозванец стал у села Коломенского.

В Москве против царя был составлен заговор, во главе которого стояли князь Федор Иванович Мстиславский и Василий Васильевич Голицын. Разумеется, дело не обошлось без Романовых Филарета и Ивана Никитича и их множественной родни. Тушинские самозванные бояре во главе с Дмитрием Трубецким вошли в контакт с заговорщиками. Они прекрасно понимали, что московская знать не собирается менять Василия Шуйского на Тушинского вора, и предложили «нулевой» вариант, по которому тушинцы устраняют Лжедмитрия II, а московские бояре — царя Василия. А далее совместно будут выбирать нового царя. Москвичи согласились. Начать мятеж бояре поручили довольно скандальной личности — Захару Ляпунову.

17 июля 1610 г. Захар Ляпунов с большой толпой подошел к царскому дворцу и начал обличать Шуйского: «Долго ль за тебя будет литься кровь христианская? Земля опустела, ничего доброго не делается в твое правление, сжаться над гибелью нашей, положи посох царский, а мы уже о себе как-нибудь промыслим». Не видя в толпе знатных людей, Шуйский закричал на Ляпунова: «Смел ты мне вымолвить это, когда бояре мне ничего такого не говорят». Толпа отхлынула и направилась на Красную площадь, где уже толпилось множество народа. Люди уже не помешались на Красной площади, и Ляпунов предложил двинуться за Москву-реку к Серпуховским воротам и устроить на большом пустыре нечто вроде веча. Там, естественно, оказались и бояре-заговорщики.

Несмотря на протесты патриарха Гермогена, бояре приговорили бить челом царю Василию Ивановичу, чтоб он царство оставил, так как кровь большая льется, а в народе говорят, что он, государь, несчастлив, и украинские города, которые присягнули «вору», его, Василия Ивановича, на царство не хотят. Подавляющее большинство народа поддержало бояр. К Шуйскому поехал его свояк князь Иван Михайлович Воротынский с поручением просить царя оставить московский престол и взять себе в удел Нижний Новгород. Шуйский вынужден был согласиться и переехал с женой из дворца на свое боярское подворье.

Но Василий Иванович не успокоился, он надеялся вернуть себе утраченную власть, собирал своих приверженцев, подкупал стрельцов. Да

и обстоятельства благоприятствовали Шуйскому: тушинцы обманули москвичей. Москвичи свергли Шуйского, тушинцы же только посмеялись над москвичами: «Вы не помните государева крестного целования, потому что царя своего с царства ссадили, а мы за своего помереть рады». Тогда Гермоген стал требовать возвести Шуйского опять на престол. Настроение горожан постепенно менялось в пользу Шуйского. Это заставило заговорщиков пойти на крайние меры. 19 июля Ляпунов с князьями Засекиным, Тюфякиным и Мерином-Волконским и с Михаилом Аксеновым и другими, позвав с собой монахов Чудова монастыря, пошли к Василию Шуйскому и велели ему принять монашеский сан. Но для бывшего царя одна мысль отказаться навсегда от престола была невыносима, особенно теперь, когда обстоятельства складывались в его пользу. Шуйский отчаянно сопротивлялся, поэтому Ляпунов и еще несколько человек держали его во время пострига, а князь Тюфякин произносил за Шуйского монашеские обеты, бывший же царь всё твердил, что не хочет пострижения. Это насильственное пострижение патриарх не признал, а называл монахом князя Тюфякина. Тут же насильно была пострижена и жена Шуйского Мария. Бывшего царя, а ныне «инока Варлаама» в крытой повозке отвезли в Чудов монастырь. Братья Шуйские были заключены под стражу.

Еще 17 июля Захар Ляпунов и группа дворян стали требовать «князя Василия Васильевича Голицына на государстве поставить». Тут впервые всплыли Романовы и предложили возвести на престол четырнадцатилетнего Михаила Федоровича, сына Филарета. Однако большинство бояр не устраивал ни тот ни другой. В конце концов Боярская дума постановила отменить выборы царя до сбора в Москве представителей «всей земли».

По старой традиции Боярская дума создала нечто типа политбюро для управления страной. В его состав вошли Федор Мстиславский, Иван Воротынский, Василий Голицын, Иван Романов, Федор Шереметев, Андрей Трубецкой и Борис Лыков. В народе это правительство прозвали «семибоярщиной». От населения потребовали даже принести особую присягу «семибоярщине». В крестоприводной записи говорилось: «Все люди били челом князю Мстиславскому с товарищи, чтобы пожаловали, приняли Московское государство, пока нам бог даст государя». Присягнувший клялся:

«Слушать бояр и суд их любить, что они кому за службу и за вину приготовят; за Московское государство и за них, бояр, стоять и с изменниками биться до смерти; вора, кто называется

царевичем Димитрием, не хотеть; друг на друга зла не мыслить и не делать, а выбрать государя на Московское государство боярам и всяким людям всю землю».

Города, подчинявшиеся царю Василию, без особых проблем целовали крест «семибоярщине». В Москве же продолжались интриги. Захар Ляпунов с несколькими дворянами вел агитацию в пользу Тушинского вора. Боярин Мстиславский заявил, что сам он не хочет быть царем, но также не хочет видеть царем кого-либо из бояр и что надо избрать государя из царского рода. Узнав, что Ляпунов намерен тайно впустить в Москву войско самозванца, Мстиславский передал Жолкевскому, чтобы тот немедленно шел к столице. Гетман 20 июля вышел из Можайска, а в Москву послал грамоты, где говорил, что идет защищать столицу от «вора». К князю Мстиславскому «с товарищи» Жолкевский прислал грамоту с щедрыми обещаниями боярам. Мстиславскому «с товарищи» давно хотелось избавиться от царской власти — опал, казней, изъятия вотчин — и жить подобно польским магнатам, эдакими полунезависимыми правителями в своих землях.

24 июля Жолкевский стал лагерем в семи верстах от Москвы у села Хорошево. Одновременно с юга к Москве подошел Тушинский вор. Лжедмитрий II решил договориться с поляками и дать им отступное. «Вор» обещал сразу же по вступлении на престол заплатить королю 300 тысяч золотых, в королевскую казну в течение последующих десяти лет выплачивать ежегодно по 300 тысяч золотых, а королевичу Владиславу также в течение десяти лет ежегодно платить по 100 тысяч золотых. Самозванец пообещал отвоевать у шведов всю Ливонию и передать ее Польше, а для войны со шведами выставить 15-тысячное войско. Что же до Северной земли, то Лжедмитрий пообещал лишь вести в дальнейшем об этом переговоры.

Послы самозванца первоначально приехали к Жолкевскому в Хорошево и объявили гетману о цели своего посольства к королю. Гетман уклонился от переговоров с ними, но разрешил ехать к Сигизмунду под Смоленск.

Вскоре встал вопрос о вере Владислава. Бояре настаивали, что первым и главным условием избрания Владислава на московский престол должно быть принятие им православия, а гетман без королевского благословения не мог на это согласиться. 2 августа у Девичьего монастыря Мстиславский и Жолкевский вели личные переговоры, которые были прерваны известием, что Лжедмитрий II подходит к Москве.

Действительно, русские «воры» и поляки Петра Сапеги начали штурм Серпуховских ворот. Поляки из войска Жолкевского держали нейтралитет. Но воевода Валуев и гарнизон Царева-Займища, которые, как мы уже знаем, были вынуждены присоединиться к полякам, не спросясь гетмана, двинулись на помощь москвичам. Валуев с фланга атаковал поляков Сапеги и вместе с московскими ратниками обратил их в бегство.

Гетман объявил боярам, что принимает только те условия, которые утверждены королем и на которых целовал крест Салтыков с товарищами под Смоленском. Все же остальные условия, предъявленные боярами в Москве, в том числе и то, что Владислав примет православие в Можайске, будут переданы на рассмотрение королю. Бояре согласились. Жолкевский со своей стороны согласился внести в договор, заключенный Салтыковым под Смоленском, некоторые поправки и изменения. Так, под Смоленском тушинцы незнатного происхождения требовали, чтобы Владислав возвысил незнатных людей по их заслугам, а в московский договор бояре внесли условие: «Московских княжеских и боярских родов приезжими иноземцами в отечестве и в чести не теснить и не понижать». Так же московские бояре настояли на том, чтобы не было преследований за убийство поляков 17 мая. Добавлены были и другие условия: отозвать Сапегу от «вора», помогать москвичам против самозванца, а по освобождении столицы — от «воровского» войска. Жолкевский должен был также оставить город и ждать в Можайске окончания переговоров с королем. По договору Марина Мнишек должна была уехать в Польшу и не предъявлять никаких прав на московский престол. Все города Московского государства, занятые поляками и «ворами», должны быть освобождены. О вознаграждении короля и его войска за военные издержки предусматривалось переговорить московским послам с самим Сигизмундом. Жолкевский обещал написать королю и просить его снять осаду Смоленска.

27 августа москвичи торжественно присягнули королевичу Владиславу. В двух богато убранных шатрах, поставленных на середине дороги между польским станом и Москвой, в первый день присягнуло десять тысяч человек. Жолкевский от имени Владислава присягнул в соблюдении условий договора. На следующий день люди присягали в Успенском соборе в присутствии патриарха Гермогена. По городам разосланы были грамоты с приказом присягать королевичу Владиславу. Члены «семибоярщины» писали в этих грамотах, что, так как советные люди из разных городов не приехали на Земский собор, то Москва присягнула Владиславу на том, чтоб ему быть государем в православной

вере греческого закона.

Однако слишком многие знали, что вопрос о принятии православия королевичем еще не решен. В результате вопрос о вере Владислава стал самым сильным козырем Тушинского вора в борьбе с «семибоярщиной».

Большинство городов повиновалось Москве и присягнуло Владиславу. Суздаль, Владимир, Юрьев, Галич и Ростов стали тайно ссылаться с Лжедмитрием II, желая перейти на его сторону. Раньше эти города были против самозванца, видели в нем и его сподвижниках врагов государства. Но когда речь пошла о вере, многие предпочли покориться тому, кто называл себя царевичем Дмитрием, сыном Ивана Грозного, чем католику Владиславу.

Через два дня после присяги к Жолкевскому из-под Смоленска приехал с письмом от короля Федор Андронов. В письме король требовал, чтобы Московское государство было подчинено ему, а не сыну. Потом приехал Гонсевский с подробными инструкциями от Сигизмунда. Но, увидев положение дел, Гонсевский счел невозможным нарушить договор и исполнить наказ короля, одно имя которого было ненавистно москвичам. Жолкевский решил не говорить ничего боярам о намерении Сигизмунда, а пока во исполнение условия договора отвести войска Петра Сапеги от Москвы. Гетман предложил Сапеге уговорить Тушинского вора присягнуть Сигизмунду, за что обещал выпросить для Сапеги Самбор или Гродно в кормление. Если же самозванец не согласится, то Сапега должен был выдать его Жолкевскому, а в крайнем случае отступить от него. Сапега был не против выполнения требований гетмана, но большинство «рыцарства» воспротивилось.

Жолкевскому пришлось припугнуть «сапеженцев». На рассвете 27 августа его войска окружили стан Сапеги. На помощь Жолкевскому прибыл князь Мстиславский с 15-тысячным войском. Князь Мстиславский, первый боярин Московского государства, поступил под начальство коронного гетмана польского! В войске Сапеги испугались, увидев перед собой объединенные московские и польские полки. Мстиславский, заметив это, хотел сразу же наступать, но гетман не желал проливать польскую кровь и велел повременить и дождаться покорности. Вскоре Сапега явился к Жолкевскому и пообещал уговорить Тушинского вора подчиниться гетману, в противном случае Сапега обещал отступить от самозванца.

Лжедмитрию II от имени короля были предложены большие имения в Польше. Но Тушинский вор ответил, что он «предпочел бы рабство у крестьянина позору есть хлеб короля». Вмешавшаяся в переговоры Марина прибавила к этому высокомерному ответу тонкую насмешку: «Пусть

король уступит царю Краков, тогда царь подарит ему взамен Варшаву».

Ставка самозванца находилась в Угрешском монастыре (ныне г. Дзержинский Люберецкого р-на Московской обл.). Тогда Жолкевский обратился к «семибоярщине» с просьбой провести польскую конницу через Москву, чтобы подойти к монастырю и захватить там самозванца врасплох. Бояре позволили польскому войску ночью пройти через город. Гетман не обманул. Поляки быстро, не сходя с коней, прошли через Москву, так что москвичи ничего не заметили. У Коломенской заставы польское и русское войска соединились и пошли к Угрешскому монастырю. Но у самозванца было много приспешников в Москве, которые успели предупредить «вора» о готовящемся нападении, и Лжедмитрия уже не оказалось в монастыре, он спешно с женой и Заруцким бежал в Калугу. Не надеясь догнать «вора», польское войско вернулось в свой стан, а москвичи — в Москву.

Отгнав Тушинского вора от Москвы, гетман стал настаивать на быстрой отправке послов к королю, что давало ему повод удалить из Москвы людей, способных стать претендентами на московский престол. Так, Жолкевскому удалось уговорить Василия Васильевича Голицына возглавить посольство. Гетман льстил ему, говоря, что такое важное дело должно быть совершено именно таким знаменитым человеком, как Голицын, и уверял его, что это посольство даст ему удобный случай к приобретению особенной милости короля и королевича. Следующим наиболее вероятным кандидатом Жолкевский считал стольника Михаила Федоровича Романова, но тому было 14 лет, и по московским обычаям того времени Михаил никак не мог быть включен в посольство. Тогда гетман постарался, чтобы духовенство в посольстве представлял его отец Филарет. Таким образом, Жолкевский получал двойную выгоду, удаляя из Москвы опытного интригана и главу клана Романовых, который в стане короля стал бы заложником на случай, если Михаила попытаются избрать на царство. Между московским и тушинским патриархами еще с 1606 г. установились напряженные отношения, и Гермоген с удовольствием включил Филарета в посольство. Хотел ли ехать сам Филарет? Увы, мы никогда не узнаем ответа на этот вопрос. С момента отречения Шуйского от престола Филарет вел двойную игру. Внешне он был сторонником Владислава, а втихомолку пытался посадить на престол сына. Во всяком случае, и Филарет и Михаил, как положено, целовали крест королевичу Владиславу, что дало повод через четверть века польскому королю Владиславу IV справляться у русских послов о здоровье «нашего подданного Михаила Романова».

Удалив Голицына и Филарета, Жолкевский распорядился и насчет Василия Ивановича Шуйского, который также был опасен, так как

Гермоген не признал его пострижения. По настоянию гетмана бояре отправили бывшего царя в Иосифов Волоколамский монастырь, а его братьев — в Белую, откуда удобнее было переправить их в Польшу. Гермоген, кажется, догадывался о намерениях Жолкевского и добивался переправки Шуйского в Соловецкий монастырь, но гетман не согласился. Царицу Марию отправили в Суздаль в Покровский монастырь.

Василий Голицын и Филарет возглавили посольство. В его состав вошли окольный князь Мезецкий, думный дворянин Сукин, думный дьяк Томила Луговский, дьяк Сыдавный-Васильев; из духовных лиц — спасский архимандрит Евфимий, троцкий келарь Авраамий Палицын и другие. Всего в посольстве было 1246 человек.

Послы должны были потребовать у Сигизмунда, чтобы Владислав принял православие в Смоленске от Филарета и смоленского архиепископа Сергия и явился в Москву уже православным человеком. Владислав, будучи на престоле, не должен сноситься с папой по делам веры, а только о государственных делах. Если кто из людей Московского государства захочет по своему недоумию отступить от православной веры, того казнить смертью, таким образом, категорически исключалась возможность унии. Послы также должны были требовать, чтобы королевич взял с собой из Польши лишь небольшое число необходимых ему людей; прежнего титула московских государей не изменять; жениться Владиславу на девице православной веры; города, занятые поляками и «ворами», очистить, как было до Смуты, и как уже договорено с гетманом.

Таким образом, формальное возведение Владислава на престол могло стать благом для Московского государства. Естественно, что отпрыск королевского дома пользовался бы большим авторитетом в стране, чем, скажем, Василий Васильевич Голицын или кто-либо из Романовых, еще недавно пресмыкавшиеся перед Иваном Грозным и называвшие себя его холопами. Да и с точки зрения происхождения десятки князей Рюриковичей имели приоритет над Гедиминовичем Голицыным, не говоря уж о беспородных Романовых. Наконец, Владислав имел наследственные права не столько на польский престол, где короля выбирали паны, сколько на престол шведский.

Но фактически все мечты московских бояр о ручном короле Владиславе были химерой. Сигизмунду Владислав нужен был как дымовая завеса, чтобы самому овладеть московским престолом. Условия бояр были хороши, логичны и справедливы, но за ними не было «больших батальонов», как говорил Бонапарт. Со стороны Сигизмунда была большая ложь и вероломство, но «батальоны» у него были. Точнее, он считал, что

они есть. Переговоры под Смоленском, естественно, зашли в тупик. Король не соглашался на переход сына в православие и вообще не хотел отпускать его в Москву.

Ситуация сложилась крайне сложная и запутанная. Польские магнаты отказались помочь Сигизмунду войсками и деньгами в походе на Москву. Чтобы заплатить наемникам, стоявшим под Москвой, король был вынужден в феврале 1610 г. продать или заложить свои драгоценности. Смоленск же продолжал успешно защищаться.

Тушинский вор отошел от Москвы и укрепился в Калуге. Его признало еще несколько русских городов.

По всей России бродили остатки тушинской армии, опустошавшие страну. Наиболее крупными отрядами казаков и поляков предводительствовали пан Александр Лисовский и стольник Андрей Просовецкий, которые вообще никому не подчинялись.

Между тем шведы, убежавшие из-под Клушина, и новые отряды, прибывшие из Выборга, попытались захватить северные русские крепости Ладугу^[38] и Орешек, но были отбиты их гарнизонами. Шведы контролировали только город Корелу. Кроме того, им удалось захватить участки побережья на Баренцевом и Белом морях, включая Колу. В марте 1611 г. войска Делагарди подошли к Новгороду и стали в семи верстах у Хутынского монастыря.

В сложившейся ситуации московская знать опасалась, и, надо сказать, не без оснований, бунта горожан в пользу Тушинского вора, как это произошло в других городах. Чтобы сохранить свою власть и богатство, бояре стали предлагать Жолкевскому ввести войска в Москву. Как писал Р. Г. Скрынников, «инициативу приглашения наемных сил в Кремль взяли на себя Мстиславский и Иван Никитич Романов». А гетман... отказал им. Опытный полководец резонно заметил боярам: «Москва — город большой, людной, почти все жители Московского государства сходятся в Кремль по делам судным, здесь все разряды. Я должен стать в самом Кремле, вы другие — в Китай-городе, остальные — в Белом. Но в Кремле собирается всегда множество народа, бывает там иногда по пятнадцати и по двадцати тысяч, им ничего не будет стоить, выбравши удобное время, истребить меня там. Пехоты у меня нет, вы люди до пешего бою неспособные, а у них в руках ворота». Жолкевский привел в пример Лжедмитрия I, убитого народом, и погибших вместе с ним поляков и заключил: «Мне кажется гораздо лучше разместить войско по слободам около столицы, которая будет, таким образом, как будто в осаде». Москва издавна была опоясана монастырями, которые представляли собой как бы маленькие крепости.

Жолкевский хотел занять несколько монастырей, включая Новодевичий, который имел важное стратегическое значение.

План Жолкевского был безупречен в военном отношении, но гетман не учел менталитета ни русских, ни поляков. Для русских появление поляков в женском Новодевичьем монастыре было кощунством, а полякам страшно хотелось пограбить Москву. Так, полк Заборовского, состоявший из тушинских поляков, был готов взбунтоваться, если его не пустят в Москву. Рыцарство Заборовского считало, что если Москва будет в их руках, то и царская казна будет у них же. Депутат Заборовского полка пан Мархоцкий потребовал у гетмана ввода войск в Москву. Гетман в бешенстве отвечал Мархоцкому: «Я не вижу того, что ваша милость видите: так будьте гетманом, сдаю вам начальство!» На что Мархоцкий сказал: «Я начальства не хочу, но утверждаю одно, что если вы войска в столице не поставите, то не пройдет трех недель, как Москва изменит. А от полка своего я объявляю, что мы других еще три года под Москвою стоять не намерены».

Встретив противодействие московских бояр и собственных солдат, Жолкевскому пришлось отказаться от своего плана и согласиться на ввод войск в Москву.

Мстиславскому, Романову и их сообщникам не сразу удалось осуществить свое намерение. Когда по их приглашению в Кремль прибыл полковник Гонсевский и русские приставы повели его осматривать места расквартирования рот, москвичи заподозрили неладное и ударили в набат. Вооружившись чем попало, народ бросился в Кремль. Гонсевскому пришлось срочно ретироваться.

Слухи о вводе полков дошли и до патриарха. Гермоген решил созвать собор по этому поводу. У патриарха собралось множество дворян, купцов, стрельцов и посадских людей. Патриарх дважды посылал за боярами, но они не явились, ссылаясь на занятость государственными делами. Тогда Гермоген велел передать боярам, что если они не хотят прийти к нему, то он сам пойдет к ним, и не один, а со всем московским народом. Бояре испугались, пошли к патриарху и два часа уговаривали его. Гермоген объяснял боярам, что гетман нарушает условия договора, не отправляет войска в Калугу против «вора», свои полки хочет ввести в Москву, а русское войско выслать против шведов. Бояре же утверждали, что ввод польского войска в Москву необходим, иначе чернь предаст ее «вору». Иван Никитич Романов сказал патриарху, что если Жолкевский отойдет от Москвы, то всем боярам, спасая свои жизни, придется идти за ним, и тогда Москва достанется «вору», и Гермоген будет в ответе за это. Однако патриарх продолжал стоять на своем. Наконец Мстиславский грубо

закричал на Гермогена: «Нечего попам мешаться в государственные дела!»

Бояре Салтыков, Шереметев, Андрей Голицын и дьяк Грамотин выехали к толпе народа и начали уговаривать людей не поднимать мятеж. В конце концов толпа разошлась.

В ночь с 20 на 21 сентября польские войска тихо вошли в Москву. Часть поляков вместе с Жолкевским разместились в Кремле, остальные заняли Китай-город, Белый город и Новодевичий монастырь. Чтобы обеспечить коммуникации с Польшей, по приказу гетмана полки заняли города Можайск, Борисов и Верею.

Военный аспект оккупации разрешился довольно легко. Зато возникла проблема верховной власти. Формально считалось, что Владислав уже царствует. В церквях попы возносили молитвы за его здравие. От его имени вершили суд. В Москве чеканили монеты и медали с его именем и профилем. К Владиславу под Смоленск отправлялись запросы по политическим и хозяйственным делам, жалобы, челобитные с просьбами о предоставлении поместий и т. п. Ответы приходили довольно быстро, щедро раздавались чины и поместья. Однако подписаны они были не Владиславом, а Сигизмундом. Чтобы не смущать население, бояре обратились к королю с просьбой, чтобы под грамотами стояла подпись Владислава. И действительно, с начала 1611 г. в грамотах появляется «Царь и великий князь Владислав», но его подпись стояла после подписи короля Сигизмунда. Таким образом, Сигизмунд стал не только фактическим, но и почти официальным правителем Руси.

Первым из поляков, понявшим, что русский народ никогда не примет Сигизмунда, стал Жолкевский. Он шел в Москву, чтобы сделать русским царем Владислава. Если бы Владислав принял православие, женился на русской боярышне, то его сын вырос бы русским человеком, и вполне вероятно, что шведская династия на сотни лет прижилась бы на Руси (Сигизмунд был этническим шведом, а не поляком). Но претензии Сигизмунда на московский трон заведомо обрекали семитысячный отряд поляков на гибель. Во всем польском войске это понимал лишь Жолкевский. Как мы уже знаем, буйные паны влезли в Москву вопреки воле гетмана. Теперь ему ничего не оставалось, как уехать.

В начале октября 1610 г. Жолкевский покинул Москву. Прощаясь с войском, он сказал: «Король не отпустит Владислава в Москву, если я немедленно не вернусь под Смоленск». По приказу короля Жолкевский взял с собой бывшего царя Василия и его братьев Дмитрия и Ивана Шуйских. Вместо себя Жолкевский оставил Александра Гонсевского, который незадолго до этого сам себя произвел в русские бояре.

А теперь мы вернемся к «великому» посольству, отправившемуся к королю, во главе которого были князь Голицын и митрополит Филарет. Посольство двигалось медленно и лишь 7 октября 1610 г. оно прибыло под Смоленск. Поляки приняли посольство «с честью» и отвели 14 шатров за версту от королевского стана. Кормили послов поляки плохо, а на жалобы отвечали, что «король не в своей земле, а на войне, и взять ему самому негде». Видимо, в этом ляхи были правы, вспомним историю с королевскими драгоценностями.

10 октября король дал аудиенцию послам, которые просили Сигизмунда отпустить своего сына на московское царство. Канцлер Лев Сапега от имени короля отвечал послам в расплывчатых выражениях, что король-де желает спокойствия в Московском государстве и назначит время для переговоров. А в это время в королевском совете спорили, отпускать ли Владислава в Москву или нет. Сначала Лев Сапега, уже не надеясь взять Смоленск, был на стороне тех, кто соглашался отпустить королевича в Москву, но вскоре изменил свое мнение. Особенно повлияло на Сапегу письмо королевы Констанции, которая писала: «Ты начинаешь терять надежду на возможность взять Смоленск и советуешь королю на время отложить осаду: заклинаем тебя, чтоб ты такого совета не подавал, а вместе с другими сенаторами настаивал на продолжении осады: здесь дело идет о чести не только королевской, но и целого войска».

После этого канцлер заявил на королевском совете, что присяга, данная москвичами Владиславу, подозрительна. Не хотят ли русские только выиграть время? Что от этой присяги для Польши больше вреда, чем пользы, что ради сомнительных выгод надо с позором уйти из-под Смоленска и оставить надежду на приобретение Речью Посполитой Смоленской и Северной областей. Противники Сапеги выдвигали контраргументы, что король обещал, гетман с войском присягнули. Нельзя сделать клятвопреступниками короля, гетмана и целое войско. Народ русский без царя быть не привык, и если им не дать королевича, ими избранного, то они обратятся к другому и будут настроены против Польши. Силой войны не кончить, потому что нет средств для этого. Если же войну не закончить, то беда ждет с двух сторон: от Москвы, так как там выберут другого государя, и от своих, недовольных неуплатой жалованья. Заплатить войску из Польши трудно, у короля нет денег. Если же королевич станет царем в Москве, то Польша приобретет доброго соседа, легко будет возвратить Лифляндию и Швецию, да и от татар будет меньше вреда. Большая часть шляхтичей могла бы переселиться в Москву, отчего в Речи Посполитой стало бы меньше бунтов, основная причина которых —

бедность граждан. Под гражданами королевские советники подразумевали, разумеется, не все польское население, а исключительно шляхту.

В конце концов победили противники отпуска королевича, которые рассматривали Россию как поверженную державу с неспособным на сопротивление народом. Они предлагали начать колонизацию России немедленно, «привести все дела в порядок» до приезда Владислава. Далее шли ссылки на молодость Владислава, а ему действительно было всего 15 лет, что отпускать королевича в Москву нельзя без согласия сейма. Дошло до того, что была поставлена под сомнение легитимность русского посольства. Говорили, что Голицына и Филарета выслали из Москвы как людей подозрительных, и надо отправить польских послов в Москву и там вести переговоры с «добрыми людьми», но если кто из послов согласится с поляками, то его также послать в Москву.

15 октября на встрече с русскими послами паны радные заявили, что король никак не может отступить от Смоленска и вывести войско из Московского государства, так как он пришел для того, чтобы навести порядок в России, истребить «вора», очистить города, а потом дать своего сына на московский престол. Послы отвечали, что в государстве гораздо ранее настанет покой, если король выведет войско, а для истребления «вора» достаточно одного отряда Жолкевского, так как «вор» теперь силен только польскими войсками. Поход же всего королевского войска на «вора» разорит Россию, и без того уже опустошенную. Эта и последующие встречи превратились в итальянскую оперу, послы пели свою арию, а паны — свою, не слушая оппонентов.

30 октября в королевский лагерь под Смоленском торжественно въехал гетман Жолкевский. Он привез свергнутого царя Василия с братьями и представил их Сигизмунду. Поляки потребовали, чтобы Василий Шуйский поклонился королю, на что тот ответил: «Нельзя московскому и всея Руси государю кланяться королю: праведными судьбами Божиими приведен я в плен не вашими руками, но выдан московскими изменниками, своими рабами».

Филарет возмутился насильственному привозу к Смоленску царя Василия и тем, что он был представлен в светском платье. Жолкевский отвечал митрополиту (посольство и поляки признавали Филарета только митрополитом, против чего он и сам не возражал): «Я взял бывшего царя не по своей воле, но по просьбе бояр, чтоб предупредить на будущее время народное смятение. К тому же он в Иосифове монастыре почти умирал с голода. А что привез я его в светском платье, то он сам не хочет быть монахом, постригли его неволею, а невольное пострижение противно и

вашим и нашим церковным уставам, это и говорит патриарх». На что Филарет сказал: «Правда, бояре желали отослать князя Василия за польскою и московскою стражею в дальние крепкие монастыри, чтоб не было смуты в народе: но ты настоял, что его отослать в Иосифов монастырь. Его и братьев его отвозить в Польшу не следовало, потому что ты дал слово из Иосифова монастыря его не брать, да и в записи утверждено, что в Польшу и Литву ни одного русского человека не вывозить, не ссылать. Ты на том крест целовал и крестное целование нарушил. Надобно бояться Бога, а расторгать мужа с женою непригоже, а что в Иосифове монастыре его не кормили, в том виноваты ваши приставы, бояре отдали его на ваши руки».

Попытки поляков уговорить послов, чтобы те приказали воеводе Шеину сдать Смоленск, были безрезультатны. Поэтому 21 ноября 1610 г. король устроил генеральный штурм крепости. На рассвете поляки взорвали мощную мину в подкопе под одной из башен. Башня развалилась, рухнула и стена на протяжении более 20 метров. В пролом трижды вламывались поляки и трижды были выбиты из города. Штурм кончился полной неудачей.

Королю ничего не оставалось делать, как возобновить переговоры с русскими послами. Однако ни та ни другая сторона не хотела уступать. Царские историки любили превозносить твердость русских послов, особенно Филарета. На самом же деле они и так уступили гораздо больше, чем хотели. Капитуляция же перед Сигизмундом немедленно сделала бы Голицына и Филарета политическими трупам и, возможно, обрекла бы на гибель их родственников, оставшихся в России. Так что послы радели не о государстве, а о собственной шкуре.

С декабря 1610 г. посольство стало разваливаться. Второстепенные члены посольства, в отличие от Голицына и Филарета, не претендовали на ведущие посты в государстве, их вполне удовлетворяли поместья и деньги, предлагаемые поляками. Думный дворянин Сукин, дьяк Сыдавный Васильев, спасский архимандрит, троицкий келарь Авраамий и другие дворяне, взяв от короля грамоты на поместья и другие пожалованья, разъехались по городам без санкции руководителей посольства. Всего уехало 43 человека, а Захар Ляпунов открыто переметнулся к полякам.

Слухи о провале переговоров с королем стали распространяться по России. Для защиты Новгорода от шведов и местных «воров» «семибоярщина» отправила воеводу Ивана Михайловича Салтыкова с войском. По дороге Салтыков послал новгородцам грамоту с предложением поцеловать крест королевичу Владиславу. В ответ новгородцы написали,

что они послали в Москву гонцов, чтобы узнать об условиях, на которых воцаряется Владислав. А крест целовать Новгород будет лишь по возвращении послов, и прежде этого Салтыкова в город не пустят, потому что другие города, целовавшие крест Владиславу, впустили поляков и казаков, а те сразу же занялись насилием и грабежами. Но вот посланцы возвратились, и новгородцы впустили Салтыкова с условием, что в город войдут только русские рати, и ни одного поляка в Новгороде не будет. С большим трудом Салтыкову удалось уговорить новгородцев поцеловать крест Владиславу.

На востоке дела Владислава шли совсем плохо. Казань и Вятка присягнули Тушинскому вору. Богдан Бельский, служивший в то время вторым воеводой в Казани, попытался воспрепятствовать присяге, но был убит народом. Пермь отказалась присягать Владиславу и склонялась к присяге Тушинскому вору. Однако Лжедмитрию II узнать об этом не довелось.

Старый касимовский хан Ураз Махмет присоединился к Лжедмитрию II еще в Тушине. После бегства самозванца в Калугу хан подался на службу к гетману Жолкевскому, но его любимый сын остался служить «вору». Ураз Махмет попросил разрешения Лжедмитрия II посетить Калугу для свидания с сыном. Но как только хан появился в Калуге, самозванец велел утопить его в Оке. Тогда крещеный татарин Петр (Арслан) Урусов, начальник татарской стражи самозванца, поклялся с товарищами отомстить за смерть хана.

11 декабря 1610 г. Тушинский вор отправился на охоту на зайцев. Его сопровождали шут Кошелев и татарская стража. Внезапно Петр Урусов ударил «царя» саблей и рассек ему лицо. Другой татарин отрубил «царю» голову. Шута татары пощадили, а сами отправились в степь в направлении Крыма, грабя все по дороге.

Кошелев прискакал в Калугу к «царице». Марина находилась на последних днях беременности. Тем не менее она бегала по улицам и кричала о мщении. Но мстить было некому, убийцы были уже слишком далеко, зато казаки перебили две сотни касимовских татар, служивших самозванцу.

Вечером 11 декабря в Калугу привезли обезглавленное тело самозванца. Труп пролежал в холодной церкви более месяца, и народ ходил смотреть на него и на голову, лежащую рядом. Затем тело похоронили в Троицком соборе. В вещах Лжедмитрия II нашли талмуд, письма и различные бумаги, написанные на еврейском языке. Это подтвердило давние толки о его происхождении.

Теперь воровское войско лишилось знамени. Тушинские бояре князь Григорий Шаховский и атаман Иван Заруцкий решили бежать из Калуги, но казаки удержали их силой. Через несколько дней Марина родила сына. По «деду» его назвали Иваном. Казаки немедленно провозгласили его царем. Петр Сапега предложил Марине с ребенком перейти под его покровительство, но она высокомерно отказалась. Марина хотела быть только московской царицей или никем. За неимением нового «Димитрия» Марина затащила к себе в постель казака Заруцкого, который таким образом из пленника превратился в вождя тушинцев.

Глава 15

Первое ополчение

Русский народ не мог не подняться против кучки бояр и отрядов поляков, занявших Москву и пытавшихся оттуда управлять всей Русью. Как писал историк С. М. Соловьев: «Опять города стали переписываться друг с другом, но теперь грамоты их уже другого рода: прежде уговаривали они друг друга подождать, не спешить присягою тому, кто называется Димитрием, ибо приверженцы его грабительствуют в городах присягнувших, но теперь затронуто было начало высшее: города увещевают друг друга стать за веру православную, вооружиться на поляков, грозящих ей гибелью».^[39]

Не было только вождя. И за исключением лучшего им стал рязанский дворянин Прокопий Ляпунов.

До начала Смуты рязанские дворяне Ляпуновы были бедны, и это дало повод многим историкам зачислить их в худородный дворянский род.

На самом же деле Ляпуновы — природные Рюриковичи. Их род происходит от великого князя Ярослава Всеволодовича. Любопытно, что три его старших сына стали общерусскими святыми — Федор Новгородский, Александр Невский и Михаил Хоробрит.^[40] Младший же сын Ярослава Константин ничем не отличился и в святые не попал, а с 1238 г. по 1255 г. правил Галицко-Дмитровским княжеством. Сейчас Дмитров — это небольшой городок на канале им. Москвы, добираться до него от Москвы всего час на электричке. А современный Галич — это райцентр Костромской области в 121 км к северо-востоку от Костромы. Однако в XIII–XV вв. Галич не уступал, а то и превосходил по своему военно-политическому значению соседнюю Кострому.

В малолетство московского князя Дмитрия Ивановича, еще не Донского, московские бояре, воспользовавшись «замятней» в Золотой Орде, где каждый год объявлялся новый хан, стали творить на Руси форменный беспредел. Только в 1363 г. они силой согнали с престола Дмитрия Галицкого, прямого потомка Константина, и стародубского князя Ивана Федоровича. Любопытно, что тут разом пострадали предки двух героев Смутного времени — Прокопия Ляпунова и князя Дмитрия

Пожарского (прямого потомка стародубских князей).

Князья-соседи не рискнули помочь своим «сродникам», и несчастный Дмитрий Галицкий бежал в Господин Великий Новгород. Там никогда не выдавали беглецов ни Москве, ни Орде. Данных о жизни Дмитрия в Новгороде не сохранилось. Если бы у него была достаточно сильная дружина, он смог бы стать служилым новгородским князем. Но таковой у Дмитрия не было, и он поступил на службу к новгородскому архиепископу и стал командовать его дружиной — «владычным полком».

Сын Дмитрия Галицкого Василий и внук Борис служили архиерейскими боярами, или, как их тогда называли, софийскими дворянами. Правнук Бориса Васильевича Иван, служивший при архимандрите Пимене, получил прозвище Ляпун и стал родоначальником этой известной фамилии.

Сын Ляпуна Семен покинул Новгород и отправился в Рязань. Детали этого переезда нам неизвестны. Но нетрудно догадаться, что отъезд Семена Ивановича был связан с разгромом Великого Новгорода Иваном III.

9 января 1480 г. за некую «крамолу» Иван Страшный^[41] приказал схватить новгородского архиепископа Феофила, а через две недели его в оковах отправили в Москву. Архиерейских бояр частично казнили, а частично разослали по «низовым городам», подвластным Москве.

Таким образом, Семен Иванович бежал, спасая свою жизнь и свободу. Выбор у него был небольшой — Литва или Рязань, поскольку на остальной Руси уже хозяйничала московская администрация. Что же касается Великого княжества Рязанского, то в конце XV века Москва, используя силу и династические браки, сумела сделать его своим вассалом. Однако учинить расправу с рязанцами, как с новгородцами, вятчанами и др., Иван III не решался. Рязанское княжество граничило с Диким полем, откуда почти ежегодно приходили крымские татары. Поэтому перегнуть палку и сделать рязанцев союзниками татар Москве было крайне рискованно.

Служба удельным рязанским князьям практически ничего не дала Ляпуновым. Они не получили вотчин и не стали рязанскими боярами. Видимо, это связано с консерватизмом древних рязанских боярских родов, не желавших пускать чужаков в свою среду.

Первое упоминание о Ляпуновых на московской службе относится к 50-м годам XVI века. В это время велась «Дворовая тетрадь» — список состава государева двора царя Ивана IV. В ней среди так называемого «выбора» по Рязани записаны отец и дядя Прокопия — Иов и Петр Ляпуновы дети Ильина. Илья — это уже упомянутый выше Илья Большой, сын переехавшего в Рязань Семена.

Затем Ляпуновы встречаются в грамоте 1560/61 г. В ней Иов и Петр Ляпуновы дети Ильина упоминаются как «послухи» (свидетели) совершенной сделки. Под 1582/83 годом Петр Ляпунов упоминается в разрядах в качестве воеводы в Чебоксарах.

Мы не встретим фамилии Ляпуновых в списках пострадавших от террора Ивана Грозного. Зато во второй половине XVI века мы видим возрастание агрессивной активности этого рода. У Петра Ильича Ляпунова было пять сыновей: Александр, Григорий, Прокопий, Захарий и Семен.

В связи с казацкими разбоями на Дону и Волге в 1600–1602 гг. царь Борис категорически запретил продавать казакам оружие. Тем не менее оно продолжало поступать и на Дон, и на Волгу. Царь «велел спросить детей боярских рязанцев: кто на Дон к атаманам и казакам посылал вино, зелье, серу, селитру и свинец, пищали, панцири и шлемы и всякие запасы, заповедные товары? Отвечали: был слух, что Захар Ляпунов вино на Дон казакам посылал, панцирь и шапку железную продавал. Захара за это высекли кнутом».^[42]

Побитый в очередной раз Захар затаил обиду на царя Бориса и по наущению бояр в 1604 г. ездил в Краков к королю Сигизмунду с просьбой помочь самозванцу, то есть беглому монаху Григорию.

В мае 1605 г. под Кромами Прокопий с братьями и отрядом рязанцев целовал крест самозванцу.

После убийства Лжедмитрия I 17 мая 1606 г. рязанские воеводы Григорий Федорович Сунбулов и Прокопий Петрович Ляпунов отказались присягать Василию Шуйскому. Замечу, что они были не одни, так поступило свыше 20 русских городов.

Прокопий Ляпунов и Сунбулов примкнули к восстанию Ивана Болотникова. Но 16 ноября 1606 г. конный отряд из 500 рязанцев во главе с Прокопием пришел в Москву и принес присягу Василию Шуйскому. По такому случаю царь велел звонить в колокола и стрелять из пушек.

В январе 1611 г. Прокопий Ляпунов разослал грамоты по городам. Так, в грамоте, отправленной в Нижний Новгород, говорилось: «Мы, господа, про то ведаем подлинно, что на Москве святейшему Гермогену патриарху и всему освященному собору и христоименитому народу от богоотступников своих и от польских, литовских людей гонение и теснота большая; мы боярам московским давно отказали и к ним писали, что они, прельстясь на славу века сего, Бога отступили, приложились к западным жестокосердным, на своих овец обратились; а по своему договорному слову и по крестному целованию, на чем им гетман крест целовал, ничего не совершили».^[43]

Восставшие русские люди не отказывались от присяги Владиславу, но клялись: «Стоять за православную веру и за Московское государство, королю польскому креста не целовать, не служить ему и не прямить. Московское государство от польских и литовских людей очищать, с королем и королевичем, с польскими и литовскими людьми и кто с ними против Московского государства станет, против всех биться неослабно; с королем, поляками и русскими людьми, которые королю прямят, никак не ссылатся; друг с другом междоусобия никакого не начинать. А кого нам на Московское государство и на все государства Российского царствия государем Бог даст, то тому и служить и прями и добра хотеть во всем правду, по сему крестному целованью».^[44]

Сидевший в Москве патриарх Гермоген также рассылал антипольские грамоты по всей стране. Другой вопрос, что эти грамоты были достаточно осторожны и не содержали прямых призывов к походу на Москву. По свидетельству князя И. А. Хворостина московские бояре «возъяришася на архиереа» и не велели пускать к нему народ для благословения.

«Он же, пастырь наш, аки затворен бысть от входящих к нему, и страха ради мнози отрекошася к его благословию ходити, но сей никако же обычнаго своего учения оставив».

Бояре попытались заставить Гермогена написать Ляпунову грамоту, «чтоб он к Москве не собирался». Патриарх отказался и пригрозил, что если Владислав не примет православия, а поляки не уйдут из Москвы, то он напишет вождям первого ополчения, что «я их благословляю и разрешаю, кто крест целовал королевичу идти под Московское государство и помереть всем за православную христианскую веру». Кончилось дело тем, что патриарх был заключен под стражу.

Итак, «семибоярщина» и поляки лишились духовной власти и тогда вспомнили о сидевшем под надзором в Чудовом монастыре бывшем патриархе Игнатии. Его решили вернуть в сан патриарха. 24 марта 1611 г. в пасхальное воскресенье Игнатий в патриаршем облачении провел крестный ход и отслужил все службы в Успенском соборе. Но сей патриарх был, так сказать, местного значения. Он был надобен лишь в пределах Кремля и Белого города.

Грек Арсений Елассонский по указанию «семибоярщины» вел службы в Архангельском соборе Кремля, и посему лихими дьяками был возведен в чин архиепископа архангельского.

А что делал наш знакомец Пафнутий? Молчал в тряпочку. И, кстати,

это была самая выгодная для него позиция. Это молчание после активной деятельности во время восстания Болотникова, когда Пафнутий рассылал грамоты, обличающие повстанцев, периодически являлся в действующую армию, исполняя функции политкомиссара и т. д., дало повод некоторым историкам заявлять, что Пафнутий умер в 1611 г. Однако никаких иных доказательств, кроме предположения — раз молчал, значит помер, у них не было.

Патриарх Игнатий не строил иллюзий относительно своего положения в Кремле и с первой же оказией решил бежать. 27 декабря 1611 г. вместе с обозом гетмана Ходкевича он отправился к королю Сигизмунду под Смоленск. В ноябре 1612 г. Сигизмунд взял «патриарха» Игнатия с собой в поход на Москву. После провала похода Игнатия поселили в униатском Троицком монастыре в Вильне. Архимандриту монастыря Вельямину Рутскому удалось уговорить Игнатия принять унию. В январе 1615 г. король Сигизмунд пожаловал Игнатия большим именем. В королевских грамотах он именовался «патриархом московским, на сей час в Вильне будучим», где «успокоенья нашего с Москвою дожидается».

А теперь вернемся к первому ополчению. Идти на Москву с одними рязанцами, да еще имея в тылу остатки тушинского воинства, было опасно. И Прокопий Ляпунов делает удачный тактический ход. Он вступает в союз с этим воинством. Увы, этот тактический успех приведет первое ополчение к стратегической неудаче и будет стоить жизни самому Прокопию. В феврале 1611 г. Прокопий отправляет в Калугу своего племянника Федора Ляпунова. Переговоры Федора с тушинцами приносят успех. Новые союзники выработали общий план действий: «приговор всей земле: сходиться в двугородах, на Коломне да в Серпухов». В Коломне должны были собраться городские дружины из Рязани, с нижней Оки и с Клязьмы, а в Серпухове — старые тушинские отряды из Калуги, Тулы и северских городов.

Так начало формироваться земское ополчение, которое позже получило название первого ополчения. Помимо рязанцев Ляпунова к ополчению примкнули жители Мурома во главе с князем Литвиновым-Мосальским, Суздаля с воеводой Артемием Измайловым, из Вологды и поморских земель с воеводой Нащекиным, из Галицкой земли с воеводой Мансуровым, из Ярославля и Костромы с воеводой Волынским и князем Волконским и другие.

Тем не менее этих ратников Ляпунову показалось мало, и он рьяно стал собирать под свои знамена всякий сброд. Ляпунов писал: «А которые казаки с Волги и из иных мест придут к нам к Москве в помощь, и им будет

все жалованье и порох и свинец. А которые боярские люди, и крепостные и старинные, и те б шли безо всякого сумнения и боязни: всем им воля и жалованье будет, как и иным казакам, и грамоты, им от бояр и воевод и ото всей земли приговору своего дадут».

Таким образом, в первом ополчении наряду с профессиональными военными — дворянами, боевыми холопами, стрельцами — были и казаки, причем последние составляли большинство. Слово «казаки» у подавляющего большинства наших современников ассоциируется с казаками XIX — начала XX века, то есть с теми, кто с Платовым воевал с Наполеоном и лупцевал нагайками студентов и рабочих в 1905 г. В те времена казаки были особой частью регулярной русской армии. У них не только была своя форма, свои обычаи и традиции, но и дисциплина поддерживалась практически на том же уровне, что и в драгунских или гусарских войсках. В начале же XVII века у донских и запорожских казаков какая-то дисциплина соблюдалась во время походов. Конкретно, все казаки должны были безоговорочно выполнять приказы атамана. В мирное же время власть атамана была весьма ограниченной. В любой момент донцы могли собрать круг, а запорожцы — раду и отобрать у атамана булаву, а то еще и «посадить его в воду», то есть утопить в Доне или Днепре, соответственно.

У донцов и запорожцев XVI–XVII веков наблюдался любопытный дуализм. В казаки принимали только христиан, причем подразумевалось, что каждый христианин, приходящий на Дон или в Сечь, православный. Попы у казаков были только православные. Святотатство сурово каралось казаками. В борьбе с турками и татарами казаки старались выставить себя защитниками веры христианской и народа православного от басурман. Между собой казаки были предельно честны, кража у своего брата-казака влекла за собой тяжелое наказание.

Но вот начинается казацкий набег на русские земли, и казаки нещадно убивают православных, а бывали случаи, что и продавали пленных христиан туркам в рабство. Грабеж на войне считался чуть ли не доблестью. Казаки грабили не только города и деревни, но и монастыри и церкви.

Казаки отличались личной смелостью, превосходным знанием тактики и материальной части. Казаки виртуозно владели холодным оружием и очень метко стреляли на дистанции, в два-три раза превышавшей дальность эффективного огня западноевропейской пехоты.

В целом роль донского и особенно запорожского казачества в ходе Смуты была негативна. На их совести десятки спаленных городов, десятки

тысяч убитых и угнанных в рабство жителей. Однако не следует забывать положительной роли казаков. В годы Смуты они по-прежнему были щитом России от агрессии крымских татар и Оттоманской империи. Так, в 1605–1606 гг. запорожские казаки взяли турецкие города Белгород (Днестровский), Килию и Варну. Весной 1609 г. запорожцы опустошили окрестности Измаила, Килии и Белгорода. В 1606–1613 гг. запорожские и донские казаки совершали набеги на Крым. Все это, естественно, ослабляло нападения басурман на Русь.

Но это все относится лишь к донским и запорожским казакам. В Смутное же время появились многие тысячи местных казаков из крестьян, посадских людей, опустившихся дворян и различных деклассированных элементов. Как ни странно, в нашей исторической литературе подобные казаки не получили никакого названия. Большинство авторов называло их просто казаками, а советские историки там, где им виделась антифеодальная направленность действий казаков, называли их «восставшими крестьянами» и т. п. В годы же Смуты современники именовали таких казаков «ворами», причем тут имелись в виду не только разбои, но и антигосударственная деятельность. Поэтому я рискну ввести новый термин — «воровские казаки».

Воровские казаки в бою были куда менее дисциплинированы, чем донцы или запорожцы. Они существенно хуже владели оружием и не знали тактики.

Воровские казаки представляли для Московского государства особую опасность. Донцы или запорожцы могли за плату выполнить определенную боевую задачу, ну, естественно, пограбить в меру сил, получить обещанное жалованье и с песнями отправиться на Дон или в Сечь. У воровских же казаков не было Сечи, для них Смута была источником существования. Конец Смуты означал если не ответственность за совершенные преступления, то, по крайней мере, возвращение к прежней жизни. А никто из «воров» не желал пахать, заниматься ремеслом или мелкой торговлей. Вот такое воинство и собрал Ляпунов на свою голову и на беду государству Московскому.

С начала 1611 г. в Москве постепенно нарастала напряженность. Ожидая восстания горожан, Гонсевский и московские бояре распорядились перетащить пушки из Белого города в Кремль и Китай-город. Польские гусары круглосуточно патрулировали улицы и площади столицы. Русским было запрещено выходить из домов с наступлением темноты и до рассвета.

Еще в декабре 1610 г. боярин Михаил Глебович Салтыков и пропольски настроенная знать предложили Боярской думе написать

грамоту Сигизмунду под Смоленск, чтобы тот отпустил Владислава в Москву. Русским послам в польском стане приписывалось «отдаться во всем на волю королевскую». В отдельной же грамоте к Ляпунову содержался призыв распустить ополчение. Бояре грамоты написали и понесли их на утверждение к патриарху, но Гермоген сказал им: «Стану писать к королю грамоты и духовным всем властям велю руки приложить, если король даст сына на Московское государство, крестится королевич в православную христианскую веру и литовские люди выйдут из Москвы. А что положиться на королевскую волю, то это ведомое дело, что нам целовать крест самому королю, а не королевичу, и я таких грамот не благословляю вам писать и проклиная того, кто писать их будет, а к Прокофью Ляпунову напишу, что если королевич на Московское государство не будет, в православную христианскую веру не крестится и литвы из Московского государства не выведет, то благословляю всех, кто королевичу крест целовал, идти под Москву и помереть всем за православную веру».

По словам летописца, Салтыков стал кричать на Гермогена, достал нож и хотел его зарезать, но патриарх, осенив Салтыкова крестным знаменем, сказал: «Крестное знамение да будет против твоего окаянного ножа, будь ты проклят в сем веке и в будущем».

Действия королевских войск в России еще больше подливали масла в огонь антипольского движения. Украинские города, присягнувшие Лжедмитрию II — Орел, Волхов, Белев, Карачев, Алексин и другие, узнав о смерти «вора», присягнули королевичу Владиславу, но, несмотря на это, поляки под началом пана Запройского выжгли эти города, многих жителей убили и увели в плен.

В войске Сигизмунда под Смоленском было до 10 тысяч запорожских казаков (черкасов) под началом атамана Олевченка. Они разбили табор у Духовского монастыря вблизи Смоленска и занялись грабежом вначале окрестных сел, а затем и более отдаленных мест. Особенно казаки отличились в Зубцовском уезде.

Прока от казаков королю не было, и им было приказано изловить Прокопия Ляпунова, собиравшего ополчение. Черкасы осадили Ляпунова в Пронске, к ним присоединился сторонник Владислава воевода Исаак Сумбулов. Однако Ляпунова выручил зарайский воевода князь Дмитрий Михайлович Пожарский, прогнавший казаков.

В Москве Гонсевский продолжал «закручивать гайки». У всех ворот стояла польская стража, уличные решетки были сломаны, русским запрещалось ходить с саблями, у купцов отбирались топоры, которыми они

торговали, топоры также отбирались и у плотников, шедших с ними на работу. Запрещено было носить ножи. Поляки боялись, что за неимением оружия народ может вооружиться кольями, и запретили крестьянам возить мелкие дрова на продажу. При гетмане Жолкевском поляки в Москве соблюдали хоть какую-то дисциплину, при Гонсевском же они совсем распоясались. Жены и дочери москвичей средь бела дня подвергались насилию. По ночам поляки нападали на прохожих, грабили и избивали их. К заутрене не пускали не только мирян, но и священников.

Михаил Салтыков и несколько бояр вновь пришли к патриарху и заявили: «Ты писал, чтобы ратные люди шли к Москве; теперь напиши им, чтобы возвратились назад». «Напишу, — отвечал Гермоген, — если ты, изменник, вместе с литовскими людьми, выйдешь вон из Москвы. Если же вы останетесь, то всех благословляю помереть за православную веру, вижу ей поругание, вижу разорение святых церквей, слышу в Кремле пение латинское и не могу терпеть». Тогда патриарха взяли под стражу, запретив ему общаться с кем бы то ни было.

Тем временем ополчение Ляпунова медленно двигалось к Москве. 17 марта 1611 г. в Вербное воскресенье Гермогена на время освободили из-под стражи для торжественного шествия на осле. Но народ не пошел за вербой, так как по Москве распространился слух, что Салтыков с поляками хотят напасть на патриарха и безоружных москвичей. По всем улицам и площадям стояли польские конные и пешие роты. Поляки-очевидцы вспоминали, что Салтыков говорил им: «Нынче был случай, и вы Москву не били, ну так они вас во вторник будут бить, и я этого ждать не буду, возьму жену и поеду к королю».

Салтыков ожидал подхода ополчения Ляпунова ко вторнику и поэтому хотел превентивно расправиться с москвичами. Поляки стали готовиться к обороне — втаскивать пушки на башни в Кремле и Китай-городе, а тем временем в московские слободы тайно проникали ратники из ляпуновского ополчения, чтобы поддержать горожан в случае нападения поляков. Пробрались и воеводы: князь Дмитрий Пожарский, Иван Бутурлин и Иван Колтовской. Но утро вторника началось как обычно — в городе было тихо, купцы отперли лавки в Китай-городе и начали торговлю. В это время на рынке пан Николай Козаковский велел извозчикам идти помогать втаскивать пушки на башни. Извозчики отказались, поднялся шум, раздались крики. В Кремле находилось несколько сот немецких наемников, перешедших к полякам при Клушине. Услышав шум, они решили, что началось восстание, выскочили на площадь и стали избивать москвичей. Их примеру последовали поляки, и началась резня безоружных людей. В

тот день в Китай-городе было убито около семи тысяч человек. Князя Андрея Васильевича Голицына, сидевшего «под домашним арестом», убили охранявшие его поляки.

В это время в Белом городе русские ударили в набат, забаррикадировали улицы всем, что попадало под руку — столами, скамьями, бревнами — и, укрывшись, стали стрелять в немцев и поляков. Из окон домов также стреляли, бросали камни и бревна.

Ратники из ополчения Ляпунова, проникшие в Москву, оказали существенную помощь горожанам. На Сретенке большой отряд москвичей собрал князь Д. М. Пожарский. К нему присоединились пушкари из находившегося рядом Пушечного двора. Говорят, что пушки со двора доставил сам Андрей Чохов — знаменитый пушечных дел мастер. Пожарскому удалось загнать поляков в Китай-город и выстроить острожек (укрепление) у церкви Введения на Лубянке, который закрывал ляхам выход из ворот Китай-города. Отряд Ивана Бутурлина дрался у Яузских ворот, а Иван Колтовской занял Замоскворечье.

Поляки были загнаны в Кремль и Китай-город. Вокруг их каменных стен тесно стояли деревянные дома Белого и Земляного городов. Идея поджечь Москву, видимо, пришла в голову многим полякам, независимо друг от друга. Как позже писал участник боя польский поручик Маскевич: «По тесноте улиц мы разделились на четыре или шесть отрядов; каждому из нас было жарко; мы не могли и не умели придумать, чем пособить себе в такой беде, как вдруг кто-то закричал: «Огня! Огня! Жги дома!» Наши подожгли один дом — он не загорелся; подожгли в другой раз — нет успеха, в третий раз, в четвертый, в десятый — все тщетно: сгорает только то, чем поджигали, а дом цел. Я уверен, что огонь был заколдован. Достали смолы, прядева, смоленой лучины — и сумели запалить дом, так же поступили и с другими, где кто мог. Наконец занялся пожар: ветер, дующий с нашей стороны, погнал пламя на русских и принудил их бежать из засад, а мы следовали за разливающимся пламенем, пока ночь не развела нас с неприятелем. Все наши отступили к Кремлю и Китай-городу». От себя добавим, что Михаил Салтыков по собственной инициативе зажег свой дом в Белом городе. За изменника-отца ответил его сын Иван, сидевший в тюрьме в Новгороде. Его допросили с пристрастием, а затем посадили на кол. Далее Маскевич писал: «В сей день кроме битвы за деревянную стеною, не удалось никому из нас подраться с неприятелем: пламя охватило дома и, раздуваемое жестоким ветром, гнало русских, а мы потихоньку подвигались за ними, беспрестанно усиливая огонь, и только вечером возвратились в крепость [Кремль]. Уже вся столица пылала; пожар был так

лют, что ночью в Кремле было светло, как в самый ясный день, а горевшие дома имели такой страшный вид и такое испускали зловоние, что Москву можно было уподобить только аду, как его описывают. Мы были тогда в безопасности — нас охранял огонь. В четверток мы снова принялись жечь город, которого третья часть осталась еще неприкосновенною — огонь не успел так скоро всего истребить. Мы действовали в сем случае по совету доброжелательных нам бояр, которые признавали необходимым сжечь Москву до основания, чтобы отнять у неприятеля все средства укрепиться...»

В середине дня 20 марта в Москве бои шли только на Сретенке. Там до вечера дрался князь Пожарский. Вечером он был тяжело ранен в голову и вынесен ратниками из боя. Его удалось увезти в Троицкий монастырь. Последнее сопротивление прекратилось. На улицах лежало около семи тысяч трупов.

Большинство москвичей, несмотря на мороз, бежали из столицы. Лишь некоторые 21 марта пришли к Гонсевскому просить о помиловании. Тот велел им снова присягнуть Владиславу и отдал приказ полякам прекратить убийства, а покорившимся москвичам иметь особый знак — подпоясываться полотенцем.

Немецкий наемник Конрад Буссов писал, что в течение нескольких дней «не видно было, чтобы московиты возвращались, воинские люди только и делали, что искали добычу. Одежду, полотно, олово, латунь, медь, утварь, которые были выкопаны из погребов и ям и могли быть проданы за большие деньги, они ни во что не ставили. Это они оставляли, а брали только бархат, шелк, парчу, золото, серебро, драгоценные камни и жемчуг. В церквах они снимали со святых позолоченные серебряные ризы, ожерелья и вороты, пышно украшенные драгоценными камнями и жемчугом. Многим польским солдатам досталось по 10, 15, 25 фунтов серебра, содранного с идолов, и тот, кто ушел в окровавленном, грязном платье, возвращался в Кремль в дорогих одеждах...»

В пятницу, 22 марта, разведка донесла полякам, что к Москве приближается десятитысячный отряд ополчения под командованием стольника Андрея Просовецкого. Гонсевский выслал против него конницу Зборовского и Струся. Просовецкий, потеряв в бою около двухсот казаков, отступил и засел в гуляй-городах, на которые поляки не посмели напасть и отошли в Москву.

24 марта к Москве подошло все ополчение во главе с Ляпуновым. Русские расположились близ Симонова монастыря, обставив себя вокруг гуляй-городами, то есть укреплениями из телег и различных деревянных

заграждений.

Гонсевский вывел польское войско из Москвы и подошел к русским гуляй-городам. Но Ляпунов не принял бой. Тогда Гонсевский послал немецких наемников атаковать русских, но те были отбиты с большим уроном. Отбив немцев, русские стрельцы перешли в контратаку. Польская конница спешила и открыла стрельбу по русским. Все это время русская конница не выходила из-за обозов, но когда поляки начали отступать к Москве, русские вышли из обоза, поляки остановились, чтобы дать им отпор, тогда русские опять ушли в обоз. Поляки двинулись к Москве, русская конница снова вышла из обоза и начала преследование поляков. Интервенты едва успели войти в Москву и больше уже из нее не выходили.

1 апреля ополчение подошло к стенам Белого города. Ляпунов встал у Яузских ворот, князь Трубецкой с Заруцким — напротив Воронцовского поля, костромские и ярославские воеводы — у Покровских ворот, Измайлов — у Сретенских ворот, князь Мосальский — у Тверских. 6 апреля русским удалось овладеть большей частью Белого города.

Со времен бегства из Тушина Лжедмитрия II «гулял» по Руси отряд Яна (Петра) Сапеги. Жили сапеженцы, как и положено, грабежом и никому не подчинялись. Сапега пытался создать союз с Лжедмитрием II в Калуге, а после смерти самозванца начал флиртовать с Ляпуновым, предложив сражаться вместе против поляков «за веру православную». Неразборчивый в средствах Ляпунов принял предложение Сапеги, но стороны не сошлись в цене — уж больно много требовал пан Сапега.

И вот в начале мая Сапега с отрядом появился у стен осажденной Москвы и стал лагерем на Поклонной горе. Представители Сапеги явились к Ляпунову и опять стали торговаться, и опять не сошлись в цене. Тогда у гонористого пана разыграл польский патриотизм, и он с боем прорвался в Москву. Однако проку от Сапеги было мало. С одной стороны, в Москве назревал голод, и кормить сапеженцев было накладно. С другой стороны, шайки разбойников, в которые превратилась частная армия Сапеги, могли окончательно разложить польский гарнизон. Поэтому Гонсевский не возражал, когда через несколько дней Сапеге наскучила Москва и он отправился «гулять» дальше, прихватив с собой несколько сотен поляков из войска Гонсевского. Позже некоторые русские историки, включая С. М. Соловьева, гадали, «зачем он (Гонсевский) себя ослабил таким образом?» Да его и спрашивать никто не стал! Договорились паны ротмистры с Сапегой и ушли со своими ротами.

Король Сигизмунд отправил к Москве небольшой отряд под командованием ротмистров Кишки и Конецпольского. Поляки же, засевшие

в Москве, стали распускать слухи, что к ним на помощь идет гетман Ходкевич с большим войском. В знак радости поляки открыли большую стрельбу из ружей и пушек. Настрелявшись «в белый свет» и думая, что нагнали страху на Москву, поляки вечером 21 мая разошлись по домам и спокойно заснули. Но русские под стенами столицы не спали. За три часа до рассвета они тихо приставили лестницы и полезли на стены Китай-города. Полякам с большим трудом удалось отбить атаку на Китай-город. Однако в ходе упорного боя русские окончательно очистили от поляков Белый город.

Утром 23 мая Ляпунову сдались немецкие наемники, оборонявшиеся в Новодевичьем монастыре. По версии Казимира Валишевекого, казаки Заруцкого после сдачи монастыря изнасиловали всех монахинь, включая инокиню Ольгу (Ксению Годунову), а затем отправили их во Владимир. После этого русские периодически приближались к стенам Кремля и Китай-города и дразнили поляков: «Идет к вам на помощь гетман литовский с большою силою, идет с ним пятьсот человек войска! Больше не надейтесь, уже это вся Литва вышла. Идет и Конецпольский, живности вам везет, везет одну кишку», (кишка по-польски колбаса), еще кричали: «Радуйтесь, конец польский приближается!»

Королю Сигизмунду действительно было не до Москвы, он предпринимал отчаянные попытки покончить наконец со Смоленском.

12 апреля послам под Смоленском объявили, что на следующий день их отправят в Польшу. Напрасно Филарет и Голицын объясняли, что у них нет инструкций ехать в Польшу и даже нет средств на это путешествие. Рано утром им было велено садиться на речные суда. Когда русские стали садиться на суда, польская охрана перебила всех слуг и захватила все посольское имущество. Послы на трех судах под конвоем были отправлены вниз по Днепру.

Первоначально русские послы были заключены во владениях пана Жолкевского в местечке Каменки, а когда поляки сдались в Москве, Филарета и Голицына отправили подальше в замок Мальборг (Мариенбург).

Между тем силы гарнизона и жителей Смоленска иссякали. В городе свирепствовала цинга. Современники утверждали, что к концу осады из восьмидесяти тысяч жителей осталось не более восьми тысяч. Из Смоленска к королю перебежал некий Андрей Дедешин, который указал на слабые места в стене. Король велел построить там ряд осадных батарей. После нескольких дней бомбардировки стены рухнули. Ночью 3 июня 1611 г. поляки полезли в пролом. Начался бой на городских улицах.

Смоленск горел. Несколько сотен горожан заперлось в соборной церкви Богородицы вместе с архиепископом Сергием. В собор ворвались поляки, архиепископ в полном облачении с крестом в руках пошел им навстречу. Какой-то пан ударил Сергия саблей по голове. Поляки начали в соборе рубить мужчин и хватать женщин. Тогда посадский человек Андрей Беляницын взял свечу и полез в подвал собора, где хранилось 150 пудов пороха. Как писал современник:

«И был взрыв сильный, и множество людей, русских и поляков, в городе побило. И ту большую церковь, верх и стены ее, разнесло от сильного взрыва. Король же польский ужаснулся и в страхе долгое время в город не входил».

Воевода Шеин был взят в плен, где подвергся жестоким пыткам. После допроса его отправили в Литву, где держали в оковах «в тесном заточении».

Взятие Смоленска вскружило голову королю. Вместо похода на Москву он немедленно распускает свою армию и едет в Варшаву. Видимо, на это решение повлияло и безденежье короля — наемникам нечем было платить. Но главным фактором все же была эйфория!

29 октября 1611 г. король провел в Варшаве триумф по образцу римских императоров. Через весь город в королевский замок проследовала пышная процессия, во главе которой ехал гетман Жолкевский. За ним следовало рыцарство. В открытой карете, запряженной шестеркой лошадей, сидел бывший московский царь Василий Шуйский, одетый в белую парчовую ферязь и меховую шапку. Этот седой старик смотрел сурово исподлобья. Напротив Василия сидели два его брата, а посередине — пристав. Братьев Шуйских вывели из кареты и подвели к королю. Они низко поклонились, держа шапки в руках. Жолкевский произнес длинную речь об изменчивости счастья, о мужестве короля, восхвалял его подвиги — взятие Смоленска и Москвы, поговорил о могуществе московских царей, последний из которых теперь стоял перед королем и бил челом. Тут Василий Шуйский, низко склонив голову, дотронулся правой рукой до земли и потом поцеловал эту руку; Дмитрий Шуйский поклонился до самой земли, а младший брат Иван трижды поклонился и заплакал. Жолкевский продолжал свою речь. Он говорил, что вручает братьев Шуйских королю не как пленников, но для примера счастья человеческого, и просил отнестись к ним благосклонно. И братья Шуйские в ответ опять низко кланялись. Когда гетман закончил речь, Шуйских допустили к королевской руке. По словам современников, это было великое зрелище,

вызывающее удивление и жалость. Тут в толпе панов послышались голоса, требовавшие отомстить Шуйскому как виновнику смерти многих поляков. Юрий Мнишек требовал мести за свою дочь. Братьев Шуйских заключили в Гостыньском замке в нескольких верстах от Варшавы.

Василия Шуйского поляки держали в тесной камере над воротами замка. К нему не допускали ни братьев, ни русских слуг. Дмитрий Шуйский жил в каменном нижнем помещении. 12 сентября 1612 г. Василий умер, пять дней спустя умер его брат Дмитрий. Поляки объявили, что князья Шуйские умерли естественной смертью. Однако факты говорят об умышленном убийстве братьев. Василию Шуйскому едва исполнилось 60 лет, а Дмитрий был на несколько лет его моложе. Тела покойных похоронили тайно, и никто не знал, где находятся их могилы.

Младшего брата Ивана поляки пощадили, он говорил позже: «Мне вместо смерти наияснейший король жизнь дал». Ивана Шуйского ждала судьба таинственного узника. Он должен был забыть свое имя и происхождение. Отныне он звался Иваном Левиным. Расходы на его содержание составляли три рубля в месяц, имевшиеся при нем дорогие вещи были отобраны в королевскую казну.

Слухи об убийстве братьев Шуйских достигли России. Московские летописцы нисколько не сомневались, что братья Шуйские погибли в Литве «нужной» (насильственной) смертью.

В 1619 г. князь Иван Иванович Шуйский при обмене пленных возвратился в Россию. Там он вступил в брак с княжной Марфой Владимировной Долгоруковой, родной сестрой первой жены царя Михаила Федоровича. Увы, его брак, как и у его братьев Василия и Дмитрия, был бездетным. Иван занимал довольно видное место при дворе и заведовал Московским судным приказом. За что-то он получил прозвище Пуговка. Умер И. И. Шуйский в 1638 г. На нем пресекся знатный род Шуйских.

Останки царя Василия, его жены и брата в 1620 г. были перевезены в Варшаву и торжественно погребены в католической часовне. На месте этой часовни игрою случая в XIX веке была построена православная церковь. В 1635 г. после заключения Поляновского мира король Владислав отослал останки Василия, его жены и брата в Москву Там Василий и Дмитрий Шуйские были окончательно погребены в усыпальнице московских правителей — Архангельском соборе.

Взятие Смоленска и триумф короля в Варшаве убедили подавляющее большинство панства, что Москва окончательно покорена. Коронный вице-канцлер Феликс Крыский заявил в Варшаве: «Глава государства и все государство, государь и его столица, армия и ее начальники — все в руках

короля».

Однако победа не только не способствовала усилению королевской власти в Польше, наоборот, участники недавно подавленного рокоша Гербут, Стадницкий и другие начали готовить очередной мятеж. Они вошли в переписку с Гавриилом Баторием, племянником знаменитого польского короля Стефана Батория, и пригласили его занять польский престол.

Между тем польский гарнизон в Москве оказался в очень сложном положении. Поляки и их сторонники типа Федора Андропова окончательно разграбили царскую казну. Денег и драгоценностей было в избытке, но их нельзя было есть. Как писал Конрад Буссов, сидевший в Кремле вместе с поляками, «из спеси солдаты заряжали свои мушкеты жемчужинами величиною с горошину и с боб и стреляли ими в русских... Польские солдаты полагали, что если только они будут носить шелковые одежды и пышности ради наденут на себя золото, драгоценные камни и жемчуг, то голод не коснется их. Хотя золото и драгоценные камни имеют замечательные свойства, когда их обрабатывают *chimica artr* [химически], но все-таки они не могут насытить голодный желудок. Через три месяца [после прихода Ляпунова] нельзя было получить за деньги ни хлеба, ни пива. Мера пива стоила 1/2 польского гульдена, то есть 15 медных грошей, плохая корова — 50 флоринов (за такую раньше платили 2 флорина), а каравай хлеба стали совсем маленькие. До сожженных погребов и дворов, где было достаточно провианта, да еще много было закопано, они уже не могли добраться, ибо Ляпунов отнял у поляков Белый город. Благодаря этому московитские казаки забрали из сожженных погребов весь оставшийся провиант, а нашим пришлось облизываться. Если же они тоже хотели чем-нибудь поживиться, то должны были доставать это с опасностью для жизни, да и то иногда не могли ничего найти».

Ополчение Ляпунова не имело сил для штурма Китай-города и Кремля, имевших мощные каменные укрепления. У ополчения не было достаточного числа осадных орудий, способных разрушить стены. Да и моральный дух войска был слишком низок, чтобы идти на штурм и нести большие потери. Поэтому русские ополченцы решили взять поляков измором, а пока занялись решением политических проблем.

Наиболее важной проблемой было командование ополчением. В нем практически не оказалось знати. Среди руководителей ополчения были два боярина — Дмитрий Трубецкой и Иван Заруцкий, но боярство их было липовое: в бояре их произвел Тушинский вор. Прокопий Ляпунов имел более низкое звание — думный дворянин, но он получил его законным путем. По уму и энергии Ляпунов существенно превосходил обоих

«тушинских бояр». После долгих споров решено было сделать главными воеводами ополчения всех троих. Такое решение существенно ослабило ополчение как с военной, так и с политической точки зрения.

В апреле 1611 г. Ляпунов, Заруцкий и Трубецкой привели ополчение к присяге, в которой говорилось: «Стоять заодно с городами против короля, королевича и тех, кто с ними стakнулся; очистить Московское государство от польских и литовских людей; не подчиняться указам бояр с Москвы, а служить государю, который будет избран землей».

В ополчении возник постоянно действующий Земской собор. Собором было выбрано «правительство», которое, естественно, возглавили три главных воеводы ополчения. В противовес бездействующим московским Приказам при ополчении были созданы свои Приказы (нечто вроде современных министерств).

Власть «подмосковного правительства» признали 25 городов, в том числе Нижний Новгород, Ярославль, Владимир, Переславль-Залесский, Ростов, Кострома, Вологда, Калуга и Муром.

К сожалению, ни Земский собор, ни «правительство» не смогли не только предложить достойного кандидата на московский трон, но даже определить порядок избрания царя.

Прокопий Ляпунов оказался в чрезвычайно сложном положении. Он прекрасно понимал, что его, простого рязанского дворянина, никогда не выберут в цари. Выбирать на престол кого-нибудь из бояр, сидевших в Москве, то есть фактических врагов ополчения, не хотели ни Ляпунов, ни большинство ополченцев.

Трубецкой активно лез в цари, но ему тоже не хватало знатности, да еще не было ни ума, ни способностей. К трону рвался и «боярин» Заруцкий. Лихой казак хотел получить шапку Мономаха через постель. Заруцкий поселил свою «подругу» Марину Мнишек в Коломне и часто навещался к ней. Свою же законную супругу «боярин» упек в монастырь. Заруцкий понимал, что агитация за себя самого или даже за Марину вызовет возмущение ополчения. Поэтому он через подставных лиц начал агитировать за «воренка» Ивана, сына Марины и Тушинского вора.

Узнав о планах Заруцкого, патриарх Гермоген немедленно разразился «обличениями». Он написал несколько грамот к воеводам ополчения, чтобы они не выбирали на царство «проклятого Маринкина паньина сына». На всякий случай патриарх продублировал это предостережение в грамотах в Нижний Новгород, Казань и другие города, добавив призыв «отвергнуть воренка». если казаки выберут его на царство «своим произволом».

В такой ситуации Ляпунов решил вступить в сношения со шведским

королем, чтобы прозондировать возможность возведения на престол его сыновей — старшего Карла-Филиппа или младшего Густава-Адольфа. К шведам поехал воевода Василий Иванович Бутурлин.

Вблизи Новгорода состоялись переговоры Бутурлина со шведским командующим Делагарди. Бутурлин заявил: «Мы на опыте своем убедились, что сама судьба Московии не благоволит к русскому по крови царю, который не в силах справиться с соперничеством бояр, так как никто из вельмож не согласится признать другого достойным высокого царского сана». Поэтому вся земля просит шведского короля дать на Московское государство одного из сыновей. Переговоры затянулись, так как шведы, подобно полякам, требовали прежде всего денег и городов.

А между тем в Новгороде происходили явления, которые давали Делагарди надежду легко овладеть им. По шведским данным, сам Бутурлин, ненавидевший поляков и подружившийся с Делагарди еще в Москве, дал ему теперь совет занять Новгород. По русским данным, между Бутурлиным и воеводой князем Иваном Никитичем Одоевским Большим было несогласие, мешавшее последнему принять деятельные меры для безопасности города. Бутурлин общался со шведами, торговые люди возили к ним всякие товары, и когда Делагарди перешел Волхов и стал у Колмовского монастыря, то Бутурлин продолжал контактировать с ним и здесь. В довершение всего, между ратными и посадскими людьми не было единогласия.

8 июля 1611 г. Делагарди попытался взять Новгород штурмом, но понес большие потери и вынужден был отступить. К шведам попал в плен Иван Шваль — холоп дворянина Лухотина. Шваль знал, что город плохо охраняется, и обещал провести туда шведов. И действительно, в ночь на 16 июля холоп провел шведов через Чудинцовские ворота так, что никто этого не заметил. О присутствии шведов в городе стало известно только тогда, когда они напали на сторожей.

Первое сопротивление шведы встретили на площади, где находился Бутурлин со своим отрядом. Но сопротивление это было непродолжительным — вскоре Бутурлин отступил за стены города, а его казаки и стрельцы ограбили все встретившиеся им на пути лавки и дворы под тем предлогом, чтоб добро не досталось шведам.

Было еще сильное, но бесполезное сопротивление в двух местах. Стрелецкий голова Василий Гаютин, дьяк Анфиноген Голенищев, Василий Орлов и казачий атаман Тимофей Шаров с отрядом из сорока казаков решились защищаться до последнего. Шведы уговаривали их сдаться, но они предпочли погибнуть за православную веру Софийский протопоп

Аммос заперся на своем дворе с несколькими новгородцами, они долго отбивались от шведов, перебив многих из них. Аммос был в это время под запрещением у митрополита Исидора. Митрополит служил молебен на городской стене, видел подвиг Аммоса, заочно простил и благословил его. Шведы, озлобленные сопротивлением, подожгли двор протопопа, и он погиб в пламени со своими товарищами: ни один не отдался живой в руки шведам.

Это были последние защитники Новгорода. Митрополит Исидор и князь Одоевский, видя, что ратных людей нет в городе, послали договариваться с Делагарди. Первым условием была присяга новгородцев шведскому королевичу. Делагарди со своей стороны обязался не разорять Новгород и был пущен в кремль. До прибытия королевича новгородцы должны были повиноваться Делагарди.

В находившемся рядом Пскове царило безвластие. Но, как говорится, свято место пусто не бывает. 23 марта 1611 г. в Иван-городе появился «вор» Сидорка, назвавшийся царевичем Димитрием (Лжедмитрий III). Самозванец рассказал горожанам, что он якобы не был убит в Калуге, а «чудесно спасся» от смерти. В Иван-городе на радостях три дня звонили в колокола и палили из пушек.

Лжедмитрий III вступил в переговоры со шведским комендантом Нарвы Филиппом Шедингом. Когда шведский король узнал из донесения Шединга о явлении спасенного Димитрия, то направил в Ивангород своего посла Петрея, в свое время бывшего в Москве и видевшего Лжедмитрия I. Прибыв в Ивангород, Петрей увидел перед собой явного проходимца, после чего шведы прекратили всякие контакты с ним.

Идея возвести на престол шведского королевича вызвала яростное сопротивление казаков. Им куда интереснее было иметь на престоле своего царя, например, того же «воренка» с регентом Заруцким или даже самого Заруцкого. А поведение шведов в Новгороде давало возможность разыграть «патриотическим чувствам казачества».

Не меньшее раздражение казачества вызвали и попытки Ляпунова наладить хоть какое-то подобие дисциплины в ополчении. Воровские казаки из ополчения грабили села и города в ближнем и дальнем Подмосковье с не меньшей жестокостью, чем запорожцы или частные армии польских панов.

Возмущенный грабежами и убийствами мирных граждан воевода Матвей Плещеев поймал 28 казаков и велел их утопить. Однако подоспевшие их товарищи отбили осужденных. Мало того, казаки собрали круг и начали высказывать претензии руководству ополчения. Ляпунов

разгневался, решил покинуть лагерь ополчения и уехать в Рязань. По приказу Заруцкого казаки нагнали его у Симонова монастыря и уговорили остаться. Заруцкий боялся, что в Рязани Ляпунов начнет сбор нового и уже однородного дворянского ополчения.

Поляки хорошо знали все происходившее в лагере осаждающих. Гонсевский понимал, что ополчение держится на Ляпунове, а казаков с Трубецким и Заруцким он не боялся. И «староста московский» решил устроить провокацию. Во время одной из стычек поляки взяли в плен донского казака, который был побратимом атамана Исидора Заварзина. Заварзин захотел освободить товарища и вступил в переговоры с Гонсевским, предлагая выкуп. Гонсевский воспользовался этим случаем и велел написать подложную грамоту от имени Ляпунова. Грамота была адресована во все города России. Там говорилось: «Где поймают казака — бить и топить, а когда, бог даст, государство Московское успокоится, то мы весь этот злой народ истребим».

Подделка была отдана освобожденному казаку, а тот, вернувшись к своим, отдал грамоту Заварзину: «Вот, брат, смотри, какую измену над нашею братею, казаками, Ляпунов делает! Вот грамоты, которые литва перехватила». Взяв грамоту, Заварзин ответил: «Теперь мы его, сучьего сына, убьем!»

22 июня 1611 г. казаки собрали круг, зачитали письмо и потребовали на круг главных воевод. Трубецкой и Заруцкий на круг не поехали. Ляпунов тоже отказал посланному за ним атаману Сергею Карамышеву. Тогда круг направил к Ляпунову двух детей боярских: Сильвестра Толстого и Юрия Потемкина. Те поручились, что войско не причинит воеводе никакого вреда. Поверив им, Ляпунов поехал к казакам в сопровождении нескольких дворян.

Когда Ляпунов вошел в круг, атаман Карамышев стал кричать, что он изменник, и показал воеводе грамоту. Ляпунов посмотрел на грамоту и сказал: «Рука похожа на мою, только я не писал». В ответ Карамышев ударил воеводу саблей. Ляпунова пытался защитить дворянин Иван Никитич Ржевский, но озверевшие казаки изрубили саблями обоих.

Заметим, что ни Трубецкой, ни тем более Заруцкий не пытались не только защитить Ляпунова, но даже соблюсти приличия после его смерти. Три дня изрубленные тела Ляпунова и Ржевского валялись рядом с казацким острожком. Тела были сильно обезображены бродячими собаками. Лишь на четвертый день тела бросили в простую телегу и отвезли в ближайшую церковь на Воронцовском поле. Оттуда тела перевезли в Троице-Сергиев монастырь и там захоронили без всяких

почестей. Надпись на простом каменном надгробии гласила: «Прокопий Ляпунов да Иван Ржевской, убиты 7119 года июля в 22 день».

Убийство воеводы показало, что главные воеводы потеряли контроль над ополчением, а само ополчение из земской рати, вставшей на защиту отечества, превратилось в шайку разбойников.

Через несколько дней после убийства Ляпунова в ополчение из Казани доставили список с иконы Казанской Божьей Матери. Руководство ополчения решило устроить торжественную встречу иконы. Духовенство и все служилые люди пошли пешком навстречу иконе, а Заруцкий с казаками выехали верхом. Казаки решили, что служилые люди хотят отличиться от них благочестием, и они начали оскорблять их. Вскоре казакам и этого показалось мало, и они пустили в ход сабли. Несколько десятков дворян и стрельцов было убито и ранено. Заруцкий и Трубецкой, как и в случае с Ляпуновым, принципиально не вмешивались.

После этого инцидента началось массовое бегство из ополчения дворян и других служилых людей. Наиболее богатые из дворян покупали у Заруцкого воеводства и другие должности и отправлялись на места службы.

Под Москвой остались в основном воровские казаки и некоторое число дворян, привыкших к разбоям и разгульной жизни. Большинство из них привыкло жить и ладить с казаками в Тушине и Калуге у Лжедмитрия II.

4 августа 1611 г. к Москве вновь подошло воинство Петра Сапеги, везшее с собой большой обоз с провиантом. Сапега атаковал казачьи острожки за Яузой, намереваясь прорваться в Китай-город через Яузские ворота. Однако казакам удалось отбиться от сапеженцев. Из Белого города пошли на вылазку поляки Гонсевского и тоже были отбиты с большим уроном.

На следующий день Сапега напал на русских с Запада. Навстречу ему опять сделали вылазку осажденные. В Белом городе шли ожесточенные бои. Полякам удалось захватить Арбатские и Никитские ворота Белого города и беспрепятственно провести в Кремль обоз с продовольствием. Позже поляки — участники сражения — писали, что русские были чрезвычайно испуганы, и вечером 5 августа их можно было разгромить наголову. Однако когда Гонсевский попытался ввести в бой свежие хоругви, [\[45\]](#) стоявшие в Кремле, то они попросту отказались выходить из-под защиты стен.

Утром 6 августа Гонсевский и Сапега отдали приказ о генеральной атаке русских. И на сей раз несколько хоругвей отказались повиноваться.

Гонсевскому пришлось дать отбой. Вскоре Сапега заболел и 14 сентября умер в Кремле в доме Шуйского.

В марте 1611 г. литовский гетман Карл Ходкевич с частью польских войск, дислоцированных в Ливонии, двинулся на Русь. Для начала он осадил Печерский монастырь. Осада монастыря продлилась шесть недель. Поляки семь раз ходили на приступ и были отбиты. Из Риги доставили несколько тяжелых осадных орудий, среди которых были большие стенобитные пушки «Самсон» и «Баба». Башни и стены крепости были повреждены бомбардировкой, но осажденные не сдавались. В конце концов Ходкевичу пришлось снять осаду с монастыря и двинуться к Москве.

Заруцкий и Трубецкой знали о походе гетмана и решили взять Москву до его прихода. 15 сентября осаждающие начали бомбардировку Китай-города. Каленые ядра и мортирные бомбы вызвали сильный пожар. Ополченцы пошли на штурм и ворвались в Китай-город, однако вскоре были выбиты польскими хоругвями, вышедшими их Кремля.

По ряду причин Ходкевич задержался и подошел к Москве только в конце октября. Ходкевичу удалось прорваться в Москву. Однако доставленные им запасы продовольствия были незначительны. Пожары же 15 сентября в Китай-городе уничтожили большую часть продовольствия и особенно фуража.

Пан Ходкевич был опытным полководцем и, правильно оценив ситуацию, счел за лучшее ретироваться из столицы. Он зазимовал в монастыре в Рогачеве в 20 верстах от Ржевска.

Бояре, сидевшие в Кремле, видели, что только прибытие Сигизмунда с войском может их спасти. В начале октября они направили к королю новое посольство, в которое входили князь Юрий Никитич Трубецкой, Михаил Глебович Салтыков и думный дьяк Яков. В грамоте к Сигизмунду говорилось, что новое посольство отправляется потому, что старые послы, как писал сам король, действовали не по тому наказу, который был им дан, ссылались с калужским вором, с осажденными в Смоленске, с Ляпуновым и другими изменниками. Эта грамота начиналась словами: «Наияснейшему великому государю Жигимонту III и проч. великого Московского государства ваши государские богомольцы: Аресений архиепископ архангельский и весь освященный собор, и ваши государские верные подданные, бояре, окольник ие» и т. д. Среди подписантов были, разумеется, и Романовы — боярин Иван Никитич и стольник Михаил Федорович. Патриарху Гермогену на подпись грамоту не дали, да он никогда и не согласился бы подписать грамоту, в которой бояре называли себя подданными польского короля.

Посольство должно было доставить радость королю. Бояре согласились практически со всеми его условиями. Но, увы, это посольство представляло не русское государство, а несколько десятков бояр и дворян, запертых в Кремле. Сигизмунд же не шел под Москву не потому, что ждал боярского приглашения, а потому, что не имел возможности идти. Его удерживали происки панов-рокошан и масса иных обстоятельств, но главное — у него не было денег. Создалась патовая ситуация: Гонсевский не мог долее удерживать Москву, Заруцкий и Трубецкой не могли взять Москву, король не мог выручить Гонсевского. Сложившуюся ситуацию могла кардинально изменить лишь новая сила. И эта сила не замедлила появиться.

Глава 16

Князь Дмитрий Пожарково-Стародубский

Трудно найти человека в России, который бы не знал о подвиге Дмитрия Пожарского и Кузьмы Минина. Однако дореволюционные и советские историки существенно исказили образ Дмитрия Михайловича Пожарского. Делалось это с разными целями, а результат получился один. Из Пожарского сделали незнатного дворянина, храброго и талантливого воеводу, но слабого политика, начисто лишённого честолюбия. Вообще такого исправного служаку-бессребренника — совершил подвиг, откланялся и отошел в сторону. Реальный же князь Пожарский ничего не имел общего с таким персонажем.

К началу XVI века князья Пожарские по богатству существенно уступали Романовым, но по знатности рода ни Романовы, ни Годуновы не годились им в подметки. Пожарскому не было нужды вписывать в родословную бродячих немцев («пришел из прусс») или татарских мурз, приезжающих на Русь основать православный монастырь («Сказание о Чете»). Не было нужды князьям Пожарским прилепляться к знатым родам по женской линии. Родословная Пожарских идет по мужской линии от великого князя Всеволода Большое Гнездо (1154–1212). И ни у одного историка не было и тени сомнения в истинности ее.

В 1238 г. великий князь Ярослав Всеволодович дал в удел своему брату Ивану Всеволодовичу город Стародуб на Клязьме с областью. С конца XVI века Стародуб стал терять свое значение, и к началу XIX века это уже было село Клязьменский Городок Ковровского уезда Владимирской губернии.

Стародубское удельное княжество было сравнительно невелико, но занимало стратегическое положение между Владимирским и Нижегородским княжествами. Кстати, и село Мугреево входило в состав Стародубского княжества.

Иван Всеволодович стал родоначальником династии независимых стародубских князей. Один из них, Андрей Федорович Стародубский, отличился в Куликовской битве. Второй сын Андрея Федоровича Василий получил в удел волость с городом Пожар (Погара)^[46] в составе

Стародубского княжества. По названию этого города князь Василий Андреевич и его потомки получили прозвище князей Пожарских. В начале XV века стародубские князья становятся вассалами Москвы, но сохраняют свой удел.

Князья Пожарские верой и правдой служили московским правителям. Согласно записи в «Тысячной книге» за 1550 г. на царской службе состояли тринадцать стародубских князей:

«Князь Ондрей да князь Федор княж Ивановы дети Татева. Князь Иван да Петр княж Борисовы дети Ромодановского. Князь Василей княж Иванов сын Ковров. Князь Иван Чорной да князь Петр княж Васильевы дети Пожарского. Князь Тимофей княж Федоров сын Пожарского. Князь Федор да Иван княж Ондреевы дети Большога Гундорова. Княж Федоров сын Данила. Князь Федор да Иван княж Ивановы дети Третьякова Пожарского».

Иван Федорович Пожарский был убит под Казанью в 1552 г. Отец нашего героя стольник Михаил Федорович Пожарский отличился при взятии Казани и в Ливонской войне. Но в марте 1566 г. Иван Грозный согнал со своих уделов всех потомков стародубских князей. Причем беда эта приключилась не по их вине, а из-за «хитрых» интриг психически нездорового царя. Решив расправиться со своим двоюродным братом Владимиром Андреевичем Старицким, царь поменял ему удел, чтобы оторвать его от родных корней, лишить его верного дворянства и т. д. Взамен Владимиру было дано Стародубское княжество. Стародубских же князей скопом отправили в Казань и Свияжск. Среди них оказались Андрей Иванович Ряполовский, Никита Михайлович Сорока-Стародубский, Федор Иванович Пожарский (дед героя) и другие.

Высылка стародубских князей была не только частью интриги Грозного против брата, но и элементом колонизации Казанского края. Наши историки привыкли говорить о покорении Казани в 1552 г. На самом деле еще многие годы в Казанском крае шла жестокая борьба татарского населения против русских. Стародубские князья приехали не одни, а со своими дружинами и дворней. Они получили довольно приличные вотчины и второстепенные должности в администрации казанского края. К примеру, Михаил Борисович Пожарский был назначен воеводой в Свияжск. Стародубские князья беспощадно подавляли восстания татар и внесли большой вклад в колонизацию края.

С 80-х годов XVI века часть вотчин в бывшем Стародубском

княжестве постепенно была возвращена законным владельцам. Но «казанское сидение» нанесло серьезный урон князьям Пожарским в служебно-местническом отношении. Их оттеснили старые княжеские роды и новое «боярство», выдвинувшееся в царствование Грозного. Таким образом, Пожарские, бывшие в XIV — начале XVI века одним из знатных родов Рюриковичей, были оттеснены на периферию, что дало повод советским именитым историкам называть их «захудалым родом».

Дмитрий Михайлович Пожарский родился 1 ноября 1578 г. в Казанском крае. Но юность его прошла недалеко от Суздаля в родовом гнезде — селе Мугрееве у реки Лух. Дмитрий стал вторым ребенком в семье, у него были старшая сестра Дарья и младший брат Василий. В 1587 г. скончался отец, Михаил Федорович, и все заботы о семье пришлось взять на себя матери Марии Федоровне, урожденной Беклемышевой.

Старинный дворянский род Беклемышевых вел свою родословную от некоего Гавриила, «мужа честна», выехавшего из Новгорода Великого из Прусского конца на службу в Москву к Василию 1. Внук Гавриила Федор за что-то получил прозвище Беклемыш, и его потомков стали именовать Беклемышевыми. Правнук Федора Беклемыш Иван Никитич Беклемышев-Берсень^[47] был очень близок к Ивану III. Так, в 1495 г. в Новгородском походе он имел должность постельничего великого князя. Беклемышев-Берсень был знаменитым дипломатом своего времени, ездил послом в Литву и Крым. Сравнительно небольшой чин — он был думным дворянином — не мешал ему играть важную роль как в международной, так и во внутренней политике Ивана III. Иван Никитич пытался стать советником и у Василия III, но тот вообще стал пренебрегать Боярской думой. Берсень позволил себе вступить в спор в Боярской думе с Василием III по поводу Литовской войны. Великий князь рассвирепел и заорал: «Поди, смерд, прочь не надобен ми яси!»

Заметим, что таких речей в думе никогда не позволял себе ни Иван III, ни тем более его предшественники. Берсень же попал в опалу, а в 1525 г. был по приказу Василия III обезглавлен на льду Москвы-реки. Однако на его потомство опала не была наложена.

Младший сын Берсеня Федор Никитич выдал в 1571 г. свою дочь Ефросинью за Михаила Федоровича Пожарского. Уже в браке Ефросинья по каким-то причинам сменила свое имя на Марию.

Уже в девять лет Дмитрию Пожарскому довелось подписать деловую бумагу. После смерти мужа Мария Федоровна на помин его души отдала Суздальскому Спас-Евфимиеву монастырю деревню. Жалованная грамота была составлена от имени наследника, и Дмитрий поставил под ней свою

подпись.

В конце 80-х годов XVI века Мария Пожарская переезжает в Москву. Она поселилась в своем деревянном доме на Сретенке напротив церкви Введения, близ Кузнецкого моста и недалеко от Пушечного двора. Причина переезда была проста — Дарья была на шесть лет старше Дмитрия, и ее, подобно пушкинской Татьяне Лариной, повезли на «ярмарку невест» в Москву. Там ее быстро выдали за князя Никиту Андреевича Хованского.

Многочисленный род Хованских относился к знати второго разряда. Родословную свою Хованские вели от второго сына великого князя литовского Гедимина Нарибута-Елеба, приехавшего в 1333 г. княжить в Новгород, а в 1408 г. сын Нарибута Патрикей приехал в Москву на службу к Василию I. Внук Патрикея Василий Федорович получил прозвище Хованский, которое и закрепилось за его потомством. Внучка Василия Хованского Ефросинья была выдана замуж за сына Ивана III князя Андрея и стала матерью Владимира Суздальского. Ефросинья и Владимир были убиты по приказу Ивана Грозного.

Дарья Пожарская в браке с Никитой Андреевичем Хованским родила одного сына Ивана.^[48] Вскоре Дарья умерла, а Никита Андреевич женился вновь, однако через небольшой срок постригся в монахи под именем Нифонта. Иван Никитич Хованский стал боярином и умер в 1675 г. Он оставил после себя двух сыновей, но внуки мужского потомства не имели.

В историю вошел лишь племянник (по мужу) Дарьи Пожарской Иван Андреевич Хованский, по прозвищу Таратуй. Будучи начальником Стрелецкого приказа, он в ходе стрелецких бунтов в 1682 г. попытался захватить власть, но был обманом схвачен царевной Софьей Алексеевной и казнен без суда и следствия. Впоследствии Иван Андреевич стал героем знаменитой оперы М. П. Мусоргского «Хованщина».

Чтобы больше не возвращаться к семье Дмитрия Михайловича Пожарского, скажу, что сведений о судьбе его младшего брата Василия найти не удалось. Известно лишь, что он постригся в монастыре под именем Вассиана.

В 1593 г. пятнадцатилетний Дмитрий Михайлович Пожарский впервые прибыл на дворянский смотр. Борису Годунову не за что было гневаться на князей Пожарских, да и на другие рода Стародубских князей. С другой стороны, они не оказали особых услуг Борису, да и сам правитель, как мы уже знаем, предпочитал последовательное присвоение чинов служилым людям. В результате Дмитрий Михайлович был оставлен при царском дворе, ему присвоили звание рынды, а через пару лет — стряпчего. Стряпчих у царя Федора было около восьмисот. Стряпчие везде

сопровождали царя — в церковь, в думу, в поход, на охоту и т. д. В церкви стряпчие держали шапку или платок, а в походе возили царский панцирь, саблю и др. Стряпчие выполняли различные поручения царя, например, посылались помощниками воевод в различные города или входили на вторых ролях в посольства. Напомню, что до Петра Великого в России военные и гражданские чины не различались, и, соответственно, чин стряпчего одновременно был военным, придворным и административным званием. Интересно, что стряпчие и стольники при дворе царя Федора Ивановича, а затем и царя Бориса Федоровича служили по пол года, а затем на пол года отпускались в отпуск, при этом большинство разъезжалось по своим имениям. Стольников к январю 1599 г. было 47, а к 1604 г. Годунов увеличил их число до 70.

Дмитрий Пожарский стал «стряпчим с платьем». В его обязанности входило под присмотром постельничего подавать туалетные принадлежности при облачении царя или принимать одежду и прочие вещи, когда царь раздевался. По ночам Дмитрий вместе с другими стряпчими нес караул на постельном крыльце государева дворца.

В Москве мать подобрала Дмитрию Михайловичу и невесту — Прасковью Варфоломеевну. Невеста была из небогатого и незнатного дворянского рода. Такой выбор Марии Федоровны Пожарской мне кажется непонятным, но, увы, мотивы его мы никогда не узнаем. Есть сведения, что Дмитрий Михайлович был счастлив в браке с Прасковьей Варфоломеевной, но не надо объяснять, что более знатное родство могло существенно помочь Пожарскому в 1612 г. Естественно, речь идет не о походе на поляков, а о предвыборной борьбе на соборе.

В 1602 г. царь Борис пожаловал в стольники Дмитрия Михайловича и Ивана Петровича Пожарских. Для двадцатичетырехлетнего князя Дмитрия это считалось неплохим началом карьеры. После всех конфискаций 60–70-х годов XVI века Дмитрий Пожарский был не богат, но и не беден. Как уже говорилось, в 1587 г. Дмитрий Михайлович Пожарский передал монастырю «по приказу отца своего» одну из стародубских вотчин — село Три Дворища. Тем не менее за ним осталась Мугреевская вотчина близ Стародуба. Ему же принадлежали отцовские вотчины — село Медведково на реке Яузе, села Лучинское и Бодалово в Юрьевском уезде. От отца и деда Дмитрию Михайловичу досталось и приданое его матери Ефросиньи Беклемышевой — село Берсенево Клинского уезда и село Лукерьино-Фомино Коломенского уезда, а также приданое его бабки Берсеневой — село Марчукино Коломенского уезда.

Стольник Д. М. Пожарский по царскому указу был отправлен на

литовскую границу.

В 1602 г. Мария Федоровна Пожарская по приказу царя Бориса была взята в царские палаты верховной боярыней при его дочери Ксении Борисовне. Боярыней же при царице Марии Григорьевне была назначена мать князя Бориса Михайловича Лыкова. Вскоре между Марией Пожарской и Евфимией Лыковой возник конфликт. Судя по всему, все началось с глупой бабьей ссоры. Обе дамы были вдовами — муж Евфимии Михаил Юрьевич Лыков был убит в Ливонии еще в 1579 г., поэтому в защиту матерей вступились их старшие сыновья Дмитрий Пожарский и Борис Лыков. Лыковы были Рюриковичи и вели свой род от князя Михаила Черниговского. Родоначальник рода Пожарских Всеволод Большое Гнездо, сын Юрия Долгорукого, несомненно, был выше Михаила Черниговского, но в местнических тяжбах XVI–XVII веков учитывали и чины, полученные от московских князей членами данного рода. Между прочим, Борис Лыков был женат на родной сестре Федора Никитича Романова Настасье Никитичне, а Романовы к этому времени уже были в опале.

Тем не менее Дмитрий Пожарский решил поместничать с Борисом Лыковым и бил челом Годунову, чтобы царь «его, князя Дмитрия, пожаловал, велел ему с княж Борисовым отцом Лыкова, со князем Михайлом Лыковым, в отечестве дати и суд и счет».

Царь велел разобраться в споре Боярской думе, но обе стороны представили столько аргументов, причем подтвержденных документально, что решить тяжбу стало практически невозможно. И тут Пожарский пишет политический донос на Лыкова. Донос, да и родство Бориса с Романовыми сделали свое дело — Пожарский выиграл местнический спор. Борис Лыков был послан на воеводство в пограничную крепость Белгород. Мать Бориса Евфимию заставили покинуть царский двор и постричься в монастырь под именем Евфросиньи, где она и скончалась 9 июня 1604 г.

Через шесть лет Борис Лыков напишет донос царю Василию Шуйскому на Дмитрия Пожарского, где утверждает, что: «...прежде, при царе Борисе, он, князь Дмитрий Пожарский, доводил на меня ему, царю Борису, многие затейные доводы, будто бы я, сходясь с Голицыными да с князем Татевым, про него, царя Бориса, рассуждаю и умышляю всякое зло; а мать князя Дмитрия, княгиня Марья, в то же время доводила царице Марье на мою мать, будто моя мать, съезжаясь с женою князя Василия Федоровича Скопина-Шуйского, рассуждает про нее, царицу Марью, и про царевну Аксинью злыми словами. И за эти затейные доводы царь Борис и царица Марья на мою мать и на меня положили опалу и стали гнев держать без сыску».

Подлинник доноса Пожарского на Лыкова до нас не дошел, но и без него ясно, что Лыков врет. С какой стати Дмитрию Михайловичу порочить сразу нескольких именитых людей — князей Василия Васильевича Голицына и Василия Федоровича Скопина-Шуйского, которые были в чести у царя Бориса как до доноса на Лыкова, так и после? Для царя такая информация была очень важна, и тут не обошлось бы без крутых мер. Если бы обвинения подтвердились, то большая опала ждала бы Голицына и Скопина-Шуйского, по сравнению с которыми Лыков был просто мелкой сошкой. А если бы донос не подтвердился, то сам Пожарский отправился бы в окопах в места не столь отдаленные.

Так что если Пожарский и писал донос на Лыкова, то там явно, не фигурировали Голицын и Скопин-Шуйский. Гораздо проще было притянуть Лыкова к его родственникам Романовым. Лыков же свой донос Василию Шуйскому писал наобум — вдруг не будут искать грамоту Пожарского шестилетней давности, и солгал о клевете Пожарского на самых влиятельных лиц царствования Василия Шуйского.

А вообще, куда делась грамота Пожарского? Ведь подавляющее большинство документов царствования Бориса Годунова дошло до нас в целостности и сохранности. Наиболее вероятна версия, что грамота была уничтожена при царе Михаиле Романове. Донос «спасителя отечества» на родственников царя Михаила был совсем некстати, и с ним поступили, как обычно поступали наши цари и вожди с особо скандальными документами.

Об участии Пожарского в войне с Лжедмитрием I документальных данных нет. Скорей всего он оставался в Москве при особе государя. Вместе со всеми москвичами Дмитрий Михайлович целовал крест царю Дмитрию и остался стольником при его дворе.

Любопытно, что Борис Лыков сделал головокружительную карьеру при дворе Гришки Отрепьева. Самозванец произвел его в кравчие, а через несколько недель — в бояре.

В ночь на 17 мая 1606 г. Пожарский оказался в отъезде. Он был в родовом имении Мугреево и, соответственно, не участвовал в перевороте Василия Шуйского. Дмитрию Михайловичу как-то фантастически везло, а может наоборот, не везло, и он всегда оставался в стороне от всех переворотов. И новый царь его не наградил и не наказал. Василий Шуйский произвел «перебор» стольников, в ходе которого свыше ста человек были лишены этого звания. Пожарский же по-прежнему остался «вечным» стольником.

В конце 1607 г. под Москвой Пожарский многократно участвовал в боях с войском Ивана Болотникова. В июне 1608 г. Пожарский отличился

при защите Москвы от войск Тушинского вора. Именно его конный отряд в ночь на 4 июня остановил поляков Рожинского на Ваганьковском поле.

В июле 1608 г. Пожарский впервые был назначен воеводой и стал командовать отдельным отрядом. В то время шла, как уже говорилось, непрерывная борьба царских войск и Тушинского вора за контроль над коммуникациями. Воровские воеводы попытались оседлать Коломенскую дорогу и перенаправить поток хлеба из южных областей из Москвы в Тушино. Результатом действий тушинцев стало новое резкое вздорожание хлеба в Москве, стоимость четверти^[49] ржи достигала семи рублей.

Воевода Пожарский приказал атаковать «литовских людей» у села Высоцкого (сейчас это город Егорьевск). Тушинцы были наголову разбиты и бежали, оставив Пожарскому обоз — «многую казну и запасы». При этом Пожарский поссорился с коломенским воеводой Иваном Пушкиным, который предпочел отсидеться в остроге и отказался дать ратников в помощь Пожарскому. В итоге через несколько недель после сражения Пожарскому пришлось судиться у царя Василия с нахально заместничавшим Иваном Пушкиным. Род Пушкиных имел столь же «липовую» родословную, что и Романовы, а потянули на князя Рюриковича. Естественно, что царь отклонил их претензии, но драть их батогами, как в те времена было положено за оное преступление, не стал из-за шаткости своего положения.

Пожарского же царь пожаловал поместьем в Суздальском уезде, центром которого было большое село Нижний Ландех. В жалованной грамоте говорилось:

«Князь Дмитрий Михайлович, будучи в Москве в осаде, против врагов стоял крепко и мужественно, и к царю Василию и к Московскому государству многую службу и дородство показал, голод и во всем оскудение и всякую осадную нужду терпел многое время, а на воровскую прелесть и смуту ни на которую не покусился, стоял в твердости разума своего крепко и непоколебимо безо всякие шатости».

Осенью 1608 г. тушинцы вновь взяли под контроль Коломенскую дорогу. Во главе их был атаман Сальков. Сальков и компания именовали себя казаками, но его отряд и он сам были крестьянами, бросившими свои семьи и занявшимися разбоем. Против Салькова царь Василий отправил отряд во главе с князем Мосальским. Но Сальков разгромил его. Неудачей закончился и поход на «воров» отряда думного дворянина Сукина. Тогда

царь Василий отправил на Салькова Пожарского. Воевода стремительно атаковал «воров» у Владимирской дороги на реке Пехорке. Тушинцы были вдребезги разбиты, подавляющее большинство их было убито на месте. После битвы у Салькова осталось только тридцать человек. На четвертый день потрясенный атаман явился в Москву к царю Василию с повинной.

В 1609 г. царь назначил Пожарского воеводой в Зарайск. Город имел большое стратегическое значение. Первая зарайская деревянная крепость была построена в XV веке на мысу, образованном высоким берегом реки Осетр (правый приток реки Оки) и островом Бубнова. Старая крепость имела укрепления в виде земляного вала протяжением 1600 метров, усиленного тыном с пятью проезжими и восемью глухими башнями и глубоким рвом впереди. Каменная крепость Зарайск была построена в 1531 г. итальянским инженером Алевизом по приказанию великого князя Василия III для защиты Москвы от набегов крымских татар. Новый «каменный город» был расположен внутри старого деревянного и представлял собой четырехугольник с высокими (до 16 метров) башнями по углам и тремя проезжими башнями по сторонам. Протяженность каменной ограды составляла 750 метров, стены имели высоту 8 метров и толщину в 2,6 метра. Стены были сложены в нижней половине из тесаного камня, а в верхней — из кирпича. В 1608 г. крепость была взята тушинцами под началом Александра Лисовского, но позже отбита назад.

В Зарайске Пожарский узнает о поражении русских под Клушино. Вскоре а Зарайск Прокопий Ляпунов прислал своего племянника Федора Ляпунова уговаривать Пожарского подняться против Василия Шуйского. Дмитрий Михайлович категорически отверг это предложение.

Через несколько недель на сторону Тушинского вора переметнулись жители Коломны и Каширы. Заволновалось и население Зарайска. Всем городом они пришли к воеводе просить его целовать крест «настоящему царю Дмитрию Ивановичу». Пожарский отказался и с несколькими ратниками заперся в зарайском кремле. Никольский протопоп Дмитрий ходил по стенам кремля и увещевал ратников умереть за православную веру.

Грозные речи воеводы, молитвы протопопа и крепостные пушки, направленные на город, произвели должное впечатление на обывателей. Дело кончилось уговором воеводы с горожанами: «Будет на Московском государстве по-старому царь Василий, то ему и служить, а будет кто другой, и тому также служить». Уговор был скреплен крестным целованием.

Восстановив в Зарайске спокойствие, Пожарский отправил отряд

ратников в Коломну и выбил оттуда сторонников Тушинского вора.

Во время свержения Василия Шуйского и начала правления «семибоярщины» Пожарский безвыездно находился в Зарайске и его окрестностях. Пожарский отказался целовать крест королевичу Владиславу и выжидал дальнейшее развитие событий. Прокопий Ляпунов из Рязани начал рассылать грамоты с призывами собрать ополчение и идти на Москву. Теперь царь Василий отрекся от престола, и свободный от присяги Дмитрий Михайлович со спокойной совестью поддержал Ляпунова.

Сигизмунд решил уничтожить Ляпунова и специально для этого направил на Рязанщину большой отряд поляков и запорожских казаков во главе с воеводой Исаком Сунбуловым. Известие о приближении Сунбулова застало Прокопия Ляпунова в его поместье, и он успел укрыться в деревянной крепости городка Пронска. Ратников в Пронске было мало, и Ляпунов разослал по окрестным городам отчаянные письма о помощи. Первым к Пронску двинулся Пожарский со своими зарайскими ратниками. По пути к ним присоединились отряды из Коломны. Узнав о прибытии войск Пожарского, поляки и казаки бежали из-под Пронска.

Через некоторое время Сунбулову удалось собрать свое воинство, и он решил отомстить Пожарскому вернувшемуся из Пронска в Зарайск. Ночью запорожцы попытались внезапно захватить зарайский кремль (острог), но были отбиты. А на рассвете Пожарский устроил вылазку. Казаки в панике бежали и больше не показывались у Зарайска.

Обеспечив безопасность своего города, Пожарский смог отправиться в Рязань к Ляпунову. Там они договорились, что Ляпунов с ополчением двинется к Москве, а Пожарский поднимет восстание в самом городе. Для этого Пожарский и отправился в столицу.

О действиях Пожарского в ходе московского восстания в марте 1612 г. мы уже говорили в главе «Первое ополчение», поэтому сразу перейдем к последующим событиям.

Тяжелораненый Дмитрий Пожарский несколько недель лежач у монахов в Троице-Сергиевом монастыре, а затем отправился долечиваться в свою вотчину Мугреево. А тем временем сосед Дмитрия Михайловича по суздальским именьям стольник Гришка Орлов попытался захватить вотчины Пожарского. Сам Гришка во время московского восстания был на стороне поляков. Узнав об участии Пожарского в восстании и его тяжелом ранении, Орлов тут же накатал грамоту на имя польского короля:

«Наияснейшему великому государю Жигимонту, королю польскому и великому князю литовскому, и государю царю и

великому князю Владиславу Жигимонтовичу всея Руси бьет челом верноподданный вашии государские милости Гришка Орлов. Милосердные великие государи! Пожалуйте меня, верноподданного холопа своего, в Суздальском уезде изменничьим князь Дмитриевым помещенцом Пожарского, селцом Ландехом Нижним з деревнями; а князь Дмитрий вам государем изменил, отъехал с Москвы в воровские полки, и с вашими государевыми людьми бился в те поры, как на Москве мужики изменили, и на бою в те поры ранен. Милосердные великие государи! Смилуйте, пожалуйте».

Прошение это Гришка подал Гонсевскому, а тот приказал Мстиславскому выдать стольнику жалованную грамоту. Боярская дума немедленно известила крестьян Нижнего Ландеха об их новом владельце: «И вы б все крестьяне, которые в том селе и в деревнях и в починках живут и на пустошах учнут жити, Григория Орлова слушали, пашню на него пахали и доход ему помещиков платили».

В Мугрееве воевода узнал об осаде Москвы первым ополчением, о кознях казаков против Ляпунова и о его гибели, о массовом уходе дворян и служилых из ополчения.

Наступил самый критический момент Смутного времени. Первое ополчение разлагалось. Чтобы спасти Россию, нужна была новая сила и новый вождь.

Летом 1611 г., когда Ляпунов был еще жив, архимандрит Троицкого монастыря Дионисий разослал грамоты в Казань и другие низовые города, в Новгород Великий, на Поморье, в Вологду и Пермь, где говорилось: «Православные христиане, вспомните истинную православную христианскую веру... покажите подвиг свой, молитесь служилых людей, чтоб быть всем православным христианам в соединении и стать сообща против предателей христианских, Михайлы Салтыкова и Федьки Андронова и против вечных врагов христианства, польских и литовских людей. Сами видите конечную от них погибель всем христианам, видите, какое разоренье учинили они в Московском государстве. Где святые Божии церкви и Божии образы? Где иноки, седицами цветущие? Инокнии, добродетелями украшенные? Не все ли до конца разорено и обругано злым поруганием; не пощажены ни старики, ни младенцы грудные... Пусть служилые люди без всякого мешканья спешат к Москве, в сход к боярам, воеводам и ко всем православным христианам».

6 октября 1611 г. монахи Троицкого монастыря опять разослали

грамоты по городам с известием, что «пришел к Москве, к литовским людям на помощь Ходкевич, а с ним пришло всяких людей с 2000 человек и стали по дорогам в Красном селе и по Коломенской дороге, чтоб им к боярам, воеводам и ратным людям, которые стоят за православную христианскую веру, никаких запасов не пропускать и голодом от Москвы отогнать, и нас, православных христиан, привести в конечную погибель...»

Троицкие грамоты публично зачитывались на площадях и в церквях русских городов. Так было и в Нижнем Новгороде. Там их зачитал в Спасо-Преображенском соборе протопоп Савва Ефимьев. Чтение грамот закончилось горестными восклицаниями людей и вопросами: «Что же нам делать?». И тут раздался громкий голос: «Ополчаться!» Это сказал земский староста Кузьма Минин Сухорук.

К Кузьме Минину хорошо подходят слова кардинала Мазарини об Оливере Кромвеле: «Такие люди, как удар молнии, о ней узнают, когда она поражает...»

До нас дошли лишь скудные сведения о жизни Кузьмы Минина до 1612 г. Ко времени выступления в Спасо-Преображенском соборе ему было около 50 лет.

Кузьма родился в многодетной семье балахнинского соледобытчика Мины Анкудинова. Предположительно, отец Мины перебрался в Балахну из-за Волги, где жили его предки-крестьяне. Сам же Мина владел несколькими деревнями на луговой стороне Волги близ устья впадающей в нее реки Узолы. В записи Писцовой книги 1591 г. дворцовой Заузолской волости говорится: «Деревня Протасьева Щекина на Микольском истоке, деревня Сорвачева на речке на Чуди, деревня Лютикова Казариновская за балахонцем за посадским человеком за Минею за Анкудиновым». При этих деревнях было около четырнадцати десятин пахотной земли и семь десятин хормного леса. Надо ли говорить, что Мина Анкудинов слыл одним из богатейших жителей Балахны.

Солевой промысел приносил Мине большой доход. Он был совладельцем большой «рассольной трубы» (промысла) Каменка.

Предание гласит, что Кузьма Минин был крещен в Никольской церкви — первой каменной церкви в Балахне, которая сохранилась до наших дней. А недалеко от церкви есть озерцо, вокруг которого Кузьма посадил ветлы.

По архивным данным, историки установили, что у Кузьмы было два старших брата — Федор и Иван, и два младших — Сергей и Бессон. Переезжая в Нижний Новгород, Мина Анкудинов, вероятно, оставил старшим сыновьям Федору и Ивану все хозяйство, принадлежавшее ему в Балахне. Историк Игорь Александрович Кирьянов нашел в синоднике

Спасо-Преображенского собора несколько упоминаний о Федоре Минине, где он именуется то Федькою Мининым, то Федором, то Федькою Мининым сыном Анкудиновым.

Судя по ссылкам Писцовой книги 1674–1676 гг. на Писцовую книгу Балахны 1628 г., Федор Минин был совладельцем четырех рассольных труб, включая варницы Прибыток и Каменку, совместно с братом Иваном владел варницами Новик и Налет, двумя лавками в Большом ряду, двумя лавочными местами в Рыбном и Щепетильном ряду на балахнинском торге. А в трубах Каменка, Лунитская, Большая золотуха и Пospelовская за ними было 875 бадей рассола.

Все это позволяет сделать однозначный вывод об огромном богатстве Мининых. Но самое интересное, что совладельцем принадлежавшей Федору Минину рассольной трубы Лунитская был... Дмитрий Михайлович Пожарский! Так что, прежде чем стать товарищами по второму ополчению, Минин и Пожарский были товарищами в добыче и продаже соли.

Кузьме было около двенадцати лет, когда он с отцом переехал из Балахны в Нижний Новгород. Они поселились на посаде Благовещенской слободы у старинного мужского монастыря. Дом Кузьмы Минина стоял «на горе на всполье», сейчас это место называется Гребешком.

Летом 1597 г. в Нижнем Новгороде произошла страшная катастрофа — мощный оползень снес богатую Печерскую обитель. Как писал местный летописец:

«...В третьем часу ночи... В нижнем Нове-Граде в Печерском монастыре оползла гора от матерой степи и прошла вниз под холмы, где монастырь стоит... Вышла та земля на Волгу сажен на 50, а инде и больши... И явились на Волге бугры великие: суды, которые стояли под монастырем на воде, и те суды стали на берегу на сухе, сажен двадцать от воды и больше. И после того как поникла гора, пошли из горы ключи великие...»

Монастырь был восстановлен нижегородцами на новом месте. Вот тогда мог внести первые вклады в его строительство Мина Анкудинов, ставший через некоторое время иноком этого монастыря под именем Мисаил.

После ухода отца в монастырь Кузьма Минин вместе с братьями продолжает его дело. Кроме доли в рассольных трубах брата Федора у Кузьмы была своя мясная лавка на нижегородском торгу и скотобойня. Имел Кузьма и большой дом в городе, хотя семья его была невелика —

жена Татьяна Семеновна да сын Нефедий.

Сочетание богатства и честности у Кузьмы Минина вызвало уважение горожан, которые избрали его земским старостой. Земский староста фактически был посредником между властями в лице городского воеводы и московской администрации и горожанами. Основной функцией земского старосты был сбор налогов с населения, что, естественно, давало рычаг управления как в отношении горожан, так и в известной степени в отношении воеводы.

В годы Смутного времени, когда после каждого переворота прежнего царя объявляли незаконным, а то и сразу было несколько «царей», законность большинства воевод становилась сомнительной, а власть их уменьшалась. Соответственно, существенно возрастала роль земского старосты.

Большинство наших историков считает Минина неграмотным. Основано подобное мнение на том, что в грамотах за Минина «прикладывал руку» князь Пожарский. Но это могло быть данью этикету и связано с низким социальным статусом Минина, а может, он просто не мог подписываться правой рукой, вспомним его прозвище — Сухорук. Солепромышленники были одной из самых богатых категорий купцов, и вряд ли Мина Анкудинов не захотел учить своего сына грамоте.

Предложение Минина «ополчаться» решительно поддержал протопоп Спасо-Преображенского собора Савва Ефимьев, В 1606 г. царь Василий специальной грамотой потребовал от всех попов Нижнего Новгорода «спасского протопопа Саввы слушати, на собор по воскресеньям к молебнам и по праздникам к церквам приходить». Савва мог наказывать любого из попов и даже «сажати в тюрьму на неделю».

Савва, встав в соборе перед святыми воротами, обратился к пастве со словами:

«Увы нам, чада мои и братия, пришли дни конечной гибели — погибает Московское государство и вера православная гибнет. Горе нам!.. Польские и литовские люди в нечестивом совете своем умыслили Московское государство разорить и непорочную веру в латинскую многопрелестную ересь обратить!.. Из-за грехов наших попускает Господь врагам нашим возноситься. Прекрасный град Москву оные еретики до основания разрушили и москвичей всеядному мечу предали. Что сделаем, братия, и что скажем? Не утвердиться ли нам в единении и не стать ли насмерть за веру христианскую, чистую и непорочную, и за

святую соборную и апостольскую церковь во имя Богородицы, ее честного успения и за многоцелебные мощи московских чудотворцев. О том и грамота просительная из Троице-Сергиева монастыря...»

Речь Саввы убедила большинство горожан поддержать Минина. Однако объявились и оппоненты. Когда Минин заявил: «Сами мы не искусны в ратном деле, так станем кличь кликать по вольных служилым людям», то послышались вопросы: «А казны нам откуда взять служилым людям?» Минин отучал: «Я убогий с товарищами своими, всех нас 2500 человек, а денег у нас в сборе 1700 рублей; брали третью деньгу: у меня было 300 рублей, и я 100 рублей в сборные деньги принес; то же и вы все сделайте». «Будь так, будь так!» — закричали в ответ. Начали сбор денег. Пришла вдова и сказала: «Осталась я после мужа бездетна, и есть у меня 12 тысяч рублей, 10 тысяч отдаю в сбор, а 2 тысячи оставлю себе». Кто не хотел давать деньги добровольно, у того брали силой.

Кузьма Минин оказался прекрасным организатором и, как сейчас говорят, «крепким хозяйственником». Но стать главой ополчения ему не позволяло происхождение и незнание ратного дела. Ополчению нужен был вождь. Старый нижегородский воевода Александр Репнин пошел было в первое ополчение, но там себя ничем не проявил, а после убийства Ляпунова купил себе у Заруцкого воеводство в Свияжске.

Минин предложил пригласить воеводой Дмитрия Михайловича Пожарского. Как воевода Пожарский не проиграл ни одной битвы. Как стольник Пожарский ни разу не нарушил верность царю. Он был предан последовательно Борису Годунову, Лжедмитрию I и Василию Шуйскому, пока их смерть или отречение не освобождали его от присяги. Пожарский не присягал ни Тушинскому, ни Псковскому вора́м, равно как и королю Сигизмунду, и королевичу Владиславу.

Очень важно было и то, что Пожарский находился рядом с Нижним в селе Мугрееве. Наконец, не последнюю роль сыграло и личное знакомство Кузьмы Минина с князем.

По призыву Минина и Ефимьева горожане единодушно решили позвать на воеводство князя Пожарского. Несколько раз посылали нижегородцы гонцов к князю Пожарскому с просьбой возглавить ополчение, но он отвечал отказом. Это было связано, с одной стороны, с этикетом — на Руси не было принято соглашаться с первого раза (вспомним, как отказывался от престола Годунов, и далее мы узнаем, как ломал комедию Михаил Романов), а с другой стороны, Дмитрий

Михайлович хотел таким способом вытребовать себе большую власть.

Наконец в Мугреево было отправлено большое посольство во главе с архимандритом Печерского монастыря Феодосием. Там же был соратник воеводы сын боярский Ждан Петрович Болтин и богатые нижегородские купцы. Тут Пожарский вынужден был согласиться и сказал: «Рад я вашему совету, готов хотя сейчас ехать, но выберите прежде из посадских людей, кому со мною у такого великого дела быть и казну собирать». Послы сказали, что в Нижнем Новгороде такого человека нет, на что Пожарский ответил: «Есть у вас Кузьма Минин, бывал он человек служилый, ему это дело за обычай».

Послы возвратились в город и передали нижегородцам слова князя. Тогда те стали просить Кузьму Минина взяться за дело. Минин также поначалу отказывался, чтобы нижегородцы согласились на все его условия. «Соглашусь, — говорил он, — если напишете приговор, что будете во всем послушны и покорны и будете ратным людям давать деньги». Нижегородцы согласились, и Минин написал в приговоре, чтобы не только отдавать свои имения, но и жен и детей продавать. Кузьма взял подписанный приговор и отправился с ним к князю Пожарскому, пока нижегородцы не передумали.

Денег на ополчение нижегородцы собрали довольно много. Но профессиональных военных почти не было. До Смуты в Нижнем Новгороде находилось свыше трехсот служилых людей (дворян, детей боярских и боевых холопов), а сейчас их осталось менее пятидесяти. Зато недалеко, в Арзамасском уезде, пребывался свыше двух тысяч дворян из Смоленска, Дорогобужа и Вязьмы. Смоленские дворяне были с детства привычны к оружию. И это не традиционное преувеличение. Русский царь и польский король могли десятилетиями быть в мире, но ни одного года не обходилось без нападения грабителей-шляхтичей на пограничные смоленские земли.

Еще до вторжения в Россию армии Сигизмунда царь Василий велел смоленским служилым людям отправиться на помощь Михаилу Скопину-Шуйскому. После разгрома русских войск у Клушина смоляне остались без командования и без средств, поскольку в их имениях уже бесчинствовало польское коронное войско.

Как уже говорилось, «семибоярщина» боялась своего народа, а особенно русских ратников. Еще до московского восстания бояре под предлогом защиты окраины по частям распихали по дальним городам почти всех московских стрельцов. А смоленские дворяне вызывали у «семибоярщины» особое опасение. Кнута у бояр не было, и они вспомнили

о прянике. Из обширных дворцовых (царских) земель в Арзамасском, Ярославском и Алатырском уездах смоленским дворянам были выделены довольно приличные поместья. Однако Иван Заруцкий и его казаки сами зарились на эти богатые земли и отправили администраторам уездов и крестьянам грамоты, в которых постановление «семибоярщины» было объявлено незаконным, а имения смолянам велено не отдавать. Дело дошло до столкновений смолян с местными гарнизонами и крестьянами. И тут в самый критический момент подоспела грамота Минина с предложением дворянам идти в ополчение, и большинство их откликнулось на этот призыв.

В Мугреево к Пожарскому начали съезжаться смоляне. Князь двинулся в Нижний Новгород уже в сопровождении нескольких сотен дворян, по пути к нему присоединилось еще несколько отрядов. В Нижний Новгород торжественно вошло уже целое войско, причем войско профессиональное, состоящее из дворян и их боевых холопов. Все горожане высыпали на улицы встречать славного воеводу. Они приветствовали его радостными криками. У Спасского собора в кремле Пожарского ждали «лучшие» люди — протопоп собора Савва, архимандрит Феодосий, воеводы князь Василий Андронов Звенигородский и Андрей Семенович Алябьев, дьяк Василий Семенов, стряпчие Иван Биркин и Василий Юдин и конечно же руководители ополчения — Кузьма Минин и Ждан Болтин.

В тот же день ополченцам было роздано жалованье. Сотники и десятники получили по 50 рублей, конные дворяне — по 40 рублей, стрельцы — по 30 рублей, остальные — по 20 рублей. Заметим, что и Борис Годунов, и Василий Шуйский платили «государево жалованье» куда меньше. Например, стольник получал на поход 20 рублей. Деньги были немалые, а для ведения войны требовалось во много раз больше. Поэтому нижегородцы разослали по всем городам грамоты: «...междоусобная брань в Российском государстве длится немалое время. Усмотри между нами такую рознь, хищники нашего спасения, польские и литовские люди, умыслили Московское государство разорить, и Бог их злокозненному замыслу попустил совершиться. Видя такую их неправду, все города Московского государства, сославшись друг с другом, утвердились крестным целованием — быть нам всем православным христианам в любви и соединении, прежнего междоусобия не начинать, Московское государство от врагов очищать, и своим произволом, без совета всей земли, государя не выбирать, а просить у Бога, чтобы дал нам государя благочестивого, подобного прежним природным христианским государям. Из всех городов Московского государства дворяне и дети боярские под

Москвою были, польских и литовских людей осадили крепкою осадю, но потом дворяне и дети боярские из-под Москвы разъехались для временной сладости, для грабежей и похищенья. Многие покушаются, чтобы быть на Московском государстве панье Маринке с законопреступным сыном ее. Но теперь мы, Нижнего Новгорода всякие люди, сославшись с Казанью и со всеми городами понизовыми и поволжскими, собравшись со многими ратными людьми... идем все головами своими на помощь Московскому государству, да к нам же приехали в Нижний из Арзамаса смольняне, дорогобужды и вятчане и других многих городов дворяне и дети боярские. И мы всякие люди Нижнего Новгорода, посоветовавшись между собою, приговорили животы свои и дома с ними разделить, жалованье им и подмогу дать и послать их на помощь Московскому государству. И вам бы, господа, помнить свое крестное целование, что нам против врагов наших до смерти стоять: идти бы теперь на литовских людей всем вскоре. Если вы, господа, дворяне и дети боярские, опасаетесь от казаков какого-нибудь налога или каких-нибудь воровских заводов, то вам бы никак этого не опасаться. Как будем все верховые и понизовые города в сходу, то мы свею землю о том совет учиним и дурна никакого вора делать не дадим.... Мы, всякие люди Нижнего Новгорода, утвердились на том и в Москву к боярам и ко всей земле писали, что Маринки и сына ее, и того вора, который стоит под Псковом, до смерти своей в государи на Московское государство не хотим, точно так же и литовского короля».

Содержание грамот было фактически манифестом второго ополчения. Минин и Пожарский открыто заявили всей стране, что они не только хотят избавить Русь от поляков и литовцев, но и наведут в стране порядок — «никакого дурна никому делать не дадим». Хотя Заруцкий и Трубецкой не были поименно названы, ни у кого не было сомнения, как к ним относятся вожди второго ополчения. Как писал историк С. М. Соловьев, это было «движение чисто земское, направленное столько же, если еще не больше, против казаков, сколько против польских и литовских людей».

Нижегородские грамоты произвели большой эффект по всей стране. В Нижний чуть ли не ежедневно приходили отряды из Коломны, Рязани, с юго-запада Руси и из сибирских городов. К ополчению присоединилась и часть московских стрельцов, разсланных по городам «семибоярщиной». В ополчение со своими дружинами пришли и родственники Дмитрия Михайловича — Дмитрий Лопата, Иван и Роман Пожарские, дети Петра Тимофеевича Щепы-Пожарского.

В Нижнем Новгороде у Благовещенской слободы был устроен пушечный двор, где к весне 1612 г. отлили первые пушки. Богатые купцы

Никитовы, Лыткины, Дощанниковы и другие передали Минину несколько тысяч рублей. Одни только промышленники Строгановы дали на ополчение 4660 рублей.

К удивлению нижегородцев в помощи отказала Казань. Там власть сосредоточилась в руках дьяка Никанора Шульгина, который сам претендовал на роль спасителя отечества.

Шульгина активно поддерживал его сват — богатый горожанин Амфилахий Рыбушкин. Монахи Троице-Сергиева монастыря отправили специальную грамоту Шульгину и Рыбушкину, где потребовали от них поддержать ополчение Минина и Пожарского. Те игнорировали просьбу монахов. Тогда троицкие власти вызвали к себе Пимена — отца Амфилахия Рыбушкина, который был архимандритом старицкого Богородицкого монастыря, и «за измену сына томили его тяжкими трудами — заставляли печь хлеба» и т. д.

Поляки и «семибоярщина» узнали о созыве второго ополчения, когда князь Пожарский еще был в Мугрееве. Я здесь впервые упомянул термин «второе ополчение», введенный историками в употребление еще во второй половине XIX века, которые первым ополчением именовали войско Ляпунова, а позже Трубецкого, а вторым — ополчение Минина и Пожарского. Как-либо помешать сбору второго ополчения ни «семибоярщина», ни поляки не могли за неимением свободных войск. Боярской думе оставалось лишь вести психологическую войну — рассылать грамоты, обличающие вождей второго ополчения. Бояре начали уговаривать Гермогена, чтобы он написал туда грамоту и запретил поход на Москву. Но сломить патриарха не удалось ни лестью, ни угрозами. От твердо заявил: «Да будут благословенны те, кои идут на очищение Московского государства, а вы, окаянные изменники, будете прокляты».

До января 1612 г. воевода Пожарский прославился знанием тактики и личной храбростью. Возглавив ополчение, он с первых дней показал себя незаурядным стратегом и искусным политиком. Кузьма Минин во всем безоговорочно поддерживал воеводу. Оба вождя понимали, что идти прямо к Москве на соединение с Заруцким и Трубецким — это повторить судьбу Ляпунова и погубить второе ополчение.

В январе 1612 г. Пожарский объявил, что нижегородская рать пойдет на выручку Суздалью, осажденному польскими отрядами. В дальнейшем князь предполагал сделать Суздаль местом сбора ополчения со всей страны. Мало того, в Суздале предполагался созыв Земского собора, на котором были бы представлены все русские земли. Земский собор должен был решить вопрос об избрании царя: «Как будем все понизовые и

верховые города в сходе вместе, мы всею землей выберем на Московское государство государя, кого нам Бог даст».

Пожарский правильно оценил ситуацию. Война Нижегородского ополчения с поляками — это элемент бесперспективной гражданской войны, так как за ополчением стоит лишь земская власть Нижнего Новгорода. А когда за ополчением будет стоять государственный аппарат во главе с царем и патриархом, произойдет коренной перелом в мышлении всего народа. Царь же должен быть избран Земским собором представителями всех городов Руси, а не пьяными казаками, выдвинувшими уже десятка два самозванцев. Понятно, что на Земском соборе, проходящем под охраной ополчения Пожарского, и речи не будет о псковском Лжедмитрии или «воренке» Марины Мнишек. Теоретически могли быть рассмотрены лишь два варианта: избрание заморского королевича и выборы князя Рюриковича. Первый вариант был маловероятен — уж очень всем памятен случай с королевичем Владиславом. А если выбирать своего, русского, то кого? Шуйские в польской темнице, Голицыны, Мстиславские, Романовы также в руках поляков, и те их даже на собор не выпустят. Тушинский боярин Трубецкой силен лишь в окружении казаков, о нем и речи не будет. Таким образом, решение собора нетрудно предугадать.

Это прекрасно понимали и в подмосковном казачьем лагере. Реакция последовала незамедлительно. На Суздаль были срочно брошены казачьи отряды атаманов Андрея и Ивана Просовецких. Польские войска отошли без боя, и Суздаль был занят казаками. Таким образом, прямой путь Пожарскому к Москве был закрыт. Конечно, дворянское ополчение без труда могло выбить казаков из Суздаля, но начинать войну с первым ополчением было нецелесообразно в военном, а главное, в политическом отношении. Поэтому Пожарский решил двинуть рать в обход Москвы по Волге.

Между тем осложнилась обстановка на севере Руси. 8 июля 1611 г. самозванец явился у стен Пскова. На выручку Пскова шведы направили отряд Горна. Лжедмитрий III испугался и отступил к Гдову. Горн отправил укрепившемуся в Гдове Лжедмитрию послание, где писал, что не считает его настоящим царем, но так как его «признают уже многие», то шведский король дает ему удел во владение, а за это пусть он откажется от своих притязаний в пользу шведского королевича, которого русские люди хотят видеть своим царем. Самозванец отказался, его войска сделали вылазку из Гдова и прорвались в Ивангород. 4 декабря 1611 г. Лжедмитрий III торжественно въехал в Псков, где немедленно был «оглашен» царем.

Вождям первого ополчения давно требовался кандидат на престол. Многие казаки, не говоря уж о дворянах, не любили Заруцкого и не желали «воренка» Ивана Дмитриевича. Поэтому в Псков срочно была послана делегация казаков во главе со сподвижником Тушинского вора Казарином Бегичевым. В Пскове Казарин только взглянул на самозванца, как закричал во всю мочь: «Вот истинный государь наш калужский!» 2 марта 1612 г. по предложению Ивана Плещеева первое ополчение присягнуло Псковскому вору или, как его иногда называют историки, Лжедмитрию III.

Узнав о намерении Пожарского двинуть войско на Москву в обход, Трубецкой и Заруцкий решили опередить его и захватить Ярославль, тем самым преградить путь Пожарскому по Волге и отрезать ополчение от Русского Севера. К Ярославлю с атаманом Андреем Просовецким двинулся большой отряд воровских казаков.

Пожарский среагировал немедленно и выслал к Ярославлю мобильный отряд под началом Дмитрия Петровича Лопаты-Пожарского. Основные же силы ополчения торжественно двинулись в поход из Нижнего Новгорода в день Великого поста 23 февраля 1612 г. В Балахне, первом городе на пути ополчения, жители хлебом-солью встретили Пожарского, а местный воевода Матвей Плещеев присоединился к ополченцам.

Плещеев был «липовым боярином», получившим сей чин у Тушинского вора. Позже он пошел в первое ополчение, но после убийства Ляпунова покинул его. Под Москвой Плещеев вдоволь насмотрелся на казацкие бесчинства и безоговорочно встал на сторону Минина и Пожарского.

Так же встречали ополчение жители Городца, Кинешмы и других городов. Лишь в Костроме воевода Иван Шереметев, сторонник Владислава, не пожелал впустить в город ополчение. Но жители ударили в набат и связали воеводу. Вошедшему в Кострому Пожарскому пришлось спасать Шереметева, которого горожане хотели казнить. По просьбе костромичей Пожарский назначил им нового воеводу князя Романа Ивановича Гагарина, который несколько недель до этого уже воеводствовал в Костроме. Гагарин отличился в войне с Болотниковым, однако потом переметнулся к Лжедмитрию II в Тушино. «Воровские» нравы его не устроили, и Гагарин вернулся к Шуйскому, который был вынужден прощать всех перебежчиков. Зато Гагарин одним из первых отозвался на призыв Минина и вступил в ополчение.

В Ярославле власть была в руках престарелого боярина Андрея Куракина и дьяка Михаила Данилова. К ним присоединился приехавший из первого ополчения стольник Василий Бутурлин. Весть о присяге первого

ополчения Псковскому вору и прибытие отряда Лопаты произвели должное впечатление на Куракина, и он счел за лучшее присоединиться к Пожарскому. Таким образом, Ярославль без боя перешел в руки второго ополчения. В первых числах апреля 1612 г. основные силы ополчения под колокольный звон вступили в Ярославль.

Занятие Ярославля произвело большое впечатление на города Поволжья. Даже казанская администрация была вынуждена признать власть Минина и Пожарского и отправить к ним большой отряд ратников.

4 апреля 1612 г. в Ярославль пришла грамота из Троице-Сергиева монастыря. Дионисий, Авраамий Палицын, Сукин и Андрей Палицын уведомляли, что «2 марта злодей и богоотступник Иван Плещеев с товарищами по злему воровскому казачьему заводу затеяли под Москвою в полках крестное целованье, целовали крест вору, который в Пскове называется царем Димитрием; боярина князи Дмитрия Тимофеевича Трубецкого, дворян, детей боярских, стрельцов и московских жилецких людей привели к кресту неволею: те целовали крест, боясь от казаков смертного убийства; теперь князь Дмитрий у этих воровских заводцев живет в великом утеснении и радеет соединиться с вами. 28 марта приехали в Сергиев монастырь два брата Пушкины, прислал их к нам для совета боярин князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, чтоб мы послали к вам, и все бы православные христиане, соединясь, промышляли над польскими и литовскими людьми, и над теми врагами, которые завели теперь смуту. И вам бы положить на своем разуме о том: может ли и небольшая хижина без настоятеля утвердиться, и может ли один город без властодержателя стоять: не только что такому великому государству без государя быть? Соберитесь, государи, в одно место, где Бог благоволит, и положите совет благ, станем просить у вседержителя, да отвратит свой праведный гнев и даст стаду своему пастыря, пока злые заводцы и ругатели остальным нам православным христианам порухи не сделали. Нам известно, что замосковские города — Калуга, Серпухов, Тула, Рязань по воровскому заводу креста не целовали, а радеют и ждут вашего совета. Да марта же 28 приехал к нам из Твери жилец и сказывал, что в Твери, Торжке, Старице, Ржеве, Погорелом Городище также креста не целовали, ждут от вас промысла и совета; Ивана Плещеева в Тверь не пустили, товарищам и его казакам хлеба купить не дали. Молим вас усердно, поспешите придти к нам в Троицкий монастырь, чтоб те люди, которые теперь под Москвою, рознью своею не потеряли Большого Каменного города, острогов, наряду».

В этой грамоте также говорилось о страдальческой кончине патриарха Гермогена:

«В изгнании нужны умориша».

Я специально подробно привожу грамоту монахов, которую никак не комментировали ни Соловьев, ни другие историки. А ведь суть грамоты — «соберитесь в одно место, где Бог благословит» и выберите царя. А где может Бог благословить, указано ниже: «...поспешите придти к нам в Троицкий монастырь». Понятно, что монастырское начальство крайне обеспокоено, как бы Земский собор не собрался в Ярославле и не выбрал бы царя без них. А Дионисий и Палицын очень хотели провести собор в Троице-Сергиевом монастыре. Там вполне могло случиться и чудо — явился бы Сергей Радонежский и указал бы достойного кандидата на престол. Кроме того, у монахов были вполне земные аргументы: крепкие стены и большие пушки Троицы. Наконец, недалеко было и первое ополчение, и троицкие монахи надеялись контролировать ситуацию, играя на противоречиях руководителей ополчения. Надо ли говорить, что Минин и Пожарский не попались в ловушку для дураков. Они и не подумали идти в Троицу, а призыв монахов выбрать «пастыря» использовали в своих грамотах, рассылаемых по стране.

7 апреля из Ярославля по городам пошли грамоты, где говорилось: «Бояре и окольные, и Дмитрий Пожарский, и стольники и дворяне большие и стряпчие, и жильцы, и головы, и дворяне, и дети боярские всех городов, и Казанского государства князя, мурзы и татары, и разных городов стрельцы, пушкарники и всякие служилые и жилацкие люди челом бьют. По умножению грехов всего православного христианства, Бог навел неутолимый гнев на землю нашу: в первых прекратил благородный корень царского поколения (далее следовало перечисление бедствий Смутного времени до убийства Ляпунова и последовавшего за этим буйства казаков). Из-под Москвы князь Дмитрий Трубецкой да Иван Заруцкий, и атаманы и казаки к нам и по всем городам писали, что они целовали крест без совета всей земли государя не выбирать, псковскому вору, Марине и сыну ее не служить, а теперь целовали крест вору Сидорке, желая бояр, дворян и всех лучших людей обить, именье их разграбить и владеть по своему воровскому казацкому обычаю. Как сатана омрачил очи их! При них калужский их царь убит и безглавлен лежал всем напоказ шесть недель, об этом они из Калуги в Москву и по всем городам писали! Теперь мы все православные христиане общим советом согласились со всею землею, обет Богу и души свои дали на том, что нам их воровскому царю Сидорке и Марине с сыном не служить и против польских и литовских людей стоять в крепости неподвижно. И вам, господа, пожаловать, советовать со всякими

людьми общим советом, как бы нам в нынешнее конечное разоренье быть небезгосударным, выбрать бы нам общим советом государя, чтоб от таких находящих бед без государя Московское государство до конца не разорилось. Сами, господа, знаете, как нам теперь без государя против общих врагов, польских, литовских и немецких людей и русских воров, которые новую кровь начинают, стоять? И как нам без государя о великих государственных и земских делах с окрестными государями ссылатся? И как государству нашему вперед стоять крепко и неподвижно? Так по всемирному своему совету пожаловать бы вам, прислать к нам в Ярославль из всяких чинов людей человека по два, и с ними совет свой отписать, за своими руками. Да отписать бы вам от себя под Москву в полки, чтоб они от вора Сидорки отстали, и с нами и со всею землею розни не чинили. В Нижнем Новгороде гости и все земские посадские люди, не пощадя своего имения, дворян и детей боярских снабдили денежным жалованьем, а теперь изо всех городов приезжают к нам служилые люди, бьют челом всей земле о жалованье, а дать им нечего. Так вам бы, господа, прислать к нам в Ярославль денежную казну ратным людям на жалованье».

Под грамотой стояло 49 подписей, причем Дмитрий Михайлович Пожарский оказался на десятом месте, а Кузьма Минин — на пятнадцатом. Подписи под официальными документами в те времена и сейчас ставятся не по алфавиту, а по должностям подписантов. И вот это десятое место, на котором стоит подпись Пожарского, обязательно обыгрывается всеми без исключения авторами, писавшими о Пожарском. Одни пытаются умалить роль воеводы, другие считают это доказательством особой скромности и отсутствием честолюбия. Например, Дмитрий Евдокимов^[50] объясняет десятое место князя тем, что «будучи человеком скромным, Пожарский не желал выпячиваться сверх меры».

Так почему же Дмитрий Михайлович оказался на десятом месте? Воевода вполне мог поставить себя и на первое место, но решил поскромничать. Однако эта «скромность» была сродни его многочисленным отказам принять командование над ополчением. Да и к тому же он был просто стольником, а в психологическом плане в письме к горожанам лучше начинать с подписей бояр, благо мало кто знал, как это боярство было получено. Наконец, как можно написать «выбрать бы нам общим советом государя», и сразу же подпись — Пожарский. Это прямая заявка на престол. А по обычаям того времени надо спрятаться и долго ждать, пока тебя упроят взять шапку Мономаха.

Таким образом, порядок в подписях под грамотой не отражал ни реальной власти, ни чинов, ни «породистости» подписантов. Дело в том,

что во втором, как, впрочем, и в первом ополчении не было ни одного боярина, возведенного в этот чин Грозным или Годуновым. Подавляющее большинство чинов было присвоено Тушинским вором, а в отдельных случаях и Василием Шуйским. Но по конъюнктурным причинам Минин и Пожарский, принимая людей в ополчение, формально сохраняли их чины, включая боярские, невзирая на то, кто их дал.

Первая подпись под грамотой принадлежала боярину Василию Петровичу Морозову. Он был потомком беспородных московских бояр. Родоначальник Морозовых Иван Мороз жил в середине XIV века, происхождение же его неизвестно. Василий Петрович Мороз был в 1601 г. произведен царем Борисом в окольниковичие. В 1608 г., будучи казанским воеводой, он присягнул Лжедмитрию II, за что и получил «тушинское боярство».

Вторая подпись принадлежала боярину князю Владимиру Тимофеевичу Долгорукову. Рюриковичи Долгоруковы вели свой род от князя Ивана Андреевича Оболенского, получившего прозвище Долгоруков. В роду Долгоруковых до начала смуты не было ни одного боярина. Тимофей Иванович Долгоруков был окольниковичим, а его сын Владимир в начале Смутного времени служил воеводой в Пронске. Боярство он получил в 1608 г. от Лжедмитрия II, позже служил «семибоярщине», а от них переметнулся к Минину. Забегая вперед, скажу, что дочь Т. И. Долгорукова в 1624 г. стала женой царя Михаила, но через несколько месяцев умерла.

Третья подпись была Федора Васильевича Головина. Головины вели свой род от знатного византийца Комнина, по какой-то надобности захавшего в Москву. Никаких документальных подтверждений эта «липа» не имеет. Настоящим родоначальником Головиных является дворянин Иван Ховрин, служивший при Иване III. Ф. В. Головин был одним из тех, кто впустил в 1610 г. поляков в Кремль.

Четвертым подписался князь Иван Большой Никитович Одоевский^[51], пятым — князь Василий Пронский, шестым — князь Федор Федорович Волконский-Мерин, седьмым — Матвей Плещеев, восьмым — стольник князь Алексей Михайлович Львов, девятым — Мирон Андреевич Вельяминов-Зернов.

Как видим, среди первых девяти подписантов нет ни знати, ни настоящих бояр. Естественно, что все они имели свои интересы, обладали в большей или меньшей степени честолюбием, но ни один из них не годился даже в руководители ополчения, не то что в кандидаты на престол. Это и подтвердила их судьба — после 1613 г. никто из них не сделал значительной карьеры, если не считать именитого тестя Тимошу

Долгорукова, после которого возникла легенда, что девицы Долгоруковы приносят несчастья царям^[52].

Надо ли говорить, что если бы Минину и Пожарскому удалось собрать собор в Ярославле, то все девять добрых молодцев-подписантов стали лишь хорошей декорацией для единственной кандидатуры на престол — Дмитрия Михайловича Пожарского.

Созыв собора в обстановке Смуты и хаоса — дело не недель, а долгих месяцев. Поэтому в Ярославле, не дожидаясь собора, было создано земское правительство, управляющее уже большей частью России. В Ярославле возникли учреждения типа министерств — Поместный приказ, Монастырский приказ, Разрядный приказ, Казанский дворец, Новгородская четверть и другие, то есть все учреждения, существовавшие при Иване Грозном и Борисе Годунова. В Ярославле был устроен Денежный двор, и началась чеканка монеты. Земское правительство вступает в переговоры с зарубежными странами.

Значительную роль в правительстве играл Кузьма Минин. Нижегородский мешанин получил необычный и внушительный титул — «Выборный всею землей человек». Минин даже обзавелся собственной печатью, на которой была изображена фигура античного героя, сидящего в кресле и держащего в правой руке чашу. Рядом с креслом стояла амфора. Все это символизировало смысл деятельности Минина — собрание и хранение государственной казны.

Разумеется, кроме светской власти должна быть власть и духовная. Для созыва Большого собора нужно было время, а пока был создан Духовный совет, во главе которого был поставлен бывший ростовский митрополит Кирилл. Тот самый Кирилл, которого без особых оснований сместил с митрополии Гришка Отрепьев, дабы поставить туда своего благодетеля Филарета Романова. С 1606 г. Кирилл проживал в Троице-Сергиевом монастыре. Выбор Кирилла не был случаен. В начале 1612 г. в Москве от рук поляков принял мученическую кончину патриарх Гермоген. Филарета Романова, гостившего у польского короля, ни патриархом, ни митрополитом в Ярославле не считали. По церковному обычаю следующим по старшинству после патриарха считался Крутицкий митрополит Пафнутий, сидевший в Кремле с поляками. Далее шел новгородский митрополит, но новгородский митрополит Исидор был в шведском плену. За ним следовал казанский митрополит Ефрем, но он был крайне необходим в Казани, а далее следовал по старшинству ростовский митрополит. Таким образом, в Ярославле была организована и своя церковная власть, и под рукой был почти неоспоримый кандидат в

патриархи.

Для поднятия боевого духа ополчения Минин и Пожарский успешно использовали провоз через Ярославль иконы Пречистой Богоматери Казанской. В 1611 г. казанские ратники привезли ее под Москву в войско Ляпунова, а теперь везли по Волге в Казань. В Ярославле было организовано несколько молебнов у иконы, и с нее местные богомазы сделали список (копию). Этот список и отправили по Волге в Казань, а подлинник стал главной святыней ополчения. По свидетельству летописца, «ратные ж люди велию веру начата держати к образу Пречистыя Богородицы...»

Ярославское правительство учредило и новый государственный герб, на котором был изображен лев. На большой дворцовой печати были изображены два льва, стоящие на задних лапах. При желании введение нового герба можно объяснить тем, что все самозванцы выступали под знаменами с двуглавым орлом, гербом русского государства еще со времен Ивана III. Но с другой стороны, новый государственный герб был уж очень похож на герб князя Пожарского, где были изображены два рыкающих льва. Да и сам Пожарский теперь именовался «Воевода и князь Дмитрий Михайлович Пожарково-Стародубский».

Деятельность ярославского правительства начала приносить плоды. Даже отдаленные области Поморья и Сибири слали деньги и своих представителей в Ярославль.

В мае 1612 г. в Ярославле возникла «моровая язва». Умерло несколько десятков ополченцев. Часть дворян, не спросясь у воеводы, покинула город и отправилась в свои поместья. По приказу Пожарского были выставлены заставы с казаками, никого не выпускавшие из Ярославля.

Ополченцы и ярославцы дали обет для избавления от мора в один день построить церковь Спас Обыденный. Приступили к постройке в ночь на 24 мая, и уже вечером началось освящение. В тот же день воевода Пожарский с крестным ходом прошел от главного собора до городских ворот, а затем обошел все крепостные валы.

И диво — мор действительно прекратился столь же внезапно, как и начался. Чудесное избавление Ярославля от мора не могло не усилить веру ополченцев в правоту своего дела и поднять авторитет их вождя.

В отношении первого ополчения Минин и Пожарский вели гибкую политику, благодаря которой удалось избежать не только войны, но даже и официального разрыва между ополчениями. С другой стороны, по всей стране рассылались грамоты с обличениями руководителей первого ополчения. С некоторой долей упрощения ситуации это можно представить

так: Минин и Пожарский признавали власть первого ополчения только под Москвой и больше нигде. В места, находившиеся под контролем Трубецкого и Заруцкого, посылались отряды дворян, которые выдавливали оттуда казаков, а кое-где и выбивали силой.

В апреле 1612 г. к Суздалью подошел отряд князя Романа Петровича Пожарского, и атаману Просовецкому пришлось уносить ноги. В мае воевода Иван Наумов подошел к Переславлю-Залесскому, и казаки снова бежали без выстрела. В том же мае князь Дмитрий Черкасский выбил казаков из Углича. Четыре атамана сразу перешли на его сторону, но к остальным пришлось применить силу.

Чтобы очистить путь на север, Дмитрий Пожарский отправил в Пошехонье отряд Лопаты-Пожарского. Воровские казаки были выбиты из Пошехонья. Их атаман Василий Толстой бежал в Кашин, где засел воевода первого ополчения Дмитрий Черкасский. Недолго поразмыслив, Черкасский перешел на сторону Пожарского.

Торжок и Владимир также подчинились «Совету всей земли», созданному в Ярославле.

Считая себя правителем государства, Пожарский взял в свои руки все внешнеполитические дела. Воевода прекрасно понимал, что у второго ополчения нет сил для одновременной войны с поляками и шведами, и решил выиграть время, вступив в переговоры со Швецией. Для этого 13 мая 1612 г. в Новгород был послан Степан Татищев с грамотами от Минина и Пожарского к митрополиту Исидору, новгородскому воеводе князю Ивану Большому Никитичу Одоевскому и шведскому воеводе Якобу Делагарди.^[53]

В грамотах к митрополиту и воеводе Одоевскому содержались запросы о состоянии дел в Новгороде и о взаимоотношениях со шведскими оккупантами. В грамоте к Делагарди Минин и Пожарский писали, что если король шведский «даст брата своего на государство и окрестит его в православную Христову веру», то второе ополчение поддержит его кандидатуру на русский престол.

19 мая Татищев отправился обратно в Москву с грамотами от Исидора, Одоевского и Делагарди, которые обещали прислать своих послов в Ярославль. Вернувшись, Татищев сообщил, что в Новгороде от шведов «христианской вере никакой порухи и православным крестьянам разорения никакого нет, а живут по-прежнему безо всякое скорби» и что шведский принц Карл-Филипп ожидается вскоре в Новгороде по воле Новгородского государства.

Начало переговоров со шведами дало повод руководству второго

ополчения разослать грамоты по украинным городам,^[54] которые поддерживали псковского «вора», Марину и ее сына: «Только вы от того вора отстанете и с нами будете в соединении, то враги наши, польские и литовские люди из Московского государства выйдут; если же от вора не отстанете, то польские и литовские люди Москву и все города до конца разорят, всех нас и вас погубят, землю нашу пусту и беспмятну учинят, и того всего взыщет Бог на нас, да и окрестные все государства назовут вас предателями своей вере и отечеству, а больше всего, какой вам дать ответ на втором пришествии перед праведным судиею? Да писали к нам из Великого Новгорода митрополит Исидор и боярин князь Одоевский, что у них от немецких людей православной вере порухи и православным христианам разоренья нет, шведского короля Карла не стало, а после него сел на государстве сын его Густав Адольф, а другой сын его Карлус Филипп будет в Новгород на государство вскоре, и дается на всю волю людей Новгородского государства, хочет креститься в нашу православную христианскую веру греческого закона. И вам бы, господа, про то было ведомо, и прислали бы вы к нам, для общего земского совета, из всяких чинов человека по два и по три, и совет свой отписали к нам, как нам против общих врагов, польских и литовских людей стоять и как нам в нынешнее злое время безгосударственным не быть и выбрать бы нам государя всюю землю. А если вы, господа, к нам на совет вскоре не пришлете, от вора не отстанете и со всюю землю не соедините и общим советом с нами государя не станете выбирать, то мы, с сердечными слезами расставшись с вами, всемирным советом с поморскими, понизовыми и замосковскими городами, будем выбирать государя. Да объявляем вам, что 6 июня прислали к нам из-под Москвы князь Дмитрий Трубецкой, Иван Заруцкий и всякие люди повинную грамоту, пишут, что они своровачи, целовали крест псковскому вору, а теперь они сыскали, что это прямой вор, отстали от него и целовали крест вперед другого вора не затевать и быть с нами во всемирном совете; о том же они писали и к вам во все украинские города».

Послал Пожарский грамоты и в далекую Сибирь с уведомлением о новгородских делах и с требованием прислать выборных для совета насчет избрания шведского королевича.

Переговоры со шведами и разосланные по русским городам грамоты с призывом ехать в Ярославль выбирать королевича могут навести на мысль, а не хотел ли действительно Пожарский посадить на московский трон принца Карла-Филиппа, брата нового шведского короля Густава II Адольфа? Начнем с того, что шведский принц был для Руси куда

предпочтительнее королевича Владислава. Шведы почти сто лет, как отказались от крестовых походов на Русь. Карл-Филипп и его брат были протестантами, а не фанатиками-католиками, как Владислав и Сигизмунд. А у русских с протестантами всегда были куда менее напряженные отношения, чем с католиками.

В отличие от поляков король Карл IX и шведские феодалы не были агрессорами. Поначалу они добросовестно хотели помочь России. И за то, что Польша не была повержена, вина целиком и полностью лежит на Василии Шуйском и его окружении, а не на Карле IX и Якобе Делагарди. После свержения царя Василия, когда злейший враг Карла IX Сигизмунд попытался овладеть всей Россией, шведы предприняли наиболее разумную меру для обеспечения своей безопасности — попытались посадить на московский престол своего королевича, а в случае неудачи — захватить северные земли России. Захват Новгорода, Корелы, Ингерманландии и Кольского полуострова можно считать при желании агрессией, что и делали советские историки, но вполне резонно можно считать и созданием защитного барьера у шведских границ против агрессии Сигизмунда.

За приезд шведского принца в Россию Густав Адольф требовал часть северных русских земель. Кстати, эти земли уже контролировались его администрацией, и без большой войны шведов оттуда выбить было нельзя. Если бы молодой шведский принц принял православие, то он мог быстро обрусеть и стать хорошим правителем, во всяком случае, не хуже Миши Романова.

Таким образом, как шведский король, так и жители украинских и сибирских городов считали избрание Карла-Филиппа делом реальным и полезным для русского государства. Но совсем иного мнения придерживался Дмитрий Пожарский, водивший за нос и шведов, и своих соотечественников.

В середине июня 1612 г. в Ярославль прибыл проездом возвращавшийся с персидским посольством от шаха Абасса посол австрийского императора Рудольфа II Юсуф Григорович. Он был принят Пожарским. В ходе светской беседы всплыл как-то сам собой вопрос о кандидатуре на московский престол императорского брата эрцгерцога Максимилиана. Документально неизвестно, кто первым «сказал мяу» про Максимилиана, но вряд ли это мог сделать посол, не имевший на то санкции императора и отсутствовавший в Вене несколько лет.

Пожарский заявил Григоровичу, что русские Максимилиана «примут с великой радостью». Посоветовав послу возвращаться на родину морским путем через Архангельск, так как сухой путь через Литву был небезопасен,

Дмитрий Михайлович передал с ним императору следующую грамоту: «Как вы, великий государь, эту нашу грамоту милостиво выслушаете, то можете рассудить, пригоже ли то дело Жигимонт король делает, что, преступив крестное целованье, такое великое христианское государство разорил и до конца разоряет, и годится ль так делать христианскому государю! И между вами, великими государями, какому вперед быть укрепленью кроме крестного целованья? Бьем челом вашему цесарскому величеству своею землею, чтоб вы, памятуя к себе дружбу и любовь великих государей наших, в нынешней нашей скорби на нас призрели, своею казною нам помогли, а к польскому королю отписали, чтоб он от неправды своей отстал и воинских людей из Московского государства велел вывести».

В тексте грамоты не было упомянуто о Максимилиане, но устно Григорович должен был передать официальное предложение Пожарского.

Историк С. М. Соловьев писал об этой грамоте: «Озабоченные великим и трудным делом, обращая беспокойные взоры во все стороны, нельзя ли где найти помощь, начальники ополчения вспомнили о державе, с которой прежние цари московские были постоянно в дружественных сношениях, которой помогли деньгами во время опасной войны с Турциею; эта держава была Австрия. Вожди ополчения по неопытности своей думали, что Австрия теперь захочет быть благодарною, поможет Московскому государству в его нужде».^[55]

Теперь эти высказывания повторяет каждый, кто пишет о Пожарском, да еще и не ставит кавычек. На самом деле воевода не был столь неопытен. Заметим, что австрийские императоры издавна добивались союза с Россией против Польши. В 1514 г. император Священной Римской (Австрийской) империи Максимилиан I предложил Василию III частичный раздел Польши между Австрией и Московией так, чтобы к Австрии отошла Силезия, а к Московии — Киев с областью. Это было первое по времени предложение такого рода. Позднее они повторялись периодически. Так, к примеру, в 1572 г. император Максимилиан II обратился к Ивану Грозному с предложением устроить полный раздел Польши. При этом Великую Польшу, Мазовию, Куявию и Силезию присоединить к Австрийской империи, а Литву и ее земли (Белую и Малую Русь и Подляшье) — к Московскому царству.

Итак, Пожарский пытался устроить Польше войну на два фронта (как в 1939 г!) при довольно большой вероятности успеха. Однако по ряду причин, в том числе из-за турецкой угрозы, Рудольф II не выступил против Польши. Однако сам факт ведения переговоров ярославского правительства

с австрийским императором был замечен в Польше и стал серьезным аргументом у радных панов против королевской войны с Россией.

А внутри страны толки о брате шведского короля и брате императора Священной Римской империи создавали Пожарскому большой пропагандистский эффект. Ну, предположим, собрали вожди ополчения в Ярославле собор представителей всех русских городов, а кандидатура одна — стольник Пожарский. А других нет, я уже говорил, сколь несерьезны были знатные лица, собравшиеся под знаменем второго ополчения. И получилось бы, что Пожарский избрал сам себя. А тут лучшие в Европе кандидаты — эрцгерцог и принц. Другой вопрос, если собор обнаружит у каждого из них принципиальные недостатки. Ну, тогда простите, по всей Европе искали, ничего лучшего не нашли, больше некому царем быть, как Дмитрию Михайловичу.

В июне 1612 г. из Новгорода Великого в Ярославль приехали послы — игумен Вяжицкого монастыря Геннадий, князь Федор Одоевский и несколько представителей дворян и посадских людей. 26 июня они предстали перед Пожарским и, по обычаю, начали речь с изложения причин Смуты:

«После пресечения царского корня все единомысленно избрали на государство Бориса Федоровича Годунова по его в Российском государстве правительству, и все ему в послушании были; потому от государя на бояр ближних и на дальних людей, по нанесу злых людей, гнев воздвигнулся, как вам самим ведомо. И некоторый вор чернец, сбежал из Московского государства в Литву, назвался...»

Тут видно, что послы хотели связать гнев Годунова на ближних и дальних людей с появлением самозванца, как причину со следствием. Упомянув о последующих событиях, о переговорах вождей первого ополчения с Делагарди, у которого с Бутурлиным «за некоторыми мерами договор не стался, а Яков Пунтусов новгородский деревянный город взятъем взял, и новгородцы утвердились с ним просить к себе в государи шведского королевича», послы уведомили, что этот королевич Карл-Филипп братом и матерью отпущен насовсем и теперь уже в дороге и, надо думать, скоро будет в Новгороде. Послы кончили речь словами: «Ведомо вам самим, что Великий Новгород от Московского государства никогда отлучен не был, и теперь бы вам также, учиня между собою общий совет, быть с нами в любви и соединении под рукою одного государя».

Вот тут-то Пожарский и сменил тактику и тон: «При прежних великих государях послы и посланники прихаживали из иных государств, а теперь из Великого Новгорода вы послы! Искони, как начали быть государи на Российском государстве, Великий Новгород от Российского государства отлучен не бывал; так и теперь бы Новгород с Российским государством был по-прежнему», и сразу же перешел к тому, как обманчиво и непрочно избрание иностранных принцев: «Уже мы в этом искусились, чтоб и шведский король не сделал с нами так же как польский. Польский Жигимонт король хотел дать на Российское государство сына своего королевича, да через крестное целованье гетмана Жолкевского и через свой лист манил с год и не дал. А над Московским государством что польские и литовские люди сделали, то вам самим ведомо. И шведский Карлус король также на Новгородское государство хотел сына своего отпустить вскоре, да до сих пор уже близко году, королевич в Новгород не бывал».

Князь Оболенский объяснил задержку королевича смертью отца, весть о которой застала его уже в дороге, а потом война с Данией задержала его на родине, и закончил так: «Такой статьи, как учинил над Московским государством литовский король, от Шведского королевства мы не чаем».

На что Пожарский решительно ответил, что, наученные горьким опытом, они признают королевича Карла-Филиппа царем только после прибытия его в Новгород и принятия православия. «А в Швецию нам послов послать никак нельзя, ведомо вам самим, какие люди посланы к польскому Жигимонту королю, боярин князь Василий Голицын с товарищами! А теперь держат их в заключении как полоняников, и они от нужды и бесчестья, будучи в чужой земле, погибают», — закончил князь Пожарский.

Новгородские послы попытались уверить воеводу, что шведский король никогда не поступит, как Сигизмунд, так как видит всю бесполезность этого: «Учинил Жигимонт король неправду, да тем себе какую прибыль сделал, что послов задержал? Теперь и без них вы бояре и воеводы не в собраньи ли и против врагов наших, польских и литовских людей, не стоите ли?»

Интересен хитрый ответ Пожарского, где речь стольника искусно перемежается со словами правителя государства: «Надобны были такие люди в нынешнее время: если б теперь такой столп, князь Василий Васильевич [Голицын, — *Л. Ш.*], был здесь, то за него бы все держались, и я за такое великое дело мимо его не принял бы, а то теперь меня к такому делу бояре и вся земля силою приневолили». Это говорит стольник. «И видя то, что сделалось с литовской стороны, в Швецию нам послов не

посылывать и государя не нашей православной веры греческого закона не хотеть». А это воля правителя!

Речь Пожарского произвела нужное впечатление на Оболенского, и он сказал: «Мысль истинной православной веры не отпали, королевичу Филиппу Карлу будем бить челом, чтоб он был в нашей православной вере греческого закона, и за то хотим все помереть: только Карл королевич не захочет быть в православной вере греческого закона, то не только с вами боярами и воеводами и со всем Московским государством вместе, хотя бы вы нас и покинули, мы одни за истинную нашу православную веру хотим помереть, а не нашей, не греческой веры государя не хотим».

Закончились переговоры тем, что Пожарский не захотел дать никаких обещаний шведам, но предложил послать в Новгород послом Перфиля Секерина, чтобы явный разрыв не настроил шведов против ополчения, да и потянуть время. По словам летописца, для того Секерина послали, чтобы не помешали «немецкие люди идти на очищение Московского государства, а того у них и в думе не было, чтобы взять на Московское государство иноземца».

Вожди ополчения писали новгородцам:

«Если королевич по вашему прощенью вас не пожалует и в Великий Новгород нынешнего года по летнему пути не будет, то во всех городах всякие люди о том будут в сомнении. А нам без государя быть невозможно: сами знаете, что такому великому государству без государя долгое время стоять нельзя. А до тех пор, пока королевич не придет в Новгород, людям Новгородского государства быть с нами в любви и совете, войны не начинать, городов и уездов Московского государства к Новгородскому государству не подводить, людей к кресту не приводить и задоров никаких не делать».

Казалось, еще немного, и Земский собор изберет славного воеводу царем, а митрополита Кирилла — патриархом. Со Смутой было бы покончено в течение нескольких месяцев. Вся история государства Российского могла пойти по другому пути.

Однако судьба распорядилась совсем иначе. В июле 1612 г. войско гетмана Ходкевича двинулось на Москву. Перед Пожарским и Мининым возникла роковая дилемма — идти к Москве означало своими руками погубить план спасения государства, который был уже на грани успеха. Под Москвой волей неволей придется сотрудничать с первым ополчением,

признать его легитимность и делить плоды победы. А то, что собой представляла публика из первого ополчения, Пожарский и Минин знали не понаслышке. Не было никакого сомнения, что воровские казаки и впредь будут источником смут и потрясений. Но, с другой стороны, стоять в Ярославле и ждать, пока Ходкевич разгонит казаков и деблокирует войско Гонсевского, тоже было нельзя. Это скомпрометирует второе ополчение и особенно его вождей. Узнав о походе Ходкевича, многие казачьи атаманы из подмосковного лагеря писали слезные грамоты к Пожарскому с просьбой о помощи.

С аналогичной просьбой к Пожарскому обратились монахи Троице-Сергиева монастыря. В Ярославль срочно выехал келарь Авраамий Палицын, который долго уговаривал Пожарского и Минина.

Из двух зол пришлось выбирать меньшее, и Пожарский приказал готовиться к походу на Москву.

Однако Пожарского в первом ополчении ждали не все. «Боярин» Заруцкий люто ненавидел прославленного воеводу. По его указанию в Ярославль отправились двое казаков — Обреска и Степан. Там им удалось вовлечь в заговор смолян Ивана Доводчинова и Шанду а также рязанца Семена Хвалова. Последний был боевым холопом князя Пожарского. Заговорщики решили убить Пожарского, когда он будет осматривать новые пушки на центральной площади Ярославля. В тесноте казак Степан попытался ударить князя ножом в живот, но промахнулся и попал в бедро стоявшего рядом ополченца Романа. Степана схватили, и на пытке он назвал своих товарищей, которые также во всем признались. Преступники были заключены в тюрьму. Позже часть из них отправили в Москву на «обличенье». Там они во всем покаялись и были прощены по просьбе Пожарского.

Понятно, с каким чувством после всего происшедшего Пожарский и ополченцы выступали в поход на Москву, где вместо союзников их ждали убийцы. Но откладывать поход было нельзя — приходили тревожные вести о приближении к Москве войска Ходкевича. Пожарский отправил передовые полки. Первым полком командовали воеводы Михаил Самсонович Дмитриев и Федор Васильевич Левашов. Этот полк должен был подойти к Москве и, не входя в стан Трубецкого и Заруцкого, поставить себе особый острожек у Петровских ворот. Вторым полком командовали Дмитрий Петрович Лопата-Пожарский и дьяк Семен Самсонов. Этот полк должен был стать у Тверских ворот. Была еще одна причина спешить к Москве — надо было спасти дворян и детей боярских, все еще остававшихся в первом ополчении, от казацкой расправы.

В свое время украинские города направили в первое ополчение своих ратных людей. Теперь они стояли в Никитском остроге под Москвой и постоянно подвергались оскорблениям и угрозам со стороны казаков Заруцкого. Украинцы послали к Пожарскому в Ярославль дворян Кондырева и Бегичева с соратниками просить, чтобы ополчение отправлялось на Москву как можно скорее, чтобы спасти их от казаков. Когда посланцы увидели, в каком довольстве живут ратники второго ополчения, то не могли промолвить и слова от душивших их слез. Многие во втором ополчении лично знали Кондырева и Бегичева и теперь едва узнавали их — так жалко они выглядели. Им дали денег и одежду и отправили назад с радостным известием, что ополчение выступает к Москве. Заруцкий и казаки узнали, с какими новостями возвращаются Кондырев и Бегичев, и решили избить их. Дворянам удалось укрыться в полку Дмитриева, а остальные украинцы разбежались по своим городам.

Разогнав украинцев, Заруцкий решил преградить путь второму ополчению. Он отправил несколько тысяч казаков на перехват полка Лопаты-Пожарского. Однако после короткого боя дворянская конница разогнала воровских казаков.

Одновременно Заруцкий вступил в переговоры с Ходкевичем, войско которого остановилось у села Рогачево. Об этом стало известно в первом ополчении, и Заруцкий вместе с 2500 казаками в ночь на 28 июля бежал по Коломенской дороге. В Коломне жила Марина Мнишек с сыном. Заруцкий забрал их с собой, разграбил Коломну и ушел на Рязанщину, где обосновался в городе Михайлове.

Ходкевич подошел к Москве, но напасть на позиции первого ополчения не решился. В свою очередь Трубецкой с казаками тихо сидели в своих острожках, наблюдая ввод войск Ходкевича. Гетман не сумел по пути собрать достаточно провианта и теперь лишь произвел ротацию польского гарнизона в Кремле.

Александр Корвин Гонсевский со своим отрядом покинул Москву, а его место начальника гарнизона занял полковник Николай Струсь. Его отряд и оставшийся полк Осипа Будилы стали главной силой, отбивавшей вылазки казаков.

Обратим внимание, что речь идет о королевских войсках, а не о частных армиях польских магнатов. Но к 1612 г. и королевские войска, действовавшие в России, превратились в банды озверелых грабителей. Дабы избежать обвинений в предвзятости, приведу цитату польского историка Казимира Валишевского, пытавшегося в своем труде по возможности оправдать своих соотечественников. «Взбунтовавшись из-за

задержки в выдаче обещанного рядовым жалованья или приняв участие в ссорах начальников, войска Гонсевского и даже Ходкевича с января 1612 г. перешли от конфедерации к дезертирству. Покружившись по московской территории, лучшие эскадроны вернулись в Польшу и там принялись с лихвой вознаграждать себя захватами из королевских, даже частных имений». ^[56]

Разумеется, Гонсевский сбежал из Москвы не с пустыми руками. Под видом боярского залога в счет жалованья полякам за службу он забрал много драгоценностей из сокровищницы русских царей — иконы в богатых золотых окладах, украшенные самоцветами, древние шиты и доспехи, оправленные черненым серебром стулья, сундучки с отборным жемчугом, меха, ковры и многое другое, а также прихватил литую серебряную печать Василия Шуйского. Не погнушался Гонсевский взять и царские регалии — царский посох, венцы Бориса Годунова и Лжедмитрия I. Венец царя Бориса был украшен лазурным и синим сапфирами, доставленными с Цейлона, а также алмазами, рубинами и жемчугом. Венец Лжедмитрия I украшал необыкновенной величины и чистоты алмаз. Взял Гонсевский и чудесного единорога, обладание которым, по преданию, приносило удачу.

Московские бояре оказались бессильны помешать ляхам, да и сами они были не без греха. Казенный приказ часто устраивал распродажи «царской рухляди», и многим удалось скупить дорогие вещи за бесценок. Не без помощи бывшего кожевенника Федора Андронova Гонсевский нахватал себе дорогих тканей, золота и мехов из казны. Андронов и себя не обделил, присвоив дорогие ожерелья и цепи. Все в Кремле старались урвать сколько можно. Польское рыцарство забрало из казны для костела золотую статую Христа, но на самом деле «рыцари» раскололи ее на части и поделили между собой. Гонсевский выплачивал солдатам огромное жалованье — до трехсот рублей в месяц. В прежние времена столько выплачивалось думным боярам за год!

Взятые в счет жалованья драгоценности Гонсевский по договору с боярами не имел права вывозить из Москвы, но он вероломно пренебрег этим договором и, по сути дела, просто среди бела дня своровал сокровища. Какова же дальнейшая судьба этих сокровищ? Как распорядились ими ясновельможные паны?

Польский поручик Маскевич, бежавший из Москвы вместе с Гонсевским, писал в своем дневнике:

«Вещи, данные нам в Москве залогом за стенную службу, мы хранили в целости; наскучив с ними возиться и желая лучше

иметь наличные деньги, мы продавали их королю: он не хотел купить. Продавали императору христианскому, герцогам Бранденбургским, империи Немецкой, Гданьску, везде, где думали найти покупателей, и все напрасно. Наконец стали торговаться на них паны комиссары: давали 100 000, а 80 000 просили уступить. Мы согласились бы и на эту цену, если бы могли получить наличные деньги; но так как нам хотели заплатить фантами, за которыми надобно было еще послать в Люблин, то мы и не решились, опасаясь обмана... Мы решились разделить их между собою: разломали две короны Федорову и Димитриеву, седло гусарское, оправленное золотом, с драгоценными камнями, и три единорога. Посох остался цел, его отдали вместе с яхонтом из короны, величиною в два пальца, Гонсевскому и Дунковскому за стенную службу. В дележе мы участвовали все и почти все что-нибудь получили; иным пришлось взять едва ли не десятую часть того, что следовало. Мне досталось: три алмаза острых, четыре рубина, золота на 100 золотых, единорога два лота...»

В конце июля главные силы второго ополчения выступили из Ярославля, отслужив молебен в Спасском монастыре у гроба ярославских чудотворцев — князя Федора Ростиславича Черного и его сыновей Давида и Константина, взяв благословение у митрополита Кирилла и у всех властей духовных. Впереди войска, выступившего из Ярославля, попы несли икону Казанской Божией Матери.

Отойдя семь верст от Ярославля, ополчение остановилось на ночлег. Здесь князь Пожарский передал командование второму воеводе ополчения своему свояку князю Ивану Андреевичу Хованскому и Кузьме Минину, велел им идти в Ростов и ждать его там, а сам с небольшим конвоем поехал в суздальский Спасо-Евфимьевский монастырь помолиться у гробов своих предков — стародубских князей. Для современного историка это мелкий эпизод, не заслуживающий внимания. А для того времени поездка к прародительским гробам имела большое политическое значение. Кто припомнит, чтобы какой-либо иной воевода Смутного времени перед решающим сражением шел молиться к прародительским гробам? А вот московские великие князья и цари обязательно совершали оное деяние перед походом. А что сделал Лжедмитрий I, войдя в Москву? Тоже полез молиться в Архангельский собор к гробам московских правителей. И вот, следуя традиции, князь Дмитрий Пожарково-Стародубский отправился к

гробам своих предков — правителей Руси Рюриковичей.

Князь недолго пробыл в Суздале и быстро нагнал войско в Ростове.

Двигаясь к Москве, Пожарский не забывал и о морально-политической работе в войсках. Воеводе срочно понадобился... «замполит». Митрополит Кирилл, который не без успеха ранее выполнял эту функцию, по невыясненным причинам остался в Ярославле. Самый простой способ — это обратиться к властям Троице-Сергиева монастыря, тем более что монастырь лежал на пути войска. Те немедленно прислали бы «замполита» во второе ополчение.

Но Пожарскому нужен был не просто «свой замполит», а и духовный противовес троицкой братии. И вот 29 июля Пожарский от имени всего ополчения написал к казанскому митрополиту Ефрему:

«За преумножение грехов всех нас православных христиан, вседержитель Бог совершил ярость гнева своего в народе нашем, угасил два великие светила в мире; отнял у нас главу Московского государства и вождя людям, государя царя и великого князя всея Руси, отнял и пастыря и учителя словесных овец стада его, святейшего патриарха московского и всея Руси; да и по городам многие пастыри и учителя, митрополиты, архиепископы и епископы, как пресветлые звезды, погасли, и теперь оставил нас сиротствующих, и были мы в поношение и посмех, на поругание языков. Но еще не до конца оставил нас сирыми, даровал нам единое утешение, тебя великого господина, как некое великое светило положил на свещнице в Российском государстве сияющее. И теперь, великий господин! Немалая у нас скоробь, что под Москвою вся земля в собранье, а пастыря и учителя у нас нет; одна соборная церковь Пречистой Богородицы осталась на Крутицах, и та вдовствует.^[57] И мы по совету всей земли, приговорили: в дому Пречистой Богородицы на Крутицах быть митрополитом игумену Сторожевского монастыря Исаии: этот Исаия от многих свидетельствован, что имеет житие по боге. И мы игумена Исаию послали к тебе, великому господину, в Казань, и молим твое преподобие всею землею, чтоб тебе, великому господину, не оставить нас в последней скорби и беспастырных, совершить игумена Исаию на Крутицы митрополитом и отпустить его под Москву к нам в полки поскорее, да и ризницу бы дать ему полную, потому что церковь Крутицкая в крайнем оскудении и разорении».

Однако данных о том, что Крутицким митрополитом стал Исая, найти не удалось. Видимо, он так и остался претендентом.

В Ростове к Пожарскому привели гонца из подмосковного лагеря атамана Внукова. Тот рассказал о бегстве Заруцкого и просил князя идти как можно быстрее под Москву. Но главной целью миссии Внукова было выяснить отношения Пожарского к казакам, оставшимся под Москвой. Пожарский и Минин отнеслись к Внукову и приехавшим с ним казакам очень доброжелательно, дали денег и подарков и велели передать, что идут к Москве немедленно. И действительно, вслед за казацкими посланцами ополчение двинулось через Переславль-Залесский к Троице-Сергиеву монастырю.

14 августа ополчение подошло к Троице и стало лагерем между монастырем и Клементьевской слободой.

В тот же день Пожарскому донесли, что большой отряд поляков и запорожцев объявился на севере вблизи Белого озера. Этот отряд не подчинялся ни Ходкевичу, ни королю Сигизмунду, а представлял собой частную армию или, проще говоря, большую банду грабителей.

Белозерск, Каргополь и Устюжна уже несколько месяцев, как признали власть ярославского правительства. На защиту северных земель Пожарскому пришлось дать отряд из семисот конных и пеших ратников во главе с воеводой Григорием Образцовым. Но помощь опоздала — враги захватили и разграбили город Белозерск. Оттуда ляхи и запорожцы двинулись к Кирилло-Белозерскому монастырю, но были отбиты. Зато 22 сентября им удалось внезапным налетом захватить Вологду.

По пути в Троице-Сергиев монастырь в Переславле-Залесском второе ополчение нагнал английский наемник капитан Яков Шав (Шав). Он предложил Пожарскому услуги двадцати офицеров и ста солдат-наемников, которые должны через месяц прибыть на английском корабле в Архангельск. Грамота, привезенная Шавом, была подписана в Гамбурге капитаном наемников Андрианом Фейгером, Артуром Эстоном, Яковом Гилем и Яковом Маржеретом.

В свое время Дмитрий Михайлович лично наблюдал, как Яков (Жак) Маржерет жег Москву и убивал горожан.

По приказу воеводы дьяки написали ответ наемникам:

«Великих государств Российского царствия бояре и воеводы, и по избранию Московского государства всяких чинов людей, в нынешнее настоящее время того многочисленного войска у ратных и у земских дел стольник и воевода князь Дмитрий

Пожарский с товарищи. Объявляем Ондреяну Фейгеру вольному господину города Фладора, Артуру Эстону из Турпала, Якову Гиллю, начальным над войском, и иным капитанам, которые с вами... Мы государям вашим королям, за их жалованье, что они о Московском государстве радеют и людям велят собраться нам на помощь, челом бьем и их жалованье рады выславлять. Вас, начальных людей за ваше доброхотство похваляем, и нашею любовью, где будет возможно, воздавать вам хотим. Потому удивляемся, что вы в совете с французенином Яковом Маржеретом, о котором мы все знаем подлинно: выехал он при царе Борисе Федоровиче из Цесарской области, и государь его пожаловал поместьем, вотчинами и денежным жалованьем; а после при царе Василии Ивановиче Маржерет пристал к вору и Московскому государству многое зло чинил, а когда польский король прислал гетмана Жолкевского, то Маржерет пришел опять с гетманом, и когда польские и литовские люди, оплоша московских бояр, Москву разорите, выжгли и людей секли, то Маржерет кровь христианскую проливал пуще польских людей, и награбившись государевой казны, пошел из Москвы в Польшу с изменником Михайлою Салтыковым. Нам подлинно известно, что польский король тому Маржерету велел у себя быть в раде: и мы удивляемся, каким это образом теперь Маржерет хочет нам помогать против польских людей? Писано на стану у Троицы в Сергиеве монастыре лета 7120 [1612 г. — А. Ш.] августа месяца».

Вечером 18 августа ополчение Пожарского, не доходя пяти верст до Москвы, остановилось на реке Яузе. К Арбатским воротам были посланы разведчики, которым поручалось найти удобные места для устройства стана.

В течение ночи Трубецкой отправил несколько гонцов к Пожарскому с предложением приехать в стан первого ополчения для переговоров. Но соратники Пожарского хорошо помнили убийство Ляпунова и отвечали: «Отнюдь не бывать тому, чтоб нам стать вместе с казаками». На следующее утро, когда ополчение подошло ближе к Москве, Трубецкой сам прискакал к авангарду войска Пожарского и в личной беседе просил Дмитрия Михайловича встать вместе в одном остроге у Яузских ворот, но ответ был прежний: «Отнюдь нам вместе с казаками не стаивать».

В итоге второе ополчение заняло позиции в Белом городе от северных Петровских ворот до Чертольских (Кропоткинских) ворот. Первое же

ополчение по-прежнему занимало южную и юго-восточную части Москвы.

Вечером 21 августа войско гетмана Ходкевича стало на Поклонной горе. Силы второго ополчения составляли немногим более десяти тысяч, а у Трубецкого осталось не более трех-четырёх тысяч казаков, которые были сосредоточены в районе Крымского двора, где сейчас находится Октябрьская площадь, а также за рекой Яузой. Пожарский опасался, что если Ходкевич решит ударить по войску Трубецкого, то казаки долго не продержатся. Поэтому он приказал пятистам конным дворянам переправиться на правый берег Москвы-реки и занять позицию недалеко от табора первого ополчения.

На рассвете 22 августа гетман форсировал Москву-реку у Новодевичьего монастыря. Конница Пожарского контратаковала поляков. Некоторое время встречный бой кавалерийских лав шел с переменным успехом. Но вскоре подошла немецкая пехота, служившая у Ходкевича, и русская конница отступила.

После полудня гетман ввел в бой все свои силы. Но ополчение Пожарского заняло оборону вдоль остатков укреплений Белого города между Тверскими и Арбатскими воротами и упорно сопротивлялось. Осажденные в Кремле поляки пошли на вылазку из Алексеевских и Чертольских ворот Кремля. По приказу Пожарского против них был брошен свежий полк стрельцов. Поляки понесли большие потери и бежали под защиту стен Кремля.

Битва продолжалась уже семь часов. Между тем войско Трубецкого на другом берегу Москвы-реки оставалось в бездействии. Казаки спокойно наблюдали за боем и кричали: «Богаты дворяне пришли из Ярославля, отстоятся и одни от гетмана». Отряд же, посланный Пожарским к Трубецкому, пошел на выручку своих. Трубецкой не хотел их отпускать, но отряд быстро переправился через реку. Этому примеру последовали и некоторые из казаков — атаманы Филат Межаков, Афанасий Коломна, Дружина Романов и Марко Козлов, крича Трубецкому: «От вашей ссоры Московскому государству и ратным людям пагуба становится!»

Поляки обожают лихие конные атаки, но удар с тыла быстро обращает их в бегство. Так было и в сентябре 1739 г., и при Суворове, так же дело кончилось и 22 августа 1612 г. Поляки ретировались к Поклонной горе.

Однако хитрый гетман задумал провести ночью четыреста возов с продовольствием в Кремль. Шестьсот конных поляков сопровождали возы, а вел их русский стольник Григорий Орлов, сумевший пробиться к гетману из Кремля. Полякам удалось пройти мимо воинства Трубецкого и благополучно войти в Кремль. Правда, С. М. Соловьев утверждал, что в

Кремль благополучно вошел лишь конвой, а обозы достались русским.

23 августа Ходкевич стоял на Поклонной горе без движения. Поляки из Кремля сделали небольшую вылазку.

На рассвете 24 августа Ходкевич двинулся на Трубецкого. Пожарский не решился переправить все свои войска через Москву-реку на помощь Трубецкому, в этом случае поляки легко захватили бы западную и юго-западную части Белого города. Поэтому он приказал переправиться через реку полкам воевод Лопаты-Пожарского и Гуренина, которые ранее занимали позиции на северном фланге от Никитских до Петровских ворот Белого города. Воеводы стали на правом фланге (у Крымского брода) и успешно отразили нападение поляков. Однако казаки Трубецкого не выдержали удара в районе Серпуховских ворот и обратились в бегство. После упорного пятичасового боя поляки прорвались к берегу Москвы-реки напротив собора Василия Блаженного. Большая толпа казаков вообще отказалась драться, заявив: «Они [то есть дворяне Пожарского. — А. Ш.] богаты и ничего не хотят делать, мы наги и голодны, и одни бьемся; так не выйдем же теперь на бой никогда».

Минин послал за келарем Троице-Сергиева монастыря Авраамием Палицыным, имевшим большое влияние на казаков. Палицыну с большим трудом удалось уговорить казаков продолжить бой. Следует отметить, что Ходкевич не сумел воспользоваться моментом, поскольку он попытался провести свой обоз с продовольствием в Кремль, но сотни повозок создали пробки в тесных и кривых улицах Замоскворечья.

Затем Палицын переправился через Москву-реку и направился в табор к казакам, расположенный у Яузских ворот. Там казаки преспокойно пьянствовали и играли в зернь. Палицын их уговорил, видимо, рассказав о каком-то чуде Сергия Радонежского. Во всяком случае, казаки с криком: «Сергиев! Сергиев!» в конном строю переправились через Москву-реку в Замоскворечье и ударили в правый фланг поляков.

Дело шло к вечеру, но битва по-прежнему шла с переменным успехом. Чтобы переломить ситуацию, Пожарский дал Кузьме Минину три сотни отборных дворян и приказал атаковать конную и пешую польские роты, стоявшие у Красных ворот. Поляки, увидев русскую конницу, бросились бежать, не приняв боя. Увидев бегущих, начали отступать и соседние роты. В свою очередь казаки и стрельцы Пожарского перешли в наступление в Замоскворечье. Бросив обоз, Ходкевич отступил, всеми силами стараясь сохранить боеспособность хотя бы части своих войск. Первоначально поляки отошли к Донскому монастырю, а глубокой ночью перешли на Воробьевы горы. Там гетман простоял два дня. В Кремль Ходкевич послал

лазутчика с грамотой, в которой просил осажденных подождать три недели, после чего обещал вернуться с большим войском. Свой уход гетман оправдывал большими потерями, у него-де осталось всего четыреста человек конницы (о пехоте там не говорилось). После чего остатки войска Ходкевича двинулись на запад по Смоленской дороге. Русские их не преследовали.

Глава 17

Капитуляция поляков и князя Пожарского

Поражение Ходкевича не сплотило ополчения, а наоборот, начались новые ссоры. Боярин Трубецкой требовал подчинения от Пожарского и Минина. Они де-должны были являться к нему в стан за приказаниями. Ведь князь Пожарский не бегал за боярством в Тушино и так и остался стольником. Те же помнили Ляпунова, да и не собирались подчиняться проходимцу.

В начале сентября среди казаков пошли разговоры, что надо уезжать из-под Москвы и отправляться гулять по северным русским городам. Заводчики кричали, что казаки голодны, раздеты и разуты и не могут стоять в осаде, а под Москвой пусть богатые дворяне остаются.

Если бы воровские казаки провалились в тартарары, Минин и Пожарский, наверное, перекрестились бы, но допустить разорения северных городов они не могли.

Воспользовавшись конфликтом между Пожарским и Трубецким, отдельные воеводы решили вообще никому не подчиняться. Так, 12 сентября князь Василий Тюфякин привел из Одоева триста всадников и расположился отдельным лагерем, эдаким независимым полевым командиром.

Дело решил уладить троицкий архимандрит Дионисий. Он созвал монахов для совета: что делать? Денег в монастыре нет, нечего послать казакам, как их упросить остаться под Москвой? Решили послать казакам в заклад в тысячу рублей на короткое время церковные сокровища, ризы, стихари, епитрахили саженные и написали казакам грамоту. Расчет Дионисия оказался правильным: суеверные казаки не решились брать в заклад церковные вещи. Два атамана отвезли утварь обратно в монастырь и дали монахам грамоту, в которой клятвенно обещали все претерпеть, но не уйти от Москвы.

В свою очередь, воеводы договорились встречаться на нейтральной территории на реке Неглинной.

В районе Пушечного двора, в Егорьевском монастыре и у церкви Всех святых на Кулишках были построены осадные батареи, которые открыли

круглосуточный огонь калеными ядрами и мортирными бомбами по Кремлю и Китай-городу. 20 сентября от каленых ядер начался сильный пожар, сгорело три дома во дворе князя Мстиславского, полякам с большим трудом удалось погасить огонь.

Пожарский и Трубецкой договорились перегородить Замоскворецкий полуостров глубоким рвом и палисадом от одного берега Москвы-реки до другого, чтобы исключить возможность провоза продовольствия полякам. Оба воеводы попеременно, день и ночь, следили за работами.

15 сентября Пожарский послал в Кремль грамоту:

«Полковникам и всему рыцарству, немцам, черкасам и гайдукам, которые сидят в Кремле, князь Дмитрий Пожарский челом бьет. Ведомо нам, что вы, будучи в городе в осаде, голод безмерный и нужду великую терпите, ожидаючи со дня на день своей гибели, а крепит вас и упрашивает Николай Струсь да Московского государства изменники, Федька Андронов с товарищами, которые сидят с вами вместе для своего живота... Гетмана в другой раз не ждите: черкасы, которые были с ним, покинули его и пошли в Литву. Сам гетман ушел в Смоленск, где нет никого прибылых людей, сапежинское войско все в Польше... Присылайте к нам не мешкая, сберегите головы ваши и животы ваши в целости, а я возьму на свою душу и у всех ратных людей упрошу: которые из вас захотят в свою землю, тех отпустим без всякой зацепки, а которые захотят Московскому государству служить, тех пожалуем по достоинству... А что вам говорят Струсь и московские изменники, что у нас в полках рознь с казаками и многие от нас уходят, то им естественно петь такую песню и научить языки говорить это, а вам стыдно, что вы вместе с ними сидели. Вам самим хорошо известно, что к нам идет много людей и еще большее их число обещает вскоре прибыть... А если бы даже у нас и была рознь с казаками, то и против них у нас есть силы и они достаточны, чтобы нам стать против них».

21 сентября был получен ответ:

«От полковника Мозырского, хорунжего Осипа Будилы, троке кого конюшего Эразма Стравинского, от ротмистров, поручиков и всего рыцарства, находящегося в московской столице, князю Дмитрию Пожарскому.

Мать наша отчизна, дав нам в руки рыцарское ремесло, научила нас также тому, чтобы мы прежде всего боялись бога, а затем имели к нашему государю и отчизне верность, были честными... Каждый из нас, не только будучи в отечественных пределах, но и в чужих государствах, как доказательство своих рыцарских дел, показывает верность своему государю и расширяет славу своего отечества... Письму твоему, Пожарский, которое мало достойно того, чтобы его слушали наши шляхетские уши, мы не удивились.... Мы хорошо знаем вашу доблесть и мужество; ни у какого народа таких мы не видели, как у вас, — в делах рыцарских вы хуже всех классов народа других государств и монархий. Мужеству вы подобны ослу или байбаку, который, не имея никакой защиты, принужден держаться норы... Впредь не пишите к нам ваших московских сумасбродств, — мы их уже хорошо знаем».

На самом деле хвастунишки-ляхи сильно голодали. Как писал участник осады поляк Осип Будила: «... ни в каких историях нет известий, чтобы кто-либо, сидящий в осаде, терпел такой голод, чтобы был где-либо такой голод, потому что когда настал этот голод и когда не стало трав, корней, мышей, собак, кошек, падали, то осажденные съели пленных, съели умершие тела, вырывая их из земли: пехота сама себя съела и ела других, ловя людей. Пехотный поручик Трусковский съел двоих своих сыновей; один гайдук тоже съел своего сына, другой съел свою мать; один товарищ съел своего слугу; словом, отец сына, сын отца не щадил; господин не был уверен в слуге, слуга в господине; кто кого мог, кто был здоровее другого, тот того и ел. Об умершем родственнике или товарище, если кто другой съедал такового, судились, как о наследстве, и доказывали, что его съесть следовало ближайшему родственнику, а не кому другому. Такое судное дело случилось в взводе г. Леницкого, у которого гайдуки съели умершего гайдука их взвода. Родственник покойного — гайдук из другого десятка жаловался на это перед ротмистром и доказывал, что он имел больше права съесть его, как родственник; а те возражали, что они имели на это ближайшее право, потому что он был с ними в одном ряду, строю и десятке. Ротмистр не знал, какой сделать приговор и, опасаясь, как бы недовольная сторона не съела самого судью, бежал с судейского места».

Некоторые историки обвиняют Сигизмунда в том, что он бросил московский гарнизон на произвол судьбы. Король действительно совершил много тактических и стратегических ошибок, главной из которых было

столь долгое «сиденье» под Смоленском. Осенью же 1612 г. он делал все, что мог. Но у короля опять не было денег. Он не заплатил польскому рыцарству за три летних месяца, и оно разъехалось по домам, забыв о своих коллегах в Москве. В итоге Сигизмунду пришлось отправиться в поход лишь с отрядом иностранных наемников и несколькими эскадронами гусар из своей гвардии. Король двинулся из Смоленска на Москву через так называемые «царские ворота». Однако перед королем «царские ворота» сорвались с петель и загородили дорогу войскам. Королю пришлось выбираться из Смоленска окольным путем. Дорогой к королю присоединился Адам Жолкевский, племянник гетмана, со своей частной армией в 1200 всадников. Король с войском прибыл в Вязьму в самом конце октября. Но к этому времени уже произошла развязка затянувшейся драмы.

По приказу князя Пожарского у Пушечного двора (близ этого места в XX веке была построена гостиница «Москва») была устроена большая осадная батарея, которая открыла с 24 сентября интенсивный огонь по Кремлю. 3 октября открыла огонь осадная батарея, построенная первым ополчением у Никольских ворот.

21 октября поляки предложили русским начать переговоры и прислали к Пожарскому полковника Будилу. Однако переговоры затянулись, рыцарство требовало почетной капитуляции, то есть выпуска поляков из Кремля с оружием и т. п. Пожарский же был согласен лишь на безоговорочную капитуляцию.

Казачи узнали о переговорах и решили, что их лишают части добычи. 22 октября без команды главных воевод они бросились к стенам Китай-города. Поляки не ожидали нападения и растерялись. Казаки ворвались в Китай-город и выбили из него ляхов. Среди убитых были знатные паны Серадский, Быковский, Тваржинский и другие.

Потеря Китай-города несколько сбила спесь с поляков. Они вновь запросили переговоров. На сей раз переговоры велись у самой кремлевской стены. Поляков представлял полковник Струсь, а бояр, сидевших в Кремле, — князь Мстиславский, со стороны осаждающих были Пожарский и Трубецкой.

В начале переговоров бывший глава Боярской думы Мстиславский покаялся и бил челом «всей земле», а конкретно Пожарскому и Трубецкому. Для начала поляки попросили разрешения покинуть Кремль всем русским женщинам. Русские воеводы согласились.

Вышедшие из Кремля боярыни и княжны пытались унести с собой драгоценности. Казаки хотели ограбить их, но Пожарский с дворянами

отконвоировал женщин в свой лагерь.

Наиболее серьезный исследователь Смутного времени советский историк Р. Г. Скрынников писал по поводу переговоров Пожарского с поляками: «После трехдневных переговоров земские вожди и боярское правительство заключили договор и скрепили его присягой. Бояре получили гарантию того, что им будут сохранены их родовые наследственные земли. Сделав уступку знати, вожди ополчения добились огромного политического выигрыша. Боярская дума, имевшая значение высшего органа монархии, согласилась аннулировать присягу Владиславу и порвать всякие отношения с Сигизмундом III. Земские воеводы молчаливо поддержали ложь, будто «литва» держала бояр в неволе во все время осады Москвы». [\[58\]](#)

Такой вывод маститого ученого, многие десятилетия занимавшегося историей Руси XVI — начала XVII веков, представляется мне, мягко выражаясь, странным. О каком «огромном политическом выигрыше» могла идти речь? Какой такой «высший орган монархии» мог быть? Де-юре Боярская дума была совещательным органом при московских князьях, которые, начиная с Ивана IV, именовали себя царями. В Боярскую думу наряду с князьями Рюриковичами московские князья включали и безродных лиц, оказавших им различные услуги, в том числе и весьма сомнительные. Теперь род Ивана Калиты пресекается, и правителем России с точки зрения феодального права должен был стать князь Рюрикович, а не потомок беспородных бояр — холопов московских князей. Так несколько десятилетий назад во Франции сделали королем Генриха IV. Пусть он был гугенот, пусть владения его родителей были ничтожны, но он был королевской крови! Феодальное право было основано на прямом родстве по отцовской линии, и никакое иное родство или богатство не принималось в расчет.

Иван Грозный несколько десятилетий правил, игнорируя Боярскую думу, а подчас и издеваясь над ней. За годы Смуты Боярская дума полностью себя скомпрометировала. Да и что такое боярство? Это чин, присваиваемый законным правителем страны. К 1612 г. в России практически не осталось бояр, которым этот чин присвоил Иван Грозный. Кому-то дал боярство Борис Годунов, кому-то — Лжедмитрий I, кому-то — Василий Шуйский, а кому-то — Тушинский вор. Все они Боярской думой были признаны незаконными правителями. Тогда, соответственно, и все боярские чины получены незаконно. Разве генерал царской армии сохранял свои чины при переходе в Красную армию? Я уж не говорю о генералах из власовской армии.

Рассмотрим ситуацию де-факто. Боярин — это соратник князя, приводящий в случае опасности князю свою дружину «конно людно и оружно». Но в октябре 1612 г. у сидевшей в Москве знати не было никаких дружин, и они никого не представляли. Большие батальоны были у Пожарского, а у Трубецкого куда меньше.

На мой взгляд, Пожарский допустил роковую ошибку, признав бояр «пленниками ляхов». Пожарский сам, своими руками спас их, вернул им вотчины, сохранил их драгоценности. И вот через несколько месяцев, вернув себе власть в вотчинах, воссоздав дружины, эти ничтожества вновь стали настоящими боярами. Так появилась третья сила (кроме первого и второго ополчений).

Пожарский мог отдать бояр под суд, лишив их боярства и вотчин. А их земли и другое имущество следовало раздать освободителям Москвы — дворянам Пожарского и казакам. Надо ли говорить, что в этот момент князь Дмитрий стал бы кумиром подавляющего большинства казаков. А каждому, кто пожалел бы бояр и стал бы противиться секвестру, казаки просто перерезали бы глотку. Первое ополчение сразу прекратило бы свое существование. И совсем нетрудно угадать, кто был бы избран царем на соборе 1613 г.

Был и другой путь. Пожарский мог намекнуть своим людям, чтобы те не очень мешали казакам нападать на бояр, выходящих из Кремля, а при необходимости даже помогли устроить самосуд. В этом случае «этикет» был бы соблюден, а последствия были бы те же, что и в первом варианте. Известны многочисленные случаи, когда на великих полководцев и государственных деятелей находило некое «затмение», и они совершали непростительные ошибки. Видимо, так произошло и с Пожарским.

И вот 26 октября (3 ноября по новому стилю) открылись Троицкие ворота Кремля, и произошла сцена, с которой я начал свое повествование. Собственно, эта сцена стала хрестоматийной, и ее повторяют один в один все наши историки. Однако все историки по незнанию или по умыслу забывают, что на следующий день из Спасских ворот Кремля вышел крестный ход православного духовенства, сидевшего в осаде вместе с поляками.

Впереди в сопровождении кучки монахов шел седой иерарх с крестом. Это был «черный кардинал» Смутного времени — Крутицкий митрополит Пафнутий. За ним шли галасунский (архангельский) архиепископ Арсений и кремлевское духовенство.

Обратим внимание, что Пафнутий и другие духовные лица, видимо, ожидали резню на Каменном мосту и пошли отдельно от бояр.

27 октября (4 ноября) произошла капитуляция польского гарнизона. Принимал капитуляцию Кузьма Минин. Часть пленных во главе с полковником Струсем отдали Трубецкому, а остальных с полковником Будилой — второму ополчению. Казаки перебили большую часть доставшихся им поляков. Уцелевших поляков Пожарский и Трубецкой разослали по городам: в Нижний Новгород, Балахну, Галич, Ярославль и другие.

Поляки совершили столько зверств на русской земле, что властям малых городов не всегда удавалось защитить пленных от самосуда населения. Так, в городе Галиче толпа перебила всех пленных из роты Будилы. То же случилось с ротой Стравинского в Унже. Более удачно сложилась судьба роты Талафуса в Соли Галицкой — ее освободил отряд запорожских казаков, случайно забредший туда в поисках добычи.

Польских офицеров во главе с Будилой 15 декабря доставили в Нижний Новгород, где взяли под строгий караул. Позже Будила напишет, что местные власти решили их всех утопить в Волге, но вмешательство матери князя Пожарского спасло им жизнь.

Войдя в Кремль, ратники Пожарского и казаки Ляпунова ужаснулись. Все церкви были разграблены и загажены, почти все деревянные постройки разобраны на дрова и сожжены. В больших чанах нашли разделанные и засоленные человеческие трупы. Тем не менее воеводы приказали отслужить обедню и молебен в Успенском соборе.

Сразу же после изгнания поляков начались очистка и восстановление Кремля и всей столицы. Трубецкой поселился в Кремле во дворце Годунова, а Пожарский — на Арбате в Воздвиженском монастыре. Кремлевские сидельцы бояре разъехались по своим вотчинам. Михаил Романов с матерью уехали в свою вотчину — село Домнино Костромского уезда.

Король Сигизмунд в Вязьме узнал о капитуляции польских войск в Москве. Там королевские войска соединились с отрядами гетмана Ходкевича и вместе двинулись осадить укрепленный городок Погорелое Городище. Местный воевода князь Юрий Шаховский на требование сдачи ответил королю: «Ступай к Москве. Будет Москва за тобою, и мы твои». Король послушался и пошел дальше.

Основные силы поляков осадили Волоколамск, а конный отряд пана Адама Жолкевского двинулся к Москве. Жолкевский дошел до села Ваганьково, где был атакован русскими. Поляки были разбиты и бежали. В бою поляки захватили смоленского дворянина Ивана Философова. Жолкевский велел допросить его и узнать, хотят ли по-прежнему москвичи

королевича Владислава на царство, полнолюдна ли Москва и много ли там припасов? Философов ответил, что Москва «людна и хлебна», и все готовы помереть за православную веру, а королевича на царство брать не будут. То же самое дворянин сказал и самому Сигизмунду.

Потеряв надежду овладеть Москвой, король решил по крайней мере взять Волоколамск, который обороняли воеводы Иван Карамышев и Чемесов. Поляки трижды штурмовали город, но были отбиты. Третий штурм кончился вылазкой казаков под началом атаманов Нелюба Маркова и Ивана Епанчина. Казакам удалось отогнать ляхов и уволочь у них несколько пушек.

Сигизмунд приказал войску уходить в Польшу. По дороге от холода и голода поляки потеряли несколько сотен человек.

Зиму 1612/13 г. князь Пожарский провел в Москве. После освобождения столицы от поляков его влияние постепенно падало. Историки давно ломают копья в спорах — домогался ли Дмитрий Михайлович царского престола. Сторонники этой версии любят приводить показания дворянина Л. Сукина, который в 1635 г. утверждал, что «Дмитрий Пожарский воцарялся, и стало ему в двадцать тысяч». Противники утверждают, что-де Сукин врал со злости на князя. Главным же аргументом против «воцарения Пожарского» служит миф о храбром, но наивном и глуповатом воеводе, который и помыслить не мог о царском венце. Хорошей иллюстрацией этого мифа стала народная песня, записанная в 40-х годах XIX века П. В. Киреевским:

Собралися все князья, бояре московские,
Собралися думу думати,
Как и взговорют старшие бояре — воеводы московские:
«Вы скажите, вы бояре, кому царем у нас быть?»
Как и взговорют бояре — воеводы московские:
«Выбираем мы себе в цари
Из бояр боярина славного —
Князя Дмитрия Пожарского сына!»
Как и взговорит к боярам Пожарский-князь:
«Ох вы гой еси, бояре — воеводы московские!
Не достоян я такой понести от вас,
Не могу принять я от вас царства Московского.
Уж скажу же вам, бояре — воеводы московские:
Уж мы выберем себе в православные цари
Из славного, из богатого дому Романова —

Михаила сына Федоровича».

Давайте зададим себе простой вопрос: почему никто из историков не отрицает полководческого таланта Пожарского, его блестящих способностей, как политика, так и дипломата? И вдруг зимой 1612 г. Рюрикович Пожарский предлагает выбрать в цари малограмотного безродного подростка, всю жизнь прошедшего за бабскими юбками, из семейства изменников, активно участвовавшего во всех заговорах против государства Российского с 1600 г. Я уж не говорю о том, что Михаил, в отличие от Пожарского и большинства его ратников, целовал крест Владиславу, а его отец находился в польском плену.

Что же произошло, почему поглупел славный воевода? Может, его польским ядром контузило или шестопером по шлему съездили? Нет, Дмитрий Михайлович Пожарский активно участвовал в борьбе за престол. Почему же не осталось письменных свидетельств очевидцев о предвыборной борьбе Пожарского? Ну, во-первых, резонно предположить, что все такие документы были уничтожены по указу Михаила, а во-вторых, Москва — не Варшава и не Париж, громко обещать панам золотые за избрание на престол и произносить исторические фразы, что-де Париж стоит мессы, не принято. Ни Годунов, ни Михаил ни разу не предлагали себя на престол, а наоборот, категорически отказывались от него. Соответственно, и Пожарский не мог нарушить традицию. Но, увы, он совершил две роковые ошибки. Во-первых, о чем уже говорилось, вошел в соглашение с боярами при капитуляции поляков, а во-вторых, не сумел удержать в Москве дворянские части из второго ополчения. В результате тушинским казакам угрозой применить силу, а в отдельных случаях и грубой силой удалось затащить на престол Михаила Романова.

Предположим, что Пожарский действительно был глупым служакой и на самом деле поддержал кандидатуру Михаила. Надо ли говорить, что об этом факте 300 лет твердили бы романовские пропагандисты. Рисовались бы сусальные картинки и иконы, где седой воевода подает корону юноше с ангельским ликом. Увы, официальная пропаганда как-то невнятно говорит о позиции Пожарского на соборе. А теперь предположим, что Пожарский пытался «воцариться», но потерпел неудачу. Как должна была это отразить официальная историография? Вот, мол, лез князь Дмитрий на престол, а его прогнали казаки-тушинцы и посадили Михаила. Тогда у многих возник бы резонный вопрос: а на каком основании Романовы оттерли от престола спасителя России, да еще и князя Рюриковича? Естественно, что самым

популярным объяснением позиции Пожарского на соборе было то, что-де по простоте души сам и отказался от престола.

Глава 18

Как Михаил Романов попал в цари

Освобождение Москвы и отступление короля Сигизмунда дало возможность московскому правительству заняться созывом собора для избрания царя. В ноябре 1612 г. по всем городам были разсланы грамоты с приказом выслать выборных людей в Москву. В грамотах говорилось:

«Москва от польских и литовских людей очищена, церкви Божии в прежнюю лепоту облеклись и Божие имя славится в них по-прежнему; но без государя Московскому государству стоять нельзя, печься об нем и людьми Божиими промышлять некому, без государя в досталь Московское государство разорят все: без государя государство ничем не стоитя и воровскими заводами на многие части разделяется и воровство много множится».

Заседания собора начались 6 декабря 1612 г., хотя к тому времени в Москву прибыли лишь немногие выборные. Ход же заседаний собора уже три столетия вызывает споры историков. Официальные царские историки описывали елейную историю, как весь собор, умиляясь, избрал на царство Михаила Романова. Любые иные версии в XIX веке грозили Сибирью. В XX веке у историков-монархистов в эмиграции не было цензуры, но они с восторгом повторяли сказки XIX века.

Что же касается «прогрессивных» историков конца XIX — начала XX века, то их в основном мало интересовали подробности собора. В своих политических интересах они выпячивали сам факт созыва собора и то, что царь Михаил обещал править, в дальнейшем опираясь на волю последующих соборов. Таким образом обосновывалась утопическая идея проведения государственных соборов в России второй половины XIX — начала XX века.

Официальная версия событий хорошо изложена у Соловьева: «Прежде всего стали рассуждать о том, выбирать из иностранных королевских домов, или своего природного русского, и порешили «литовского и шведского короля и их детей и иных немецких вер и некоторых государств

иноязычных не христианской веры греческого закона на Владимирское и Московское государство не избирать, и Маринки и сына ее на государство не хотеть, потому что польского и немецкого короля видели на себе неправду и крестное преступление и мирное нарушение: литовский король Великий Новгород взял обманом». Стали выбирать своих: тут начались козни, смуты и волнения; всякий хотел по своей мысли делать, всякий хотел своего, некоторые хотели и сами престола, подкупали и засылали; образовывали стороны, но ни одна из них не брала верх. Однажды, говорит хронограф, какой-то дворянин из Галича принес на собор письменное мнение, в котором говорилось, что ближе всех по родству с прежними царями был Михаил Федорович Романов, его и надобно избрать в цари. Раздались голоса недовольных: «Кто принес такую грамоту, кто, откуда?» В то время выходит донской атаман и также подает письменное мнение: «Что это ты подал, атаман?» — спросил его князь Дмитрий Михайлович Пожарский. «О природном царе Михаиле Федоровиче», — отвечал атаман. Одинаковое мнение, поданное дворянином и донским атаманом, решило дело: Михаил Федорович был провозглашен царем».

Русские самодержцы были вольны уничтожать свои архивы и насиловать своих историков. Но существуют и архивы других государств. Вот, к примеру, протоколы допроса стольника Ивана Чепчугова и дворян Н. Пушкина и Ф. Дурова, попавших в 1614 г. в плен к шведам. Пленников допрашивали каждого в отдельности, поочередно, и их рассказы о казацком перевороте совпали между собой во всех деталях: «Казаки и чернь не отходили от Кремля, пока дума и земские чины в тот же день не присягнули Михаилу Романову».

Подобное говорили и дворяне, попавшие в плен к полякам. Польский канцлер Лев Сапега прямо заявил пленному Филарету Романову: «Посадили сына твоего на Московское государство одни казаки».

13 апреля 1613 г. шведский разведчик доносил из Москвы, что казаки избрали Михаила Романова против воли бояр, принудив Пожарского и Трубецкого дать согласие после осады их дворов.

Французский капитан Маржерет, служивший в России со времен Годунова, в 1613 г. в письме к английскому королю Якову I подчеркивал, что казаки выбрали «этого ребенка», чтобы манипулировать им.

Как уже говорилось, наши церковные историки постарались «умертвить» Пафнутия еще в 1611 г. Но на их беду он был жив. Это обнаружено одним из лучших историков Русской Церкви профессором богословия Антоном Карташовым, который, находясь с 1919 г. в Париже, несколько десятилетий посвятил истории православной церкви и выпустил

многотомный труд.

Как уже говорилось, после смерти патриарха Гермогена митрополит Крутицкий стал первым лицом в русской церковной иерархии. Он-то и руководил собором в первые месяцы. Лезть самому в патриархи ему не позволяли ни состояние здоровья, ни его прежние похождения. Естественно, Пафнутий не мог простить Пожарскому его попытку сделать Исайю митрополитом Крутицким. И ему ничего не оставалось делать, как примкнуть к своим давним покровителям — Романовым. Перед самым приездом Михаила Романова в Москву Пафнутий умер, и встретил претендента на престол уже казанский митрополит Ефрем.

Фактически в Москве и не было правомочного Земского собора. По официальной версии, 14 апреля 1613 г. собор постановил составить утвержденную грамоту об избрании царем Михаила Романова. Об этой грамоте хорошо сказал профессор Р. Г. Скрынников:

«За образец дьяки взяли годуновскую грамоту. Нимало не заботясь об истине, они списывали ее целыми страницами, вкладывали в уста Михаила слова Бориса к собору, заставляли иноку Марфу Романову повторять речи иноки Александры Годуновой. Сцену народного избрания Бориса на Новодевичьем поле они воспроизвели целиком, перенеся ее под стены Ипатьевского монастыря. Обосновывая права Романовых на трон, дьяки утверждали, будто царь Федор перед кончиной завещал корону братаничу Федору Романову. Старая ложь возведена была теперь в ранг официальной доктрины».^[59]

Чтобы убедиться, что избирательная грамота является фальшивкой, достаточно взглянуть на подписи под ней. Грамота помечена маем 1613 г., но в грамоте боярами названы Дмитрий Пожарский, И. Б. Черкасский, И. Н. Одоевский и Б. М. Салтыков, а между тем первые два получили боярство 11 июля 1613 г., а два последних — в декабре 1613 г. Формально грамоту подписали представители от 50 городов и уездов, многие города подписаны одним человеком, хорошо еще, если дворянином, а то и посадским человеком. Кузьма Минин — исключение в XVII веке, в то время ни один город не послал бы от себя выбирать царя одного посадского человека.

Попробуем на секунду задуматься: как могли выбрать на престол в такой сложный момент 16-летнего юношу? Мне могут возразить, что Александр Невский разбил шведов на Неве, будучи 19 лет от роду, а через

два года побил немцев на Чудском озере. На том же озере дрался и его младший брат Андрей, которому было 12–14 лет. И не просто дрался, а командовал собственной суздальской дружиной, которая, по некоторым данным, и решила исход битвы. Младший лейтенант Буона-Парте в 16–17 лет писал трактаты по баллистике и штудировал кодекс Юстиниана. Но Михаил Романов не был ни Александром Невским, ни Бонапартом. Свои детские и отроческие годы он провел в ссылке в глухом селе в окружении двух теток, не считая крестьян. Потом Гришка Отрепьев вызвал девятилетнего отрока в Москву и произвел в стольники. Но и это ничего не изменило. Последние семь лет он безвылазно провел в Москве на своем подворье. Неужто почти за четыре века десятки ученых, изучавших Смутное время, не смогли найти не только ни одного поступка, но и ни одного слова, произнесенного стольником Михаилом Романовым?! Увы, это был недалекий мальчик, который наблюдал за ходом российской истории из окна своего терема и покидал его, лишь отправляясь в церковь и в редких случаях для присутствия на официальных церемониях.

К тридцати годам Михаил был настолько серьезно болен, что не мог даже самостоятельно передвигаться, но в молодости он был достаточно крепок и силен, так что в двадцать лет он увлекался охотой на лосей и на медведей.

Михаил присягал королевичу Владиславу, так почему же ему, как верному подданному, не встать под знамена своего сюзерена? Почему на лихом коне не рвануться с польскими хоругвями навстречу гетману Ходкевичу? Не позволяют убеждения? Так беги же с острой саблей к Пожарскому! Благо, перебежчики, как русские, так и поляки, приходили в лагерь второго ополчения чуть ли не ежедневно. Не пускала мама, не пускали тетушки и нянечки — сиди, Миша, дома, читай псалтырь?..

Так, может быть, избрание царем столь ничтожной личности было вызвано интересами большой политики? Как раз наоборот. Избрание Михаила ставило Россию в крайне неблагоприятное положение. Ведь Михаил юридически был подданным королевича Владислава, в отличие от Пожарского, Трубецкого и ряда других князей Рюриковичей и Гедиминовичей. В плену у поляков был митрополит Филарет — отец Михаила, что, естественно, давало большой политический козырь полякам в борьбе с Москвой. Наконец, избрание царем Михаила надолго лишило Россию главного духовного вождя — патриарха, поскольку Михаил и его мать желали в патриархи только Филарета. И это при том, что у Владислава «в кармане» был патриарх Игнатий, принявший уже тем временем унию.

О праве крови я уже говорил. В течение 700 лет даже в самом

захудалом русском княжестве правили только природные князья Рюриковичи, а в Малой и Белой Руси — Гедиминовичи. Первым исключением стал Борис Годунов, да и то если забыть его происхождение от чингизида Чета. Вторым исключением стал Михаил Романов. Это дало право любому князю Рюриковичу утверждать, что у него больше прав на престол, чем у династии Романовых. По этому поводу любили шутить вождь русских анархистов Петр Кропоткин и диссидент князь Петр Долгоруков, оба князья Рюриковичи по происхождению, утверждавшие, что у них более прав на корону, чем у царей династии Романовых.

А был ли в 1613 г. альтернативный кандидат на престол?

К власти рвался Гедиминович Дмитрий Трубецкой. Но он был слабый политик и бездарный воевода. Если дворянство считало его казацким боярином, то казаки издевались и презирали его.

Боярин Федор Мстиславский «с товарищи» был изгнан вождями ополчения из Москвы и даже не участвовал в соборе.

Интересно, что в документах начала XVII века имеются намеки на то, что царства добивался и Иван Никитич Романов. Но, как уже говорилось, главой клана был Филарет, а он недолго любил своего брата Ивана. Видимо, родня не поддержала Ивана Никитича.

Как дореволюционные, так и советские историки утверждают, что Дмитрий Пожарский стоял в стороне от избирательной кампании начала 1613 г. Тем не менее уже после воцарения Михайла Пожарского обвинили, что он истратил 20 тысяч рублей, «докупаясь государству». Справедливость обвинения сейчас уже нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть. Но трудно предположить, что лучший русский полководец и серьезный политик мог безразлично относиться к выдвиганию шведского королевича или шестнадцатилетнего мальчишки, да еще из семейства, которое с 1600 г. участвовало во всех интригах и поддерживало всех самозванцев. Не нужно было иметь семи пядей во лбу, чтобы понять, что самым оптимальным выходом из Смуты было бы избрание государем славного воеводы, освободившего Москву и вдобавок прямого Рюриковича.

Однако против Пожарского сплотились все — и Пафнутий, и московские бояре, отсиживавшиеся в Кремле с поляками, и Трубецкой, и казаки. Серьезной ошибкой Пожарского был фактический роспуск дворянских полков второго ополчения. Часть дворян рати ушла на запад воевать с королем, а большая часть разъехалась по своим вотчинам. Причина — голод, царивший в Москве зимой 1612/13 г. Известны случаи даже смерти от голода дворян-ополченцев. Зато в Москве и Подмоскowie остались толпы казаков, по разным сведениям, их было от десяти до сорока

тысяч. В Москве за Яузой возник целый казацкий город — Казачья слобода. Было и еще несколько казацких таборов под Москвой. Еще раз повторю, казаков не донских, не запорожских, а местных — московских, костромских, брянских и т. д. Это были бывшие простые крестьяне, холопы, посадские люди. Возвращаться к прежним занятиям они не желали.

В конце октября 1612 г. Пожарский и Трубецкой решили рассчитаться с казаками. В ходе «разбора» было отобрано одиннадцать тысяч «лучших и старших казаков», которым раздали захваченные в Москве вещи, оружие и деньги (по 8 рублей на человека). Нескольким тысячам воровских казаков, входящих в различные никому не подчинявшиеся отряды, позволили строиться и заводить хозяйство в Москве и других городах, не платя два года налогов и долгов. Однако, как писал Авраамий Палицын, «Казацкого же чина воинство многочисленно тогда бысть, и в прелесть велику горше прежняго впадоша, вдавшесея блуду, питею и зерни, и пропивши и проигравши все свои имениа». То есть, за несколько дней все было пропито, проиграно и прогуляно с девицами из Лоскутного ряда (аналог современной Тверской улицы в Москве). Казаки опять остались без средств. За годы Смуты они отвыкли работать, а жили разбоем и пожалованиями самозванцев. Пожарского и его дворянскую рать они люто ненавидели. Приход к власти Пожарского или даже шведского королевича для местных казаков был бы катастрофой. Например, донские казаки могли получить обильное царское жалованье и с песнями уйти в свои станицы. А местным воровским казакам куда идти? Да и наследили они изрядно — не было города или деревни, где бы воровские казаки не грабили бы, не насиловали, не убивали.

Могли ли воровские казаки остаться безучастными к избранию царя? С установлением сильной власти уже не удастся грабить, а придется отвечать за содеянное. Поэтому пропаганда сторонников Романовых была для казаков поистине благой вестью. Ведь это свои люди, с которыми подавляющее большинство казаков неоднократно общалось в Тушине. Как мог Михаил Романов укорять казаков за преступления на службе у Тушинского вора? Да вместе же служили вору, и выполняли приказы твоего папаши тушинского патриарха и твоих родственников тушинских бояр.

Пятьсот вооруженных казаков, сломав двери, ворвались к Крутицкому митрополиту Ионе, исполнявшему в то время обязанности местоблюстителя патриарха: «Дай нам, митрополит, царя!» Дворец Пожарского и Трубецкого был окружен сотнями казаков. Фактически в феврале 1613 г. произошел государственный переворот — воровские казаки

силой поставили царем Михаила Романова. Разумеется, в последующие 300 лет правления Романовых любые документы о «февральской революции 1613 года» тщательно изымались и уничтожались, а взамен придумывались сусальные сказочки типа приведенной выше сказочки С. М. Соловьева.

Замечу, что версию о казачьем перевороте поддерживал не только Скрынников, но и известный специалист по истории России XVI–XVII веков АЛ. Станиславский. В его монографии «Гражданская война в России XVII в.» глава, посвященная избранию царя, называется «Михаил Романов — казачий ставленник».

После победы сторонников Романовых возник весьма забавный вопрос: а где же сами Романовы? Иван Никитич торчал под боком и все время твердил, прозрачно намекая на себя, что Романовы знатны и в родстве с царями, но Михаил де слишком молод и неопытен и т. д. и т. п. Но его, как уже говорилось, всерьез не приняли.

На поиски Михаила Романова и его матери была снаряжена большая экспедиция под руководством архиепископа рязанского Феодорита и родственника Михаила Федора Ивановича Шереметева. В наказе послам говорилось: «Ехать к государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Руси в Ярославль или где он государь будет». Посланцы, уведомив новоизбранного царя и его мать об избрании, должны были сказать Михаилу: «Всяких чинов всякие люди бьют челом, чтоб тебе, великому государю, умилиться над остатком рода христианского... и пожаловать бы тебе, великому государю, ехать на свой царский престол в Москву...» В заключение наказа говорилось: «Если государь не пожелает, станет отказываться или начнет размышлять, то бить челом и умолять его всякими обычаями, чтоб милость показал, был государем царем и ехал в Москву вскоре: такое великое Божие дело сделалось не от людей и не его государским хотеньем, по избранью Бог учинил его государем. А если государь станет рассуждать об отце своем митрополите Филарете, что он теперь в Литве и ему на Московском государстве быть нельзя для того, чтоб отцу его за то какого зла не сделали, то бить челом и говорить, чтоб он государь про то не размышлял: бояре и вся земля посылают к литовскому королю, за отца его дают на обмен литовских многих лучших людей».

Послы отправились из Москвы 2 марта 1613 г. А еще ранее, 25 февраля, по русским городам были разосланы грамоты с известием об избрании Михаила: «И вам бы, господа, за государево многолетие петь молебны и быть с нами под одним кровом и державою и под высокою рукою христианского государя, царя Михаила Федоровича. А мы, всякие люди Московского государства от мала до велика и из городов выборные и

невыборные люди, все обрадовались сердечною радостью, что у всех людей одна мысль в сердце вместилась — быть государем царем блаженной памяти великого государя Федора Ивановича племяннику, Михаилу Федоровичу. Бог его, государя на такой великий царский престол избрал не по чьему-либо заводу, избрал его мимо всех людей, по своей неизреченной милости. Всем людям о его избрании бог в сердце вложил одну мысль и утверждение».

Как видим, не прошло и двух недель после переворота, как началась мифологизация «февральской революции». Михаил чудесным образом стал племянником царя Федора.

Присяга в большинстве областей России последовала быстро и без осложнений. Первыми присягнули 4 марта жители Переяславля-Рязанского.

Наконец пришло в Москву сообщение от посольства, посланного на поиски Михаила. Михаила с матерью обнаружили в Костроме в Ипатьевском монастыре.

Почему Романовы избрали в качестве убежища Ипатьевский монастырь, который с момента основания находился под патронажем Годуновых и где были погребены почти все члены рода Зерновых — Годуновых — Сабуровых?

Дело в том, что Василий Шуйский, крайне нуждаясь в средствах для борьбы с поляками и Тушинским вором, в начале 1608 г. потребовал от монастырского начальства деньги. Результат не заставил себя ждать, и в конце октября 1608 г. архимандрит Ипатьевского монастыря Феодосий и игумен соседнего костромского Богоявленского монастыря Арсений отправились в Тушино, где и принесли присягу Лжедмитрию II. 1 мая 1609 г. царские войска во главе с воеводой Давыдом Жеребцовым осадили Ипатьевский монастырь, но взять его удалось лишь 25 сентября 1609 г. с помощью взрывов фугасов (бочонков с порохом), а по другой версии, состоялась почетная капитуляция.

Надо ли говорить, что осенью 1612 г. монахи Ипатьевского монастыря с распростертыми объятиями приняли сына тушинского патриарха.

Справедливости ради следует снять с поляков обвинение в убийстве народного героя Ивана Сусанина. Начну с того, что никому неизвестно, чем занимался Михаил с матерью с начала 1613 г. по 13 марта 1613 г. Об этом ничего не говорят ни грамоты послов, ни речи позднее приехавших в Москву Михаила и Марфы. Но вот в начале XIX века делается сенсационное открытие — «подвиг Ивана Сусанина». Оказывается, после сдачи Москвы, но еще до 13 марта 1613 г. большой отряд поляков решил

захватить в плен или убить Михаила Романова, чтобы не допустить его избрания на престол. Михаил с матерью находились в это время в Костроме или в рядом стоящем Ипатьевском монастыре, но злодеи ляхи об этом не знали.

Поляки схватили крестьянина Ивана Сусанина из села Домнино Костромского уезда, принадлежащего Романовым, и пытали его страшными пытками, заставляя рассказать, где скрывается Михаил. Сусанин знал, что он в Костроме, но не сказал и был замучен до смерти. Я пересказал версию С. М. Соловьева. Как известно, Федор Глинка пошел дальше. У него Иван Сусанин завел целый полк поляков в лес, где они и погибли от холода и голода, предварительно порубав на куски самого Сусанина.

У Соловьева и Глинки Сусанин спасал царя. Посему и опера получила название «Жизнь за царя». Позже большевики решили, что мужик не должен спасать царя. Опера Глинки была переделана и переименована. В опере «Иван Сусанин» герой спасал не царя, а русский народ в лице его достойных представителей — граждан города Костромы. В 90-х годах XX века «демократы» вернули опере первоначальное название, и там Сусанин опять спасает царя.

В советское время вся пропагандистская шумиха с Сусаниным явно отдавала враньем. Это чувствовали даже дети. В нашей школе большой популярностью пользовались анекдоты о Сусанине, которые были на четвертом месте после анекдотов о Василии Ивановиче, чукче и армянском радио.

На самом же деле никаких польских отрядов зимой 1612/ 13 г. в районе Костромы не было. Миф о Сусанине был разоблачен еще в середине XIX века профессором Н. И. Костомаровым. По-видимому, крестьянин Иван Сусанин был схвачен небольшой шайкой «воров» (воровских казаков), которых немало бродило по Руси.^[60] За что же они стали его пытать и замучили до смерти? Скорей всего, «ворам» требовались деньги. Ни воровской шайке, ни даже большому польскому отряду ни Кострома, ни Ипатьевский монастырь были не по зубам. Они были обнесены мощными каменными стенами и имели десятки крепостных орудий.

Костомаров писал:

«Сусанин на вопросы таких воров смело мог сказать, где находился царь, и воры остались бы в положении лисицы, поглядывающей на виноград. Но предположим, что Сусанин, по слепой преданности своему барину, не хотел ни в каком случае

сказать о нем вора́м: кто видел, как его пытали и за что пытали? Если при этом были другие, то воры и тех бы начали тоже пытаться, и либо их, так же как Сусанина, замучили бы до смерти, либо добились бы от них, где находится царь. А если воры поймали его одного, тогда одному Богу оставалось известным, за что его замучили. Одним словом, здесь какая-то несообразность, что-то неясное, что-то неправдоподобное. Страдание Сусанина есть происшествие само по себе очень обыкновенное в то время. Тогда казаки таскались по деревням и жгли и мучили крестьян. Вероятно, разбойники, напавшие на Сусанина, были такого же рода воришки, и событие, громко прославленное впоследствии, было одним из многих в тот год. Через несколько времени зять Сусанина воспользовался им и выпросил себе обельную грамоту».

Действительно, крестьянин Богдан Собинин в 1619 г. обратился к царю Михаилу с челобитной, где рассказал, что его тестя Ивана Сусанина Богдашкова де литовские люди запытали, дабы узнать, где государь. Обратим внимание: сказочники XIX–XX веков даже перепутали фамилию героя с отчеством. Чудесная сказка понравилась царю и его матери. Зятю дали денег и грамоту, подтверждавшую геройское поведение Ивана Богдашкова.

Естественно, что никто не проверял сообщения Богдана, да и проверить их было физически невозможно. А главное, зачем? Просил Богдан немного, а польза для династии Романовых была огромная.

А теперь мы вернемся к послам, прибывшим 13 марта 1613 г. в Кострому. Михаил приказал им явиться в Ипатьевский монастырь на следующий день, о чем послы оповестили весь город. Наутро послы, костромской воевода, местное духовенство с крестами и иконами, а также толпа зевак двинулись к Ипатьевскому монастырю, расположенному в двух-трех верстах от города. Михаил с матерью встретили процессию у входа в монастырь. Послы объявили Михаилу о цели своего визита, и он «с великим гневом и плачем» ответил, что не хочет быть государем, а мать его добавила, что не благословляет сына на царство. Послы с трудом уговорили их вслед за крестным ходом войти в соборную церковь. В церкви послы передали Михаилу с матерью грамоты от собора и снова просили Михаила на царство, но получили прежний ответ. Марфа сказала, что «у сына ее и в мыслях нет на таких великих преславных государствах быть государем, он не в совершенных летах, а Московского государства

всяких чинов люди по грехам измалодушествовались, дав свои души прежним государям, не прямо служили». Марфа припомнила измены Годунову, убийство Лжедмитрия I, свержение с престола и выдачу полякам Василия Шуйского и продолжала:

«Видя такие прежним государям крестопреступления, позор, убийства и поругания, как быть на Московском государстве и прирожденному государю государем? Да и потому еще нельзя: Московское государство от польских и литовских людей и непостоянством русских людей разорилось до конца, прежние сокровища царские, из давних лет собранные, литовские люди вывезли; дворцовые села, черные волости, пригородки и посады розданы в поместья дворянам и детям боярским и всяким служилым людям и запустошены, а служилые люди бедны, и кому повелит Бог быть царем, то чем ему служилых людей жаловать, свои государевы обиходы полнить и против своих недругов стоять?»

Марфа напомнила, что митрополит Филарет находится в польском плену «в большом утесненье», и как узнает король, что на Московский престол вступил его сын, тотчас же сделает Филарету какое-нибудь зло, а ему, Михаилу, без благословенья отца на Московском государстве никак быть нельзя. Послы со слезами молили и уговаривали Михаила, говорили, что выбрали его по изволению Божию, а не по его желанию, «положил Бог единомышленно в сердца всех православных христиан от мала и до велика на Москве и во всех городах». Далее послы стали доказывать, что все вышеупомянутые правители московские незаконно сели на престол, а вот Михаил один законный.

Представление длилось свыше шести часов. Наконец Михаил и Марфа сказали, что они во всем положились на провидение и непостижимые судьбы Божии. Марфа благословила сына. Михаил принял посох у архиепископа, допустил всех к руке и сказал, что скоро поедет в Москву.

Казалось бы, комедия сыграна, теперь пора начинать царствовать. Государство по-прежнему находилось в критическом состоянии. Садись в сани, и через три дня государь будет в Москве. Санний путь 14 марта (по старому стилю) почти идеален, а через две недели начнется распутица, и уже не будет санного пути, но не будет еще и водного. Но Михаил выехал лишь 19 марта, а 21 марта прибыл в Ярославль.

Оттуда царь, а точнее, его мамочка затеяла хозяйственную переписку с

московскими властями: «К царскому приезду есть ли на Москве во дворце запасы и послано ли собирать запасы по городам, и откуда надеются их получить? Кому дворцовые села розданы, чем царским обиходам впредь полниться и сколько царского жалованья давать ружникам и оброчникам?» Москва отвечает: «Для сбора запасов послано и к сборщикам писано, чтоб они наскоро ехали в Москву с запасами, а теперь в государевых житницах запасов немного». 8 апреля Михаил (Марфа) пишет:

«Писали вы к нам с князем Иваном Троекуровым, чтоб нам походом своим не замедлить, и прислали с князем Иваном роспись, сколько у вас в Москве во дворце всяких запасов. По этой росписи хлебных и всяких запасов мало для обихода нашего, того не будет и на проезд наш».

Соловьев писал: «Наконец 18 апреля царь уведомил духовенство и бояр, что поход его к Москве замедлился за дурною дорогою, зимний путь испортился, а как большой лед прошел и воды сбыло, то он выехал из Ярославля 16 апреля». И кто бы мог подумать, что в апреле наступит оттепель?! Нашим правителям уже 500 лет мешает погода.

25 апреля Михаил (Марфа) пишет боярам, чтобы они велели приготовить для царя Золотую палату царицы Ирины, а для Марфы — деревянные хоромы жены царя Василия Шуйского. Бояре ответили, что приготовили для Михаила покои царя Ивана и Грановитую палату, а для матери его — хоромы в Вознесенском монастыре, где жила царица Марфа. Те же хоромы, о которых приказал государь, надо отстраивать заново — кровли там нет, лавок, окошек, дверей нет, и денег также нет, плотников нет, материалов нет.

29 апреля Михаил отписал боярам: «По-прежнему и по этому нашему указу велите устроить на Золотую палату царицы Ирины, а матери нашей хоромы царицы Марьи, если лесу нет, то велите строить из брусяных хором царя Василья. Вы писали нам, что для матери нашей изготовили хоромы в Вознесенском монастыре, но в этих хоромах матери нашей жить не годится».

Почти два месяца вояжировал Михаил из Костромы в Москву. Из его переписки с московскими властями можно составить пухлый том, но, увы, писалось там только о государевом быте да о разбойниках — не шалят ли по дороге, не обидят ли царя-батюшку? И ни одного военного, административного или иного государственного распоряжения!

2 мая 1613 г. царь Михаил торжественно въехал в Москву. Михаил с

матерью отстояли молебен в Успенском соборе, после чего Михаил допустил всех к своей руке.

Венчание Михаила на царство состоялось 11 июля 1613 г. Накануне торжественного дня, с вечера, в Успенском и других соборах, а также во всех столичных монастырях и церквях были отправлены всенощные бдения. На рассвете 11 июля начался звон кремлевских колоколов, который не прекращался до самого прибытия царя в Успенский собор.

Перед венчанием Михаил пожаловал в бояре стольников князей Пожарского и Черкасского. Во время коронации боярин князь Мстиславский осыпал Михаила золотыми монетами, боярин Иван Никитич Романов держал шапку Мономаха, боярин князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой — скипетр, боярин князь Пожарский — державу. Венчал Михаила за неимением патриарха казанский митрополит Ефрем.

История царствования Михаила Федоровича — тема отдельного большого исследования. Я лишь остановлюсь на нескольких аспектах, связанных с историей Смутного времени.

Михаил, вернувшись в Москву в мае 1613 г., нашел уже нормально функционирующий государственный аппарат. Основные Приказы (министерства) были воссозданы Мининым и Пожарским еще летом 1612 г. в Ярославле. Зимой 1612/13 г. аппарат был существенно усилен чиновниками, съехавшимися в Москву.

Боярскую думу по-прежнему возглавлял князь Федор Иванович Мстиславский. Он был именован представителем боярства, ибо по-прежнему писалось: «Бояре — князь Ф. И. Мстиславский с товарищи». Важную роль играл в думе и князь Иван Михайлович Воротынский. Но, увы, оба были абсолютно тупы в военном деле и весьма посредственными администраторами. Оба были в солидном возрасте и слабы здоровьем. Мстиславский умер в 1622 году, а Воротынский — в 1617-м.

Мстиславский и Воротынский удержались у власти исключительно в силу слабости царя, который принципиально был против выдвижения умных и энергичных государственных деятелей. Царя Михаила монархические историки называют Кротким. Естественно, что наименование дано на эзоповом языке, поскольку назвать кротким человека, отправившего на виселицу четырехлетнего ребенка, довольно сложно. «Кротость» на эзоповом языке означала «слабость ума». Семнадцать лет, проведенные за бабскими юбками, и не могли дать другого результата. За царя фактически правила его мать инокиня Марфа и его родня — Салтыковы. Замечу, что дядя царя Иван Никитич Романов занимал третье место после Мстиславского и Воротынского, но Марфа относилась к

нему весьма настороженно, и его роль в управлении государством была крайне мала.

Управление государством инокиней резко нарушало писанные и неписанные светские и церковные законы. Но возражать этому никто не смел, поскольку Смута надоела всем классам населения России, за исключением разве что «воровских» казаков. Здоровый организм выздоравливает сам по себе, без врача или при враче, который не особенно вредит пациенту. Приблизительно такая ситуация сложилась и в России в 1613–1620 гг. И если бы «кроткого» Михаила заменили матерчатой куклой, в истории России мало что изменилось бы.

Как дореволюционные, так и советские историки сломали много копий в спорах о том, кто из московских правителей окончательно закрепил в стране крепостное право — Иван Грозный или Борис Годунов. На самом деле крепостное право, каким оно было в XVIII и начале XIX веках, было основано именно при царе Михаиле. И дело тут, разумеется, не в характере или убеждениях царя, просто без создания тотального поместного землевладения стало невозможно собирать подати и иметь класс служилых людей, то есть дворянства.

Все московские правители, начиная с Ивана III, пытались превратить феодальную монархию в чиновную. Однако добиться этого не удалось даже Ивану Грозному. Лишь при Михаиле Московское государство можно с некоторой натяжкой назвать чиновной монархией. По этому поводу С. М. Соловьев писал, что при Михаиле «наследственной аристократии, высшего сословия не было, были чины: бояре, окольные, казначеи, думные дьяки, думные дворяне, стольники, стряпчие, дворяне, дети боярские. При отсутствии сословного интереса господствовал один интерес родовой, который в соединении с чиновным началом породил местничество. Все внимание чиновного человека сосредоточено было на том, чтобы при чиновном распорядке не унижить своего рода. Но понятно, что при таком стремлении поддерживать только достоинство своего рода не могло быть места для общих сословных интересов, ибо местничество предполагало постоянную вражду, постоянную родовую усобицу между чиновными людьми: какая тут связь, какие общие интересы между людьми, которые при первом назначении к царскому столу или береговой службе перессоривались между собою за то, что один не хотел быть ниже другого, ибо какой-то его родич когда-то был выше какого-то родича его соперника? Мы видели, что князь Иван Михайлович Воротынский, высчитывая по наказу неправды короля Сигизмунда, должен был сказать, что король посажал на важные места в московском управлении людей недостойных,

худородных и в числе последних упомянул двоих князей: так, князь нечиновный в глазах князя чиновного был человек худородный». [\[61\]](#)

Если убрать монархические взгляды Сергея Михайловича и царскую цензуру, то вышесказанное можно сформулировать так: Россия ушла от монархий Запада и приняла турецкую (восточную) форму правления.

Глава 19

Эта неизвестная война

У отечественных историков стало традицией считать капитуляцию поляков в Кремле переломным моментом Смутного времени, а то и вообще его концом. Увы, эта точка зрения абсолютно не соответствует действительности. Наоборот, с 1613 г. война разгорелась еще больше. Московскому правительству приходится одновременно воевать с королевским войском на западе, с казачьим войском Ивана Заруцкого на юге и со шведами на севере. Главное же то, что война с польскими частями и казацкими отрядами велась по всей территории Русского государства.

К сожалению, объем работы не позволяет остановиться на шведской войне, и я отсылаю интересующихся читателей к моей книге «Северные войны России» (Минск, Харвест, М., АСТ, 2001).

А вот на Заруцком стоит остановиться. В ночь на 28 июля 1612 г. Иван Заруцкий бежал из стана первого ополчения под Москвой в Коломну, где жила Марина Мнишек с сыном Иваном. Заруцкий забрал их с собой, разграбил Коломну и ушел на Рязанщину.

Заруцкий намеревался захватить Переяславль-Рязанский, но у Шацка наперерез ему двинулся Владимир Ляпунов, сын покойного Прокопия. В конце сентября 1612 г. у села Киструс в шестнадцати верстах от Рязани Ляпунов разбил казаков, которые отступили на юго-восток Рязанской земли и остановились в Сапожке.

Чтобы помешать Заруцкому укрепиться в Мещерском крае, в Шацк из Рязани было направлено триста стрельцов. Кроме того, в Шацке находился мордовский отряд под командованием кадомского князя Кудаша Кильдеярова и часть мещерских дворян. Заруцкий был вынужден вновь отступить. 11 декабря 1612 г. его казаки заняли городок Михайлов, который на несколько недель стал резиденцией «царицы» Марины и «царя» Ивана.

Тем не менее кольцо царских войск (после избрания Михаила на царство силы, подчинявшиеся Москве, буду именовать для простоты царским войском) сжималось вокруг Михайлова. В середине марта 1613 г. Заруцкий с основной частью своего воинства покинул Михайлов и пошел на Епифань. 2 апреля 1613 г. в Михайлове произошел переворот. Местные

жители, натерпевшиеся от казаков, подняли восстание и частично перебили, а частично взяли под стражу казаков из гарнизона Заруцкого.

Замечу, что Москва пыталась решить вопрос с Заруцким не только силовыми, но и дипломатическими методами. В марте 1613 г. Земский собор направил к Заруцкому в Епифань трех казаков «полка Трубецкого» — Василия Медведя, Тимофея Иванова и Богдана Твердикова — «з боярскими и з земскими грамоты». Этим казаков хорошо знал и сам Заруцкий, и его казаки еще по первому ополчению.

Посланцев Земского собора поначалу встретили в Епифани неласково — их дочиста ограбили и заперли под замок. Но позже Заруцкий сменил тактику и позволил посланцам вернуться в Москву, отправив с ними свои грамоты. Правда, награбленное так и не вернули, и в Москве бояре выдали посланцам компенсацию по десять рублей на брата. В грамотах Заруцкий просил, чтобы его царское величество, то есть Михаил, «на милость положил, вину его отдал, а он царскому величеству вину свою принесет и Марину приведет».

На казачьем круге в Епифани многие склонялись перейти на службу к царю Михаилу. Более двухсот дворян и казаков бежали от Заруцкого из Епифани, среди них были сапожковский воевода И. Толстой и атаман М. Мартинов. Оба они впоследствии были прощены царем. Видимо, в тот момент сам Заруцкий не знал, что делать и всерьез рассматривал вариант выдачи Марины московским властям. Толстой и Мартинов показали в Москве, что «Заруцкий-де будто хочет итти в Кизылбаши, а Маринка-де с ним итти не хочет, а зовет его с собою в Литву». Понятно, что уход в Литву означал конец авантюры Заруцкого. В конце концов атаман принимает решение воевать с Москвой до конца. К тому времени в Епифани у Заруцкого имелось две тысячи русских и четыреста черкас, то есть запорожских или малороссийских казаков. Черкасы пришли к Заруцкому в марте 1613 г. из Поморья. Историк А. Л. Станиславский задает вопрос: «... не с действиями ли этого отряда связан «подвиг Ивана Сусанина»?»^[62] Замечу, что слово «подвиг» взято в кавычки не мной, а Станиславским.

10 апреля 1613 г. войско Заруцкого покинуло Епифань и двинулось к городку Дедилову. Там Заруцкому удалось отбить атаку отряда тульского воеводы князя Г. В. Тюфякина. Казаки, ограбив Дедилов, двинулись к малой крепости Крапивне. 13 апреля казакам удалось поджечь деревянный острог Крапивны с четырех концов. Небольшой гарнизон был перебит, казаки убили даже попа городской Пречистенской церкви. Крапивненский воевода Максим Денисович Ивашкин был ранен и взят в плен.

13 апреля 1613 г. из Москвы против Заруцкого была направлена

хорошо вооруженная рать под началом князя Ивана Никитича Одоевского. 20 или 21 апреля воинство Заруцкого вышло из Крапивны и двинулось на юг, где не было правительственных войск. Неделю Заруцкий провел в местечке Черни. Там по приказу атамана был четвертован крапивненский воевода Ивашкин.

В мае 1613 г. Заруцкий дважды пытался штурмовать город Ливны, но оба раза был отбит. В двадцати верстах от Ливн в Чернавске Заруцкий зарыл клад. В 1649 г. там при рытье рва был найден винный котел. Говорили, что это «положенья вора Ивашки Заруцкого, потому как он шел из-под Москвы, и в тех местах и где ныне город и слободы Ивашка Заруцкий с Маринкою стоял... а, чают, вынесли то положенье чернавские пушкари».

От Ливн Заруцкий повернул на северо-восток и в начале июня занял местечко Лебедянь. Оттуда атаман отступил к Воронежу. По пути к нему пристало несколько сотен донских казаков.

29–30 июня 1613 г. в четырех верстах от Воронежа произошло сражение казаков Заруцкого и войска князя Одоевского. Заруцкий понес большие потери, но не был разбит. 1 июля ему даже удалось сжечь Воронеж. Заруцкому пришлось опять бежать на юг.

Замечу, что в Польше внимательно следили за борьбой московских воевод с Заруцким. Весной 1613 г. под Боровском был схвачен запорожский сотник Корнила с грамотами к Заруцкому от литовского гетмана Я. К. Ходкевича. Вскоре в Москву бежал ротмистр Синявский, который также вез к Заруцкому грамоты из Польши. Польские источники утверждают, что грамоты были от Ходкевича, а по русским данным — от самого короля. Текст грамот до нас не дошел, а содержание их известно лишь в переложении царской грамоты, адресованной донским казакам: будто бы король приказывал Заруцкому «делать смуту» в Московском государстве и за это обещал ему в вотчину на выбор Новгород Великий (в то время занятый шведами), Псков с пригородами или Смоленск и «учинить его великим у себя боярином и владетелем».

Между тем Заруцкий продолжал терять сторонников — за Доном у него было уже не более пятисот казаков. От реки Медведицы Заруцкий двинулся к Волге. Там он вступил в союз с ногайским князем Иштериком. Казакам вместе с ногайцами удалось захватить Астрахань. Астраханский воевода князь Иван Хворостин и несколько десятков чиновников и обывателей были казнены по приказу Заруцкого и Марины.

Москва, занятая борьбой с поляками на западе, со шведами на севере и с бандами воровских казаков по всей стране, не могла сразу выделить

достаточных сил для борьбы с Заруцким. Поэтому в начале 1614 г. правительство предприняло ряд дипломатических мер. Так, 15 июня 1614 г. на Дон в поселок Смагин юрт приехал царский посол Иван Опухтин. С ним было послано царское знамя, деньги, сукна, порох и различные припасы. Собрав круг, посол подал атаману царскую грамоту, где говорилось:

«И вам бы с тем знаменем против наших недругов стоять, на них ходить и, прося у Бога милости, над ними промышлять, сколько милосердный Бог помощи подаст. К нам, великому великому государю, по началу и по своему обещанию службу свою и раденье совершали бы, а наше царское слово инако к вам не будет».

Донское войско почти единогласно обещало «служить и прямить» Михаилу так же как и царям, его предшественникам. Одного из сторонников Заруцкого донцы сами повесили, а второго нещадно избili батогами и бросили в середину круга под царское знамя к ногам посла. Опухтин попросил помиловать виноватого, чем вызвал бурное одобрение казаков.

Волжским казакам царь также направлял грамоты, деньги, сукна, вино и «разные запасы». Москва начала переманивать на свою сторону и ногайцев, послав грамоту Иштерику, где говорилось, что Заруцкий выпустил в Астрахани из тюрьмы врага его — мурзу Джан-Арслана.

Заруцкий проигнорировал царскую грамоту?. Волжские же казаки в большинстве своем заявили о своей верности Москве, Лишь ближайшие к Астрахани станицы атамана Верзиги встали на сторону Заруцкого. 560 «охотников за зипунами» отправились к нему в Астрахань. Присоединился к Заруцкому и Терский городок.

В самой Астрахани Заруцкому и Марине было беспокойно. Марина хорошо помнила страшный звон московских колоколов 17 мая 1606 г. и боялась того же в Астрахани. Она даже запретила ранний благовест к заутреням под предлогом, что звон колоколов пугает ее маленького сына.

Пользуясь тем, что Астраханский край фактически был отрезан от остальной России, парочка распускала по городу нелепейшие слухи. Так, Заруцкий объявил, что Московское государство захвачено Литвой. Предполагают, что Заруцкий объявил себя в Астрахани царем Димитрием. Во всяком случае, до нас дошел документ — челобитная какого-то казака на имя царя Димитрия Ивановича, царицы Марины Юрьевны и царевича Ивана Димитриевича.

Заруцкий от имени царя Димитрия, царицы Марины и царевича Ивана вступил в переговоры с персидским шахом Аббасом и пытался склонить его к наступательному союзу против Москвы. Шах поначалу пообещал Заруцкому дать войско и помочь деньгами и продовольствием. Но до прихода персидского войска в Астрахань дело не дошло. В 1617 г. шах Аббас извинился перед московскими послами Тихоновым и Бухаровым за обещание помочь Заруцкому. Шах уверял, что казаки ввели его в заблуждение, утверждая, что при них находился царь московский Иван Димитриевич, а Москва занята литовцами, от которых они хотят ее очищать. А как только шах узнал о воровстве Марины и Заруцкого, то не дал им никакой помощи.

Весной 1614 г. после окончания ледохода Заруцкий с казаками собрался идти на стругах на Самару и Казань, а берегом Волги должна была идти ногайская орда. Однако Заруцкому так и не пришлось стать Стенькой Разиным. В марте 1614 г. воевода Петр Головин уговорил гарнизон Терского городка отложиться от «воров» и поцеловать крест царю Михаилу. Затем воевода Головин составил отряд из семисот ратных людей под началом стрелецкого головы Василия Хохлова и приказал им идти на Астрахань.

По прибытии в Астрахань Хохлов привел к присяге ногайских татар. Кроме того, ногайский князь Иштерек написал князю Одоевскому грамоту, в которой очень наивно представил положение зависимого татарина в смутах Московского государства:

«Его милость царь дал нам грамоту, изволил обязаться защищать нас против всех врагов, а мы его милости царю обязались служить во всю жизнь нашу верою и правдою. Между тем астраханские люди и вся татарская орда начали теснить нас: служи, говорят, сыну законного царя. Весь христианский народ, собравшись, провозгласил государем сына Димитрия царя. Если хочешь быть с нами, так дай подписку, да еще и сына своего дай аманатом. Не хитри, пестрых речей не води с нами, а то мы Джана-Арслана с семиродцами подвинем и сами пойдем воевать тебя. По той причине мы и дали уланов своих аманатами».

Еще до подхода отряда Хохлова в Астрахани началось восстание против Заруцкого. Город оказался во власти восставших, а казаки с Заруцким и Мариной заперлись в кремле. Узнав о подходе Хохлова, в ночь на 12 мая «царское семейство» с верными казаками бежало на стругах

вверх по Волге.

Хохлов со стрельцами на стругах и лодках немедленно бросился в погоню. Он нагнал казаков Заруцкого и наголову их разбил. Среди пленных оказалась и фрейлина Марины полячка Варвара Казановская. Однако самому Заруцкому с Мариной и «воренком» удалось уйти на трех стругах, затерявшись в волжских протоках и островах. Волга ниже Царицына (Сталинграда) помимо основного русла имеет ряд параллельно текущих левых рукавов, самый крупный из которых — Ахтуба. Рукава соединяются с основным руслом многочисленными протоками. В мае при высокой воде Волга в нижнем течении представляет собой архипелаг островов. В этом-то архипелаге и затерялись три струга Заруцкого.

А тем временем воевода князь Одоевский вместо ловли беглецов вступил в переписку с Хохловым. Ведь к приходу московской рати весь Астраханский край был очищен от воров к большому негодованию Одоевского. Он писал Хохлову, чтобы тот не извещал царя об астраханских событиях до его прихода, а если уже послал гонца, то вернул бы его с дороги, «потому что им, воеводам, надобно писать к государю о многих государевых делах». Не приняв никакого участия в освобождении Астрахани, Одоевский требовал от Хохлова, чтобы тот заставил астраханцев устроить ему торжественную встречу: «А нас велеть встретить терским и астраханским людям, по половинам, от Астрахани верст за тридцать или за двадцать».

Заруцкий же рукавами и протоками Волги прошел мимо Астрахани, вышел в море, а затем по реке Яик (Урал) дошел до Медвежьего городка. Валишевский считает, что Заруцкий собирался бежать в Персию, но тогда непонятно, почему он не сделал это сразу, выйдя на стругах в Каспий? В мае море довольно спокойное, а в случае волнения он мог переждать в одной из безлюдных бухт.

В Медвежьем городке Заруцкий с Мариной оказались фактически в плену у местного казачьего атамана Уса. Князь Одоевский в Астрахани узнал о появлении Заруцкого на Яике и 6 июня 1614 г. отправил туда на стругах двух стрелецких голов Пальчикова и Онучина с отрядом стрельцов. Стрелецкий отряд 24 июня осадил Медвежий городок. Атаман Ус с товарищами осознали безнадежность сопротивления, и на следующий день городок сдался. Казаки били челом, целовали крест государю Михаилу Федоровичу и выдали Заруцкого с Мариной, Иваном и чернецом Николаем. В тот же день всю компанию под конвоем отправили в Астрахань.

Любопытно, что уже к началу 1612 г. вокруг Марины собралась теплая компания католических попов и монахов. Причем все ребята были весьма

«компетентными», как на подбор. К примеру, итальянский монах Джованни Фаддеи ранее долго жил в Персии. Это он надоумил Заруцкого предложить персидскому хану начать войну против Московии. Фаддеи вошел в состав посольства «царя Ивана Димитриевича» и отправился к шаху Аббасу. Там он и остался, а затем вернулся в Европу. Любопытно, что Фаддеи позже писал, что московиты жестоко пытали отца де Мелло и Варвару Казановскую, заставляя принять православие, но они остались верны католицизму. Подлинные же отчеты Фаддеи римскому папе до сих пор хранятся в секретных архивах Ватикана.

Не менее интересной фигурой является и чернец Николай. Николай де Мелло родился в Португалии, в Испании он вступил в орден святого Августина. С 1578 г. жил в Мексике, бывшей тогда испанской колонией, через пять лет Николай перебрался в другую испанскую колонию — на Филиппины. Там он обратил в католичество молодого японца, который стал его помощником и сопровождал в дальнейших скитаниях. Николай и его помощник долго скитались по Индии. В Персии они присоединились к английскому посольству, возглавляемому Антонио Ширли. Обратное посольство Ширли возвращалось через Россию, но Николай с напарником почему-то решили остаться в Москве. Вскоре два нелегала-иностранца, один из которых был первым японцем, оказавшимся в России, были схвачены стрельцами. На допрос их отправили не в Разбойный приказ (аналог МВД), а в Посольский приказ (аналог ФСБ). У Николая, назвавшегося «ишпанской земли чернецом», были найдены грамоты персидского шаха к папе римскому и испанскому королю.

На всякий случай «ишпанца» и японца царь Борис велел отправить в места не столь отдаленные. Шесть лет монахи провели в камерах-кельях Соловецкого монастыря. Лжедмитрий I приказал даровать свободу бедным августинцам. Но пока те добирались до Москвы, на престоле оказался Василий Шуйский, придерживавшийся несколько иных взглядов на католических агентов. По царскому указу августинцев заточили в Борисоглебский монастырь близ Ростова. Первое время их строго держали в кельях, а потом стали выпускать на прогулки. Как мы уже знаем, Шуйскому стало не до них, а митрополитом ростовским был Филарет (Федор Никитич Романов), с разрешения которого дружки получили возможность даже покидать пределы монастыря. В то время для русских монахов считалось незачетным ходить по окрестностям и собирать милостыню. Вспомним замечательную пушкинскую сцену в корчме у литовской границы. Вот и стали августинцы собирать милостыню. Кстати, в заточении де Мелло не терял зря времени и научился говорить по-русски

почти без акцента. Но бродить по окрестностям ему, видимо, надоело, а может и мало подавали, и побрел страдалец в Ярославль, прямо во двор, где жил Юрий Мнишек с дочерью. Охрана даже не обратила внимания на бродягу-монаха — десятки таких попрошаек таскались по улицам Ярославля. Но у пана Юрия глаза на лоб полезли, когда монах властной рукой отклонил медяки и попросил пана передать римскому папе сведения величайшей важности.

Между ярославскими сидельцами и узниками Борисоглебского монастыря завязалась оживленная переписка. Де Мелло оказался поразительно хорошо осведомлен о дворцовых интригах в Москве, о боевых действиях царских войск против Ивана Болотникова и о прочих государственных делах. Но лучше всего августинец знал ситуацию в верхах православной церкви, что служит косвенным указанием на источник всей его информации. Однако где-то де Мелло допустил прокол, и московские власти переводят августинцев в Нижний Новгород под строгий надзор.

Где-то в конце 1611 г. де Мелло удаётся бежать из Нижнего. Что стало с японцем, я не знаю, но чернец Николай объявился в Коломне, где был радостно встречен царицей Мариной. С тех пор де Мелло был неразлучен с Мариной и последовал за ней в Медвежий городок.

Что же касается остальных «тихих ребят» в рясах, они незаметно исчезли еще в Астрахани накануне 12 мая 1614 г. Как скромно заметил Валишевский, «прочие монахи, по-видимому, разбежались раньше».

6 июля 1614 г. караван стругов с пленными прибыл в Астрахань. Там Марину и Заруцкого разлучили и срочно отправили вверх по Волге в Казань. При перевозке пленников, говоря газетным штампом, были предприняты беспрецедентные меры безопасности. Их везли на двух отдельных караванах судов. Марину с сыном сопровождало 600 стрельцов, а Заруцкого — 350. При нападении больших сил противника охране было приказано немедленно убить пленных, включая ребенка. Из Казани пленников сухим путем отправили в Москву.

В конце 1614 г. положение царя Михаила было относительно стабильно. Казалось бы, самое время учинить публичный процесс над заводчиками Смуты в России. А главное, рассказать всю правду русскому народу. Ведь начиная с 1603 г. московские правители — Борис Годунов, Лжедмитрий I, Василий Шуйский и «семибоярщина» — безбожно ввали. Царская власть, царское слово были полностью дискредитированы. А ведь Смута еще не кончилась. На западе идет война с ляхами, на севере — со шведами, по всей стране гуляют воровские шайки, не исключено появление новых самозванцев. Разоблачение заводчиков Смуты дало бы огромный

политический козырь молодому царю в борьбе с внешним и внутренним врагом.

А тут у московского правительства такие возможности! Под руками были и Марина Мнишек, и десятки знатных ляхов, которые знали первого самозванца еще с 1603 г., монах Варлаам, с которым Гришка бежал в Литву, родственники Отрепьева, монахи Чудова монастыря и т. д. и т. п. Но как раз розыск заводчиков и мог погубить новую династию. Ведь именно Романовы стояли у истоков Смуты.

Испуганный Михаил срочно прячет концы в воду. Возможно даже буквально — по польским официальным данным? Марина Мнишек была утоплена, по русским официальным данным Марина умерла с горя в монастырской тюрьме, а по неофициальной версии ее удавили двумя подушками.

Заруцкий был посажен на кол, а четырехлетнего «царевича» Ивана отняли у матери в одной рубашонке. Поскольку было холодно, палач нес его на казнь, завернув в собственную шубу. Ивана публично повесили на той самой виселице, где кончил свою жизнь Федька Андронов. По свидетельствам очевидцев ребенок был столь легок, что петля не затянулась, и он погиб лишь через несколько часов от холода.

Тут можно было бы и эффектно закончить, сказав, что династия Романовых началась с казни четырехлетнего царевича и через 305 лет закончилась казнью четырнадцатилетнего царевича в подвале дома Ипатьевых. Увы, на самом деле люди, расстрелянные в подвале, были на 100 % немцы и принадлежали к Голштейн-Готторпской династии.

Увлекательная история действий польских и казацких отрядов в России пока не написана. Мне же с учетом объема книги придется рассказать лишь о наиболее интересных моментах этой войны.

Так, казачьи отряды неоднократно подходили к Москве, разбивали свои станы в Ростокино, у Донского монастыря и т. д. С большим трудом царским воеводам удавалось защитить столицу и отогнать «воров».

Польский отряд Александра Лисовского совершил рейд вокруг Москвы радиусом 200–300 км. Лисовский был смел и хитер. Его отряд состоял из отборных конников, которые сами себя именовали «лисовчиками».

Хитроумные советники предложили инокине Марфе послать ловить «лисовчиков»... Дмитрия Пожарского. С Лисовским русским, безусловно, надо было кончать, но был ли смысл давать такое поручение Пожарскому? Князь был многократно ранен, что не давало ему возможности, подобно Лисовскому, сутки и более непрерывно скакать, меняя лошадей. А как без

этого словить «лисовчиков»? Тут нужен был не стратег, а лихой гусар типа Дениса Давыдова.

Парь Михаил и его окружение были заинтересованы в том, чтобы воевода осрамился и не поймал Лисовского, а в случае удачи тоже невелика заслуга — поймать грабителя.

29 июня 1615 г. Пожарский с отрядом дворян, стрельцов и несколькими иностранными наемниками, всего не более тысячи человек, двинулись из Москвы на ловлю «лисовчиков». Среди наемников был и известный нам шотландский капитан Яков Шав, которого Пожарский отказался принять на службу в 1612 г. Однако теперь Шав служил примерно, чем завоевал доверие воеводы.

Царь Михаил дал наказ (инструкцию) Пожарскому о методах борьбы с «лисовчиками»: «Расспроса про дорогу накрепко, послать наперед себя дворян, велеть им на станах, где им ставиться, места разъездить и рассмотреть, чтоб были крепки, да поставить надолбы; а как надолбы около станов поставят и укрепят совсем накрепко, то воеводам идти на стан с великим береженьем, посылать подъезды и проведывать про литовских людей, что они безвестно не пришли и дурна какова не учинили».

Лисовский на какое-то время засел в городе Карачеве. Узнав о быстром продвижении отряда Пожарского через Белев и Волхов, Лисовский испугался, сжег Карачев и отправился «верхней дорогой» к Орлу. Разведчики донесли об этом воеводе, и тот двинулся наперерез Лисовскому. По пути к Пожарскому присоединился отряд казаков, а в Волхове — две тысячи конных татар.

Рано утром на Орловской дороге «лисовчики» внезапно встретились с головным отрядом Пожарского, которым командовал Иван Пушкин. Отряд Пушкина не выдержал скоротечного встречного боя и отступил. Отошел и другой русский отряд под началом воеводы Степана Исленьева. На поле битвы остался лишь сам Пожарский с шестьюстами ратниками. Пожарский долго отбивал атаки более чем трех тысяч поляков, а потом приказал установить укрепление из сцепленных обозных телег и засел там.

Лисовский не мог и предположить, что у Пожарского так мало людей, поэтому не посмел атаковать его, а раскинул стан неподалеку — в двух верстах. Пожарский не хотел отступать и говорил своим ратникам, уговаривавшим его отойти к Волхову: «Всем нам помереть на этом месте».

К вечеру вернулся воевода Исленьев, а ночью подошли и остальные беглецы. Утром Пожарский, видя вокруг себя большую рать, начал преследование Лисовского. Тот быстро снялся с места и стал под Кромами, но, видя, что погоня не прекращается, он за сутки проделал 150 верст и

подошел к Волхову, где был отбит воеводой Федором Волынским. Затем Лисовский подошел к Белеву, сжег его и направился было к Лихвину, но потерпел здесь неудачу и занял Перемышль, воевода которого оставил город без боя и бежал со своими ратниками на Калугу.

Пожарский остановился в Лихвине. Здесь к нему подошло несколько сотен ратников из Казани. После непродолжительного отдыха князь возобновил преследование Лисовского. Тот по-прежнему отступал. Поляки сожгли Перемышль и прошли на север между Вязьмой и Можайском.

Пожарский после нескольких дней невероятно быстрой (для русского войска того времени) погони тяжело заболел. Он передал командование вторым воеводам, а сам на телеге был отвезен в Калугу.

Без Пожарского войско потеряло боеспособность. Отряд казанцев самовольно ушел в Казань, а воеводы с оставшимися ратниками побоялись продолжать преследование «лисовчиков». И Лисовский свободно прошел под Ржев Володимиров, который с трудом удержал воевода боярин Федор Иванович Шереметев, шедший на помощь Пскову. Отступив от Ржева, Лисовский пытался занять Кашин и Углич, но и там воеводам удалось удержать свои города. После этого Лисовский не нападал уже на города, а пробирался как тень между ними, опустошая все на своем пути: прошел между Ярославлем и Костромой к Суздальскому уезду, потом между Владимиром и Муромом, между Коломной и Переяславлем-Рязанским, между Тулой и Серпуховом до Алексина. Несколько воевод отправились в погоню за Лисовским, но они лишь бесплодно кружили между городами, не находя «лисовчиков». Только в Алексинском уезде князь Куракин один раз сошелся с Лисовским, но тот без существенных потерь ушел. Так Лисовскому удалось уйти в Литву после своего поразительного в военной истории и надолго запомнившего в Московском государстве круга.

Замечу, что молниеносные рейды, требовавшие от Лисовского и его сподвижников чрезвычайных физических усилий, не прошли даром. В октябре 1616 г. в походе Лисовский внезапно упал с коня мертвым. Был ли это обширный инфаркт или инсульт, установить тогда не могли.

И, наконец, перейдем к войне с королевским войском. С ноября 1612 г. до самого Деулинского перемирия боевые действия между царским войском и поляками не прекращались ни на один месяц. Другой вопрос, что интенсивность их была разной. Так, в 1613–1614 гг. происходили в основном бои местного значения.

В ноябре 1614 г. радные паны прислали московским боярам грамоту, в которой упрекали их в измене Владиславу и в жестоком обращении со знатными польскими пленниками. Но, несмотря на все, они, паны, хотят-де

завести мирные переговоры на границе. Бояре поначалу заартачились, что-де им и принять панскую грамоту не пригоже, не только что по ней какие государственные дела делать, потому что в грамоте все написано высокомерно и не по прежнему обычаю, великого государя имени не указано. Но все же, по миролюбию своему, бояре приняли панскую грамоту и ответили на нее.

С боярской грамотой послом в Польшу был направлен некий Желябужский (до нас не дошло его имя). Переговоры Желябужского с панами ничего не дали и вылились в поток взаимных обвинений и оскорблений. Поляки и слышать не хотели ни о каком Михаиле. По их мнению, Миша Романов был всего лишь стольником царя Владислава.

1 июля 1616 г. по царскому указу воеводы князь Михаил Тинбаев и Никита Лихарев с отрядом в полторы тысячи всадников совершили лихой рейд в Литву, разгромив окрестности Сурежа, Велижа и Витебска. В свою очередь, отряд литовцев и казаков действовал у Карачева и Кром. За ними гонялись воеводы князь Иван Хованский и Дмитрий Скуратов, но уничтожить не сумели, и большинство литовцев ушло за рубеж.

В июле 1616 г. паны определили отправить королевича Владислава с войском на Москву. Интересно, что радные паны с одной стороны были уверены в успехе, а с другой — не доверяли королевичу. Поэтому вместе с ним сеймом было послано восемь специальных комиссаров: епископ луцкий Андрей Липский, каштелян бельский Станислав Журавинский, каштелян сохачевский Константин Плихта, канцлер литовский Лев Сапега, староста щремский Петр Опалинский, староста мозырский Балтазар Стравинский, сын люблинского воеводы Яков Собеский (отец Яна Собеского) и Андрей Менцинский.

Обязанностью комиссаров было следить, чтобы Владислав не противодействовал заключению «славного мира» с Москвой. После занятия Москвы комиссары должны были проследить, чтобы царь Владислав не отступал от выработанных сеймом условий. Главными условиями были: 1) соединить Московское государство с Польшей неразрывным союзом; 2) установить между ними свободную торговлю; 3) возвратить Польше и Литве страны, от них отторгнутые, преимущественно княжество Смоленское; а из Северского — города Брянск, Стародуб, Чернигов, Почеп, Новгород-Северский, Путивль, Рыльск и Курск, а также Невель, Себеж и Велиж; 4) отказаться от прав на Ливонию и Эстляндию.

Вторая половина 1616 г. и начало 1617 г. прошли в подготовке к походу. С огромным трудом удалось собрать 11 тысяч человек. Паны собирали деньги буквально по копейке. К примеру, Лев Сапега занял огромные

суммы, а в Литве ввели специальную подать для оплаты наемников.

Между тем в западной и юго-западной частях России продолжали бесчинствовать отряды воровских казаков, из которых настоящие донские и запорожские казаки не составляли и десятой доли. Многие из них обрадовались, узнав о походе Владислава. К королю прибыл атаман Борис Юмин и есаул Афанасий Гаврилов. 22 ноября 1616 г. Владислав принял их. Юмин и Гаврилов заявили, что хотят ему «правдою служить и прямить». Владислав 26 ноября отвечал им, чтоб «совершили, как начали».

В апреле 1617 г. Владислав торжественно двинулся в поход из Варшавы. Архиепископ-примас напутствовал его: «Господь дает царства и державы тем, которые повсюду распространяют святую католическую веру, служителям ее оказывают уважение и благодарно принимают их советы и наставления. Силен Господь Бог посредством вашего королевского высочества подать свет истины находящимся во тьме и сени смертной, извести заблужденных на путь мира и спасения, подобно тому как привел наши народы посредством королей наших Мстислава и Ягайло». Владислав отвечал: «Я иду с тем намерением, чтоб прежде всего иметь в виду славу Господа Бога моего и святую католическую веру, в которой воспитан и утвержден. Славной республике, которая питала меня доселе и теперь отправляет для приобретения славы, расширения границ своих и завоевания северного государства, буду воздавать должную благодарность».

Но уже в пути Владиславу пришлось отправить часть войска на юг к гетману Жолкевскому для отражения наступления турок. Посему королевич вернулся на несколько месяцев в Варшаву и лишь в августе прибыл в Смоленск.

В конце сентября войско Владислава подошло к Дорогобужу, который уже был оставлен отрядом Ходкевича. Узнав о прибытии королевича, дорогобужский воевода И. Г. Ададуров (бывший постельничий Василия Шуйского) открыл ворота ляхам и целовал крест Владиславу как русскому царю.

Владислав приказал не разорять город, а наоборот, он торжественно прикладывался к крестам и образам, которые ему подносило православное духовенство. Русский гарнизон был отпущен по домам. Воевода Ададуров с казаками и частью дворян присоединился к войску королевича.

Известие о взятии Дорогобужа вызвало панику в отстоявшей на 70 верст Вязме. Местные воеводы князь Петр Пронский, Михаил Белосельский и Никита Гагарин бросили город и бежали в Москву, стрельцы и часть горожан последовали за ними. А казаки из гарнизона

Вязьмы отправились разбойничать на Украину.

18 октября 1617 г. Владислав торжественно вступил в Вязьму. Надо ли говорить, что от этих успехов двадцатидвухлетний королевич впал в эйфорию и направил в Москву воеводу Ададунова и жителя Смоленска Зубова с грамотой. В ней говорилось, что «...по пресечении Рюрикова дома люди Московского государства, поразумев, что не от царского корня государю быть трудно, целовали крест ему, Владиславу, и отправили послов к отцу его Сигизмунду для переговоров об этом деле, но главный посол, Филарет митрополит, начал делать не по тому наказу, каков дан был им от вас, прочил и замышлял на Московское государство сына своего Михаила. В то время мы не могли сами приехать в Москву, потому что были в несовершеннолетних летах, а теперь мы, великий государь, пришли в совершенный возраст к скипетродержанию, хотим за помощью Божиею свое государство Московское, от Бога данное нам и от всех вас крестным целованием утвержденное, отыскать и уже в совершенном таком возрасте можем быть самодержцем всея Руси, и беспокойное государство по милости Божией покойным учинить».

Владислав утверждал, что вместе с ним в Москву идут патриарх Игнатий, архиепископ смоленский Сергей и бояре князь Юрий Никитич Трубецкой с товарищами. Но грамота эта не произвела никакого действия в Москве, а Ададунов и Зубов схватили и разослали по городам, воевод же Пронского и Белосельского высекли кнутом и сослали в Сибирь, а имущества их раздали московским дворянам.

Поляки попытались внезапно овладеть Можайском, но получили отпор. Можайские воеводы Федор Бутурлин и Данила Леонтьев заперлись в городе и решили стоять насмерть. А из Москвы на помощь Можайску двинулись воеводы Б. М. Лыков и Г. Л. Валуев. Помимо трех тысяч дворян и боевых холопов, у них было четыреста татар и 1600 казаков. Город Волоколамск был занят русским пятитысячным отрядом во главе с князем Дмитрием Мамстрюковичем Черкасским и Василием Петровичем Лыковым. Поляки сочли за лучшее отойти обратно к Вязьме.

Ситуация в королевской армии под Вязьмой стала обостряться. Наемники и «рыцарство» начали требовать денег. Но у королевича казна оказалась пуста, а тут наступили морозы и голод. Воеводы Лыков и Валуев чуть ли не ежедневно посылали под Вязьму казаков и татар, которые уничтожали поляков, пытавшихся добыть еду в окрестностях города. Любопытно, что значительная часть русских партизан передвигалась на лыжах.

Первыми от Владислава, как положено, побежали казаки. Нравы

казаков хорошо можно проиллюстрировать на примере перехода двух сотен казаков во главе с атаманом Д. И. Конюховым. Отряд Конюхова занимал Федоровский монастырь недалеко от Вязьмы и прикрывал Владислава с запада. В одну прекрасную ночь двое молодых казаков убежали в Можайск, прихватив у атамана двух лошадей, 30 золотых и дорогие ткани: атлас, камку и сукно. Атаман возмутился и написал письмо Лыкову, что, мол, готов вернуться на царскую службу, если Лыков найдет похищенное имущество и отдаст жене Конюхова. А та, в свою очередь, должна лично написать письмо мужу.

Положение у московских воевод тоже было не блестящее, и волей-неволей приходилось пользоваться услугами изменников. Жену атамана Анну нашли в Волоколамске, где она жила у матери и братьев. Ей вернули украденное у мужа имущество, а взамен Анна под диктовку написала грамоту: «...мы-то, жонки, все ведаем его царскую милость, а ты взят неволею, от нужи, и тебе было чево бояться?» Заканчивалась грамота так: «Умилися на наши слезы, не погуби нас во веки, приедь к государю и, что государю годно, то учини».

Конюхов получил грамоту и, оставив монастырь, вместе с отрядом отправился в Можайск. «За службу и за выезд» атаман 27 февраля 1618 г. был награжден в Москве «сороком куниц и сукнами».

Получив известие о «сидении» Владислава в Вязьме, радные паны направили письмо комиссарам с предложением закончить дело миром с русскими. В конце декабря 1617 г. в Москву был направлен королевский секретарь Ян Гридич с предложением устроить перемирие с 20 января по 20 апреля 1618 г., немедленно разменять пленных и начать переговоры. Бояре отказали ему.

5 июня 1618 г. польское войско вышло из Вязьмы. Накануне гетман Ходкевич предложил двинуться на Калугу в менее опустошенные войной края, но комиссары настояли на походе на Москву. Но на пути ляхов был Можайск, где засел с войском воевода Лыков. Взять Можайск приступом поляки не могли за неимением осадных орудий, а оставлять его в тылу было опасно. Тогда поляки атаковали небольшую крепость Борисово Городище, построенную в 1599 г. в качестве летней резиденции царя Бориса. Ходкевич надеялся таким путем выманить Лыкова из Можайска и разбить его «в поле». В Борисовом Городище было всего несколько сотен защитников, но полякам так и не удалось его взять.

В конце июня начались бои за Можайск. Поляки стояли под городом, но полностью блокировать его не могли. Запасы продовольствия в Можайске быстро таяли. Поэтому по приказу из Москвы воеводы Лыков и

Черкасский с основной частью войска покинули его в начале июля, оставив небольшой гарнизон с осадным воеводой Федором Волинским.

Борисово Городище было сожжено русскими, а его гарнизон отступил к Москве.

Владислав с войском вновь начал наступление на Москву. А с юго-запада ему на помощь шел малороссийский гетман Петр Конашевич Сагайдачный. 17 сентября королевич занял город Звенигород, а 20-го стал лагерем в знаменитом Тушине. Сагайдачный подошел тем временем к Донскому монастырю и через два дня соединился с поляками.

В ночь на 1 октября 1618 г. поляки начали штурм Москвы. Кавалер Мальтийского ордена Адам Новодворский сделал пролом в стене Земляного города и дошел до Арбатских ворот. Но из ворот выскочили русские. Тридцать поляков было убито на месте и около ста ранено. Ранен был и сам Новодворский. Уцелевшие поляки бежали. Штурм был отбит и в других местах.

20 октября на реке Пресне недалеко от стен Земляного города начались переговоры русских и польских представителей. Обе стороны вели переговоры, не слезая с лошадей. Теперь поляки и не поминати о воцарении в Москве Владислава, речь шла в основном о городах, уступаемых Польше, и сроках перемирия. И русские, и ляхи не собирались уступать. Последующие съезды 23 и 25 октября также ничего не дали.

Между тем наступили холода. Владислав с войском оставил Тушино и двинулся по Переяславской дороге к Троице-Сергиеву монастырю. Гетман Сагайдачный двинулся на юг. Он сжег посады Серпухова и Калуги, но взять оба города не сумел. Из Калуги Сагайдачный отправился в Киев, где объявил себя гетманом Украины.

Подойдя к Троицкому монастырю, поляки попытались взять его штурмом, но были встречены интенсивным артиллерийским огнем. Владислав приказал отступить на 12 верст от монастыря и разбить лагерь у села Рогачева. Королевич отправил отряды поляков грабить галицкие, костромские, ярославские, пошехонские и белозерские места, но в Белозерском уезде поляки были настигнуты воеводой князем Григорием Тюфякиным и побиты.

В конце ноября в селе Деулине, принадлежавшем Троице-Сергиеву монастырю и находившемся в грех верстах от него, возобновились русско-польские переговоры. Объективно время работало на Москву — вторая зимовка могла стать роковой для польского войска. К тому же пришлось бы зимовать не в городе Вязьме, а почти в чистом поле, и расстояние до польской границы было в два раза большим. Но тут большое влияние на

русских послов оказали субъективные факторы. В дела посольские вмешалось руководство Троицкого монастыря, которого мало интересовала судьба юго-западных русских городов, но зато рьяно требовалось снятие польской блокады с монастыря любой ценой. А главное, Михаилу Романову и его матери во что бы то ни стало хотелось видеть Филарета в Москве.

В итоге 1 декабря 1618 г. в Деулине было подписано перемирие сроком на 14 лет и 6 месяцев, то есть до 3 января 1632 г. По условиям перемирия полякам отдавались уже захваченные ими города Смоленск, Белый, Рославль, Дорогобуж, Серпейск, Трубчевск, Новгород-Северский с округами по обе стороны Десны, а также Чернигов с областью. Мало того, им отдавался и ряд городов, контролируемых русскими войсками, среди которых были Стародуб, Перемышль, Почеп, Невель, Себеж, Красный, Торопец, Велиж с их округами и уездами. Причем крепости отдавались вместе с пушками и «пушечными запасами». Эти территории отдавались врагу вместе с населением. Право уехать в Россию получали дворяне со служилыми людьми, духовенство и купцы. Крестьяне и горожане должны были принудительно оставаться на своих местах.

Царь Михаил отказывался от титула «князя Ливонского, Смоленского и Черниговского» и предоставлял эти титулы королю Польши.

В свою очередь, поляки обещали вернуть захваченных русских послов во главе с Филаретом. Польский король Сигизмунд отказывался от титула «царя Руси» («великого князя Русского»). России возвращалась икона святого Николая Можайского, захваченная поляками и вывезенная ими в 1611 г. в Польшу.

Заключить такой позорный мир в то время, когда у поляков не было ни одного шанса взять Москву и были все шансы потерять армию от голода и холода (вспомним 1812 год!), мог только сумасшедший или преступник. Но Мишенька Романов так давно не видел папочку!

А между тем имелся еще и внешнеполитический фактор, складывавшийся явно не в пользу поляков. Московский посольский приказ не мог не знать о кризисе отношений Речи Посполитой с Турцией и Швецией. В 1618 г. на турецкий престол вступил Осман II. Молодой султан немедленно начал подготовку к походу на Польшу. В 1621 г. большая армия перешла Днестр, но в битве у Хотина польские и запорожские войска под командованием королевича Владислава нанесли им поражение.

В том же 1621 г. шведский флот вошел в устье Западной Двины и высадил двадцатитысячный десант, предводительствуемый королем Густавом II Адольфом. Война со шведами длилась восемь лет. 16 сентября

1629 г. было подписано перемирие, по которому Сигизмунд III наконец-то отказался от шведской короны. Ему пришлось признать Густава II не только королем Швеции, но и правителем Лифляндии, Эльбинга, Мемеля, Пиллау и Браунсберга.

В 1618 г. началась знаменитая Тридцатилетняя война, в которую немедленно вмешался король Сигизмунд III. Риторический вопрос: что произошло бы, если бы Владислав с коронным войском увяз в русских лесах?..

Вместо заключения

В 70-х — 80-х годах XX века диссиденты издевались над советскими правителями: «Чтобы уничтожить тюрьмы, мы построили новые тюрьмы». Сейчас уже демократические власти, чтобы устранить старую большевистскую мифологию, навязывают нам новые мифы.

Увы... поход пана Ходкевича сорвал гениальные стратегические планы Дмитрия Пожарского. Капитуляция поляков в Кремле была лишь эпизодом в русско-польской войне, которая продолжалась еще 7 лет и закончилась позорным для нас Деулинским перемирием. В России был славный воевода — прямой потомок Рюрика, а вместо него выбрали в цари безродного юнца, который ни до того, ни после ничем не проявил себя в ратных делах. В конце концов, можно было найти любого представителя Рюриковичей, который не удосужился целовать крест Владиславу и не имел отца в польском плену. Любой бездельник был бы лучше Михаила. Увы, история не имеет сослагательного наклонения, но очевидно, что в этом случае Россия имела бы сейчас совсем другую границу с Украиной, по крайней мере ту, что была при Иване Грозном.

Возможно, скоро наши писатели и художники, почуяв «социальный заказ», начнут в прозе и на холсте, и даже на телеэкранах изображать сусальные сцены: благостного, но очень умного Михаила; храброго, но простоватого Пожарского; мудрого спасителя отечества Филарета и т. д.

А как же быть с «черным кардиналом» Пафнутием? Да не было его вообще в природе, поскольку он никак не умещается в сказочку о Смутном времени!

Но Смутное время — не сказка, и «хеппи энда» не было. Наоборот, главные зачинщики смуты и «тушинские воры» сумели овладеть российским престолом...

Список использованной литературы

Балязин В. Самодержцы. Любовные истории царского дома. М., ОЛМА-ПРЕСС, 1999.

Буганов В. И. Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв., М., Наука, 1976.

Вайнштейн О. Л. Россия и Тридцатилетняя война, М., ОГИЗ, Госполитиздат, 1947.

Валишевский К. Смутное время. М., СП «Квадрат», 1993.

Веселовский С. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., Наука, 1969.

Видок Фиглярин. Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение / Сост. А. Рейтблат, Новое литературное обозрение, 1998.

Волков В. А. Войны и войска Московского государства. М., Эксмо, Алгоритм, 2004.

Гримберг Ф. Рюриковичи, или Семисотлетие вечных вопросов. М., Московский лицей, 1997.

Дворянские роды Российской империи / Под ред. С. В. Думина. СПб., ИПК «Вести», 1993.

Демидова Н., Морозова Л., Преображенский А. Первые Романовы на российском престоле. М., 1996.

Древнерусская литература / Сост. О. Творогов. М., Просвещение, 1995.

Евдокимов Д. Воевода. М., Армада, 1996.

Жизнеописания, факты и гипотезы, портреты и документы в книгах. Российские судьбы. Кузьма Минин. Дмитрий Пожарский / Издатель К. Кренов. М., Новатор, 1997.

Заичкин И. А., Почкаев И. Н. Русская история. Популярный очерк. М., Мысль, 1992.

Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., Наука, 1988.

Иванов Н. М. История Литовско-Русского государства в именах и датах (Держава Гедиминовичей). СПб., 2003.

История Средних веков / Под ред. С. Д. Сказкина, А. С. Самойло, А. Н. Чистозвонова. М., Госполитиздат, 1954.

История Украинской ССР / Под ред. Ю. Ю. Кондуфора. Киев, Наукова

думка, 1982.

Карамзин Н. М. История государства Российского. М., Мысль, 1988.

Каргалов В. В. На границах Руси стоять крепко! М., Русская панорама, 1998.

Карташов А. В. История русской церкви. Т. 2, Париж, 1959.

Кириков Б. Углич, Л., Художник РСФСР, 1984.

Кобрин В. Б. Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV–XVI вв... М., Рос. гос. гум. ун-тет, 1995.

Коган В. М. История дома Рюриковичей. СПб., Бельведер, 1993.

Коган В. М., Домбровский-Шалагин В. И. Князь Рюрик и его потомки. СПб., Паритет, 2004.

Колычев С. Историография. СПб., 1722.

Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. М., Книга, 1989.

Лаврентьев А. В. Царевич — царь — кесарь. Лжедмитрий I, его государственные печати, наградные знаки и медали. 1604–1606 гг. СПб., Дмитрий Буланин, 2001.

Лавров Д. Святой страстотерпец, благоверный князь угличский царевич Димитрий, московский и всея России чудотворец, Сергиев Посад, Тип. Св. — Тр. Сергиевой Лавры, 1912.

Ле Руд Ладюри Э. История климата с 1000 г., Л., 1971.

Летопись о многих мятежах и разорении Московского государства от внутренних и внешних неприятелей и от прочих тогдашних времен многих случаев по преставлении царя Иоанна Васильевича. М., 1788.

Мархоцкий Н. История московской войны. М., РОССПЭН, 2000.

Масса И. Краткое сказание о Московии. 1601–1610 гг. Брюссель, 1866.

Михайлова И. Б. Служилые люди Северо-Восточной Руси в XIV — первой половине XVI века. СПб., Изд-во Санкт-Петербургского государственного ун-та, 2003.

Назаров В. Генеалогия Кошкиных-Захарьиных-Романовых и предание об основании Георгиевского монастыря. //Историческая генеалогия. Выпуск 1. Екатеринбург, Зеркало, 1993.

Некрасов С. Предки царя Михаила Федоровича Тверь, 1913.

Низовский А. Русские самозванцы. М., Прибой, 2000.

Павлов А. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., Наука, 1992.

Пасхалова Т., Станюкович А. Усыпальница прародителей царского дома Романовых в московском ставропигиальном Новоспасском монастыре. М., Новоспасский монастырь, 1997.

Петров П. Н. История родов русского дворянства. СПб., Книгоиздательство Герман Гоппе, 1886.

Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., Памятники исторической мысли, 1995.

Похлебкин В. В. Внешняя политика Руси, России и СССР в именах, датах, фактах. М., Межд. отн., 1995.

Прокофьев С. Тайна царевича Дмитрия. М., Evidentes, 2001.

Пушкин А. С. Собрание сочинений. Т. V. М., Изд-во Академии наук СССР, 1957.

Пыляев М. Старая Москва. М. Московский рабочий, 1996.

Пятницкий П. Сказание о венчании на царство русских царей и императоров. М., 1896.

Раков Э. Монастырь опальных княгинь. СПб., 1995.

Рогов И. В., Уткин С. А. Ипатьевский монастырь. Исторический очерк. М., Северный паломник, 2003.

Рыжов К. Все монархи мира, М., Вече, 1998.

Савелов Л. М. Бояре Романовы. М., 1914.

Савелов Л. М. Лекции по генеалогии. М., Археографический центр, 1994.

Сборник материалов по истории предков царя Михаила Федоровича. СПб., 1901.

Скрынников Р. Г. Минин и Пожарский. М., Мол. гв., 1981.

Скрынников Р. Г. Борис Годунов. М., Наука, 1978.

Скрынников Р. Г. Великий государь Иоанн Васильевич Грозный. Смоленск, Русич, 1998.

Скрынников Р. Г. История Российская, IX–XVII вв. М., Весь мир, 1997.

Скрынников Р. Г. Лихолетье. М., Московский рабочий, 1988.

Скрынников Р. Г. На страже московских рубежей. М., Московский рабочий, 1986.

Скрынников Р. Г. Самозванцы в России в начале XVI века. Григорий Отрепьев. Новосибирск, Наука, 1990.

Скрынников Р. Г. Святители и власти. Л., Лениздат, 1990.

Скрынников Р. Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века, Л., 1985.

Смирнов И. И. Восстание Болотникова. 1606–1607. М., Госполитиздат, 1951.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., Издательство Соцэкгиз, 1960.

Станиславский А. Л. Гражданская война в России в XVII в... М.,

Мысль, 1990.

Тихомиров М. Российское государство XV–XVII веков. М., Наука, 1973.

Ткаченко В. А. Московские великие и удельные князья и цари. М., Поиск, 1992.

Тушинский вор. Личность, окружение, время. Документы и материалы / Сост. В. И. Кузнецов, И. П. Кулакова. М., Изд-во Моек, ун-та, 2001.

Филатович Б. Судьба Романовых. Б. М., 1912.

Царские прародители. М., 1912.

Широкоград А. Б. Исторические портреты. М., Астрель, АСТ, 2003.

Широкоград А. Б. Путь к трону. М., Астрель, АСТ, 2002.

Широкоград А. Б. Русь и Литва. Рюриковичи против Гедиминовичей. М., Вече, 2004.

Широкоград А. Б. Русь и Орда. М., Вече, 2004.

Шуцкая Г. Новые данные о палатах Романовых в Зарядье. (Итоги реставрации 1984–1992 гг.)// Забелинские научные чтения. Исторический музей — энциклопедия отечественной истории и культуры. М., 1997.

Яровицкий Д. И. История запорожских казаков. Киев, Наукова думка, 1990.

Иллюстрации

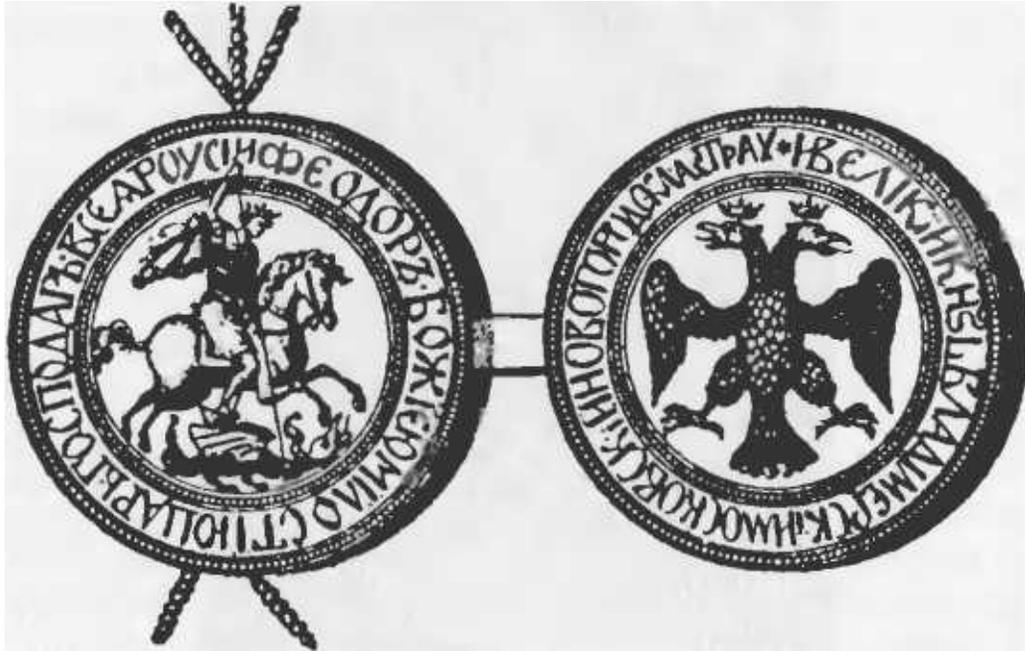
Царевич Дмитрий. Изображение на раке

Палаты царевича Дмитрия. Уglich

Царь Федор Иоаннович

Печать Федора Иоанновича

Борис Годунов

Борис Годунов принимает царский сан

Василий Шуйский

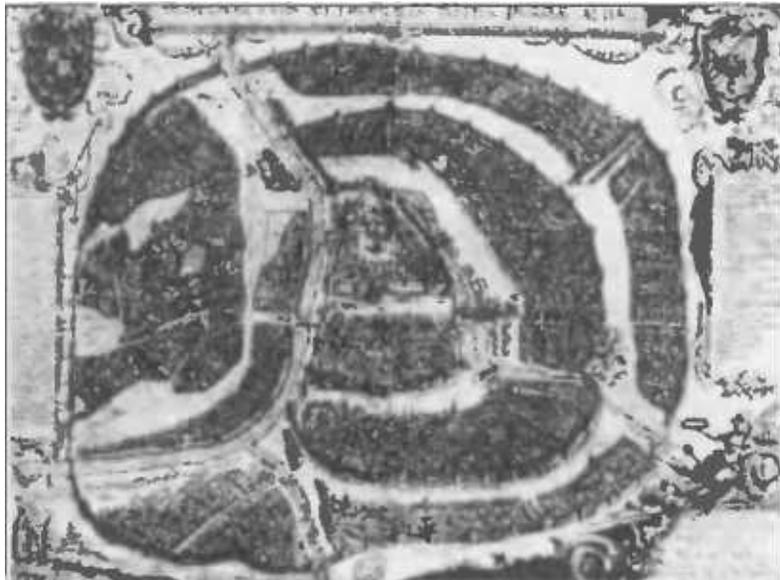
Иван Болотников является с повинной перед Василием Шуйским

Польский король Сигизмунд III

Королевич Владислав

Сигизмундов план Москвы. Гравюра 1610 г.

Деметрий I

Лжедмитрий II

Марина Мнишек

119
Дмитрий Менделѣевъ

Автограф Дмитрия I

Убийство Лжедмитрия I. Литография XIX в.

Князь Дмитрий Трубецкой

Келарь Троице-Сергиева монастыря Авраамий в стане Грубецкого

Михаил Васильевич Скопин-Шуйский (1586–1610)

Князь М. В. Скопин-Шуйский умирает на пиру. Гравюра XIX в.

Князь Дмитрий Михайлович Пожарский

Кузьма Минин

Воззвание Минина к нижегородцам

Выход поляков из Кремля

Патриарх Филарет

Памятник Минину и Пожарскому на Красной площади. 1818 г.

notes

Примечания

1

Лучше всего стольнику соответствует чин бригадного генерала французской армии.

2

10 часов утра по современному времени, а по-тогдашнему — в четвертом часу дня.

Каменный собор постройки 1485 г. Позже был разломан, и рядом был возведен новый собор.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. IV. С. 316–317.

5

Потомок ярославских князей.

Здесь и далее речь идет только о наследниках по мужской линии, поскольку наследования по женской линии на Руси просто не было до петровских времен.

Буссов К. Хроника Московии. 1594–1612 гг.

Летопись о многих мятежах и разорении Московского государства от внутренних и внешних неприятелей и от прочих тогдашних времен многих случаев по преставлении царя Иоанна Васильевича. М., 1788.

Скрынников Р. Г. Борис Годунов. М., Наука, 1978. С. 107.

Новодевичий монастырь тогда был вне черты города.

Чингисид — потомок Чингисхана.

В современных источниках пишется «Захарий», но это неверно.

Скрынников Р. Г. Лихолетье. М., Московский рабочий, 1988. С. 11.

Цит. по: Рогов И. В., Уткин С. А. Ипатьевский монастырь. Исторический очерк. М., Северный паломник, 2003. С. 10.

По некоторым сведениям, она была дочерью Юрия Сабурова.

Чермный — красный, т. е. рыжий или красивый.

Я имею в виду детей, достигших дееспособного возраста. Анастасия Романовна родила еще трех дочерей и одного сына, и Мария Темрюковна — сына, но все они умерли в младенчестве.

Здесь и далее дается наиболее достоверная, по мнению автора, информация. В литературе приводятся и другие сроки начала собора, самый поздний из которых — начало марта 1598 года.

Густав — сын Эрика IV и Екатерины Мансдоттер. В Швеции Густава считали незаконным сыном.

Я пользуюсь термином историка С. М. Соловьева.

Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб. Наука, 1992. С. 67.

Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. 1992. С. 66.

Петров П. Н. История родов русского дворянства. Кн. 1. М., Современник, 1991. С. 172.

Скрынников Р. Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л., 1985. С. 29–30.

Успенский собор служил местом венчания царей, в соборе хоронили московских митрополитов и патриархов.

Детьми боярскими в XV–XVII веках назывались не дети бояр, а определенная категория служилых дворян.

Лавров Д. Святой страстотерпец, благоверный князь угличский царевич Димитрий, московский и всея России чудотворец. Сергиев Посад, 1912. С. 90.

Евдокимов Д. Воевода. М., Армада, 1996. С. 53.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. IV. С. 410.

Валишевский К. Смутное время. С. 111.

В те годы Польша регулярно платила дань крымскому хану, что, впрочем, не спасало ее от татарских набегов. Подробнее см.: А. Широкопад. Русско-турецкие войны. Минск, Харвест, 2000.

Подобие собрания, которое у донских казаков называлось кругом, а у запорожцев — радой.

Скрынников Р. Г. Самозванцы в России в начале XVII века. Григорий Отрепьев. Новосибирск, Наука, 1990. С. 164.

Скрынников Р. Г. Лихолетье. М., Московский рабочий, 1988. С. 343.

Все наши историки считают, что Димитрий всерьез собирался воевать с Османской империей. По мнению же автора, это было блефом, предназначенным для польского короля, римского папы, а также для внутреннего потребления.

Лавров Д. Святой царевич Димитрий. С. 62.

Имеются в виду не столько донские или запорожские казаки, сколько боевые холопы, крестьяне и посадские, ринувшиеся к Лжедмитрию II с целью поживы и именовавшие себя казаками.

Ныне Старая Ладога.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. IV. С. 621.

Александр и Михаил были причислены к лику святых за ратные подвиги, а вот Федор стал святым по недоразумению. В 1232 г. 12-летний Федор был отправлен отцом княжить в Новгород. В возрасте 15 лет он внезапно скончался на собственном бракосочетании. Похоронили его в Юрьевском монастыре под Новгородом. В 1614 г. шведы ограбили монастырь и вскрыли все захоронения, но в одном из гробов они увидели живого человека. На самом деле это были мумифицированные останки. Новгородскому митрополиту Исидору в той сложной обстановке было крайне нужно чудо, и он объявил, что мумия принадлежит Федору Ярославичу. Почитание святого велось до 30-х годов XX века, пока «безбожные коммунисты» не провели исследования нетленных мощей. Выяснилось, что покойнику было не 15 лет, а минимум 35, и он был отравлен мышьяком, который и способствовал мумификации трупа. Таким образом, «святым» оказался великий князь Дмитрий Юрьевич Шемяка, в свое время преданный церковниками анафеме.

Это прозвище забылось после правления его «свирепого внука».

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. IV. С. 469.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. IV. 622–623.

Там же. С. 623.

Польская хоругвь — нечто среднее между батальоном и полком.

Некоторые историки XIX века отождествляли его с селом Троицко-Ильинское Ковровского уезда Владимирской области.

Берсень — крыжовник.

Одного, по крайней мере, достигшего средних лет.

Русская четверть — это примерно четверть ведра, т. е. 3,075 литра.

Евдокимов Д. Воевода. М., Армада, 1996.

У него был родной брат Иван Меньшой.

В сентябре 1624 г. царь Михаил женился на княжне Марии Долгоруковой, но она в том же году умерла. Менее чем через столетие, за несколько дней до женитьбы на Екатерине Долгоруковой, умер Петр I, а в XIX веке, через 9 месяцев после свадьбы с Екатериной Долгоруковой, был убит Александр I.

Граф Якоб Делагарди, сын знаменитого шведского полководца Понтуса Делагарди и Софии Гюльденгельм — побочной дочери шведского короля Иоанна III.

В русских грамотах начала XVII века под «украинными городами» подразумевались русские города, находившиеся на юго-западной окраине Московского государства, как, например, Белгород, и термин «Украина» не имел ничего общего с нынешней Украиной.

С. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. IV, Т. 7–8.
С.671.

Ваташевич К. Смутное время. М., СП «Квадрат», 1993. С. 285.

Пожарский уклончиво пишет об отсутствии Крутицкого митрополита: то ли он умер, то ли Второе ополчение принципиально не признает Пафнутия. Наиболее вероятна вторая версия.

Скрынников Р. Г. На страже московских рубежей. М., Московский рабочий, 1986. С. 296–297.

Скрынников Р. Г. На страже московских рубежей. М., Московский рабочий, 1986. С. 322

Историк А. Л. Станиславский предположил, что это были около 400 запорожских казаков, которые пограбили Русский Север и теперь шли мимо Костромы на юг. (Гражданская война в России в XVII в. М., Мысль, 1990. С. 68).

Соловьев СМ История России с древнейших времен. Кн. V. С. 258.

Станиславский А. Л. Гражданская война в России в XVII в. М., Мысль, 1990. С. 68.